

Министерство образования и науки РФ
Тверской государственный университет

На правах рукописи

Ильина Елена Валерьевна

МОДАЛЬНОСТЬ КАК МЕХАНИЗМ КОНСОЛИДАЦИИ СМЫСЛОВОГО
СТРАТУМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

10.02.19 – теория языка

диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
д. филол. н., профессор Н.Ф. Крюкова

Тверь, 2014

ВВЕДЕНИЕ.....	6
Глава 1. МОДАЛЬНОСТЬ В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ: ВОЗМОЖНОСТИ МОДАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СМЫСЛОВОГО СТРАТУМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	22
1.1. Проблема выбора теоретических оснований исследования модальности.....	22
1.1.1. Модальность и текст. Изучение модальности на материале художественных текстов.....	22
1.1.2. Выбор исследовательской парадигмы: соотношение герменевтического, коммуникативно-прагматического, когнитивного и психолингвистического аспектов в изучении модальности.....	32
1.2. Языковая модальность и конгломерат средств её выражения.....	47
1.3. Модальность как поле языкового сознания.....	52
1.4. Возможности типологического разбиения модальности.....	71
1.4.1. Типологическая характеристика модальности через призму филологической герменевтики: оппозиция понятий «значение» и «смысл».....	82
1.4.2. Типологическая характеристика модальности через призму филологической герменевтики: взаимодействие уровня содержания и уровня смысла в тексте.....	89
1.4.3. Типологическая характеристика модальности через призму филологической герменевтики: модальное устройство сознания как система взаимосвязанных модальных значений.....	94
1.5. Два уровня смысловой организации текста: модальная партитура текста и выход на уровень метасмыслов и идей.....	115
1.6. Типовая организация взаимодействия блоков содержания и смысла в модальной партитуре текста.....	120
1.7. От модальности на уровне предложения к модальности на уровне текста: предикативность, модальность, метафоризация.....	151
Выводы по главе 1.....	166

Глава 2. ГРАДАЦИЯ СТЕПЕНИ КОНСОЛИДАЦИИ СМЫСЛОВОГО СТРАТУМА ТЕКСТА ПРИ ВКЛЮЧЕНИИ КОМПЛЕКСА ОЦЕНОЧНЫХ И ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫХ КОМПОНЕНТОВ В МОДАЛЬНУЮ ПАРТИТУРУ РАСПРЕДМЕЧИВАНИЯ СМЫСЛОВ ТЕКСТА.....	168
2.1. Взаимодействие аффективных и оценочных компонентов при формировании модальной партитуры текста.....	168
2.1.1. Параметры определения доли аффективных компонентов в модальной партитуре текста: эмоциональная составляющая процесса продукции-рецепции текста.....	169
2.1.2. Параметры определения доли аффективных компонентов в модальной партитуре текста: роль эмоций в упорядочивании понятийных оснований оценочности.....	175
2.1.3. Параметры определения доли аффективных компонентов в модальной партитуре текста: эмоционально-волевой оценочный комплекс.....	184
2.1.4. Построение аффективно окрашенной модальной партитуры распредемечивания смыслов текста.....	189
2.2. Взаимодействие разных типов оценки в тексте.....	197
Выводы по главе 2.....	208
Глава 3. СУБСТАНЦИОНАЛЬНАЯ РАМКА ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ МОДАЛЬНОЙ ПАРТИТУРЫ РАПРЕДМЕЧИВАНИЯ СМЫСЛОВ ТЕКСТА: СИСТЕМА ВРЕМЕННЫХ КООРДИНАТ И ДЕЙКТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТА.....	210
3.1. Взаимодействие модальных и аспектуально-временных значений в языке.....	210
3.1.1. Модальный потенциал формы прошедшего времени.....	212
3.1.2. Модальный потенциал формы будущего времени.....	215

3.1.3. Роль категории аспекта при взаимном наложении модальных и временных значений.....	218
3.1.4. Соотношение модальных и аспектуально-временных значений через призму наклонения.....	228
3.2. Возможности модальной организации системы временных координат в тексте.....	230
3.3. Влияние взаимодействия дейктических планов в тексте на модальную структуру смыслового стратума.....	251
Выводы по главе 3.....	267
Глава 4. ВЫХОД НА УРОВЕНЬ МЕТАСМЫСЛОВ И ИДЕЙ В РАМКАХ РАЗВЕРТЫВАНИЯ МОДАЛЬНОЙ ПАРТИТУРЫ ТЕКСТА.....	270
4.1. Обоснование консолидирующей функции модальности в контексте выделения параметров «текстовости». Текст как модально регламентируемое пространство опредмечивания смысла.....	270
4.2. Взаимодействие смыслов внутри кластера. Возможные виды внутрикластерных связей.....	282
4.3. Межкластерные связи в модальной партитуре текста. Переход на второй уровень организации смыслового стратума текста.....	294
Выводы по главе 4.....	312
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	313
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	325
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ.....	354

ВВЕДЕНИЕ

Категория модальности исследовалась не одним поколением лингвистов и филологов. Вопрос об ограничении сферы функционирования данного феномена, как в языке, так и в речи, или, наоборот, о придании модальности статуса всеобъемлющего механизма, влияющего на процесс развития системы языка, всегда вызывал интерес у ученых. В рамках традиционных направлений лингвистической мысли оба указанных подхода к трактовке модальности получили разностороннее освещение. Однако, с нашей точки зрения, изучение формально-грамматических, функционально-семантических, когнитивных, психологических и т.д. оснований модальности в языке и речи не смогло в полной мере объяснить сущность статуса модальности среди других языковых явлений.

Модальность участвует в построении не только отдельных предикаций, но и целых текстов, управляя механизмами оязыковления деятельности смыслопроизводства, т.е. участвует в реализации специфически человеческого способа бытия – бытия в мире смыслов. Многие исследователи в качестве основной движущей силы развития языка выделяют именно цель обретения и передачи смысла (см. об этом: [Карасик 2010: 4]). Система языка должна строиться и функционировать в соответствии с указанной максимой человеческой жизнедеятельности. Следовательно, продуктивным в аспекте выяснения мотивирующей сути и статусных параметров языковой модальности является использование научной парадигмы филологической герменевтики, которая в центр внимания ставит исследование смыслов посредством анализа способа организации и взаимодействия средств текстопостроения, непосредственно смыслы опредмечивающих [Пучкова (Ильина) 2009: 4–7].

Необходимо заметить, что ориентация на рассмотрение широких системных связей языковых явлений, выявление универсалий, всеобщих мыслительно-языковых механизмов, обеспечивающих создание, трансляцию, и понимание речевых сообщений, более плодотворна, чем акцентуация част-

ных аспектов отношений между языковыми единицами. Модальность, несомненно, относится к числу таких универсальных механизмов и может рассматриваться с точки зрения доли её участия в выполнении этой всеобщей для всего блока мыслительно-языковых механизмов задачи.

Термин «мыслительно-языковой» снова отсылает к описанной в огромном количестве работ связи языка и мышления и к вопросу об их статусе по отношению друг к другу [Выготский 1956; Звегинцев 1962; Панфилов 1971; Соссюр 1933; Уорф 1960; Хомский 1972; Sapir 1921 и др.]. Наряду с понятием мышления, одновременно противопоставленным языку и неразрывно с ним связанным, не менее широкое распространение получил термин «сознание». Согласно В.П. Литвинову это понятие, веками формировавшееся, в своей словарной трактовке призвано соединить все идеальное и одновременно субъектно-ориентированное [Литвинов 2006: 121]. Иными словами, мир идей, существующий над материальным миром и возникший в результате схожей деятельности множества людей, активизируется и преобразуется в дальнейшем в бытии каждого отдельного субъекта. В.П. Литвинов указывает, что «чистое» сознание без языка невозможно, есть только *языковое сознание*. И в этой связке язык-сознание невозможно выделить ведущий элемент [там же: 124]. Использование термина «языковое сознание» вместо «мышление» несет в себе одно существенное преимущество в плане выполнения исследования в рамках научной парадигмы филологической герменевтики. Мышление отделено от конкретного человека (т.е. является категорией человеческого бытия вообще), сознание же, напротив, всегда связано с отдельной личностью, так как в этом случае анализируются мыслительные стратегии и система представлений о мире конкретного субъекта или группы людей. Вместе с тем, за мышлением закрепляется перевыражение деятельности смысловой интерпретации и синтеза на материале языковых знаков, а сознанию все это принадлежит одновременно со всем остальным «немыслимым», существующим как данность, составляющим его содержание. Таким образом, субъектно-ориентированное сознание выступает как инструмент

мышления и одновременно как его вместилище. При этом категория сознания, точнее его содержания, оказывается особенно полезной в герменевтическом определении функции субъекта в деятельности смыслопроизводства. Взаимодействующими в процессе реальной коммуникации оказываются не люди, а содержания их сознаний (вообще всегда и в данной ситуации мышления). Однако оба рассмотренных термина оставляют в тени наиболее значимое свойство собственно человеческого способа мыслить, а именно, его рефлексивную природу. Рефлексия в осмыслении Тверской герменевтической школы организует сознание и процессы в нем происходящие, консолидируя и обеспечивая эффективное функционирование *рефлексивной реальности* познающего субъекта, как того отстойника опыта, который обеспечивает проникновение одного в мир смыслов другого, качественное преобразование этих смыслов и изменение конструкции собственной души. Рефлексию можно определить как вектор интерпретации, направленный вовне и задаваемый содержанием сознания и одновременно направленный на изменение пространства внутреннего мира субъекта, той рефлексивизирующей и рефлексивируемой реальности, в которой человек существует [Богин 2001: 15]. В настоящей работе широко используются два последних из рассмотренных терминов – сознание (языковое сознание, содержание сознания) и рефлексивная реальность, поскольку указанные понятия выделяют две наиболее важные грани человеческой мыслительной деятельности: всеобщность + индивидуальность (интерсубъективность) и рефлексивность.

Важно подчеркнуть также связанность индивидуального и всеобщего. Содержание сознания каждого конкретного индивида определяется неким банком общекультурного опыта (и иного опыта, например, опыта данной социальной группы или географической местности), перевыраженного и категоризированного в языке [там же: 33]. Модальность в этой связи можно рассматривать как начальный и основной механизм, обеспечивающий соединение и одновременное преобразование всеобщего и индивидуального. Ведь выражение *отношения*, составляющего по мнению большинства исследова-

телей этой проблемы основное содержание данной категории, описывает именно переход от состояния пассивного созерцателя в позицию субъекта, который активно преобразует себя и мир вокруг. Причем такая деятельность будет всегда связана с первичным и вторичным (или другим) синтезом смыслов, в каждом из которых или в их определенным образом организованном блоке будет сочетаться опыт веками накопленный и опыт индивидуальный.

Модальность как универсальный языковой механизм в этой связи целесообразно рассматривать, прежде всего, в аспекте выяснения её роли в организации процесса формирования и постоянного видоизменения рефлексивной реальности (содержания сознания) субъекта. Акцент на раскрытии именно этой грани сущности модальности позволит по-новому взглянуть на весь спектр разнородных средств, использование которых в языке закреплено за модальностью. Таким образом, в центре внимания оказывается участие модальности в процессах смыслопроизводства и смыслораспредмечивания.

Таким образом, *актуальность* настоящего исследования определяется тем, что в центре внимания в работе находится детерминированность свойств и понятийных оснований языковой модальности участием модальности в процессах смыслоопредмечивания и смыслораспредмечивания в тексте (на примере текста художественного). Такой подход к изучению модальности обеспечивает установление иерархических связей модальности с другими универсальными языковыми категориями и процессами – предикативностью, метафоризацией, оценкой, временем (в составе глобальной категории дейксиса), областью представленности аффективных реакций в языке.

Сферой исследовательских интересов в диссертации является функционирование модальности в художественном тексте. Представляется, что художественный текст наиболее полно отражает работу человеческого сознания по созданию с помощью средств языка индивидуального модализированного видения мира, в котором действительность подвергается преобразованию в той или иной степени. В работе художественный текст рассматривается как модально регламентируемое пространство бытия смыслов, в кото-

ром смысловая система «живет», т.е. может быть распределена реципиентом так, что в отношении смыслов-модализаций и основных подчиненных им смыслов получившаяся смысловая конфигурация будет воспроизводить основные блоки исходной смысловой системы. Такое смысловое сходство возможно благодаря действию модальной партитуры распределения смыслов текста.

Модальная организация смыслового стратума художественного текста предполагает действие рефлексии на двух уровнях. На первом уровне смысловой организации текста объединяемыми являются отдельные *кластеры* такой партитуры. Кластер модальной партитуры (от англ. cluster – «скопление») представляет собой объединение нескольких единичных смыслов, один из которых – смысл-модализация – выполняет функцию модификатора-объединителя, который направляет и обуславливает ход распределения подчиненных ему смыслов в процессе понимания.

Модальная партитура распределения смыслов текста представляет собой:

во-первых, регулирующий механизм, определяющий ту или иную стратегию взаимодействия уровней содержания и смысла;

во-вторых, систему модальных ориентиров – определенных в тексте смыслов-модализаций, выполняющих служебную функцию – направляющих распределение подчиненных им смыслов в каждом кластере такой партитуры (в процессе рефлексивного действия с текстом каждый подчиненный смысл блока-кластера активизируется, модально окрашивается под воздействием смысла-модализации).

Термин «*стратум*» в настоящей работе является калькой от англ. «stratum». В отличие от рус. «страта» – уровень, слой, группа – в фокусе оказывается не только уровневая организация смыслового плана в тексте, но его обязательная целостность, создаваемая благодаря консолидирующей силе модальной партитуры распределения смыслов текста. Смысловой стратум

текста рассматривается как гиперструктура, которая предопределяет конструктивные свойства как содержания, так и формы.

Разработанная в исследовании методика анализа художественного текста предполагает описание связей, устанавливающихся на уровне содержания и на уровне смысла. Содержание есть субстанция – «что», т.е. отвердевшая в языковой материи текста цепь предикаций, наполненных языковыми единицами с соответствующими им в данном контексте значениями. Смысл и форма (содержательная форма и средства текстопостроения в художественном тексте) – модусные «как», т.е. то, как у автора это «что» получилось. Содержание предстает как результат выбора формы для опредмечивания смысла. Модальные смыслы, или смыслы-модализации выделяются среди всех других смыслов. Они выполняют служебную функцию, организуя и упорядочивая опредмечивание остальных смыслов. *Модальный* статус таких смыслов обеспечивается тем, что они опредмечиваются как способы изменения реальности в тексте. Направление данного изменения определяется автором через смыслы-модализации как ориентиры. Опираясь на такие ориентиры, читатель способен понять замысел автора, а текст при каждом новом прочтении останется одним и тем же текстом в плане выделения ключевых смыслов, которые всегда будут поняты практически любым реципиентом.

В предлагаемой нами концепции преломление свойств языковой модальности в тексте связывается с предположением о том, что распределение всех компонентов смыслового уровня в тексте направляется и детерминруется группой узловых модальных смыслов. В результате рефлексии над текстом такие смыслы категоризируются и превращаются в языковые модальные значения. Повторение такой категоризации в каждом конкретном случае дополняется восстановлением установившихся в языке отношений между модальными значениями. Система оппозитивных пар модальных значений – необходимости/возможности, веры/знания, долженствования/волеизъявления, способности/умения – является содержательной основой понятийного поля языковой модальности.

Научная новизна настоящего исследования состоит: (1) в описании понятийной основы языковой и текстовой модальности с герменевтических теоретических позиций; (2) в обосновании ведущей роли модальности в координации процесса распределения смыслов художественного текста; (3) в разработке модели функционирования модальности в художественном тексте, согласно которой модальность выступает как механизм консолидации смыслового стратума такого текста; (4) в описании взаимодействия модального механизма консолидации смыслового стратума текста с другими универсальными мыслительно-языковыми категориями и процессами, участвующими в процессе опредмечивания смыслов в художественном тексте, – предикативностью, метафоризацией, оценкой, временем (в составе глобальной категории дейксиса), областью представленности аффективных реакций в языке; (5) в разработке методики анализа модальной структуры художественного текста при учете взаимодействия уровней содержания и смысла под воздействием модального механизма консолидации смыслового стратума текста.

В ходе описания структуры смыслового стратума текста нам придется прибегать к обозначению смыслов с помощью знаков языка. Иного способа, к сожалению, нет ни в филологической герменевтике, где используется их дескриптивная презентация [Галеева 1999: 88]), ни в семиотике ([Courtes 1993: 34]; цит. по: [Колмогорова 2007: 51]). При этом создается некий мета-язык, который может показаться не совсем убедительным. Например, используются, в основном абстрактные и производные существительные, образованные от прилагательных и других существительных. В работе Н.Л. Галевой, например, дается перечень некоторых наиболее подробно изученных метасмыслов (метасмысл как результат растягивания и наращивания единичных смыслов). Это такие общие для многих культур и описанные в специальных работах смыслы как «скука», «раскаяние», «одобрение», «изумление», «сожаление», «свобода», «карнавализация» (по М.М. Бахтину), «смысл-абсурд» (по О.И. Генисаресткому), «футлярность» (по З.С. Паперно-

му), «инфантилизм» (по Б. Човичу) [Галеева 1999: 86]. В настоящей работе мы будем использовать указанный способ языковой записи смыслов наряду с еще одной возможностью – созданием дискрипции модального смысла в виде атрибутивной фразы из двух существительных, одно из которых в родительном падеже, или в виде атрибутивной фразы, где качестве определения существительного используется инфинитивная группа. Например, «необходимость выбора», «свобода воли», «долг постоять за свою честь», «желание счастья» и т.п. Использование таких конструкций, на начальном этапе в полной мере неосмысленное, интуитивное, в ретроспективном аспекте (рефлексии над собственной исследовательской деятельностью) представляется неслучайной. По нашему мнению, модальные смыслы отделяются от всех других смыслов. Они относятся к группе наиболее легко опознаваемых, что обуславливает их обязательный переход в конце освоения общего смысла текста или его дроби в языковые модальные значения (необходимости, возможности, долженствования и т.д.). Последнее обеспечивает переход от синтагматики текста к парадигматике языка. Еще Г.П. Щедровицкий писал, что сам по себе текст как синтагматическая цепочка единиц не может задавать понимание. Последнее возможно только в случае, если каждая из этих единиц соотносится с соответствующей парадигмой. Таким образом, невозможно понять текст, опираясь лишь на синтагматику [Щедровицкий 2005: 51]. Быстрый переход от модальных смыслов к системе закрепленных языковым сознанием модальных значений создает условия такого перехода и для остальных смыслов, опредмеченных в синтагматической цепи определенным образом взаимодействующих текстообразующих средств.

Объектом исследования выступает модальная партитурная организация смысловой структуры художественного текста.

В качестве *предмета* исследования выделяется преломление свойств модальности как языковой универсалии в художественном тексте, где модальность выступает как механизм организации деятельности смыслоопред-

мечивания при продукции текста и дальнейшего смыслораспредмечивания при его рецепции.

Цель настоящего диссертационного исследования состоит в описании содержательного наполнения и отношений между компонентами содержания поля языковой модальности. Основанием указанного описания является преломление свойств и категоризация смысловой основы модальности как механизма консолидации смыслового стратума художественного текста. Внутренняя смысловая структура текста включает необходимые ориентиры для последующего его понимания, а также автономного существования текста как единицы с собственной системой смысловых координат. Стабильность этой системы обеспечивается формированием модальной партитуры для дальнейшего распредмечивания смыслов читателем.

В основу работы положена следующая *гипотеза*: направление и упорядочивание рефлексивного процесса с помощью модальной партитуры распредмечивания смыслов текста обеспечивает консолидацию всего смыслового стратума текста, а также восстановление динамики отношений между понятийными блоками поля языковой модальности. Под консолидацией смысла в тексте мы понимаем растягивание смысловых линий, их наращивание и конфигурирование для перехода к единому «смыслу текста».

Достижение поставленной цели и проверка выдвигаемой гипотезы реализовывались в ходе выполнения следующих *задач*.

1. Обосновать обусловленность процесса формирования и развития языковой модальности функционированием модальности как смыслового механизма на уровне текста.
2. Рассмотреть модальность как поле языкового сознания (термин «языковое сознание» используется в герменевтической интерпретации В.П. Литвинова). Описать его состав и динамику.
3. Разграничить термины «модальное значение» и «модальный смысл».
4. Описать процесс координации деятельности рефлексии согласно модальной партитуре распредмечивания смыслов текста.

5. Рассмотреть основные типологические вариации модальных партитур в плане установления способа взаимодействия уровней содержания и смысла, а также в отношении выделения возможных разновидностей отношений смыслов внутри кластеров модальной партитуры.

6. Определить статус модальности в ее отношении к предикативности и метафоризации.

7. Описать возможности взаимодействия модальности и оценки, а также, модальности, оценки и области представленности аффективных реакций в языке и тексте.

8. Рассмотреть взаимодействие полей модальности и времени в языке, а также модальности и времени в его подчиненности дейктической организации плана содержания текста.

9. Выделить характеристики текста как модально регламентируемого пространства бытия смыслов.

Теоретическая значимость диссертации заключается: (1) в разработке модели функционирования модальности в художественном тексте; (2) в создании концепции консолидации смыслового стратума художественного текста под воздействием модальной партитуры распределенности его смыслов; (3) в описании содержания и структуры понятийного поля модальности в виде модального устройства языкового сознания – упорядоченной системы определенным образом взаимодействующих оппозитивных пар модальных значений; (4) в установлении генетической связи между языковой модальностью и модальностью в тексте на основании нисходящей категоризации узловых смыслов-модализаций модальной партитуры и их перехода в модальные значения, а также восстановления динамики модального устройства сознания; (5) в разработке инновационной модально ориентированной методики анализа художественного текста; (6) во введении в исследовательский инструментарий ряда понятий – *смысл-модализация, модальная партитура распределенности смыслов, кластер модальной партитуры*; (7) в уточнении понятийного противопоставления «*модальный смысл – модальное значение*» приме-

нительно к художественному тексту как пространству существования, взаимодействия и развития данной оппозиции; (8) в обосновании координирующего статуса модальности среди других универсальных мыслительно-языковых явлений – понятийных полей времени и дейксиса, оценочности, области представленности аффективных реакций в языке.

Практическая ценность работы состоит в том, что результаты исследования (описание стратегий взаимодействия содержания и смысла, состав и динамика универсального модального устройства сознания, виды внутрикластерных отношений между узловым смыслом-модализацией и подчиненными смыслами, а также процессы трансформации связей первого уровня смыслового стратума текста при переходе к более высокому уровню структурной организации с целью достижения смысловой целостности текста) могут использоваться для анализа художественных текстов в различных практических целях (в ходе процедуры редактирования, для создания литературно-критической оценки значимости и ценности данного текста, при проведении переводческого анализа оригинала и пр.). Полученные данные о модальном устройстве смыслового стратума текста могут служить основой для разработки рекомендаций по оптимизации процесса порождения текстов, ориентированных на опредмечивание смысла, не только в рамках художественного творчества, но и в различных сферах коммуникации. Теоретические положения и выводы диссертации могут использоваться в лекционных курсах по теоретической грамматике, языкознанию, сравнительной типологии, стилистике. Методика анализа модальной организации смыслового стратума художественного текста может послужить основой для разработки практически ориентированных методик преподавания литературы и языка в школе и вузе. Материалы диссертации могут найти применение при разработке спецкурсов, спецсеминаров в рамках программы подготовки и переподготовки переводчиков, редакторов.

Материалом исследования послужили данные анализа художественных текстов. Анализ производился с помощью разработанной нами методи-

ки, предполагающей описание организации и взаимодействия средств текстопостроения в следующих аспектах:

1. в аспекте определения стратегии взаимодействия уровней содержания и смысла в тексте;
2. в аспекте выявления способа опредмечивания смыслов-модализаций и основных подчиненных им смыслов в каждом кластере модальной партитуры (посредством рассмотрения комплексов средств текстопостроения);
3. в аспекте описания внутрикластерной организации модальной партитуры – влияния смысла-модализации на опредмечивание и взаимодействие подчиненных ему смыслов;
4. в аспекте определения направления нисходящей категоризации и перехода смыслов-модализаций в модальные значения с восстановлением связей универсального модального устройства языкового сознания;
5. в аспекте описания организации межкластерного смысловдвижения и смыслоразвития – процессов растягивания, наращивания и конфигурирования смыслов.

Теоретической основой исследования являются труды по филологической герменевтике (Богин 1982 (2009), 2000, 2001; Богатырев 1996, 1998, 2001; Галеева 1999; Крюкова 2001; Литвинов 2006; Оборина 1993; Пихновский 2004; Соловьева 2010), классические работы по теории языка (Панфилов 1971, 1982; Соссюр 1933; Стеблин-Каменский 1956; Уорф 1960; Хомский 1972; Щерба 1974; Halliday 1976; Sapir 1921, 1939 и др.), теории и философии грамматики (Есперсен 1958; Звегинцев 1962, 1973; Почепцов 1981; Потеня 1958; Смирницкий 1959; Степанов Ю.С. 1981; Химик 1986; Юрченко 2000), классические и современные работы по языковой и текстовой модальности (Балли 1955; Бондарко 1979, 1983, 2001; Валгина 2003; Виноградов 1975; Дешериева 1987; Зорина 2005; Ицкович 1958; Немец 1989; Романова 2006, 2008; Coates 1983; Palmer 1979; Perkins 1983 и др.), синтаксической и общей семантике (Валимова 1967; Золотова 1973; Иванова В.И. 2001; Падучева

1974; Слюсарева 1986; Солганик 1981, 2000; Солнцев 1974; Сусов 1974), лингвистике текста (Бочкова 2007; Гальперин 1974, 1981; Степанов Г.В. 1974; Тураева 1994 и др.).

Задачи, поставленные в рамках диссертационной работы, определили применение соответствующих *методов исследования*:

✓ в ходе построения модели функционирования модальности в тексте и выявления понятийных оснований и закономерностей преломления выделенных свойств модальности в языке – метода моделирования, теоретико-индуктивного метода, общенаучных методик сопоставления, анализа и синтеза;

✓ в процессе проведения теоретического анализа «текстообусловленных» свойств языковой модальности в её соотношении с другими глобальными мыслительно-языковыми категориями (предикативностью, метафорой, оценкой, временем) – метода описания, гипотетико-индуктивного метода, метода аналогии, метода обобщения;

✓ в ходе практического анализа текстового материала – разработанной методики анализа модальной структуры художественного текста, методики «герменевтического круга», приемов лингвистического, стилистического, поэтического, контекстного и интроспективного анализа текста, модели системомыследеятельности Г.П. Щедровицкого.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Модальность выступает как механизм консолидации всего смыслового стратума художественного текста. Консолидация смыслового стратума текста достигается посредством конструирования модальной партитуры, направляющей и регулирующей ход распределения смыслов при рецепции текста, а также меру взаимодействия уровней содержания и смысла.

2. Модальную партитуру распределения смыслов текста составляют *кластеры*, состоящие из объединений узловых *смыслов-модализаций* (находящихся в центре каждого кластера) и подчиненных им пассивно модальных смыслов. Распределение всех компонентов смыслового стратума текста

на *первом уровне консолидации* направляется и детерминируется группой таких узловых модальных смыслов, организующих деятельность рефлексии в каждом кластере модальной партитуры.

3. Упорядочивание и управление рефлексией над текстом с помощью модальной партитуры обеспечивает сходство всех возможных интерпретаций, т.е. в отношении смыслов-модализаций и основных подчиненных им смыслов получившаяся смысловая конфигурация будет воспроизводить основные блоки исходной смысловой системы.

4. Модальная организация смыслового стратума текста определяет тип отношения между уровнями содержания и смысла, которые взаимодействуют между собой в соответствии с одной из следующих стратегий: *противоположности, противоречия, пресуппозиции и корреляции*. Тип модальной партитуры далее модифицируется под влиянием одного из следующих типов отношений, устанавливающихся между смыслом-модализацией и подчиненными смыслами в каждом кластере модальной партитуры: *выделение, стягивание, взаимное пересечение, расширение и взаимная каузация*.

5. В зависимости от типа отношений между блоками содержания и смысла узловые смыслы-модализации в результате процесса дальнейшей категоризации застывают в модальных значениях определенной группы (*необходимости/возможности, способности/умения, волеизъявления/долженствования, веры/знания*). Эти оппозитивные пары значений и отношения между ними составляют *универсальное модальное устройство языкового сознания*. При переходе модальных смыслов в модальные значения в результате нисходящей категоризации восстанавливаются связи универсального модального устройства сознания.

6. Оценка как модальный оператор, с одной стороны, является средством восстановления динамики модального устройства сознания, с другой стороны, обеспечивает совместно с языковыми средствами выражения аффективных состояний (эмоций) интенсификацию процесса консолидации смыслового стратума текста.

7. Создаваемая в тексте система временных координат и его целостная дейктическая организация выступают как составляющие субстанциональной рамки (основы плана содержания) для построения модальной партитуры распределения смыслов текста.

8. Установление межкластерных связей в модальной партитуре распределения смыслов текста обеспечивает переход на *второй уровень консолидации* смыслового стратума текста – уровень метасмыслов и идей как смысловых интервалов (равноправных противопоставленных друг другу смысловых линий).

Апробация результатов исследования. Теоретические положения и выводы диссертации освещались автором в докладах и сообщениях на международных, всероссийских и региональных конференциях: региональной научно-практической конференции «Потенциал русского слова в межъязыковом пространстве» (Калуга, 29–31 января 2007 г.), VIII российской научно-практической конференции «Мировая культура и язык: взгляд молодых исследователей» (Томск, 14–15 ноября 2008 г.), V международной научно-практической конференции «Общество – язык – культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке» (Москва, 2 декабря 2010 г.), VII международной научно-практической конференции «Современные вопросы науки – XXI век» (Тамбов, 29 марта 2011 г.), международной интернет-конференции «Понимания и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании» (1–15 октября 2011 г.), IV международной заочной научно-практической конференции «Филология и лингвистика: современные тренды и перспективы исследования» (Краснодар, 15 марта 2012 г.), международной заочной научно-практической конференции «Современные вопросы науки и образования – XXI век» (Тамбов, 29 февраля 2012 г.), международной научно-практической конференции «Стратегии исследования языковых единиц» (Тверь, 28 апреля 2012 г.), всероссийской научно-практической конференции «Проблемы межнациональных отношений: состояние и перспективы» (Тверь, октябрь 2012 г.), VII международной научно-практической конференции

«Тенденции и перспективы развития современного научного знания» (Москва, 29 июня 2013 г.), международной заочной научно-практической конференции «Современное общество, образование и наука» (Тамбов, 31 июля 2013 г.), XII международной научно-практической конференции «Филология и лингвистика: современные тренды и перспективы исследования» (Краснодар, 12 августа 2013 г.), III международной конференции «Applied Sciences in Europe: tendencies of contemporary development» (Германия, Штутгарт, 2–3 сентября 2013 г.), XII международной научно-практической конференции «Современная филология: теория и практика» (Москва, сентябрь 2013 г.), IX международной научно-практической конференции «Wschodnie partnerstwo – 2013» (Польша, Пшемысль, 7–15 сентября 2013 г.).

Работа состоит из четырех глав, введения, заключения, списка использованной литературы и источников.

Во введении обосновывается актуальность избранной темы, практическая и теоретическая значимость работы, определяются методы анализа и формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе устанавливаются теоретические основания исследования роли модальности в координировании процесса смыслопроизводства в художественном тексте, проводится разграничение понятий модальное значение и модальный смысл, определяется состав и динамика отношений между блоками модальных значений в универсальном модальном устройстве языкового сознания, описываются основные стратегии взаимодействия между блоками содержания и смысла в тексте, рассматривается соотношение модальности на уровне предложения и модальности на уровне текста через призму понятий предикативности и метафоризации.

Во второй главе определяется статус оценочного оператора как компонента модального устройства сознания и как средства введения аффективных компонентов в модальную партитуру распределения смыслов текста. При этом обосновывается зависимость градации степени консолидации смыслового стратума от меры включенности оценочных и эмоционально-оценочных

компонентов в текст на уровнях содержания и смысла.

В третьей главе описываются особенности создания субстанциональной рамки для построения модальной партитуры распределения смыслов текста в виде конструирования системы временных координат и определения роли других показателей (персональная и пространственная составляющие) в «игре» дейктических планов как структурного основания уровня содержания. Также проводится анализ взаимодействия модальных и аспектуально-временных значений в языке и тексте.

В четвертой главе обосновывается консолидирующая функция модальности в контексте выделения параметров «текстовости», анализируются типы отношений, возникающих внутри кластеров модальной партитуры, а также описывается процесс перехода с более низкого на более высокий уровень организации смыслового стратума текста – уровень метасмыслов и идей.

В заключении излагаются основные результаты работы и намечаются перспективы дальнейших научных изысканий в исследуемой области.

Глава 1. *Модальность в языке и тексте: возможности модальной организации смыслового стратума художественного текста*

1.1. *Проблема выбора теоретических оснований исследования модальности*

1.1.1. *Модальность и текст. Изучение модальности на материале художественных текстов*

В настоящей работе модальность исследуется как текстовая категория. Несмотря на то, что модальность как суперкатегория языковой системы имеет универсальный статус и влияет на функционирование почти всех её уровней, представляется, что все известные свойства модальности были сформированы именно на уровне текста, а не предложения. Аспекты функционирования модальности в предложении как минимальной строевой единице текста также будут нами рассмотрены в ряде параграфов. Однако переход на текстовый уровень необходим для вскрытия мотивированности организации понятийного ядра языковой модальности и выражения модальных значений с помощью некоторого набора языковых средств.

Прежде всего, необходимо объяснить причину выбора максимы исследования модальности в тексте. Как известно, большинство новейших изысканий проводятся при выделении в качестве основного ориентира необходимости изучения функционирования тех или иных языковых явлений в сфере дискурса. Существенным в этой связи является определение текста в статье «Дискурс» ЛЭС Н.Д. Арутюновой: «Под текстом понимают преимущественно абстрактную, формальную конструкцию, под дискурсом – различные виды её актуализации» [Арутюнова 1990а: 136–137; Арутюнова 1990б]. Таким образом, указывается возможность анализа на основе текста некоторых концептуализированных приемов организации его внутренней структуры. М.Я Дымарский говорит об особом статусе текста, который нельзя отнести ни к языку, ни к речи, поскольку текст представляет собой «развернутую вербальную форму осуществления речемыслительного произведения» [Дымарский 2001: 36]. Представляется, что акцент на структурной организации

речемыслительных действий в тексте позволяет в качестве приоритета анализа указать способы и средства организации его смыслового пространства. Дискурсивный план – это план коммуникативных интенций. Это не означает, что понятие «смысл» неприменимо к дискурсу. Однако смысл дискурса отличается от смысла текста. Смысл дискурса может быть определен как прагматический, так как это «смысл отношений между коммуникативными субъектами» [Соловьева 2010: 22]. Несмотря на то, что модальность и модальность часто рассматривается как механизм в рамках прагматики речи, в настоящей работе предпринимается попытка исследования модальности с герменевтических позиций. В этом случае прагматические характеристики феномена модальности отходят на второй план.

Текст в настоящей работе рассматривается как основа бытования и развития модальности еще и потому, что по определению Г.И. Богина мир дискурса представляется, прежде всего, как языковое осмысление множества типовых ситуаций языковой действительности в жизни социума, как более низкий приспособительный уровень использования языка. Мир текста является сосредоточением ценностей, т.е. банком устойчивых идеальных ориентиров, подверженным лишь незначительным изменениям под влиянием ситуации, и, следовательно, представляет собой более высокий уровень влияния языка на человеческую жизнь [Богин 2001].

Намерения говорящих, экстралингвистическая ситуация понимания, «включенность речи в социальный контекст» – эти факторы также указывают на большую изменчивость, неустойчивость дискурса по сравнению с текстом. Сам социальный контекст не может быть неизменным. Зачастую он исчезает, поскольку не способен противостоять времени. В этом случае исчезает дискурс, но остается текст как фиксационная ипостась дискурса в виде текста культуры. Текст более стабилен, чем дискурс, так как дискурс связан с некоторым конгломератом изменчивых коммуникативных ситуаций, подстраиваясь под которые, дискурс меняет свои содержательные и формальные характеристики [Соловьева 2010: 19–26]. Таким образом, важно подчеркнуть

самодостаточность и стабильность текста, который в отличие от дискурса, всегда совершающегося в реальном, физическом времени, способен существовать во времени-пространстве культуры [Дымарский 2001: 41]. Это также подтверждает выделение на первый план аксиологического, ценностного параметра, что позволит наиболее эффективно провести исследования функционирования модальности на текстовом уровне.

Распредмечивание смыслов текста с учетом его модальных ориентиров позволяет обеспечить сходство интерпретаций, возникающих при каждом новом прочтении текста. Это не значит, что в восприятии невозможна вариативность. Каждый новый читатель соответственно своему опыту понимает текст по-новому. При этом совершенно необязательно понимать текст в точности так, как его понимал автор. Как отмечал Х.–Г. Гадамер «художник, создающий образ, не является его признанным интерпретатором» [Гадамер 1988: 241]. А Ф.Д.Э. Шлейермахер настаивал на том, что лучшим пониманием является понимание, превосходящее интерпретацию проблемы самим автором [Шлейермахер 1998]. Поэтому в методологии филологической герменевтики на первое место выдвигается сам текст, а не психология и убеждения писателя. Однако это, с нашей точки зрения, не отменяет необходимости схождения в интерпретациях. Искомое сходство обеспечивается действием модальности в тексте.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что текст и дискурс являются соотносительными понятиями. Взаимоотношения текста и дискурса получили освещение в работах Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1990], В.В. Богданова [Богданов 1993], В.Т. Борботько [Борботько 1998], М.Л. Макарова [Макаров 2003], С.А. Сухих [Сухих 1998] и др. Разведение текста и дискурса обусловлено исследовательскими приоритетами.

Следующий вопрос, который необходимо прояснить относительно текста, это выбор подхода к анализу его как знака или как не-знака. Знаковый подход к тексту широко освещен в работах В. Дресслера, П. Хартманна. М.

Пфютце, Э. Агрикола, Д. Фивегера (см. обзор в работе О.И. Москальской [Москальская 1981]).

Однако М.Я. Дымарский исчерпывающе обосновывает положение о том, что текст есть «не-знак». Наиболее существенными из отмечаемых им незнаковых характеристик текста являются следующие: «... каждому знаку ситуация, когда значения всех слов в некоторой фразе известны, а смысл фразы непонятен и для её понимания требуется особое усилие. Подобные ситуации еще в большей степени свойственны тексту»; «Текст же появляется тогда, когда возникает потребность не просто в передаче информации, а в достижении некоторой новой духовной общности» [Дымарский 2001: 30]. В герменевтической интерпретации из данных суждений явно следует, что помимо уровня содержания, где формируется качественно новое единство всех значений составляющих текст единиц, в тексте присутствует более высокий уровень – уровень управляющего смысла. Благодаря освоению (пониманию) смыслов меняется опыт самого воспринимающего субъекта. Разделение идеального в тексте на план (уровень) содержания и план (уровень) смысла является основообразующим для настоящей работы и будет подробно рассматриваться далее.

Весьма показательны также, что М.Я. Дымарский отмечает необходимость выполнения параметров «не-знаковости» прежде всего для художественных текстов и текстов, в которых присутствует элемент художественности (научно-популярных, публицистических, юридических текстов). Однако и в более «сухих» типах текстов передача информации не является единственной целью. Так, говорится о том, что в текстах официально-делового регистра и в технической литературе на первый план выдвигаются два основных параметра организации их понятийной структуры: 1) группирование информации вокруг определенного центра (чаще всего оценка события), определяющего последовательность и способы её освоения; 2) организация конфигурации номинативно свернутых дейктических координат (время, место, отправитель) [Дымарский 2001: 30]. Приведенные соображения суще-

ственны в вопросе анализа модальной структуры текста не только на уровне содержания, но и на уровне смысла (главы II, III настоящей работы).

Статус текста как не-знака по-новому определяет соотношение языка и текста. При этом возможны две интерпретации. Либо язык как некоторый код рассматривается как предшествующий тексту, «текст порождается языком». Либо тексту приписывается свойство быть замкнутым и самодостаточным, не принимающим изменений образованием. Тогда язык текста (его код) рассматривается как вновь образованный, реципиент не знает его и ему предстоит его разгадать [Лотман 1998: 4–5]. В этом случае текст приобретает статус знаковой системы более высокого уровня организации.

Несомненно, что бытование языка в разнообразных текстах (текст как язык в действии по М.А.К. Хэллидэю) не могло не повлиять на развитие системы языка в целом. Тот новый код, который образуется в тексте, влияет на исходный языковой код, преобразуя его. А.И. Горшков отмечает, что необходимым предметом рассмотрения в историческом языковедении должна быть не столько история того или иного языкового явления, единицы, сколько история их использования в текстах культуры [Горшков 1969: 12]. Помимо того, художественный текст наиболее полно отражает особенности организации структур речевого сознания, поскольку с помощью языковых знаков человек в тексте не только создает модель мира во всем разнообразии внешней по отношению к тексту деятельности [Тарасов 1992], но и выражает свое отношение к миру [Степанов 1974]. С нашей точки зрения, это позволяет преобразовать мир, ровно как и языковой код, в тексте. Наибольший простор для такой деятельности дают тексты художественные, в которых большинство ограничений относительно истинности повествуемого снимаются. Именно поэтому анализ модальности проводится в работе на основе изучения внутренней организации художественных текстов.

С другой стороны, возможным возражением против придания художественному тексту статуса основы для анализа функционирования модальности является то, что реально существующие (не придуманные исследовате-

лем) языковые механизмы актуализируются лишь в живой, разговорной речи. В этой связи, М. Шорт и К. Кэндлин отмечают, что «трудно найти собственно лингвистические отличия между языком литературы и остальным языком» [Цит. по: Simpson 1997: 7]. Сам же П. Симпсон утверждает, что любой прием, который пытаются отнести исключительно к языку литературы, может использоваться и вне его. Отличия, по его мнению, следует искать в том, что литературные тексты могут приобщать и поглощать различные регистры языка. Под регистром понимается совокупность отличительных черт (фонетических, грамматических, лексических, синтаксических, стилистических) которые характеризуют язык в том или ином контексте его использования [Simpson 1997: 9–13].

Г.А. Гуковский в качестве первоосновы научного анализа художественного текста выделяет его идейно-смысловое и эстетическое единство и необходимость изучения тех структур и механизмов, которые обеспечивают его [Гуковский 1966: 115]. Это замечание чрезвычайно важно, поскольку настоящее исследование имеет своей целью вскрыть механизм, обеспечивающий создание смыслового единства текста при его продукции и сохранение такого единства при его рецепции. В результате текст всегда остается тождественен самому себе не только в плане неизменности организации его формально-содержательной структуры, но и в отношении консолидации его смыслового каркаса и перехода к единому смыслу текста в его комплексной репрезентации – свернутой в тексте системе метасмыслов и идей.

Говоря о смысловой структуре текста, М.Я. Дымарский подчеркивает именно статус структуры такой конфигурации, указывая, что это «не хаотическое нагромождение смыслов». Он также говорит, что в этой структуре «целесообразно различать статический и динамический аспекты» [Дымарский 2001: 48]. Оба утверждения укладываются в формируемую нами концепцию модальной партитуры распределения смыслов текста, в которой узловые смыслы-модализации создают устойчивость смыслового стратума текста, его статику, одновременно задавая направление развития его динами-

ки в плане включения безмодальных смыслов каждого кластера в конструируемую конфигурацию.

По мнению В.В. Одинцова, важно не только то, какие средства были отобраны писателем для воплощения своей художественной идеи, но и как эти средства были композиционно организованы. При этом утверждается возможность выделить «типовые архитектурные схемы, способы и приемы организации материала» [Одинцов 2007: 32, 34]. Интерес к структурной организации текстообразующих средств, по нашему мнению, должен быть, в первую очередь, обусловлен доминантой создания смыслового единства текста на основе структурного управления распределением цепи свернутых в нем смыслов. При этом на первый план выходит взаимодействие уровней содержания и смысла. Тип такого взаимодействия будет определять особенности закладываемой в текст модальной партитуры.

Принципиальным также является вопрос о статусе текста относительно того, кто его создает, и того, кто его затем воспринимает, осваивает. Широко известно положение о том, что текст, в противоположность сказанному выше, не может рассматриваться как автономная система, поскольку «...подлинная жизнь текста неразрывно связана с продуцирующим или воспринимающим его человеком» [Залевская 2005: 349]. Ср.: «...у художественного текста существует столько же интерпретаций, сколько читателей» [Белянин 2000: 55].

Понимание текста, несомненно, укладывается в модель, предложенную А.А. Залевской в 1988 г.: «автор – проекция текста – текст – проекция текста читателем – читатель». Причем если автор, читатель и текст являются реально существующими материальными объектами, то проекция текста и для автора, и для читателя является умозрительной моделью текста, местом пребывания которой является сознание каждого из них.

Н.Ф. Рафикова отмечает, что все, что необходимо для создания проекции текста, это опыт человека, который в совокупности составляют различные «следы» опыта в памяти, будь то эмоционально-оценочные пережива-

ния, эстетические чувства, фреймы и схемы ситуаций, знания денотатов для единиц словаря, образов разных модальностей, различных прагматических знаний и т.п. [Рафикова 1999: 3]. В настоящем исследовании мы сосредотачиваемся именно на модальном аспекте репрезентации текста в сознании как автора, так и читателя, оставляя без внимания его остальные, несомненно, важные характеристики.

Вводя понятие «модальная партитура текста» мы лишь указываем основополагающую характеристику обеих проекций (автора и читателя), обеспечивающую их сродство, адекватность интерпретации читателем авторского текста. Такая функция органически вытекает из более общей и важной характеристики модальной партитуры как конструкта, обеспечивающего консолидацию смысла (растягивание смысловых линий, их наращивание для перехода к единому «смыслу текста») также в рамках обеих проекций. Иными словами, представляется возможным выделить структурные особенности организации смыслового стратума текста, которые являются залогом тождества текста самому себе при его освоении читателем не только на уровне содержания, но и на смысловом уровне.

Исследовательская ориентация на выявление модальных оснований для достижения адекватности читательской интерпретации текста позволяет обойти проблему авторской модальности, которая в последнее время активно разрабатывается в ряде лингвистических и филологических направлений. В большинстве случаев авторская модальность рассматривается как вид более широкой (родовой) субъективной модальности [об этом см.: Ваулина, Девина 2010]. Исследование феномена авторской модальности проводилось в работах И.Р. Гальперина [1981] Л.Г. Барлас [1987], В.А. Кухаренко [1988], М.И. Откупщиковой [1988], Вихрян О.Е. [1990], Марковой Н.А. [1992], Поповой Е.А. [1995], Т.А. Якимец [1999], Валгиной Н.С. [2003], Зориной Е.С. [2005], Романовой Т.В. [2006, 2008], Опариной А.В. [2008], и др.

При выведении в центр рассмотрения авторской модальности как доминантной категории текста замысел автора трактуется как совокупность ав-

торских интенций [Романова 2004: 3, 6]. Читатель как самостоятельный субъект текстопостроения, достраивающий текст в соответствии с указаниями автора, распредмечивает не смыслы, а только интенции, интенции самого автора. Однако в герменевтической традиции за текстом признается возможность опредмечивать смыслы. Последние в конкретном тексте в соответствии с замыслом автора действительно образуют неповторимые конфигурации. Однако по своему онтологическому статусу смыслы принадлежат не одному автору, но всем людям. Само авторское сознание является интерсубъективным, поскольку в нем индивидуальный опыт сочетается с опытом веками накопленным целыми поколениями людей. Модальная структура текста обеспечивает переход от индивидуального, авторского восприятия к всеобщему банку смыслов. В ходе освоения смыслов художественного текста читатель также изменяет свой опыт и систему собственных представлений, ценностей. В этом процессе индивидуальное сливается со всеобщим, представляя единым блоком, как и модальность в языке. Следовательно, выделение субъективной и объективной сторон модальности представляется нецелесообразным, так же, как и искусственное противопоставление смысловых миров автора и читателя.

Говоря о содержательной программе текста, которая одновременно часто является его жанровой характеристикой, Н.Л. Галеева описывает типичную структуру такой программы так: содержание + смыслы (+ идеи). Отмечая, что добавление каждого последующего компонента и обеспечивает меру художественности текста. Поскольку по-настоящему художественные тексты не могут быть построены только по содержанию, в них должны быть опредмечены смыслы, которые могут объединяться для реализации художественных идей [Галеева 1999: 82]. Переход от содержания к смыслу и от единичных смыслов к метасмыслам и идеям, по нашему мнению, координируется модальностью, которая в тексте функционирует как уникальный механизм, управляющий процессом распредмечивания смыслов текста читателем. При

этом основой такой координации становится языковая ткань текста в её синтагматическом и парадигматическом преломлении.

В этой связи для настоящей работы также существенным является разведение терминов «текст» и «произведение». Говоря о смысле текста, мы подразумеваем типическую общность его интерпретаций, сохранения смыслового тождества текста самому себе, а не обязательную вариативность при понимании различными реципиентами. Последнее, несомненно, имеет место. Однако в задачи настоящего исследования входит выявление универсалий такого процесса. «Смысл текста прямо следует <...> из языковой ткани текста» [Дымарский 2001: 48–49]. Под произведением в наиболее широкой трактовке (за основу берутся представления о различии понятий «текст» и «произведение» Ю.М. Лотмана и М.М. Бахтина) понимается текст в совокупности не только его внутренней организации, но и его внешних связей, его места во всей теории и истории литературы, в системе взглядов, настроений, мнений самого писателя не только в статике, но и в динамике. Все это является предметом изучения в филологии, а не в лингвистике в соответствии с определением филологии С.С. Аверинцева в ЛЭС [Там же: 52].

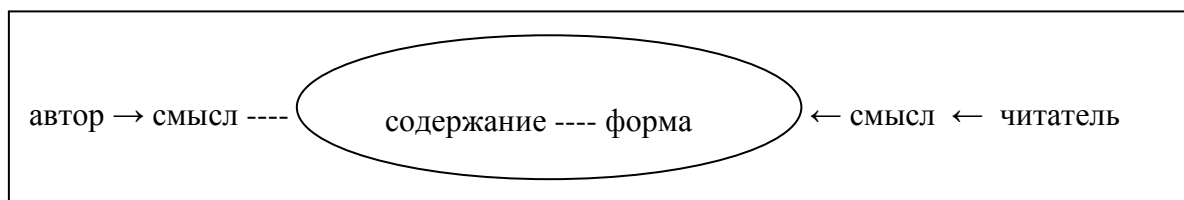
В настоящем исследовании текст интересует нас, прежде всего, как модально регламентируемое пространство опредмечивания/распредмечивания смыслов. Модальная партитура распредмечивания смыслов текста в этой связи будет представлять основу для создания произведения на основе внетекстовых структур как автора, так и каждого читателя, определенным образом организованную систему ориентиров. О соотношении текста и произведения и роли внетекстовых структур в процессе трансформации одного конструкта в другой см.: [Миловидов 1998: 35 и далее].

Смысл опредмечивается в средствах текстопостроения через содержание. Содержание – это субстанция, «что», т.е. отвердевшая в языковой материю текста цепь предикаций, наполненных языковыми единицами с соответствующими им в данном контексте значениями. Действительно, это «то, что сказал писатель» [Есин 2000: 17]. Смысл и форма – это «как», т.е. то, как у

автора это «что» получилось. Содержание предстает как результат выбора формы (типа содержательной формы и конкретных средств текстопостроения) для опредмечивания смысла. Но как в большинстве живых систем эта связь двусторонняя. Смысл определяет выбор опредмечивающей его формы, но сам акт этого выбора преломляется, инсценируется, оказывается по-иному представлен в содержании текста. Смысл может опредметиться в форме только через содержание. Поэтому содержание, как определенным образом развивающаяся история, цепь событий, в представлении наивного читателя и есть то, о чем текст. Содержание пересказывается, содержание обсуждается. Поэтому в художественной литературе возможно выделить закономерности составления содержаний, т.е. изучать сюжетообразование – механизмы кристаллизации смысла через содержание в твердых формах. Так, трагедия как литературная форма предполагает проблематизм, постановку некоторого набора вопросов, на которые автор пытается ответить или предоставляет читателю решать самому, а эпическое повествование – лишь беспристрастный рассказ о том, что свершилось, без рефлексии, без сомнений. Об этом сообщает сама структура трагедии и эпоса. Это означает, что некоторые общие характеристики содержания оказываются нераздельно связаны с той или иной формой (содержательная форма). Такое соединение оказывается неотмысливаемым, основообразующим как в ходе создания текста писателем, так и при каждом его прочтении. При этом сами закономерности устройства того или иного жанра есть не что иное, как отвердевшая проблематика индивидуального и общественного бытия, те изначальные «тайны бытия и сознания», которые человечество желает себе разъяснить [Гачев 1968: 27–32, 48]. Но эти тайны не само содержание, а некоторый набор общезначимых смыслов, которые привычно опредмечиваются в данной художественной форме, связанной с определенными законами развития содержания. Содержание выступает как определенным образом организованный тематический материал, история. Действительно, модель нарративного конструирования художе-

ственного текста, представленная в [Шмид 2003: 160], это модель формирования именно содержания.

Нас не в меньшей степени интересует то, как читатель работает с тем, что создал автор. Направление рефлексии на причины и мотивы, выбранного автором способа связывания, перестановки, растягивания, сжатия и т.п. событий в сюжетной материи текста также обеспечивает распределение смысла, который возникает и может войти в рефлексивную реальность читателя только в момент обращения рефлексии на текст. На рисунке представлена схема действий автора и читателя относительно формы, содержания и смысла художественного текста:

Безусловно, читая текст мы не перестраиваем форму, она неизменна. Мы воссоздаем способ её конструирования, проходя заново путь автора. «Понимать означает, следовательно, проделывать или проделывать заново лежащую в основе семантической инновации дискурсивную операцию» [Рикер 1991: 316]. В качестве такой операции мы рассматриваем опредмечивание смысла в форме как системе определенным образом взаимосвязанных средств текстопостроения при непосредственном участии содержания, которое своим переустройством, перевыражением смысла в сюжете, истории создает основу для его распределения в деятельности понимания текста читателем. Однако это только основа. Как указывалось выше смысл, точнее гиперструктура смыслового стратума текста, направляет и упорядочивает рефлексии читателя над формой и содержанием. М.М. Бахтин емко определил текст как «действительность мысли» [Бахтин 1979: 281]. Смысл в этой связи представляется энергией этой мысли, поскольку она сама указывает способ её отыскания и развеществления, языковая материя вновь становится мыслью и может быть принята, или не принята, доработана и т.д. читателем. Г.

Фреге определял смысл как «способ задания обозначаемого [Фреге 2000: 231]. Смысл в художественном тексте – это способ собственной представленности через содержание в форме. Понять смысл – значит понять мотивированность выбранного способа его опредмечивания в тексте.

Последним важным замечанием относительно выбора объекта исследования будет указание на единственно возможный, с нашей точки зрения, метод анализа. В филологической герменевтике не проводится ассоциативных и иных экспериментов, опросов, не используются данные языковых корпусов и словарей (за исключением тех случаев, когда требуется отсылка к возможностям семантизации некоторой единицы). Единственным орудием исследователя является его знания и метод интроспекции. В этом случае представляемые концепции могут обвиняться, во-первых, в подчеркнутой умозрительности (причем, речь идет о произведении одного конкретного ума), а, во-вторых, в субъективности.

В качестве аргументов против такой критики можно указать на субъективность любого частного мнения и концепции, на том основании, что они являются произведениями ума конкретного субъекта. Кроме того, субъективность особенно важна в аспекте изучения модальности. На приоритет субъективного начала в актуализации языковой модальности, указывает большинство исследований этого феномена. Составление некоторого, все же претендующего на объективность мнения обязательно предполагает субъективное отбрасывания тех позиций, которые представляются нерелевантными или неэффективными для анализа некоторого материала. В этом случае метод феноменологической редукции Э. Гуссерля [Гуссерль 1996] вкупе с обращением исследователя к собственному опыту представляются не менее объективными, чем точные эмпирические методики.

Понимание смысла подразумевает его отыскание, а значит интерпретацию, которую можно обвинить в субъективизме и, следовательно, повесить на нее ярлык ошибочности. Однако «где нет никакой интерпретации, там нет никакого понимания» [Шпет 1996: 19]. Феноменология, на которой основыв-

ваются все известные автору герменевтические штудии, идет еще дальше, объявляя нераздельность познающего Я и познаваемой действительности. Познающее сознание всегда направлено на объект, т.е. пусто без своих отношений к этому объекту. С другой стороны, переживания действительности всегда принадлежат сознанию познающего Я. Тогда отношение к действительности и есть сама действительность [там же: 77]. Любое познание субъективно, но это плюс, а не минус. Чем больше интерпретаций, тем ближе наука к истине.

1.1.2. Выбор исследовательской парадигмы: соотношение герменевтического, коммуникативно-прагматического, когнитивного и психолингвистического аспектов в изучении модальности

В нижеследующем параграфе рассматриваются основные преимущества выбора герменевтической интерпретации для изучения механизмов функционирования модальности в языке и тексте в сопоставлении предоставляемых возможностей со спецификой научного описания в рамках прагматического, когнитивного и психолингвистического подходов как новейших и наиболее разработанных направлений современной лингвистической мысли. Нами будут представлены некоторые наиболее показательные (в плане проведения такого сопоставления) интерпретации языковых оснований явления модальности в свете указанных научных парадигм и очерчены основные герменевтические параллели, позволяющие оценить перспективы научной интерпретации одних и тех же фактов под иным углом.

В настоящее время лингвистическая прагматика, ставшая почти уже классическим направлением в своде наук о языке, занимает одну из ведущих позиций. Несомненно, вклад прагматических или основанных на достижениях прагматики концепций в развитие представлений о природе и особенностях функционирования языковых явлений трудно переоценить. Расхождения лингвистических описаний в рамках ставшего уже традиционным коммуникативно-прагматического направления с одной стороны и парадигмы

филологической герменевтики с другой, на первый взгляд, могут стать препятствием для создания концепции, претендующей на объективное рассмотрение такого основообразующего языкового феномена как модальность.

Общеизвестно, что своим появлением прагматика обязана логике, впрочем, как и вся лингвистическая наука. Следует сразу заметить, что выявление смысловой сущности явления языковой модальности не может быть связано с логической интерпретацией её статуса и основных характеристик. Это обусловлено тем, что логику интересует в первую очередь квалификация любого построения с точки зрения возможности определения его истинности/ложности. Но смысл стоит над этими понятиями. Ю.С. Степанов разделяет смысл с одной стороны и истинность и ложность с другой на основе того, что указанные сущности принадлежат к разным сторонам знакового отображения действительности – интенциональной и эктенциональной соответственно [Степанов 1981: 12]. Но и здесь просматривается обусловленность лингвистических теорий логической методологией. Р. Карнап, например, определял модальность как то, что существует отдельно от пропозиции, т.е. отдельно от смысла, т.е. при тождестве понятий суждение и пропозиция, которые рассматриваются в качестве интенционала предложения [Там же: 30–32], модальность не может быть включена в такую интенциональную структуру (ср.: понятие модальной рамки у А. Вежбицкой). Отделение модальности от смысла связано с несоответствием научных парадигм: лингвистики, более тесно связанной с постулатами логики, и филологической герменевтики.

Исходя из трехмерного разбиения семиотики Ч. Морриса, категорию модальности относят к сфере прагматики в противопоставление двум другим сферам – семантике и синтаксису. Если модальность и не относят всецело к сфере действия законов прагматики, то в её понятийном содержании все же усматривают отдельный пласт прагматических элементов (ср., например, с мнением С.А. Ваулиной о разделении модальности на пропозициональную и прагматическую [Ваулина 1993: 17–18]). «Прагматическая» модальность, как

упоминалось выше, не входит в пропозицию, а является тем, что стоит вне её как «модальная рамка». Следовательно, модальность не может образовывать самостоятельного типа предиката, а лишь «квазипредикат». Это означает, что модальность помещается в одну группу с кванторами и отрицанием, т.е. такими предикатами, которые Ю.С. Степанов определяет как приложимые не к именам, а к пропозициональным функциям (упоминаются кванторы существования и общности) [Степанов 1981: 143–144]. Автор предлагает разделение модальностей не на основе доминант объективности и субъективности (хотя и без полного отказа от расставления таких акцентов), а на основе принципа совмещения или разделения структурных схем предложения. Во втором случае происходит собственно помещение интенционала в модальную рамку, т.е. модальность оказывается за пределами пропозиции. К первому классу относятся предложения с так называемыми полусвязочными глаголами – (1) *объявлять, признавать, ценить* и т.п.; 2) *считать себя, назначать себя, вообразить себя* и т.п.; 3) *выглядеть, казаться, претворяться* и т.п. – с возможностью модальной квалификации интенционала с точки зрения третьих лиц, субъекта предложения или говорящего соответственно. Интересно, что глаголы типа *обещать, мочь, хотеть* оказываются одновременно во второй и в третьей подгруппе данного класса. Также в этот класс помещаются фазовые глаголы, обеспечивающие презентацию мнения говорящего в высказывании. Во второй класс, предполагающий формирование собственно модальной рамки, попадают так называемые «что-фразы» – *Неверно, что...; Кажется, что...; Возможно, что...; Он хочет, чтобы...; Он обещает, что...* [Там же: 244–247]. Таким образом, разделение в первом случае касается семантики отдельных типов предикатов, а во втором – целых предикативных структур. При этом очевидно, что структуры второй группы до некоторой степени дублируют отношения, выражаемые глаголами-предикатами первой группы.

Ключевым моментом указанного подхода является то, что модальность рассматривается как нечто дополняющее предикативность, непосредственно

актуализирующее и конкретизирующее её в речи. Однако совмещение интенционала высказывания, его смысла и пропозиции необходимо сводится к объяснению механизмов формирования предложенческих структур, которые своим понятийным содержанием вкупе с его вербальной репрезентацией обеспечивают реализацию некоторой «типовой» коммуникативной интенции. Таким образом, модальность оказывается полностью подчиненной интенции в её прагматическом понимании. Более того, модальность «поглощается» ею. Так, В.Г. Гак указывает, что различия между предикативностью и модальностью сводятся многими исследователями к различению номинативного и модально-коммуникативного аспектов предложения. В последнем случае большую роль играет ситуация общения (цели и условия коммуникации), так как модус зависит от интенции говорящего [Гак 1978: 21].

Итак, согласно прагматической интерпретации сущность модальности заключается в том, что она выступает как посредник между собственно языковым выражением в виде наклонения глагола и иллокуцией говорящего [об этом см. также: Кострова 1999; Федосеева 2005; Brandt, Rosengren, Zimmermann 1989]. Иными словами, модальность включается в каркас интенции при продукции текста. Интенция в данном случае понимается в собственно прагматическом ключе, т.е. как коммуникативное намерение. Данное уточнение необходимо в связи с несовпадением интерпретации данного понятия в герменевтической терминологической базе, где интенция или интенциональность рассматривается как рефлексивное указывание на определенные области опыта с целью освоения идеальной реальности, свернутой в тексте [Подробнее об этом: Богин 2001: 17–19]. Н.Л. Галеева отмечает, что сами смыслы в понимании лингвистической прагматики могут пониматься как интенции. Решительно не соглашаясь с таким представлением о смыслах, автор разводит понятия смысла и интенции на основе мыследеятельностной природы первого и психической основы последнего. Отмечается, со ссылкой на И.П. Сусова, что интенции в их прагматической интерпретации в тексте присутствуют, но как «прагматические значения», и, следовательно, должны от-

носиться к уровню содержания, а не смысла [Галеева 1999: 94]. Последнее замечание соотносится с тем, что было сказано выше, поскольку свидетельствует о необходимости выявления именно смыслового потенциала модальности, отвечающей за организацию процесса формирования и постоянной модификации банка собственного опыта, влияющего на восприятие мира и взаимодействие с ним.

Возвращаясь к необходимости уточнения соотношения модальности и предикативности, модальности и пропозиции, скажем, что в парадигме филологической герменевтики предлагается отличное от прагматического толкование, основанное, прежде всего, на разведении понятий «содержание» и «смысл». Формирование предикаций, обеспечивающих передачу некоторого набора общих для всех носителей языка значений, связано с понятием «содержания» (подробнее о различении терминов «содержание» и «смысл» см., например: [Пихновский 2004: 68], а также п. 1.4.1). Смысл при этом рассматривается как явление более высокого порядка по сравнению с содержанием, поскольку именно смысловое наполнение высказывания отвечает за преобразование банка опыта реципиента, т.е. связей и организации его индивидуальной рефлексивной реальности. Если принять упомянутое положение о первичности и исходности смысла, то оказывается, что не содержание обрастает смыслом (смысл надстраивается над содержанием) (см.: [Богин 2001]), а смысл «одевается» в некую пропозициональную структуру или их сочетание (содержание). Описывая отношения между смыслом и содержанием, Г.П. Щедровицкий указывал на их связанность в плане того, что содержание является необходимым условием выведения смысла. При этом интересным замечанием будет то, что, по его же утверждению, после восстановления смысла специально для него конструируется новое содержание, максимально этому смыслу соответствующее [Щедровицкий 2005: 127].

Следует отметить, что модальность, согласно Г.И. Богину, также связанная с функцией конкретизации предикативности, соотносится как с содержанием, так и со смыслом. Модальные характеристики как показатели

предикативности служат для опредмечивания содержания. При этом модальность выступает не единым блоком. Репрезентация модализации речи сознанию связана с формированием в процессе рефлексивного действия с текстом ноэм модальности – мельчайших единиц одновременно и содержания, и смысла. Ноэмы модальности в рамках содержания непосредственно связаны с инвариантными средствами системы языка, в этом случае то, что предсказывается получает прямую номинацию. Те же ноэмы модальности в контексте смыслообразования лишь косвенно связаны с номинативными ресурсами языка, поскольку смыслы языку не принадлежат [Богин 2001]. В этом кроется возможность использования тропеических средств, а также имплицативности как общей стратегии текстопостроения [см.: Оборина 1993]. Таким образом, модальность может функционировать как способ организации предикативности и опредмечивания содержания, а также как категория метасмысловая, координирующая процесс обращения опыта на новые онтологические картины, входящие в рефлексивную реальность субъекта при освоении смыслов текста. Тем самым модальность обеспечивает адекватность и полноту распредмечивания смыслов текста адресатом, поскольку знание о наборе и способах применения модальных средств дает возможность адресанту указать в собственном тексте, каким именно способом следует его понимать (в плане партитурной смысловой организации текста). Последнее утверждение может быть подкреплено не только данными филологической герменевтики. Ср.: «модальность основной своей задачей имеет управление процессом интерпретации высказывания адресатом» [Зеленщиков 1997: 157]. К тому же, на современном этапе развития лингвистической науки становится очевидным, что невозможно создать единую концепцию модальности. Иными словами, едва ли возможно представить универсальную теорию модальности, скорее можно говорить о различных видах модальности [Rathay 1975: 406]. Предложенческая модальность и модальность текстовая представляются совершенно различными, хотя и онтологически связанными, явлениями.

В рамках прагматического направления модальность традиционно связывалась с моментом введения позиции субъекта речи в высказывание. При более тщательном рассмотрении оказывается, что в этом случае также следует говорить о типологическом различии некоторых разновидностей модальности. Так, В.И. Иванова различает модальность предложения и модус высказывания, отмечая их соотносительную связь. Так, модальность предложения содержит в потенции все возможные модальные значения, тогда как в модусе высказывания в соответствии с интенцией говорящего и коммуникативным контекстом реализуется лишь одно из них. Например, предложение «Он должен быть здесь» потенциально может выражать волеизъявление и уверенность. При актуализации данного предложения в высказывании происходит высвечивание лишь одной из двух возможных семантических интерпретаций [Иванова 2001: 198–199]. Данное обоснованное заключение, все же, отмечает лишь один из аспектов функционирования модальности в тексте. Такой подход весьма плодотворен, если рассматривать текст с целью выделения роли и коммуникативного статуса каждого из его конститuentов. Последнее более соответствует цели исследования функционирования модальности в дискурсе. При рассмотрении текста с точки зрения подчинения идеальной стороны каждой его составляющей цели реализации общего смыслового замысла в тексте как содержательно-смысловой целостности необходимо изучение модальности под иным углом.

Еще одна ценная прагматическая трактовка модальности принадлежит М. Хэллидею, который соотносит модальность со способом презентации говорящим самого себя, своей позиции относительно референтной ситуации в речевом акте [Halliday 1976: 3]. Помимо категории модальности выделяется категория модуляции. Каждая из этих категорий, несмотря на перекрывающиеся друг друга формы (например, система модальных глаголов) и частичное семантическое тождество, восходят к разным функциям языка: модальность к межличностной, обеспечивающей взаимодействие с другими членами языкового сообщества, а модуляция к понятийной. Понятийность в данном слу-

чае соответствует выражению условий производства действия, о котором общается. Она противопоставляется манифестации отношения говорящего в высказывании, которая приписывается межличностной сфере и более широкой категории «пояснений говорящего» (*speaker's comment*). Следует также отметить, что в понимании М. Хэллидея модальность соотносится только с возможностью (в логической трактовке), тогда как модуляции соответствуют универсальные значения разрешения, обязанности и т.д. Выражение чистой возможности не отягощается временными и залоговыми характеристиками в отличие от модуляционных образований, где указанные грамматические категории представлены [Halliday 1976: 201]. Данное понимание сущности модальности, на первый взгляд, представляется достаточно обоснованным. Здесь наиболее важным компонентом является подчеркивание смысловой нагруженности модальности функцией индикации отношения. В данном случае речь идет лишь об отношении говорящего. Не учитывается, однако, отношение стороны адресата и включенность угадывания и оценки этого отношения в синтез исходного речевого произведения. Помимо того, существует еще план самого высказывания-текста как некой автономной системы координат, преломляющей два указанных отношения. Что касается выключения из сферы модальности сопутствующих «условных» смысловых переменных, то они достаточно тесно связаны с исходной «возможностной» ориентировкой (к примеру, возможность может вести за собой *разрешение*, а невозможность – запрет и *обязанность* ему следовать). К тому же, оперирование понятиями также закреплено за рефлексивной реальностью как за оформленным языком способом существования постоянно изменяющегося человеческого опыта. В нашем понимании, языковая модальность в её понятийной интерпретации представляет собой систему модальных значений, в совокупности составляющих модальное устройство языкового сознания. Категоризация модальных значений в её нисходящем аспекте (т.е. превращение смыслов в значения) является многократно повторяемым процессом при освоении смыслового плана (стратума) текстов. Последнее, в свою очередь,

обеспечивает устойчивость системы языка, организующего указанную категоризацию, а также хранение и модификацию системы модальных значений.

Теперь перейдем к рассмотрению возможностей научных парадигм когнитивной лингвистики и психолингвистики относительно исследования модальности. Эти научные направления, зачастую пользующиеся одним и теми же исследовательскими методиками, также внесли значительный вклад в развитие науки о языке. Для нашего же исследования весьма существенно следующее: во-первых, сформированные в рамках этих направлений научные парадигмы по многим параметрам соотносимы с положениями филологической герменевтики и Тверской герменевтической школы в особенности, что косвенно свидетельствует о правомерности утверждений, приводимых в качестве общего понятийного основания настоящей работы; во-вторых, не только основания, но и сама разрабатываемая нами концепция модальности, как будет показано ниже, имеет точки пересечения с опытами исследований, предпринятых в этих двух направлениях, хотя непосредственно на них не основывается.

Сходство научных парадигм психолингвистики, когнитивной науки и филологической герменевтики отмечает А.А. Залевская. В частности, говоря о необходимости поиска общего в подходах к описанию механизмов понимания текста, она отмечает, что сущность учения Г.И. Богина о метасредствах, метасмыслах и метасвязках как элементах схем действия реципиента при понимании текста соотносима с видением процесса понимания текста при когнитивном подходе и в некоторых психолингвистических исследованиях. В качестве примера указывается на работы У. Кинча (конструктивно-интегративная модель понимания текста) и Н.В. Рафиковой (Мохамед) [Залевская 2005: 375].

Рассматривая критику Дж. Филлипсом статьи Г. Уиддершовена, который сравнивает когнитивную психологию и герменевтику, А.А. Залевская отмечает, что Дж. Филлипс различия между указанными подходами объяснял, в основном, расхождением в интерпретации понятия значения. Для ко-

гнитивной психологии это овеществленный конструкт сознания, для герменевтики – спонтанно возникающая и угасающая по мере чтения текста сущность, сознанием не закрепленная (смысл по Г.И. Богину – Е.И.) [Залевская 2005: 372]. Следует заметить, что в концепции Г.И. Богина значение имеет статус более сходный с трактовкой значения в когнитивной психологии, что еще больше роднит когнитивный и герменевтический подходы в плане описания механизмов понимания текста. Значение по Г.И. Богину – наиболее частотный категоризированный смысл. Сама же категоризация рассматривается как двунаправленный процесс: с одной стороны, категоризация трансформирует смыслы в значения [Богин 2001] (зд. и далее: «нисходящая категоризация» – Е.И.), с другой – дает метаединицы в составе схем действия с текстом (зд. и далее: «восходящая категоризация» – Е.И.). Последние сохраняют статус стихийных образований, поскольку существуют только в процессах рефлексирования [Богин 2000: 43].

Как известно, ключевую роль в процессе понимания играет опыт. Сходство понимания некоторого текста может основываться лишь на сходстве опыта реципиентов [Щерба 1974: 26]. И.А. Герман и В.А. Пищальникова, описывая процессы вхождения новой информации в когнитивное пространство сознания, отмечают, что этот процесс невозможен без взаимодействия новой информации с опытом реципиента, причем зачастую не с отдельными его топосами, а со всей концептуальной системой [Герман, Пищальникова 1999: 30]. Данное положение по существу соотносится с герменевтической концепцией «луча рефлексии». Знания о мире, в частности знание моделей ситуаций, позволяет реципиенту текста дополнять то, что сказано (эксплицировано), тем, что вербально не выражено, но имплицитно в нем заложено [Johnson-Laird 1993: 471; цит. по: Залевская 2005: 388]. Таким образом, уровня содержания недостаточно для описания художественного текста. Содержание всегда дано явно в виде последовательности значений. Смысл же как второй, высший слой содержательности текста представлен неявно, как то что читателю предстоит освоить, т.е. сделать частью своей рефлексив-

ной реальности. Интериоризация смысла в данном случае представляется как сложный процесс изменения и самого смысла, который подвергается воздействию системы ценностных максим и опыта конкретной личности.

Соотносятся и способы структурирования опыта. В герменевтике в большей части случаев за основу принимается деление на три пояса по Г.П. Щедровицкому: опыт предметных представлений, опыт мысли-коммуникации и опыт чистого мышления. В психолингвистике принято более говорить не об опыте, а о памяти. Так, в работе Н.В. Рафиковой помимо прочих делений предлагается структурирование памяти на основе типа хранимых следов опыта. При этом можно предположить, что понятие пространственной памяти (или пространственно-визуальной) соотносится с поясом предметных представлений, а вербальная память соответствует поясу мысли-коммуникации (о разграничении типов памяти см.: [Рафикова 1999: 24]).

Однако между психолингвистической интерпретацией процессов понимания и рефлексии и представлениями об этом в филологической герменевтике имеет ряд расхождений. Наиболее существенными различиями для настоящего исследования являются приводимые ниже.

О бытующем в психолингвистике представлении об обязательной многонаправленности процесса понимания и невозможности существования некоторого инвариантного понимания (в виде основы, допускающей только те модификации, которые не затрагивают некоторой сущностной базы) упоминалось в параграфе 1.1.1). В филологической герменевтике (как, впрочем, и в самой психолингвистике) это положение может опровергаться, так как «понимание постижимо и достигается», что подразумевает существование «культуры понимания» [Галеева 1999: 15] и возможность научения рефлексии [Богин 2001, 2009]. В качестве основы наличия некоторого инварианта интерпретации текстового смысла рассматривается сам текст в совокупности всех задействованных средств текстопостроения и их структурной организации.

В психолингвистических работах в качестве аналога инварианта понимания вводится понятие эмоционально-смысловой доминанты. Однако оно применимо к тексту только в том случае, если смысл его можно «представить в компрессированном виде», в виде «некоторого небольшого высказывания» [Белянин 2000: 52]. На возможности сделать это в любом случае настаивал Н.И. Жинкин [Жинкин 1982]. Однако следует отметить, что такой подход может приводить к абсурдным результатам, когда весь роман рассматривается как единый знак, а содержанием (meaning (s)) «Преступления и наказания» будет предложение «The novel *Crime and Punishment* paints a grim portrait of the human psyche» [Sebeok, Danesi 2000: 29].

И.А. Герман и В.А. Пищальникова, сравнивая нейрофизиологические механизмы деятельности мозга и процесс восприятия текста, указывают, что возможна самоорганизация рефлексивной деятельности благодаря наличию «наиболее неустойчивого элемента», который, выводя систему из равновесия, одновременно является параметром её порядка [Герман, Пищальникова 1999: 25]. Эти элементы в синергетике получили название аттракторов, «отдельных островков упорядоченности открытой, сильно неравновесной системы» [Герман, Пищальникова 1999: 28]. Характер аттракторов (точечных или циклических) обуславливает доминантный смысл текста как целостности. Существенно, что указанный показатель определенным образом репрезентируется в тексте и влияет на его восприятие. Доминантный личностный смысл (смысл наиболее важный для освоения читателем с точки зрения автора) также намеренно актуализуется в тексте его средствами [Герман, Пищальникова 1999: 36, 37].

В ходе библеотерапевтического эксперимента по исследованию воздействия художественных текстов на больных, страдающих нервными расстройствами, было выяснено, что при том, что интерпретация прочитанного в группах испытуемых на уровне восстановления частных смыслов не была лишена воздействия индивидуальности каждого реципиента, в целом восстанавливаемые метасмыслы и концепты были сходными [Бушев, Зиньковский,

Агкацева 2013: 164]. Проблема достижения общности пониманий одного текста разными реципиентами является предметом особого интереса в настоящей работе.

С нашей точки зрения, выполнению указанной задачи способствуют модальные ориентиры – опредмеченные в тексте смыслы-модализации в узлах модальной партитуры распределения смыслов текста. «Важность» с точки зрения реципиента коррелирует с «важностью» по мнению автора, а также с «важностью» в контексте самого текста как целостности. Последнее обеспечивает сходство интерпретаций при каждом новом прочтении текста.

Модальность рассматривается нами как механизм непосредственно участвующий в создании и сохранении смысловой целостности текста. В этой связи В.Г. Кузнецов указывает на необходимость некоторой интерпретационной гипотезы, способной объяснить роль каждой части в формировании смысла целого [Кузнецов 1991: 175–176]. При обращении к художественному тексту как объекту исследования мы обнаружили, что модальность обеспечивает создание такой интерпретационной гипотезы. Модальные смысловые ориентиры образуют сеть, модальную партитуру распределения смыслов текста. Деятельность рефлексии читателя направляется и упорядочивается указанной партитурой, состоящей из частных составляющих – кластеров. Взаимодействие смыслов внутри смысловой ткани текста происходит благодаря модальным смыслам, которые выполняют роль служебных элементов, объединяя смысловую ткань художественного текста в единое целое.

Предлагаемая нами концепция модальной структуры смыслового структура текста во многом соотносится с теорией инвариантности и варианности структур проекций текста, разработанной Н.В. Рафиковой [Рафикова 1999]. Согласно рассмотренному в параграфе 1.1.1 представлению о возможностях построения ментальной репрезентации текста в сознании реципиента, структуру каждой проекции (у разных читателей, а также в процессе поступательного формирования проекции текста у одного и того же читателя) бу-

дуют образовывать репрезентации слов и предложений текста с доминантными смыслами, т.е. инвариантными для данной репрезентации паттернами активации. Такие репрезентации образуют сеть, взаимодействующую определенным образом с инвариантным ядром всей проекции текста, «некоторым общим смыслом/смыслами». Смысл/смыслы, выделяемые в качестве ведущих в большинстве созданных разными читателями проекций образуют инвариантное ядро и инвариантную периферию прототипической структурной модели, обеспечивающей сходство интерпретаций при восприятии текста любым читателем [Рафикова 1999: 76, 80]. Несомненным достижением исследователя является описание поступательной динамики структуры проекции текста, поскольку по мере чтения текста комплекс репрезентаций меняется – репрезентации интегрируются, дифференцируются (деинтегрируются) относительно друг друга – по мере вхождения в проекцию новых репрезентаций с новыми смысловыми доминантами. См. пример образования проекции текста «Дедушка» И. Бунина [Там же: 76].

Важно также подчеркнуть использование в качестве экспликатов доминантных смыслов так называемых «ключевых слов», что позволяет говорить и о существенных расхождениях модели понимания текста у Н.В. Рафиковой в сравнении с концепцией модализации смысловой структуры текста, разрабатываемой в рамках настоящей работы. Так, говоря о доминантных смыслах, выделяемых разными испытуемыми при понимании упомянутого выше текста, называются следующие «старик», «дом», «жадный», «чужой» наряду с «жизнь», «смерть», «душа», «игра», «одинокий». По нашему мнению, первые четыре смысла являются концептуализированными конструктами плана содержания, они представляют собой наиболее обобщенные представления о строительных элементах сюжета текста, который можно свести к одному предложению – «жадный старик был чужим всем своим домочадцам». Вторая же группа представляет собой собственно смыслы, наращиваемые и растягиваемые по ходу развития повествования, что прекрасно показано на примере упомянутой динамики преобразования структуры проекции

текста при его понимании читателем. Помимо того что, в предлагаемой нами концепции роль аттракторов будут играть собственно смыслы, необходимо также подчеркнуть онтологическую связь смыслов не с ключевыми словами, а со средствами текстопостроения. В настоящем исследовании текстообразующие средства рассматриваются в их партитурной организации. Последняя обеспечивает не только связность, целостность текста, но и его индивидуальное своеобразие. Т.В. Романова отмечает, что такие средства включают стилеобразующие параметры, но не исчерпываются ими. Наиболее важной становится комбинация языковых текстовых единиц, их противопоставление и взаимное сочетание. Именно в создании неповторимой системы текстообразующих средств и заключается основное назначение модальности как «интегративной текстообразующей категории» [Романова 2006: 317].

Таким образом, герменевтическая интерпретация оснований языковой модальности позволяет сфокусировать внимание на следующих аспектах:

1. приоритет изучения модальности с точки зрения необходимости выявления ее сущностных характеристик, обеспечивающих координацию процесса производства и освоения смыслов в текст (художественный текст способен предоставить наиболее богатый материал для исследования модальности в указанном аспекте);
2. различие понятий «модальное значение» и «модальный смысл»;
3. выражение понятийной основы модальности в первую очередь не с помощью блоков средств языковой системы, а посредством задействования специфических средств текстопостроения при отсутствии имманентной связи между средствами и опредмечиваемыми в них модальными смыслами (сводная таблица комплексов средств текстопостроения, задействованных при опредмечивании смыслов-модализаций в текстовых примерах работы, представлена в Приложении 1);
4. обусловленность процесса формирования и развития модальности её функционированием как собственно текстовой категории;

5. детерминированность указанного процесса построением в тексте модальной партитуры, что позволяет рассматривать модальность в качестве основного механизма консолидации смыслового стратума художественного текста;
6. наличие модального смыслового каркаса в тексте обеспечивает построение некоторого инвариантного механизма освоения его смыслов.

Указанный механизм, с одной стороны, определяет выход на уровень идей, т.е. метасмыслов или смысловых интервалов (подробнее о термине см.: [Богатырев 1996: 71, 76 и ниже]), а с другой стороны, обеспечивает категоризацию узловых смыслов-модализаций и их переход в постоянно воспроизводимые модальные значения.

Указанные аспекты не получили достаточно полного объяснения в рамках лингвистической прагматики, когнитивной лингвистики и психолингвистики, равно как и в более ранних направлениях лингвистической мысли, или были описаны в несколько ином ракурсе (иллюстрацией описанного выше расхождения исследовательских позиций является Приложение 2). Представляется, что парадигма филологической герменевтики является продуктивной базой для рассмотрения языковой модальности в её статусе координатора оязыковлени деятельности смыслопроизводства в художественном тексте.

1.2. Языковая модальность и конгломерат средств её выражения

Изучение модальности в аспекте трансляции смыслов представляется весьма перспективным, поскольку, по нашему мнению, именно закрепление наиболее частотно используемых модальных смыслов в модальных значениях делает возможным отнесение к блоку средств языкового выражения модальности такого множества разнородных конструкций и единиц (от определения коммуникативного статуса предложения и выбора соответствующего интонационного оформления до выделения отдельных блоков модальных лексических единиц – глаголов, слов, частиц с модальной компонентой в их семантике).

Что касается интонации, то, несомненно, просодические средства могут выражать оттенки значения, традиционно связываемые с модальностью, например, сомнение и неуверенность [Coates 1983: 134]. Однако выявление системного взаимодействия между интонационными моделями и парадигмой грамматических средств выражения модальности в языке оказывается затруднительным [Там же: 237]. Просодические средства (кроме значимых средств организации стихотворной формы) исключаются из сферы исследовательских интересов и в настоящей работе.

Анализ и классификация разрядов языковых средств, используемых в качестве выразителей модальных значений, а также включенности таких единиц в синтаксические модели, не может считаться достаточным для проникновения в суть и выяснения понятийных оснований модальности. Что касается семантического (в терминах обмена, передачи или получения информации) и коммуникативно-прагматического аспектов (реализация коммуникативного намерения, наличие адресанта и адресата) (об этом см.: [Немец 1989: 104–105]), то, как говорилось выше, несмотря на очевидную ценность указанных подходов, их также нельзя считать исчерпывающими. Закономерно возникает вопрос: почему столь разнородные языковые средства связываются с выражением таких отношений, которые большинством исследователей относятся к сфере функционирования модальности?

Если говорить о единицах языковой системы как инвентарного, так и конструктивного статуса, то в качестве термина, обозначающего их идеальное содержание, представляется возможным использовать понятие модального значения. Тогда нужно согласиться с тем, что без формального показателя, регулярно сопрягаемого с некоторым набором максимально абстрактных категоризированных значений (например: долженствование, умение, необходимость, возможность и т.п.) нельзя говорить о модальности как об обособленной языковой категории. Однако в тексте подобные отношения могут выражаться и без использования формального языкового инструментария. И.Р. Гальперин относил модальность к группе категорий речи, актуали-

зирующей языковые механизмы [Гальперин 1981: 113]. Среди средств выражения текстовой модальности в отличие от модальности предложения он отмечал прямую и косвенную характеристику героев, особым образом используемые образные средства, перераспределение предикативных и релятивных отрезков высказывания, предложения (автосемантические предложения). Важно, что сам процесс интеграции частей текста, способ такого объединения автор также относит к средствам актуализации модальности [Там же: 115, 123]. Поэтому представляется необходимым, при описании функционирования модальности на уровне текста использовать понятие модального смысла. Последнее, однако, не отменяет силы понятия модального значения, поскольку рефлексия должна быть направлена не только на синтагматику, но и на парадигматику текста [Щедровицкий 2005: 51].

Несмотря на разнородность и отсутствие иерархии средств выражения модальности в языковой системе, все же представляется необходимым, рассмотреть основные их группы с целью выделения наиболее существенных закономерностей их функционирования.

Синтаксические средства часто рассматриваются в качестве ведущей формы языкового выражения модальности. Так, Н.Ю. Шведова в качестве необходимой характеристики модальных значений отмечала их связанность с целостной синтаксической конструкцией [Шведова 1958: 17]. Лингвопрагматическая концепция модальности подчеркивает невозможность рассмотрения модальности вне коммуникативного акта, конкретной ситуации общения. При этом модальность трактуется как коммуникативно-прагматическая категория синтаксиса, в основе которой лежит некий базовый структурный компонент – минимальное сочетание синтаксических форм, формирующих высказывание с некоторым типовым значением [Федосеева 2005: 7]. Такое понимание модальности, по нашему мнению, не может считаться исчерпывающим, объясняющим все богатство смысловых отношений, объединяемых термином «модальность», не только в языке, но и в речи. Модальность пронизывает все уровни языка. Помимо морфологического и синтаксического

аспектов существует множество вариантов выражения модальности только лексическими средствами, когда модальные оттенки значения оказываются включенными в семантику отдельных лексических единиц. Например, в рамках дискурса опровержения глаголы с противительным значением могут быть разделены на две группы: глаголы с алетической модальностью (*осуждать, возражать, обвинять, противоречить* (рус.) *to refute, to disprove, to rebut, to disapprove, to contradict, to convict* (англ.), *démentir, contredire, accuser* (франц.), *verneinen, bestreiten, widersprechen, beschuldigen, anklagen*, (нем.) и др.), ориентированные на оспаривание истинности выраженного мнения, и глаголы с акциональной модальностью (*отвергать, отказываться* (рус.), *to refuse, to reject, to decline, to repel* (англ.), *rejecter, repousser, répudier* (франц.), *abschlagen, widerlegen* (нем.)), номинирующие необходимость выполнения схемы действий, которая противоречит ранее выдвинутому положению [Пучкова 2006: 96]. Как видно из приведенного примера такие единицы не специфичны для системы конкретного языка, а значит и модальность не ориентирована на обеспечение существования языковых сообществ как обособленных групп. Она, наоборот, служит их объединению и взаимному проникновению на основе координации процесса взаимодействия индивидуальных рефлексивных реальностей в ходе продукции-рецепции текста.

Манифестация модальности на лексическом уровне подкрепляется наличием в некоторых языках зависимости между используемыми в предложении лексическими единицами с модальной семантикой и избираемой грамматической формой. См. выбор формы инфинитива или субъюнктива после глаголов, выражающих передаваемый в косвенной речи приказ (*iubeo, impero*) в латинском языке, также в греческом и английском [Palmer 1986: 6, 22]. Ср.: английские глаголы *suggest, demand, desire, insist, propose, see to smth.*, предикативный оборот *to be anxious* и т.п.

Модальные глаголы, имеющие промежуточное положение между лексикой и грамматикой, имеют особый статус в системе средств языковой экспликации модальности. История развития системы английских модальных

глаголов из группы семантически однозначных (референтных) глаголов описывается в [Plank 1984]. Ср. с позицией Е. Свитсер, которая для объяснения сдвигов в семантике форм претерито-презентных глаголов указывает на перенос представлений о конкретном на представления об абстрактном в развитии значений модальных глаголов [Sweetser 1990].

Статус модальных глаголов определялся с различных позиций. Функционально они тесно связаны с группой вспомогательных глаголов, с которыми модальные глаголы обнаруживают не только сходство в плане взаимодействия со структурой выражаемой в предложении пропозиции, но и в плане семантики тех и других. Наиболее четко эта точка зрения была обоснована в [Акмаjian, Steele, Wasow 1981]. Модальные глаголы могут быть отнесены к группе вспомогательных глаголов на основании того, что они имеют одинаковые формальные показатели (способ образования отрицательной и вопросительной формы, эллипсивной инверсии – *He can run so can she*; эмфатического фразового ударения – *He will do it.*) [Huddleston 1976: 333]. С другой стороны, английские вспомогательные глаголы используются как модальные (*shall, will, should, would*), в чем проявляется двунаправленность взаимодействия систем вспомогательных и модальных глаголов.

Промежуточное положение модальных глаголов между системами функциональных и однозначных единиц более выражено во французском, где группа модальных глаголов четко не отграничена от лексически однозначных, а не от вспомогательных глаголов [Ruwet 1967: 185]. Влияние функционирования модальности на систему модальных глаголов будет подробнее рассматриваться в главе 3.

Изучение интегрированности модальности в лексическую систему различных языков (классификация семантики глаголов-предикатов в главном предложении с последующим дополнительным придаточным) проводилось в [Palmer 1986: 128 и далее].

Интересным в этой связи будет упоминание о потенциале изучения использования артикля в качестве средства выражения языковой модальности.

А. Мартине считал выбор определенного или неопределенного артикля примером функционирования модальных монем [Мартине 1963: 478] Под монемой в этом случае понимается единство значения (семантемы) и языкового знака (морфемы) [Мельников 1978]. Действительно, артикль по своим функциональным характеристикам также может быть отнесен к полю средств выражения модальности. Артикль связан, прежде всего, с презентацией фактов действительности в их соотношении с представлением о ситуации у говорящего, а также его желанием особым образом представить данную ситуацию слушающему. Причем объективная и субъективная модальности оказываются связанными в единое целое, так как говорящий таким образом представляет, с одной стороны, отношение высказывания к действительности в фокусе ожидаемого результата дальнейшей обработки высказывания сознанием реципиента. Данное отношение закладывается в конструируемое сообщение в виде ссылки на известность/новизну отдельных компонентов ситуации внеязыковой реальности. Так устанавливается связь между содержанием предложения (конечно, речь идет об именных компонентах-существительных – предметных узлах содержательного каркаса) и реальным положением дел. Весь указанный процесс осуществляется при учете того, как воспринимающий субъект будет интерпретировать сообщение. С другой стороны, данные характеристики оказываются переплетенными с отношением говорящего к содержанию высказывания, которое формируется при определяющем влиянии его собственных установок. Так, хорошо известен стилистический прием «вбрасывания», когда в начале повествования при введении ключевых реалий используется определенный артикль, топонимы, притяжательные местоимения, чтобы расположить читателя к включению себя в мир героев, погружению в создаваемую атмосферу.

Ж. Фоконнье рассматривает разницу содержания ситуаций, описываемых французскими предложениями *Je veux qu'elle mette une robe qui soit belle* и *Je veux qu'elle mette une robe qui est belle*. В английском переводе эта разница передается не с помощью выбора наклонения, а с помощью выбора ар-

тикля, поскольку в первом случае в реальности нет того самого конкретного красивого платья, которое нужно надеть (подойдет любое красивое платье), а во втором – оно есть (его не нужно искать, покупать и т.д.) [Fauconnier 1994: 193].

Содержательные различия, о которых сигнализирует выбор наклонения, могут не затрагивать напрямую формальное различие в выборе артикля при переводе. Это и не нужно, поскольку одна и та же форма артикля способна выразить различие в интерпретации. Например, Ф.Р. Палмер, сравнивая испанские предложения *Busco un empleado que habla inglés* и *Busco a un empleado que habla ingles*, указывает, что перевод в обоих случаях возможен с неопределенным артиклем: *I'm looking for an employee who speaks English*. Но для первого предложения (при наличии соответствующего контекста) будет иметься в виду любой человек, знающий язык, а для второго – конкретный человек, который, к тому же, говорит по-английски. Таким образом, модальность косвенно способствует означиванию формы артикля в конкретном контексте, поскольку Ф. Палмер говорит о «специфической и неспецифической интерпретации неопределенного артикля» (*specific and non-specific interpretation of the indefinite article*) [Palmer 1986: 223]. Однако вне конкретного контекста речь не может идти об однозначном отнесении артикля системе языковых модальных средств.

Вопрос о мере связи понятийного содержания модальности в соотношении с регулярными средствами её языкового выражения представляется нерешенным даже в отношении наиболее распространенных экспонентных форм. Так, О.А. Кострова пишет о независимости модальности от наклонения как компонента значения предложения, поскольку даже индикатив способен выступать в качестве «модуса реальности» [Кострова 1999: 4]. Таким образом, модальность оказывается отделенной от основного средства своего языкового выражения – глагольного наклонения. Ср. с мнением А.И. Смирницкого, определяющего модальность через наклонение [Смирницкий 1959: 342], а также описанием статуса модального значения как указания на отно-

шение высказывания к действительности у В.В. Виноградова [Виноградов 1975: 55].

Отмечая, что наклонение является не понятийной (notional), а синтаксической категорией, О. Есперсен выделяет два набора её реализаций (подкатегорий), аранжированных по принципу наличия/отсутствия компонента волеизъявления [Jespersen 1924: 313, 320 и далее]. Данное деление соотносится с разделением модальности у Дж. Лайонса на эпистемическую, связанную с выражением только мнения, отношения говорящего (в терминах веры и знания), и деонтическую модальность, определяющую необходимость/возможность действий субъекта как следствие выполнения его моральных обязанностей [Lyons 1977: 823]. Проблемы такого разделения связаны с тем, что в большинстве языков и та, и другая модальность выражается одними формами: *He may come tomorrow = Perhaps he will come/He is permitted to come*. Имеющиеся различия форм носят частный характер, например, отсутствие эпистемического *must* в английском языке [Palmer 1986: 19].

Выражение отношения высказывания к действительности с помощью формы наклонения так глубоко укоренилось в языке, что конвенциональный выбор наклонения зачастую может указывать на изначальную мотивацию норм оформления типа речевой ситуации, хотя в настоящем состоянии многих языков такая интерпретация отношений между реальностью или нереальностью несущественна (ср. согласовательная модальность в [Bybee et al. 1994]). Так, в греческом языке, как и в английском, формы сослагательного наклонения используются для чисто структурного оформления придаточных предложений с косвенной речью. Другими примерами согласовательного употребления сослагательного наклонения могут быть придаточные цели и результата (трансформационно и семантически связанные друг с другом), причины, времени, условия, изъяснительные придаточные после глаголов мысли с отрицанием в главном предложении (последнее верно лишь для романских языков) [Palmer 1986: 22, 182, 218–219].

С другой стороны значение некоторых структурных моделей может изменяться под воздействием функционирования модальности в речи. В систему модальных средств могут втягиваться новые элементы. Так, Дж. Лайонс предлагал выделять наклонение сомнения (*dubitative mood*), которое используется для оформления вопросительных предложений (как запросов об информации и для индикации сомнения), а также для любых структур, выражающих сомнения [Lyons 1977: 748].

Таким образом, статус наклонения как языкового средства экспликации модальности зависит от речевого контекста, а также изменяется в результате развития конкретной языковой системы. Строго говоря, на поверку оказывается, что любое средство модальной языковой системы в определенном контексте употребления может терять свою модальную окрашенность. С другой стороны, как будет показано на примерах анализа текстов в настоящей работе, любое средство текстопостроения может использоваться для опредмечивания модальных смысловых ориентиров, определяющих ход рефлексивной работы над текстом в процессе его понимания.

Приведенный выше краткий обзор средств выражения модальности в языке позволяет сделать следующие выводы.

1) Модальность способствует интеграции средств языковой системы (модальные глаголы могут характеризоваться наличием и лексического и грамматического значения, отрицание с глаголом мысли в главном предложении определяет выбор сослагательного наклонения в придаточном аналогично с чисто формальным выбором в случае передачи косвенной речи и т.п.). Объединение единиц речевой цепи в рамках текста, как указывалось выше, может квалифицироваться как еще один способ манифестации модальности. На смысловом уровне понятие интеграции соответствует консолидации в плане растягивания, наращивания и конфигурирования единичных смыслов в ходе деятельности их распредмечивания в соответствии с заложенной в тексте модальной партитурой.

2) Модальность является категорией актуализации, создающей интерпретационную рамку. Последняя указывает нужный вариант, который должен выбрать реципиент в соответствии с замыслом говорящего (на это указывает функционирование артикля во многих европейских языках, использование вопросительных предложений для выражения сомнения, модификация форм в сложных условных предложениях в соответствии с указываемой степенью уверенности и т.д.). На уровне смысла текста актуализация связана с указанием наиболее важных смыслов каждого кластерного блока в рамках модальной партитуры, что обеспечивает смысловое тождество текста самому себе, инвариантное сходство всех возможных интерпретаций.

Показательна в этой связи интерпретация статуса модальности у О.И. Москальской, которая подчеркивает роль этой категории как коммуникативного актуализатора речевых построений. Модальность при этом выступает в качестве ведущего организующего элемента. Актуализация текста также происходит при координации этого процесса модальностью. [Москальская 1981: 119 и далее]. Модальность является тем ключом, который обеспечивает создание интерпретативной модели, позволяющей в рефлексивном действии с текстом, уверенно восстанавливать основные смысловые связи. Наиболее существенным критерием в этом случае является адекватность такой вторичной интерпретации. Это означает, что высвечивание граней смыслов, подлежащих распределению, необходимо будет затрагивать основные из заложенных в модальной партитуре частных смыслов, что обеспечивает их растягивание, наращивание и т.п. Указание смыслов и их граней инициируется концентрацией рефлексивного усилия на узлах кластеров модальной партитуры – смыслах-модализациях, определенных в средствах текстопостроения.

1.3. Модальность как поле языкового сознания

В деле определения статуса модальности среди других явлений языка самостоятельный аспект образует вопрос о применимости к модальности ви-

дового термина «категория», а также более широкого, родового понятия «поле» или «домен». Следует также указать, что термин «поле» может употребляться с различными определениями: логико-психологическое, понятийное, функционально-семантическое.

Наибольшее распространение получил термин «понятийное поле», восходящий к трудам О. Есперсена. В работах А.В. Бондарко данное понятие употребляется параллельно с термином «функционально-семантическое поле». Критерии разграничения этих понятий отличны в разных работах автора. Помимо того, термин «поле» иногда является синонимичным понятию «категория». Так, например, в одной из своих работ А.В. Бондарко указывает на необходимость замены термина «понятийная категория» более точным «функционально-семантическая категория». Такой подход обеспечивает изучение языковых явлений на основании общности выполняемой семантической функции и вне логической парадигмы, сконцентрировав внимание исследователей на собственно языковых категориях, обладающих языковым содержанием и языковым выражением [Бондарко 1971: 8]. В более поздних работах допускается параллельное, хотя и специфическое применение каждого из данных понятий, при этом подчеркивается, что понятийное поле следует рассматривать применительно к любому языку, тогда как соответствующие функционально-семантические поля входят в семантическое содержание конкретных языковых систем [Бондарко 1983: 61]. Таким образом, понятийные категории находят выражение в речи через привязанные к номинативным ресурсам определенной языковой системы «языковые семантические функции», распознавание которых лежит в основе процесса понимания в ходе коммуникации [Бондарко 1978: 79]. Соответствующее разделение получают и понятия «поле» и «категория»: выделяются понятийные категории (возможности, долженствования, побудительности, одновременности, предшествования, следования и т.п.), их типовые сочетания (признак – носитель признака, действие и субъект, объект и адресат т.д.) и понятийные поля (например, модальности, аспектуальности, каузальности) и их группировки

[Бондарко 1983: 61]. Нужно заметить, что термин «поле» в такой трактовке выступает как нечто более широкое, чем понятие «категория». Категории могут быть рассмотрены как параметры характеристики определенного поля. Так, побудительность, возможность, долженствование будут относиться к описанию поля модальности; одновременность, предшествование, следование – к характеристике поля аспектуальности и т.д.). В рамках настоящей работы нас интересует взаимодействие разноуровневых блоков идеального в речевом сообщении (тексте), причем выводы о механизмах организации такого взаимодействия, в основном, делаются безотносительно конкретной языковой системы, хотя эмпирические данные, подкрепляющие их, не могут не быть связаны с одной из таких систем. Исходя из этого, термин «понятийное поле» оказывается более удобным. Однако представление о том, чем является такое поле на примере поля модальности, может быть расширено и в таком виде включено в научную парадигму филологической герменевтики.

Интересно, что в более поздних работах по теории грамматики исследователи снова возвращаются к термину «грамматическая категория» как аналогу функционально-семантической категории. Например, отмечая, что невозможно говорить об универсальных грамматических категориях, а правомерно рассматривать грамматические категории только конкретного языка, В.А. Плунгян в то же время говорит о наличии единой семантической субстанции, которая образует основу плана содержания для всех языков, но из которой каждый язык выбирает только часть в определенном фокусе. Автор указывает, что анализ грамматических показателей в разных языках позволяет выявить элементарные повторяющиеся семантические компоненты, «грамматические атомы», которые составляют «универсальный грамматический набор», ту самую субстанцию плана содержания для человеческого языка. Семантически близкие атомы образуют «семантические зоны», а объединение нескольких зон дает «домен». Модальность образует такой домен, в который входят различные зоны, например зона оптативности [Плунгян 2011: 19, 94–95]. Таким образом, термин А.В. Бондарко «понятийное поле»

соответствует используемому В.А. Плуноном понятию домена. Понятие «зона» можно также с натяжкой поставить в соответствие термину «категория». Другим возможным вариантом является модель, в которой «зона» перекрывает лишь часть семантического содержания «категории». Не вдаваясь в особенности терминологического соотношения указанных объяснительных моделей, следует подчеркнуть выделяемую комплексность понятия «поле» («домен»), состоящего из некоторого набора подчиненных блоков (категорий, зон). Такое структурирование, несомненно, является актуальным и правомерным в исследованиях, ориентированных, прежде всего, на изучение языка. В настоящей работе, фокусом исследовательских интересов является художественный текст как значимый формат реального существования, применения языковой системы. Языковые средства разных уровней оказываются так тесно переплетены в тексте, что их структурированность не осознается. Более важным становится взаимодействие материального и идеального в тексте. Поэтому мы не будем проводить четкие границы между понятийными блоками, составляющими категорию модальности. Далее будут приведены лишь несколько примеров, иллюстрирующих преломление в тексте свойств конструкторов, вхождение которых в поле модальности представляется наиболее спорным. Это касается семантических категорий (зон) ирреалиса и эвиденциальности (см. об этом ниже).

Если рассматривать понятийные категории в традициях когнитивной лингвистики, согласно которой такую категорию формируют концепты как единицы, принадлежащие человеческому сознанию, но облакаемые в различные языковые формы в процессе речевого взаимодействия [Слышкин 2000], получается, что понятийные категории, или точнее, их различные сочетания, предстают в качестве движущей силы, организующей смысловой заряд (ядро) каждого речевого произведения (ср. с цитированным выше положением теории А.В. Бондарко о детерминированности процесса понимания распознаваем языковых семантических функций). При этом подчеркивается двунаправленность понятийной категории, которая оказывается связанной и с

мыслительной областью сознания, и с системой языка [Худяков 1999]. При этом именно манифестируемая через понятийные категории связь системы языка и структуры сознания будет определять и направлять ход извлечения информации при понимании речевого сообщения.

Примечательно также, что акцент на извлечении информации из сообщения указывает на ограничение теорий понятийных категорий, как у А.В. Бондарко, так и у когнитивистов, уровнем содержания в его понимании в рамках настоящей работы. Это затрудняет переход к описанию уровня смыслов. Однако использование набора типовых механизмов построения стандартных конструкций не исключает, а, наоборот, делает возможным опредмечивание именно смыслов, в той или иной степени обусловленных содержанием установками создающего речевое произведение субъекта.

Смысловая нагрузка высказывания закладывается уже в точке исходного формирования идей – общей смысловой направленности сообщения. Не следует путать её с иллюкативной целью, поскольку в данном случае в фокусе оказывается не достижение прагматических целей (цели как таковой – т.е. стремления добиться изменения ситуации – может вообще не быть). Речь идет о значимых преобразованиях мира собственной души, онтологической конструкции духа (по Э. Гуссерлю).

В этой связи представляется, что в ходе описания разрядов разнородных языковых средств, способных консолидироваться с целью выражения некоего смыслового замысла в конкретном речевом произведении, не менее важным является рассмотрение свойств и природы того семантического ядра, которое «стягивает» весь калейдоскоп способов собственной языковой и речевой манифестации. Иными словами, необходимо более тщательно рассмотреть свойства модальности как понятийного поля или домена в контексте преломления этих свойств при использовании модальности в тексте. Последнее позволяет судить о семантической субстанции этого феномена. Последняя рассматривается в аспекте изучения её свойства управлять распределением смысла в тексте. Указанное свойство реализуется через обуслов-

ленный модальной партитурой тип взаимодействия блоков содержания и блоков смысла. Уровень смысла рассматривается как план более высокой структурной организации, несомненно, более значимый, чем уровень содержания. Последнее не исключает влияния способа организации содержания на смысл. Следовательно, модальность может пониматься как поле языкового сознания, управляющее стратегиями формирования смысловой структуры речевых сообщений (текстов).

Поле модальности может взаимодействовать с другими полями сознания (оценки, аспектуальности, времени). Однако существует проблема определения категориальной характеристики этого поля. Так, спорным вопросом является включение категорий ирреалиса и эвиденциальности в поле модальности.

Характеристика пропозиции как реальной/ирреальной может рассматриваться как понятийное содержание глагольной категории ирреалиса, по поводу которой было много споров в научном сообществе. Эта категория уже по своему названию обнаруживает связь с модальностью. Многие авторитетные отечественные исследователи (В.А. Плунгян, Ю.П. Князев, Ю.А. Ландер, А.Ю. Урманчиева и др.) считают ирреалис самостоятельной семантической зоной, определенным образом взаимодействующей с модальностью. Тогда как за рубежом высказывается мнение о необходимом вхождении ирреалиса в модальность (см., например: [Givón 1984, 1994; Roberts 1990]). А.Ю. Урманчиева вместо категории ирреалиса предлагает пользоваться термином «категория реальности ситуации», так как в этом случае в центре внимания оказывается именно противопоставления двух граммем реалиса и ирреалиса. Также утверждается, что указанные граммемы делят все множество глагольных форм в языке на формы выражающие реальность, и формы, выражающие ирреальность. При этом указанная категория оказывается «надстроенной» над всей глагольной парадигмой [Урманчиева 2004: 28–29].

В качестве грамматических форм ирреалиса В.А. Плунгян указывает будущее время, косвенные наклонения (эксплицирующие необходимость,

возможность, желание, намерение, побуждение, запрет, условие, уступку, эпистемическую оценку), некоторые формы эвиденциальности, выражающие неготовность говорящего принимать ответственность за истинность сообщаемого, ряд аспектуальных показателей (проспектив, хабитуалис, имперфектив) [Плунгян 2011: 446–447]. Как видно, и формы ирреалиса, и частично его семантика могут быть квалифицированы как модальные.

В контексте настоящего исследования важно не противопоставление языковых форм, выражающих реальность и ирреальность, но перевыражение этой оппозиции под влиянием смысловой структуры текста. Противопоставление реальности/ирреальности в любом тексте с логической точки зрения теряет смысл, так как любое вымышленное событие может быть представлено как реальное и наоборот. В тексте создается собственная система координат, преломляющая действительность в сознании реципиента, несмотря на то, что языковые средства (категория глагольного наклонения) способны однозначно сигнализировать об отнесении данного смыслового отрезка к группе реальных или нереальных событий. Рассмотрим следующий текстовый отрывок как пример использования индикатива для презентации условия как нереального:

«He went to the door and out of the room, shutting the door behind him. He nearly slammed it, but caught himself at the last minute and closed it softly. As Jem and I stared, the door opened again and Atticus peered around. His eyebrows were raised, his glasses had slipped. “Get more like Cousin Joshua every day, don’t I? Do you think I’ll end up costing the family one hundred dollars?”

I know now what he was trying to do, but Atticus was only a man. It takes a woman to do that kind of work» (Х. Ли «Убить пересмешника»).

Мысли главной героини романа сводятся к следующему: у её отца лучше бы получилось построить воспитательную беседу с ней и её братом, если бы отец был женщиной (нереальное условие). Для выражения этого компонента содержания используется настоящее простое, соотносимое с презентацией всеобщих закономерностей. В данной предикации одновременно

переплетаются две содержательные вариации модальности в её интерпретации как категории предложения: отношения высказывания к действительности (в этом фокусе предложение с индикативом рассматривается как реальное); и отношение говорящего к содержанию высказывания (Аттикус не может стать женщиной, и с этой точки зрения презентуемое условие является нереальным). Подчеркнем ещё раз, что пока анализу подвергаются лишь содержательные характеристики отрывка. Уровень содержания, образованного некоторым набором предикаций деформируется, искажается под влиянием смысловой структуры текста. Из приведенной иллюстрации видно, что указанное искажение может затрагивать уровень непосредственного языкового выражения: для презентации нереальности содержания условия используется простое предложение в индикативе. Далее необходимо рассмотреть то, как такое несоответствие отражается на модальных смысловых координатах текста.

Упомянутое искажение значения формы индикатива происходит не произвольно, оно интенционально обусловлено. Вектор искажения задается осознанно. Это значит, что смысловая партитура (основные смысловые узлы, подлежащие дальнейшему распредмечиванию, и их соотношение друг с другом) формируется в условиях постоянного двоичного выбора на уровне содержания (отнесение к плану реальности/ирреальности).

Что же происходит при распредмечивании смысловой конфигурации данного отрывка? В трех первых предложениях осуществляется повтор слова door вместе с личным местоимением-субститутотом. Дверь является элементом второго плана (описание места), но фокусировка внимания на незначительных деталях репрезентирует душевное состояние героя: Аттикус нервничает, ситуация дается ему нелегко. Его внешний вид согласуется с его душевной растерянностью, причем асиндетическое соединение частей соответствующего предложения актуализирует не динамику происходящего, а смятение чувств героя, для которого мир вокруг начинает утрачивать привычные логические связи. К комбинации средств, опредмечивающих смысл «душевное

смятение» помимо повтора и асиндетона присоединяется аллюзия-апелляция к общим знаниям о другом родственнике, когда Аттикус пытается пошутить, чтобы разрядить обстановку. Аллюзия указывает на желание Аттикуса переключить внимание на что-то менее актуальное и тревожное.

Следующий абзац оформлен взаимодействием временных планов: настоящего, будущего и прошедшего. В плане организации текстового времени реализуемый прием может быть охарактеризован как проспекция-ретроспекция, поскольку рассказчик переносится из времени своего детства в будущее, которое одновременно является настоящим, затем снова в прошедшее и, наконец, в неопределенное настоящее. Взаимодействие временных планов рассматривается нами как средство текстопостроения, способное опредмечивать смысл. В данном случае это смысл «желание перестроить реальность» для того чтобы, мама была жива. Этот смысл выступает в качестве смысла-модализации рассматриваемого смыслового кластера. Результатом взаимодействия временных планов является то, что неопределенное «a woman» начинает читаться как конкретное «Mother». В описываемой ситуации в прошлом Аттикусу и детям её не хватало, реальное значение собственной потери девочка осознает только много лет спустя, когда понимает, как трудно было её отцу одному воспитывать её и брата. Соединяясь со смыслом «тоски по матери» и рассмотренным выше смыслом «душевной растерянности», смысл-модализация «желание перестроить реальность» задает параметры искажения значений, образующих план содержания текста. Реальная форма «втягивается» в план ирреальности, рассматриваемый как более соответствующий желаниям героев. При этом уровни содержания и смысла максимально тесно взаимодействуют, влияя друг на друга.

В координатах текста романа Х. Ли упомянутый смысл «тоски по матери» неоднократно используется, пронизывает всю смысловую ткань романа. Аттикус Финч – вдовец, воспитывающий сына и дочь. Он замечательный отец и человек, достойный уважения – в глазах его дочери, от лица которой ведется повествование. Никаких сведений о матери не дается. Джин Луиз не

помнит её. Никто о ней не говорит, даже сам Аттикус. Но грусть из-за постигшей его и детей потери присутствует в описании целого ряда ситуаций. Например:

“Aw, that’s a damn story,” I said.

“I beg your pardon?”

Atticus said, “Don’t pay any attention to her, Jack. She’s trying you out. Cal says she’s been cussing fluently for a week, now.”

...

But at supper that evening when I asked him to pass the damn ham, please, Uncle Jack pointed at me. “See me afterwards, young lady,” he said.

When supper was over, Uncle Jack went to the living-room and sat down. He slapped his thighs for me to come sit on his lap. ... “You’re more like Atticus than your mother,” he said (Х. Ли «Убить пересмешника»).

В данном отрывке дядя Джин Луиз берет на себя обязанность читать ей нравоучения по поводу того, что она ругается (*a damn story, I asked him to pass the damn ham*), поскольку её отец не придает столь вопиющему факту большого значения. Примечательно, что Джек начинает беседу с девочкой с того, что говорит, что она больше похожа на своего отца, чем на мать. В данном контексте смысл «тоски по матери» снова присутствует даже в словах персонажа, лишь на короткий срок введенного в повествование (дядя Джек приехал на несколько дней). Так автор подчеркивает то, что детям очень не хватает матери, хотя ни они, ни Аттикус об этом не говорят. Интересно, что Джин Луиз в основном зовет отца по имени – Аттикус – раз нет матери, семья неполная и отец теряет часть своих властных функций. Для Джин Луиз он, скорее, друг, чем отец.

В плане соотнесения языкового выражения (выбора индикатива или сослагательного наклонения), непосредственно соотносимого с планом содержания (реальности или нереальности условия) и опредмечивании соединяющего их смысла во втором примере мы снова имеем дело с использованием настоящего простого для выражения нереального желания – Джек хотел бы,

чтобы Джин Луиз была похожа на свою мать и вела себя как юная леди. Исходный смысл «тоски по матери», переживание потери, восстанавливаемый из ситуации мыследействования автора остается неизменным. В этом случае подтверждается первичность смысла по отношению к содержанию. Однако формируемые содержательные блоки актуализируют смысл при его распределении. Выбор полюса из оппозиции значений реальности/ирреальности в плане противопоставления такого выбора на уровне содержания и на уровне смысла выводит субъекта в активную рефлексивную позицию, интенсифицирует процесс распределения смыслов текста.

Закономерно возникает вопрос: является ли опредмечиваемый таким образом смысл всегда модальным? В приведенных примерах смысл, актуализирующий переживание смерти матери связан с введением читателя в ситуацию мыследействования героев и самого автора. Типичная ситуация потери близкого человека окрашивается индивидуальными переживаниями детей, их отца и родственников. Тот, кто читает такой текст, даже если сам никогда не проходил через подобное, начинает сочувствовать персонажам романа, формируя собственное отношение. В этом аспекте свернутый в тексте смысл всегда модален, поскольку заставляет реципиента менять собственную рефлексивную реальность. Напомним, что в предлагаемой нами модели общая «модальность» смысла достигается благодаря узловым смыслам-модализациям, упорядочивающим и направляющим процесс рефлексивного действия при распределении смыслов безмодальных, не связанных с параметрами изменения реальности в тексте. При их включении в указанный процесс смыслы модализируются под влиянием изменения функции и включаются в общую смысловую партитуру, которая становится цельной, единой. Помимо того смыслы растягиваются, наращиваются, вступают в смысловые конфигурации. В приведенных выше примерах модализированный смысл «тоски по матери» выступает в качестве самостоятельного смысла-модализации в дальнейшем. Таким образом, осуществляется консолидация смыслового стратума текста.

Следует оговориться, что при описании семантического ядра поля модальности в оппозицию реального/ирреального может также вводиться компонент виртуального. В этом случае терминологическим основанием такого усложнения будет лингвистическая теория возможных миров. Применение исследовательского инструментария указанной концепции находим в [Зеленщиков 1997]. Несомненно, что семантика возможных миров может рассматриваться как удобная эвристическая основа для исследования модальных понятий [Иванова 2001: 196]. Однако данный подход, с нашей точки зрения, в сравнении с возможностями научной парадигмы филологической герменевтики менее удобен в плане выявления роли модальности в управлении процессом формирования смыслового единства художественного текста.

Еще одной категорией, включение которой в языковое бытие поля модальности может быть охарактеризовано как дискуссионное, является категория эвиденциальности. Еще Ф.Р. Палмер говорил о необходимости учета культурно обусловленных различий в понятийном содержании эпистемической модальности в разных языках. Эти различия связаны с особенностями восприятия и отображения реальности. В основном это касается того, полагаются ли человек на сенсорно воспринимаемые ориентиры и данные, полученные от других людей (свидетельства), или на собственные рассуждения, ментально обработанные данные (логические выводы, суждения). Соответственно, на содержание эпистемической модальности могут влиять две системы: система свидетельств (evidentials) или система суждений (judgments) [Palmer 1986: 53].

Следует отметить, что собственные рассуждения и выводы, не имеющие опоры на непосредственный эмпирический опыт субъекта, также могут относиться в эвиденциальному типу представления информации. Так, В.А. Плунгян отмечает, что семантическая зона эвиденциальности, сигнализирует о способе доступа к информации: непосредственном – от органов чувств или в виде сообщения о собственном эмоционально-ментальном состоянии, путем личного участия в ситуации; или опосредованном – как сторонний

наблюдатель или на основании собственных знаний о мире, чужих слов. При этом эвиденциальность обнаруживает связь с модальностью либо в виде модализации показателей эвиденциальности, либо в виде использования показателей эвиденциальности в собственно модальных контекстах. Подробнее см.: [Плунгян 2011: 485–487].

В целом, можно утверждать, что категория эвиденциальности связана с модальностью на основании того, что благодаря указанию на источник информации осуществляется включение *отношенческой* позиции одного субъекта в речевое произведение другого. Наиболее удачный, с нашей точки зрения, опыт изучения такого расширения свойств категории эвиденциальности на уровне текста представлен в работе Б.А. Успенского, который рассматривал влияние «чужого слова» в тексте на динамику взаимодействия представленных в нем «точек зрения». «Точка зрения» почти буквально воспринимается как «зрительная позиция» наблюдателя (автора) по ходу развертывания текста (ср. с изначальной трактовкой этого понятия как отношения того, кто говорит, к тому, что говорится у П. Лаббока [Lubbock 1921]). Указанная позиция может быть единично (или множественно) представлена сразу в нескольких планах: идейно-ценностном, фразеологическом, пространственно-временном и психологическом [Успенский 2000: 12, 18 и далее]. Использование «чужого слова в авторском тексте» (отсылка к отношенческой позиции другого – Е.И.) связывается с планом фразеологии (речевой характеристики) и реализуется различными способами. Это могут быть различные наименования лиц (свойственные тому или иному персонажу в зависимости от его привычного отношения к этому лицу – *Вова, Володя, Владимир Иванович, Иванов*); различные элементы чужого текста (характерные для того или иного персонажа) с указателями его границ (кавычки, частицы *де, мол, дескать*); несобственно-прямая речь [Там же: 40–67].

Рассмотрим, как указанное взаимодействие – объединение отношенческих позиций различных субъектов в тексте – влияет на организацию его

смысловой структуры. В качестве примера такого взаимодействия приводится рассказ Я. Шипова «День рыбака».

«Транспорт всегда найдем: оставайтесь... Тем более что сегодня всеобщий праздник: День рыбака... Я прочитал книжку, которую вы моей жене подарили, – Евангелие называется: там к рыбакам большое уважение...»

Далее описывается процесс рыбалки, в которой, что немаловажно, участвуют дети: главный герой – председатель колхоза – позвал «отроков, сигавших с обрыва», помочь ему прикрепить к бредню грузила. А в конце рассказа следующее:

«Когда возвратились к машине, выяснилось, что чтение святого писания подвигло председателя не только на рыбалку.

– Хочу, – заявляет, – креститься.

– Это, – говорю, – можно.

– Хочу прямо сейчас, в реке.

– И это, – говорю, – можно. – И окрестил его». (Я. Шипов «День рыбака»)

Путь к вере председателя – человека взрослого, в годах – путь ребенка. Он воспринял все, что в этой «книжке» написано как единственную истину, потому что изнутри и сразу поверил. Поэтому его вера чистая, лишённая сомнений. Она будет руководить всей его простой жизнью, где всегда будет место празднику, например, Дню рыбака. Светлые праздники, причем связанные не только со священными днями, – неотъемлемая часть жизни христианина, поскольку праздники призваны подчеркивать радость бытия, и, как известно, радоваться по-настоящему могут только дети и ещё те, кто до старости остается ими. Смысл «вера ребенка» в тексте соотносится с типической областью сознания, в которой хранится образ детской веры, когда все воспринимается живо и непосредственно, когда все просто и имеет только один вариант развития. И именно такое понимание облика христианина рассматривается автором как наиболее естественное, правильное. Точка зрения председателя-ребенка соединяется с представлением об истинной вере в биб-

лейском тексте, на что указывают ссылки на содержательные реалии данного прецедентного текста (рыбаки, крещение в реке) и каламбурное использование фразеологического маркера исходного текста («сигающие *отроки*»). Диалог ценностных ориентиров двух текстов, реализуемый во взаимодействии отношенческой позиции персонажа и идеальной отношенческой позиции Библии (Бога) к тому, какой должна быть вера, восстанавливает представление о таком диалоге самого автора, который с помощью различных средств актуализации иронии (каламбур; парцелляционное оформление прямой речи: *Хочу, – заявляет, – креститься*; анафорического повтора союза: *И это, – говорю, – можно. – И окрестил его.*) выражает свою оценку такого взаимодействия. Авторская отношенческая позиция также включается в текст и объединяет весь смысловой план рассказа.

Следующий отрывок из повести Л.Н. Толстого «Казачья жизнь» иллюстрирует взаимодействие оценки различными персонажами одного события на основе включения этой оценки в речь других героев с помощью средств презентации чужого слова:

«– Вишь, дело-то, – сказал Назарка, – дедука Бурлак что сказал: "Много ли коней украл?" Видно, знает.

– Колдун! – коротко ответил Лукашка. – Да это что? – прибавил он, встряхнув головой. – Уж они за рекой. Ищи.

– Все неладно.

– А что неладно! Снеси чихирю ему завтра. Так-то делать надо, и ничего будет. Теперь гулять. Пей! – крикнул Лукашка тем самым голосом, каким старик Ерошка произносил это слово».

Лукашка и Назарка, казаки, военные, служащие государству, украли в ауле коней ради личной наживы. Дедука Бурлак – персонаж, осуждающий такой недостойный солдата поступок. Дядя Ерошка – старый казак, отслуживший свое, всегда хвалил такие проявления казацкой удалости. Для него воровство и разбой – нормальные проявления казачьего духа, поскольку казак не солдат, служащий господину холоп, а вольный молодец, сам себе хозяин.

Когда Ерошка приходит отметить с казаками их славный подвиг, он говорит: *«Ну, сказывай, черт, где украл? – прокричал дядя Ерошка. – Молодец! Люблю!»*

Интересно, что все персонажи, фигурирующие в отрывке, кроме дедушки Бурлака, именуется с прибавлением просторечного уничижительного -ка: *«Поехали мы с Гирейкой, – рассказывал Лукашка»*. Такому использованию имен собственных на протяжении всей повести автор дает пояснение только в цитируемом отрывке, взятом из 37 главы: *«Что он Гирей-хана называл Гирейкой, в том было заметное для казаков молодечество»* (Л.Н. Толстой «Казаки»).

Как видно из анализа примеров, средства категории эвиденциальности в тексте, в основном участвуют в опредмечивании ценностных позиций героев в рамках разворачивания смысловой структуры текста, что помогает ввести при категоризации значений оператор оценочности. Построения такого рода участвуют в осуществлении алгоритма распределенного смысла, предопределяемого модальной партитурой текста. Одновременно происходит интенсификация рефлексивного действия, что выводит воспринимающего субъекта в активную позицию. Активность такой позиции связана с необходимостью формирования у читателя собственного отношения на основе взаимодействия отношенческих позиций персонажей с включенными в их высказывания позициями других героев, а также позиции автора.

Таким образом, в тексте средства категории эвиденциальности, позволяющие соединять отношенческие позиции различных субъектов, как и языковое разделение форм реалиса/ирреалиса, интегрируются в рамках развертывания партитурно организованной системы средств текстопостроения, объединяемых текстовой модальностью.

1.4. Возможности типологического разбиения модальности

Если набор средств, эксплицирующих модальные значения, не отличается однозначной соотнесенностью с модальностью, можно ли говорить о

максимально абстрактном, но, все же, типическом единстве выражаемого в «модальных» высказываниях содержания? Учеными, как в рамках логики, так и в рамках лингвистики, были выделены, по крайней мере, три типа такого «общего» содержания на основе неоднократно упомянутого выше понятия «отношения». Данное понятие может расширяться и представляться в виде трех отношений: отношение высказывания к действительности, отношение говорящего к содержанию высказывания, и отношение субъекта к предиктируемому ему предикативному признаку [Золотова 1973: 142]. Однако необходимо заметить, что в данном случае надсодержательные связи и отношения, которые управляют процессом включения модальных компонентов в текст, остаются неохваченными, выведенными за рамки научного рассмотрения. Между тем, представляется, что комбинации языковых средств конкретного текста способны предоставить данные о смысловой основе его модальной организации.

Здесь следует подчеркнуть, что модальность не имеет «прямого» отношения к плану «голых» значений (значений как единиц только содержания, не связанных со смыслом). Осваивая модальные компоненты глубинной структуры высказывания, реципиент вынужден отвлекаться от явно данного содержания пропозиции и погружаться в более тонкий план связей и отношений, которые в поверхностной структуре зачастую вербально не выражены. Ср.: Е.В. Падучева относит противопоставления по модальности к вариативности на уровне глубинной структуры предложения-высказывания и рассматривает модальные модификации как «единственный источник различия смыслов» [Падучева 1974: 196–199].

Необходимо оговориться, что в данном случае сказанное скорее относится к объективной, а не к субъективной модальности. Относительно указанного разделения нет единого мнения, особенно в связи с выделением параметров взаимодействия модальности и предикативности. Так, если по В.В. Виноградову соотнесение высказывания с действительностью является сферой функционирования объективной модальности [Виноградов 1975: 55], то

В.З. Панфилов выбирает в качестве непосредственного коррелята предикативности, наоборот, модальность субъективную [Панфилов 1982: 164] (ср. с мнением Г.Я. Солганика, который подчеркивает обязательное наличие субъективной модальности в любом высказывании [Солганик 1981: 103]). Однако при этом указывается на необходимость удаления субъективной модальности (в отличие от объективной) из сферы описания содержания как пропозициональной структуры, отводя ей роль формально-грамматического показателя (значения), отвечающего за разнообразие языкового оформления, т.е. формы, а не содержания [Панфилов 1982: 170]. С указанным утверждением нельзя согласиться, поскольку тогда необходимо признать, что человеческая субъективность в языке не выражается нигде кроме формы избираемых для передачи мысли конструкций. Помимо того, в большинстве случаев, вслед за изменением формы языкового выражения следуют необратимые изменения в опредмечиваемом смысле, что осознается как при рецепции, так и при продукции текста. О диалектическом единстве формы и значения находим у Г.А. Золотовой [Золотова 1973: 140–141], социально типизированных языковых форм и смысла у Г.В. Степанова [Степанов 1988: 59, 149], средств текстопостроения и опредмечиваемых в них смыслов у Г.И. Богина [Богин 2001: 75].

В концепции Г.А. Золотовой параметр субъективность/объективность дополняется отношенческой компонентой. Автор говорит об «основной, предикативной» модальности, которая рассматривается как характеристика предложения в контексте реальности/ирреальности, выражая отношение высказывания к действительности (ср.: объективная модальность у В.В. Виноградова – Е.И.) [Золотова 1973: 142, 147]. Предикативной модальности противопоставляется внутрисинтаксическая модальность, отвечающая за обозначение отношения субъекта действия к производимому действию (предикативному признаку) [Золотова 1973: 151–52]. При этом остается не совсем понятным, относится ли указанная разновидность модальности к субъективному или к объективному типу. Термину «внутрисинтаксическая модальность» в концепциях других ученых соответствуют: внутренняя модальность

[Ермолаева 1964: 98], модальность предиката [Лекант 1986: 92–102], предметная модальность [Ваулина 1993: 17–18]. Между двумя указанными типами модальных значений находится третье: отношение говорящего к содержанию сообщения [Золотова 1973: 147]. Последняя модификация, по видимому, обозначает субъективное начало модальности.

В этой связи следует отметить априорное применение самого термина «отношение», который использовался Г.А. Золотовой и многими учеными-исследователями языковой модальности (ср.: модальность как отношение говорящего к содержанию высказывания – “*opinion or attitude*” [Lyons 1977: 452]). Термин «отношение» участвует не только в описании структуры понятийной основы модальности. Синтаксическая связь, как известно, тоже является своеобразным типом отношения. В этом случае оно интерпретируется как некоторая формально выраженная или не имеющая формального выражения взаимная обусловленность элементов [Иванова, Бурлакова, Почепцов 1982: 117].

Следует отметить, что сами термины «объективная модальность» и «субъективная модальность» имеют в научной традиции ряд альтернатив помимо упомянутых ранее модальностей внешнесинтаксической и внутрисинтаксической. Так, наиболее ранним противопоставлением является разделение модальности на унилатеральную (безусловную, омонимичную) и билатеральную (условную, аксидентальную) (см.: [Аристотель Об истолковании 13. 23 а 14–15; т.2: 112; Луканин 1984: 138]). В указанном сочинении Аристотеля рассматриваемая оппозиция основывается на фундаментальном противопоставлении сущего в действительности, представленного в виде единственного варианта, который не может одновременно быть и не быть, и сущего в возможности, представленного в виде виртуального варианта, который, напротив, может стать или не стать тем, что он есть в возможности [Метафизика 4. 5. 1009 а 32–37; Т. 1: 135]. Данная трактовка укоренилась в логике и лингвистике: соответствующие типы модальности получили название *de dicto* и *de re*. Однако разница между ними была интерпретирована в соответ-

ствии с логическим и далее лингвистическим делением суждения (предложения) на части. Модальность *de dicto* стала рассматриваться как приписываемая целому суждению, а модальность *de re* приобрела статус свойства предиката [Смирнов 1981: 7–8; Вольф 2006: 14].

Наибольшую известность также приобрела концепция Ш. Балли, который выделял модальность диктума как чисто фактуальное представление действительности и модальность модуса, отвечающую за психическое пере-выражение этой действительности мыслящим субъектом [Балли 1955].

Среди других интерпретаций типологического разделения модальности на блоки с доминирующим объективным или субъективным параметром квалификации следует снова упомянуть деление модальности М. Халлидея на модуляцию (*modulation*), выступающую как часть пропозиционального содержания предложения и собственно модальность (*modality*), отражающую позицию субъекта относительно продуцируемого высказывания [Halliday 1976]. Дж. Лич говорит о необходимости различения фактической и теоретической модальности [Leech 1987]. Дж. Андерсон определяет в качестве основного критерия разбиения степень модального осложнения высказывания и выделяет соответственно несложную (*non-complex*) и сложную (*complex*) модальности [Anderson 1971].

Необходимо также остановиться на соотношении основного рассматриваемого противопоставления (модальностей объективной и субъективной) с дихотомией «деонтическая модальность vs. эпистемическая модальность», ставшей популярной благодаря работам Дж. Лайонза [Lyons 1977] и Ф.Р. Палмера [Palmer 1979]. За деонтической, или не-эпистемической модальностью, закрепляется функция выражения побуждения (долженствования) или разрешения, т.е. волеизъявления говорящего по поводу поведения субъекта предложения. Тогда как эпистемической (субъективной) модальности отводится роль выразителя степени достоверности информации с точки зрения говорящего [Панфилов 1982: 164]. Такое разделение также имеет отношение к взаимосвязи модальности и типа предложения. При этом разграничение

также проводится на уровне «тип предложения – тип высказывания» [Lyons 1977: 745; Palmer 1986: 24–26].

Относительно однозначности противопоставления эпистемической и деонтической модальностей с одной стороны и субъективной и объективной модальностей с другой стороны, однако, существуют серьезные сомнения. Например, Дж. Лайонз указывает, что в обоих типах модальности (эпистемической и деонтической) можно найти черты как субъективной, так и объективной модальности [Lyons 1977, 1982]. Во-первых, сама семантика волеизъявления подразумевает личностную интерпретацию ситуации говорящим на основе квалификации действия как желательного/нежелательного, т.е. субъективная воля говорящего сохраняет статус доминантного фактора. Ср.: Р. Квирк отмечает, что желание субъекта речи является единственным условием для актуализации пропозиции [Quirk et al. 1985].

Выход возможен, если разделить деонтическую модальность на собственно модальность волеизъявления и «динамическую» модальность, содержащую в своей семантике «общую необходимость», не связанную с желаниями говорящего, существующую как данность [Coates 1983; Perkins 1983; Bolinger 1989]. Ср.: Ф.Р. Палмер говорит о «деонтической необходимости» и «деонтической возможности» [Palmer 1986: 98]. Согласно И. Депрэтиэ и С. Рид все модальные значения, так или иначе, могут быть определены как восходящие к блоку необходимости/возможности [Depraetere, Reed 2006: 274]. Об этом также см.: [Van der Auwera, Plungian 1998: 80]. Так, модификациями значений необходимости/возможности в рамках деонтической модальности являются значения наложения обязательств (*obligation*) или дачи разрешения (*permission*) [Depraetere, Reed 2006: 277].

О динамической модальности говорил и Э.Х. Фон Райт. В качестве её понятийных максимум он рассматривал способность (*disposition*) и умение (*ability*) [Von Wright 1951: 28]. В этом случае деонтическая модальность в её динамической интерпретации оказывается способной отражать степень фактивной (не определяемой говорящим) необходимости или возможности неко-

того действия и её можно рассматривать как коррелят объективной модальности. Существует и формальное подтверждение выделению динамической модальности в отдельный тип: по Ф.Р. Палмеру важным критерием отличия эпистемической и деонтической модальностей от модальности динамической является неспособность для двух первых и возможность для последней иметь форму прошедшего времени [Palmer 1986: 100].

Помимо динамической модальности предлагалось ввести другие типические разновидности для описания деления модальности на понятийные блоки. Однако такие попытки вызвали лишь очередной виток спора. Проблематично выделение экзистенциональной (ассерторической) модальности [Von Wright 1951: 1–2], которая может быть выражена в английском с помощью предложений с модальными глаголами *can* и *may*: *Lions can be dangerous* [Leech 1969: 223]. Однако при этом языковая форма и значение таких выражений, по мнению Ф.Р. Палмера, неотличимы от эпистемической модальности – ср.: *Some lions are dangerous* [Palmer 1986: 11] (ср. с упомянутым выше мнением В.В. Виноградова о соотношении изъявительного наклонения и модальности). Лайонз отмечает, что высказывания, содержащие лишь прямое выражение некоторых фактов (*straightforward statements of fact*) являются в эпистемическом смысле (в плане указания веры или знания как индикаторов модальности – Е.И.) безмодальными (*non-modal*) [Lyons 1977: 197]. Однако такие предложения Ф.Р. Палмер называет декларативными (*declarative*), отмечая, что в них все-таки выражено отношение говорящего к положению дел, коль скоро он решил представить его как неоспоримый факт. Следовательно, такие выражения также модальны [Palmer 1986: 27]. В качестве примера он приводит язык туюка (*Tuucsa*), в котором невозможны декларативные безмодальные предложения, поскольку каждое предложение имеет под собой некоторое обоснование в виде имеющихся у говорящего свидетельств. Выходом может быть признание декларативных предложений немаркированным членом эпистемической системы модальности [Там же: 29]. В основе декларативных суждений будет вера, поскольку знание усиливает степень вовле-

ченности говорящего в процесс утверждения и обоснование истинности позиции предложения. В качестве подобного немаркированного члена для деонтической системы Ф.Р. Палмер выделяет императивные предложения, поскольку побуждение к действию с модальным глаголом меняет возможности квалификации статуса говорящего и силы такого побуждения [Там же].

Ш. Сакахару рассматривает связочные предложения (copular sentences), которые для многих языков являются способом языкового оформления сообщений о фактах: *Jack is a student. Clinton is the president of the United States. Tully is Cicero.* Три указанных предложения, по его мнению, могут быть представлены как три различных типа таких предложений: предикационные предложения, идентификационные предложения и предложения установления идентичности соответственно (predication, identification and identity statements). Основанием такого разделения служит возможность перемены аргументов местами и степень их референтности. Для первого типа это недопустимо, поскольку второй аргумент референта не имеет, для второго – допустимо, однако, следует иметь в виду, что второй аргумент имеет ослабленную референтность, для третьего допустимо без ограничений, поскольку оба аргумента одинаково референтны [Sakahara 1996: 262–263]. Приведенный выше пример обсуждения статуса также связочного предложения (предикационного типа по Ш. Сакахару) *Some lions are dangerous* имеет содержательные отличия от предложенной Ш. Сакахарой системы типов. Компонента субъективности, личности говорящего в них нет и, следовательно, они, действительно, являются безмодальными. Однако следует заметить, что в при использовании таких конструкций в контексте квалификация их модального статуса может меняться.

Исключение ассерторических суждений из сферы семантики и языкового выражения модальности связано с противопоставлением фактивных (factive) и нефактивных (non-factive) моделей [Kiparsky and Kiparsky 1971: 345]. При использовании фактивной модели говорящий лично подтверждает истинность того, о чем он говорит, тогда как в случае применения нефактивной

модели говорящий не берет на себя обязательства подтверждения истинности сцепленной с его мнением пропозиции. Ср.: *Он сожалеет, что срок действия контракта истекает.* – *Он полагает, что срок действия контракта истекает.* Однако и то и другое высказывание в целом оформляют мнение говорящего по поводу некоторого положения дел, что заставляет Ф.Р. Палмера считать, что фактуальность (factuality) (термин используется для описания рассмотренных выше моделей П. и К. Кипарски) не может быть причиной отделения ассертивных утверждений от корпуса построений, детерминруемых модальностью [Palmer 1986: 18].

Другой возможной альтернативой выделенным основным типам модальности (эпистемической и деонтической) может быть противопоставление так называемой «корневой» (root) модальности эпистемической [Hofmann 1976: 85]. Однако Ф.Р. Палмер отмечает, что такой «корневой» модальностью, обеспечивающей нетривиальное понятийное основание модальности как в языке, так и общем представлении о человеческом бытии в мире, следует считать динамическую модальность [Palmer 1986: 103]. Динамическая модальность в его понимании включает в себе основную интерпретацию отношения субъекта к действию, а именно, способность его выполнить. В этом случае речь идет о «нейтральной» динамической модальности. Однако часто к значению способности (умения) примешивается значение волеизъявления, что подпадает под описание понятийной основы деонтической модальности.

При том, что статус рассмотренных выше эпистемической, деонтической и динамической модальностей оставался неизменным, теория речевых актов указала на возможность говорить также о комиссивной (commissive) модальности, оценочной (evaluative) модальности и модальности волеизъявления (volitive). Последние два типа попадают под определение экспрессива в [Searle 1983: 166]. Тогда как Н. Решер сходные контексты рассматривает как примеры оценочной (evaluative) и булумаической (boulomaic) модальностей [Rescher 1968: 24–26]. В качестве примера комиссивной модальности в английском Ф.Р. Палмер указывает использование shall со 2-м и 3-м лицом в

предложениях, выражающих угрозу или обещание [Palmer 1986: 115]. Модальность волеизъявления тесно связана с квалификацией пропозиции, относительно которой говорящий выражает свою волю как реально осуществимую или невозможную (мало возможную в реальности) [Jespersen 1924: 320–321; Palmer 1986: 115–117]. Оценочную модальность в предложениях *That he should do such a thing! I regret that he should do such a thing* Ф.Р. Палмер относит к деонтической модальности в широком смысле, поскольку говорящий ничего не утверждает, он лишь выражает свое отношение [Palmer 1986: 121].

Список типов модальностей может быть еще более расширен. Так, собственно логическая алетическая модальность по одним данным может быть включена в эпистемическую модальность [Coates 1983: 22], по другим в деонтическую (на основе выделения в её составе компонента общей необходимости/возможности) [Панфилов 1982: 164–166]. Другими возможными модальностями также могут быть временная, аксиологическая и избирательная модальности [Лагута 2000]. Вопрос включения временной парадигмы в модальность будет более подробно рассмотрен в третьей главе настоящей работы. Что касается интеграции информации об оценке действия с точки зрения системы ценностей (аксиологическая модальность) и информации о «позиции субъекта в процессе принятия решения» (избирательная модальность), то указанные модальные квалификации также могут быть отнесены к сфере функционирования субъективной (эпистемической) модальности на основе выделения в их семантике в качестве ведущего компонента презентации личностной позиции говорящего.

Итак, важно еще раз подчеркнуть факт противопоставления двух типов модальности, который отмечается большинством исследователей (См.: [Гурычева 1959], [Ицкович 1958], [Маслов 1987], [Шведова 1960, 1987], а также [Русская грамматика 1980]), при признании их тесного взаимодействия и того, что языковые средства выражения обоих типов в основном совпадают. Последнее дает основание некоторым исследователям вообще отказаться от разграничения объективной и субъективной разновидностей модальности

[Дешериева 1987: 39]. Данное понимание модальности в её нерасчленимости представляется наиболее адекватным и принимается за основу в настоящей работе (см. также: [Ильина 2012: 27–30]). В предлагаемой нами концепции понятийное содержание языковой модальности следует разделять не на типы, а на модальные значения. Целостная система определенным образом взаимодействующих модальных значений составляет понятийную основу модальности как поля языкового сознания.

С герменевтических исследовательских позиций, как уже отмечалось, нас будет интересовать, прежде всего, участие модальности в задействовании рефлексивной реальности субъекта в процессе понимания текста. Ноэзис как то самое «задействование» в идеале происходит последовательно или одновременно во всех трех поясах системомыследеятельности, при этом возникает возможность осмысления компонентов опыта, включающего не только предметные представления, но и опыт коммуникации, а также опыт построения смысловых и метасмысловых парадигм в области чистого мышления [Богин 2001: 27–28]. Следовательно, модальность, как механизм, координирующий процесс связывания топосов из трех хранилищ опыта с целью освоения новой ситуации, должна отвечать за формирование ноэм, заключающих в себе и указание способа включения сообщения с его смысловой нагрузкой в собственное видение субъектом бытия (реального или мыслимого), и соотношение компонентов соответствующей языковой формы (в виде предикаций с их внутренними субъектно-предикатными отношениями), и перевыражение собственной позиции продуцента речевого произведения. Эта позиция сначала формируется в виде некоторой смысловой парадигмы чистого мышления и только затем облекается в языковую форму. При этом важно, что «при формировании ноэм кажущееся и реальное не противопоставлены» [Богин 2001 24], т.е. объективные (всеобщие, социально выработанные) компоненты смысла неотделимы от субъективного выделения набора специфически индивидуальных граней понимаемого. Указанный набор определяется характером сложного взаимодействия содержательности (содержа-

ние+смысл) текста и опыта реципиента. Окончание цепи действий по распределению смыслов текста в соответствии с заложенной в нем модальной партитурой указывает на завершение процесса синтеза объективной и субъективной сторон в понимании как объективации рефлексии. Поэтому для данной работы разделение модальности на объективную и субъективную с целью описания специфики смысловой основы и набора языковых средств для каждого из двух типов представляется неэффективным. Однако нами допускается возможность типологического разделения модальности в других возможных исследовательских целях.

1.4.1. Типологическая характеристика модальности через призму филологической герменевтики: оппозиция понятий «значение» и «смысл»

Выделение объективности и субъективности в качестве основных характеристик модальности, все же, представляется важным, поскольку они используются как основополагающие параметры описания понятийной, идеальной основы языковой модальности. Принимая во внимание бытующее в филологической герменевтике различение сфер применения понятий «значение» и «смысл», представляется возможным попытаться переосмыслить основания указанного типологического разбиения модальности в аспекте терминологического уточнения понятий «модальное значение» и «модальный смысл».

Перед тем как перейти к рассмотрению разграничения указанных терминов, следует отметить позицию А.В. Бондарко, который характеризует соотношение пропозициональной основы высказывания и модальных параметров его актуализации в речи как соподчинительную структуру. Он рассматривает субъективность говорящего в качестве основной организующей силы указанного процесса. При этом установки и интерпретация ситуации субъектом выступают в качестве сущностных параметров функционирования модальности как понятийного поля. В ядре поля модальности оказываются устанавливаемые говорящим отношения содержания высказывания к оппо-

зиции реальности/ирреальности. Указанное отношение может быть представлено в значениях: актуальности/потенциальности (возможности, необходимости, гипотетичности и т.п.); оценки достоверности; коммуникативной установки высказывания; утверждения/отрицания; засвидетельствованности (пересказывания/непересказывания) [Бондарко 2001: 37].

В пунктах указанного перечня, за исключением последнего, отражены параметры квалификации содержания основных известных модальностей – алетической, эпистемической, деонтической. Также немаловажным является то, что вместо формулировки «тип» модальности А.В. Бондарко использует понятие *значения*.

По нашему мнению следует говорить не о типах модальности, а о различных модальных значениях, которые могут быть выражены с помощью средств различных уровней языковой системы. Указанные значения есть продукт существования человека в мире смыслов, значительная часть которых образует понятийную основу языковой модальности в виде категоризированной системы языковых модальных значений: необходимости/возможности, долженствования/волеизъявления, способности/умения, веры/знания. Ср.: согласно концепции Московской семантической школы в человеческом языке выделяется особый круг фундаментальных значений, которые составляют основу семантической системы языка и, при определенных условиях, могут превращаться друг в друга. К таким значениям относятся значения уступки, условия, причины, цели, ряд фактивных и путативных значений, значения желания и намерения. Эти же значения далее называются системообразующими смыслами, входящими в большое количество языковых единиц разной природы (морфологических, лексических, синтаксических, словообразовательных) и при определенных условиях одинаково проявляющих себя относительно правил взаимодействия значений. Показательно, что среди прочих к ним относятся и модальные смыслы, которые или рассматриваются как семантические примитивы – мочь, знать, или как более сложные, но сводимые к таким примитивам смыслы – цель, готов, должен,

намерен. Так, смысл «цель» может рассматриваться как пример взаимодействия волеизъявления и возможности [Апресян В.Ю., Апресян В.Д., Бабаева, Богуславская, Иомдин, Крылова, Левонтина, Санников, Урысон 2006: 30, 52-53].

На уровне текста понятие «значение» в предлагаемой концепции соотносится с представлением о содержании текста как совокупности объединяемых контекстом значений (лексических и грамматических) составляющих его единиц. В настоящем исследовании нас также интересует соотношение содержания и смысла как основных уровней идеального в тексте с модальностью, которая рассматривается как универсальное средство, управляющее процессом взаимодействия указанных уровней.

Необходимо заметить, что, признавая важность выявления чисто когнитивных, не связанных с языком оснований взаимосвязи смысла и значения, т.е. того «до-лингвистического, концептуального содержания мыслимого, предшествующего его лингвистической структуризации в системе языка» [Костюшкина 2001: 120], мы подчеркиваем необходимость анализа отображения собственно языкового и речевого функционирования модальности в тексте в рамках выявления соотношения модального значения и модального смысла. В этой связи поддерживается мнение о том, что теория языка должна быть, прежде всего, эмпирической наукой [Devitt, Sterelny 1999]. С другой стороны, разведение философии и языкознания неоправданно [Кравченко 2001: 151]. Следовательно, при изучении модальности необходим разумный синтез когнитивных оснований изучаемых понятий в их общефилософской интерпретации и эмпирических свидетельств их взаимодействия в языке и тексте.

В настоящей работе акцент делается на интегративной природе смысла как конструкта, исследование которого необходимо для изучения и адекватного описания деятельности понимания текста. В этой связи А.А. Залевская говорит о поступательной организации такого процесса: от тела текста к значению каждого слова как «достоянию социума», далее – к концептам как

«достоянию индивида» и к смыслу, как интегративному продукту всей этой работы [Залевская 2005: 418]. В этом случае смысл предстает как конструкт, который на уровне текста стоит на самом высоком уровне его организации.

Значение и смысл часто признаются двумя «аспектами реализации знаковой функции языковых единиц». При этом за функцию в чистом виде отвечает именно смысл: «противопоставление значения и смысла, по сути, есть противопоставление системы и функции» [Кравченко 2001: 154–156]. По нашему мнению, герменевтическая концепция такого соотношения может быть разработана на основе анализа взаимодействия значения и смысла в тексте.

Во многих работах, рассматривающих соотношение смысла и значения, признается первичность значения по отношению к смыслу. Так, Н.А. Слюсарева связывает речевой аспект мышления только с внутренней стороной языка, актуализирующей в языковых значениях форм [Слюсарева 1963]. В.А. Звегинцев, указывая на динамическую природу смысла, его существование только в рамках конкретной ситуации, подчеркивает детерминированность всего хода производства смысла системой языка, отображающей реальность и, одновременно, помогающей плану объективной ситуации интериоризироваться и перейти во внутреннюю реальность конкретного субъекта [Звегинцев 2001: 97]. В.М. Солнцев говорит об определяющей роли значений в процессе смыслопорождения, указывая, однако, на несводимость смысла только лишь к сумме образующих его значений [Солнцев 1974].

В.З. Панфилов, принимая постулат о формировании смысла на базе значений языковых форм, отмечает относительную самостоятельность смысла, его лишь частичную зависимость от значений языковых единиц, поскольку с помощью ограниченного для данного языка набора языковых средств в речи способны выражаться такие смыслы, которые оказываются независимыми от значения любой из образующих речевое произведение языковых форм [Панфилов 1982: 35–37].

Смыслы могут выражаться и без посредства значений. Рассматривая взаимодействие уже сложившегося языка и языка в его творческой ипостаси (художественной речи), М. Мерло-Понти указывает на первичность последнего, т.е. на примат речевого смысла, а не языкового значения. В качестве естественного подтверждения автор указывает на тот факт, что язык способен выразить смысл не с помощью слов, а с помощью их отсутствия [Мерло-Понти 2001: 50].

Значение выступает как единица языкового сознания [Красных 2003: 35], сознания [Леонтьев 1994: 35]. Однако структура сознания включает не только значения. Строение человеческого сознания, согласно А.Н. Леонтьеву представляет собой соотношение трех блоков: значения, смысла и чувственного содержания [Леонтьев 1972: 293]. А.В. Колмогорова рассматривает значение как структурно оформленное знание, которое формируется в сознании людей, говорящих на одном языке, постепенно по мере накопления опыта обращения с языковыми знаками, которым в соответствие ставятся некоторые элементы внеязыковой действительности [Колмогорова, 2007: 10]. Ключевым моментом в этом определении представляется указание на постепенный характер становления языкового значения. По нашему мнению, главным фактором, влияющим на характер и конечный результат такого становления, являются смыслы, которые выполняют функцию фильтров: значениями становятся только наиболее частотные, значимые для данной языковой культуры смыслы [Богин, 2001]. Н.Л. Галеева отмечает, что по мере категоризации смыслы могут переходить в значения [Галеева 1999: 100].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, во-первых, не все смыслы становятся значениями – некоторые из них так смыслами и останутся и не будут зафиксированы языком в значениях, во-вторых, смысл должен быть связан с некоторой ситуацией, а не с дискретным обозначаемым языком объектом безотносительно конкретной ситуации его презентации сознанию (ср.: для Л. Витгенштейна смыслом могут обладать только предложения, но не имена [Витгенштейн 2008 (1921): 144]). Смысл в этом случае выступает

как способ данности предмета сознанию. Ср. «смысл это не что, а как» [Гогтишвили 2006: 367].

Смысл влияет не только на вариантную часть значения, но и на его инвариантную часть. Ср. определение дискурсивного типа знака особенностями алгоритма смыслопорождения [Колмогорова 2007: 51–52]. Интересно также, что значения предстают как «социальные абстракции, сформировавшиеся в актах коммуникации» [Мельников 1978]. По Ю. Кристевой именно текст является местом возникновения значений [Kristeva 1969: 37].

Среди концепций, характеризующих смысл и значение как соподчиненные друг другу, необходимо отметить точку зрения Л.С. Выготского, который разграничивал смысловое и фазическое синтаксирование, связанные со смысловым строем внутренней речи и значением внешних форм соответственно. Л.С. Выготский указывал на возможность перехода одного уровня в другой как качественную реорганизацию, обеспечивающую коммуникацию [Выготский 1956: 380–381].

Аналогично с упомянутой концепцией Л.С. Выготского, анализируя модификацию значений языковых форм и соотносимого с ними смысла в речевом контексте, А.В. Бондарко высказал мнение о том, что «... в речи ... мы имеем дело со сложным соотношением речевых реализаций языковых значений, с одной стороны, и речевого смысла, с другой» [Бондарко 1978: 42]. Под речевым смыслом Бондарко понимает те же «речевые реализации языковых значений», смысловой потенциал которых актуализируется благодаря воздействию контекстуальной, ситуативной и энциклопедической информации [Там же].

Определение того, что есть значение в языке, вызывает трудности. В некоторых случаях исследователи стараются уйти от прямого ответа на этот вопрос, представляя значение как некоторую концептуальную редукцию в плане выделения в качестве определения не объяснение сути, но некоторое существенное свойство значения. Так, А. Круз говорит, что «значением может считаться то, что влияет на относительную нормальность (relative nor-

mality) грамматических выражений» (предложений – Е.И.). При этом под «относительной нормальностью» автор понимает всю парадигму форм (pattern), включающую и нормальное и ненормальное употребление во всех возможных контекстах [Cruse 2000: 43]. Таким образом, значение может существовать только в речевой цепи (контекстуальный подход к значению), поскольку только при учете всех возможных окружений единицы можно судить о степени её уместности (нормальности) в том или ином контексте. Ср.: «Значение слова – набор предписаний относительно возможностей (ситуативно-контекстуальных) его употребления» [Келемен 1977: 107]. Введение единиц с тем или иным значением (лексическим и грамматическим) до определенной степени обуславливает ход развития мысли. Следовательно, значения, в свою очередь, оказывают влияние на опредмечивание смысла в тексте.

Общеизвестно, что значение изменчиво. Что же является причиной изменения значения? Наиболее поверхностным объяснением будет предположение изменения объекта внешней среды, с которым связан данный языковой знак или ощущение возможности связать данный знак с другим объектом. В основе такого изменения или переноса лежит модификация типа или сущностных характеристик взаимодействия человека как с реальным объектом, так и с языковым знаком, с ним связанным. Однако представляется возможным предложить и иной подход к объяснению изменчивости значения, а именно детерминированность изменения значения актуализацией ранее затемненных граней смысла. Под гранями смысла (понимаемого) имеются в виду «те стороны осваиваемой содержательности текста (смысл + содержание), которые лично и социально наиболее существенны для каждой герменевтической ситуации» [Богин 2009: 15].

Данные актуализации, если они масштабны, т.е. доступны большому количеству представителей данного языкового сообщества в различных текстах культуры, подвергаются категоризации и становятся частью соответствующего значения. Этим подтверждается первичность смысла по отношению к значению. В этом случае значение есть продукт бытия человека в мире

смыслов. В свою очередь, значение обеспечивает саму возможность и адекватность распределения (освоения) смысла. Значения, или, точнее, их объединения в определенные структуры, обеспечивают сворачивание смысла, его облечение в слова, предложения, тексты при говорении с последующим распределением в процессе понимания. Однако этот процесс опосредуется конструированием блоков содержания. При этом значения и смыслы оказываются рядоположены как различные компоненты одной и той же деятельности понимания [Щедровицкий 1974]. Также несомненно, что связь между смыслом и значением не должна представляться как причинно-следственная, но исключительно как двунаправленная [Колмогорова 2007: 45].

1.4.2. Типологическая характеристика модальности через призму филологической герменевтики: взаимодействие уровня содержания и уровня смысла в тексте

Не меньше спорных моментов возникает в деле разграничения уровней содержания и смысла в тексте. Общеизвестно, что сами термины «содержание» и «смысл» в многочисленных работах по семантике, семиотике и стилистике перекрывают друг друга. Так, в стилистической традиции объем понятия *содержание* представляется большим, чем объем понятия *смысл* (см., например: [Гальперин 2005: 210]). Указанное понимание соотношения рассматриваемых феноменов представляется не совсем точным, так как оно лишает трактовку смысла самостоятельности и ситуативной динамичности. Смысл рассматривается как строительный материал, т.е. как нечто вспомогательное, пассивное, неспособное к собственному внутреннему развитию. Все это обедняет трактовку смысла.

Согласно Г.П. Мельникову, смыслы – «компоненты внеязыкового мыслительного содержания», значения же выполняют «посредническую функцию при номинации смыслов» [Мельников 2003: 102–103]. Однако такой смысл в герменевтической концепции является эквивалентом содержания,

так как является лишь передачей отношений комбинирующихся в тексте единиц в виде осуществления трансноминации и когноминации в терминологии самого Г.П. Мельникова [Там же: 103–104]. Здесь следует особо подчеркнуть тот факт, что Г.П. Мельников также отмечал, что номинативный (визуальный) смысл (указываемый значениями как компонентами внутренней формы сообщения) в противовес окказиональному смыслу (существующему лишь в виде текущего образа текущего события), в свою очередь, является внутренней формой сообщения (содержанием – Е.И.), благодаря чему высказывание становится не просто номинацией, а сообщением, и неполное знание слушающего становится более полным и точным [Там же: 104]. Следует подчеркнуть, что речь здесь идет лишь о сообщении некоторых фактов, заполнении информативных лакун, а не об изменении ценностной позиции воспринимающего субъекта. За последнее отвечает смысл в его герменевтической трактовке, существующий только в процессе рефлексии над некоторой текстовой содержательностью. Таким образом, в нашей работе мы будем придерживаться исследовательской возможности выделения в тексте двух взаимодействующих уровней: уровня содержания и уровня смысла.

Термин «смысл», несомненно, связан с родственными ему терминами «понятие», «концепт», «знание», на основании того, что каждая из указанных областей отражает различные аспекты деятельности мышления или конструкторы сознания, которые возникают и существуют как способы и средства репрезентации, упорядочивания и изменения действительности реальной и мыслимой. Однако отмечают также, что смысл отстоит от указанных выше типов ментальной репрезентации действительности по своей природе [Новиков 2000: 36]. Эта особая природа смысла обеспечивается, по нашему мнению, его ориентированностью на ценности культуры и отдельного индивида (всегда существующего в некоторой социально-культурной среде).

В аспекте «текстовой» ориентации настоящего исследования важно подчеркнуть ценностный статус текста, поскольку под влиянием рефлексии изменяется не только опыт, но и связанные с ним ценностные установки

субъекта. Смысл в тексте обеспечивает эту ценностную направленность текста, поскольку «сообщение (в виде текста – Е.И.) не сводится к информации, во всех случаях оно связано с ценностью» [Кёпеци 1977: 49].

На наш взгляд сущность соотношения понятий «значение» и «смысл» с одной стороны, а также «содержание» и «смысл» с другой стороны, наилучшим образом объясняется в концепции типов понимания Г.И. Богина. Такими уровневыми разновидностями понимания являются *семантизирующее, когнитивное и распремечивающее* [Богин 1982: 49–50]. Первые два типа ориентированы на значение, последний – на смысл. Так, под семантизирующим пониманием имеется в виду необходимость «декодирования единиц текста, выступающих в знаковой функции». Когнитивное понимание связано с извлечением «информации». Такое соотношение смысла и значения согласуется с представлениями о том, что значение связывается, прежде всего, с передачей информации [Брудный 1964: 3], а информация представляется как знание [Шералиева 1980: 16]. И только распремечивающее понимание обеспечивает освоение смыслов, свернутых в тексте в средствах текста, которые выступают в отвлечении от их знаковой функции. Важно заметить, что, сравнивая когнитивное и распремечивающее понимание, Г.И. Богин говорит о производстве «второго текста» в обоих случаях. Под «вторым» текстом понимается «выражение одного *содержания* в другом» (курсив наш – Е.И.). Разница заключается в том, что при когнитивном понимании содержание второго текста начинает преобладать в рефлексивной деятельности реципиента над первым, исходным авторским текстом, а в случае распремечивающего понимания содержание второго текста рассматривается лишь как вспомогательное средство для освоения первого текста, а именно понимания свернутых в его средствах смыслов [Богин 2009 (1982): 69]. Таким образом, осуществляется переход от уровня содержания текста к уровню распремечивания свернутых в нем смыслов. Если этого перехода не будет, понимание останется неполным, поскольку ограничится уровнем «наборов предикаций в рамках пропозициональных структур», чем по Г.И. Богину является содер-

жание текста [Богин 2001]. Освоение смысла предполагает восстановление или создание субъектом, воспринимающим и осваивающим текст, искомой конфигурации связей и отношений в ситуации деятельности и коммуникации [Щедровицкий 1974]. Речь идет не о смыслах-концептах, которые представляются как актуализации значения языкового знака в различных контекстах его употребления, а о смыслах как об идеальной стороне языковых средств текстопостроения, которые опредмечивают эти смыслы в конкретном тексте (ср.: два аспекта изучения смысла [Колмогорова 2007: 9]). Примерами исследования текста при учете взаимодействия уровней содержания и смысла могут быть работы других представителей Тверской герменевтической школы (например: [Галеева 1999], [Богатырев 2001], [Крюкова 2001]).

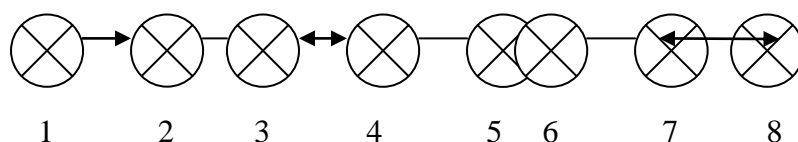
Таким образом, значение в концепции Г.И. Богина связано со смыслом через содержание. Наиболее частотные, ставшие частью культуры носителей конкретного языка смыслы застывают в значениях, зафиксированных в словарях. Далее эти значения вместе с несущими их звуковыми образами наполняют пропозиции как мыслительно-языковые рамки (образуя содержание текста – Е.И.), при этом из получившихся структур в процессе понимания рождаются смыслы [Богин 2001: 36–37].

Разграничение сфер функционирования значений, в совокупности составляющих понятийную основу языковой модальности, как указывалось выше, планируется произвести на основе анализа взаимодействия уровней содержания и смысла в тексте. Помимо того, немаловажным является уточнение известного представления о двухчастном объективно-субъективном строении модальности. Показательно, что значение и смысл также могут противопоставляться на основе соотношения объективного и субъективного начал. Например: «значение объективирует в себе субъективный смысл, поскольку значение основывается на знании» [Леонтьев 1972: 288–289], «смысл – личностное *отношение* конкретного индивида к содержанию, на которое в данный момент направлена его деятельность» (курсив наш – Е.И.) [Красных 2003: 74]. В этих формулировках отражается представление о том, что значе-

ние связывается с некоторым обобщением в коллективном сознании (в аспекте общепринятости такого обобщения), а смысл – с индивидуальным сознанием [Тарасов 1993: 11–12]. Весьма существенно указание на объективацию смысла значением. Выше неоднократно отмечалось, что наиболее частотные для языкового культурного сообщества смыслы застывают в языковых значениях, что обеспечивает одновременно их обобщение, категоризацию и, следовательно, переход с уровня значимости только для отдельных личностей на уровень значимости для всех. Понимание смысла как «личностного отношения» в предлагаемой нами концепции преломления свойств языковой модальности в тексте связывается с предположением о том, что распределение всех компонентов смыслового уровня в тексте направляется и детерминируется группой узловых модальных смыслов – смыслов-модализаций как ядерных смыслов каждого из кластеров модальной партитуры в тексте. Проследить такую тенденцию можно лишь на основе анализа используемых средств для опредмечивания смыслов (как модальных, так и безмодальных) в реальном текстовом материале. Таким образом, языковая модальность рассматривается не как простая совокупность модальных языковых значений, связываемых с некоторым специфическим для каждого языка набором языковых средств выражения, а как поле языкового сознания (в его универсальной части), управляющее стратегиями формирования модальных партитур речевых сообщений (текстов). Реализация указанных стратегий при продукции/рецепции текстов обеспечивает восстановление динамики модального устройства сознания. Последнее представляет собой определенным образом организованную систему категоризированных из модальных смыслов модальных значений (см. след. параграф).

Партитуру модальных составляющих текста, или модальную партитуру будут формировать два плана компонентов. С одной стороны, это модальные смыслы, т.е. смыслы-модализации, с другой стороны, объединяемые ими в блоки смыслы безмодальные, точнее, пассивно модальные. В процессе рефлексивного действия с текстом каждый смысл блока активизируется,

модально окрашивается под влиянием смысла-объединителя. Нижеследующий рисунок схематически изображает модальную партитуру распределения смыслов текста:

Овалы с секторным делением представляют кластеры модальной партитуры, в середине (ядре) каждого кластера – ядерный смысл-модализация. Кластеры соединены в цепь, поскольку рефлексия над текстом протекает во времени, а, значит, рефлексивные действия выстраиваются в последовательность. Отношения между кластерами могут быть как односторонними (1–2), так и взаимными (3–4). Кластеры могут накладываться друг на друга как своими периферийными частями: общие подчиненные смыслы у двух или более кластеров (5–6); так и ядерными частями: общий смысл-модализация (7–8).

Что касается понятия «модальный смысл», или «смысл-модализация», то имеются в виду смыслы-способы преобразования мира в тексте в виде задаваемых координат упорядоченного создания/воссоздания/изменения такой реальности. Модальные смыслы – смыслы особого рода, служебные смыслы. Эти смыслы влияют на распределение всех смыслов текста. Указанные смыслы-способы включают в себе возможности последующего адекватного восстановления смыслового замысла автора читателем. Смыслы-модализации включаются в кластеры модальной партитуры распределения смыслов текста и обеспечивают направление луча рефлексии к определенной области опыта при вхождении новой онтологической картины в рефлексивную реальность субъекта. Такие смыслы-способы носят универсальный характер и распространяются по всем уровням категоризирующей их языковой системы в виде модальных значений.

Модальные смыслы имеют особый статус не только благодаря своей основной функции – в художественном тексте они управляют процессом смыслодвижения, саморазвития смысла. Выше упоминалось мнение Г.И. Богина, о модальных нозмах, принадлежащих одновременно и содержанию и смыслу. Однако помимо нозматики, семантической репрезентации смыслов в их материальной ипостаси «того, что пережито» [Гуссерль 1939], существует нозтика, собственно процессуальная сторона смыслопорождения. Нозматика это «застывшая нозтика», её результат [Гоготишвили 2006: 370]. Модальность, как и оценка, выражение эмоций, относится к нозтическим способам бытия смысла в тексте [Там же: 495]. Модальность выступает как нозтический механизм, регламентирующий смыслодвижение и саморазвитие смысла в художественном тексте.

Помимо того, необходимо выяснить, как модальная организация текста влияет на соотношение уровней содержания и смысла в тексте. По нашему мнению, взаимодействие между блоками содержания и смысла внутри текста может строиться согласно следующим наиболее общим стратегиям реализации таких отношений: стратегиям *противоположности*, *противоречия*, *пресуппозиции* и *корреляции* (об этом см. п. 1.6). Основанием того, что особенности взаимодействия уровней содержания и смысла определяются модальностью, вернее, типом заложенной в тексте модальной партитуры, является предположение о том, что, тот или иной вид модальной партитуры с зафиксированным способом установления содержательных и смысловых связей по-разному восстанавливает динамику модального устройства сознания при последующей категоризации смыслов-модализаций каждого кластера в направлении определенных типов модальных языковых значений. Последнее обеспечивает устойчивость и универсальный координирующий статус модальности как явления языка.

1.4.3. Типологическая характеристика модальности через призму филологической герменевтики: модальное устройство сознания как система взаимосвязанных модальных значений

Определение статуса модальных значений осложняется тем, что их квалификация как грамматических или лексических затруднена. Согласно концепции Дж. Байби и её соратников грамматические значения в ходе процесса грамматикализации возникают из значений лексических [Bybee et al. 1994]. При этом модальные значения могут рассматриваться как частично сохранившие свои лексические свойства, т.е. как гибридные – лексико-грамматические.

О свойстве интегративности применительно к категории модальности в рамках языковой системы, и консолидирующем статусе модальности в речи на уровне текста уже говорилось выше. Важным в этой связи представляется замечание Г.П. Мельникова о том, что отличием грамматических значений от лексических (вещественных) является то, что первые «намекают не на определенные черты какого-либо смысла, а на характер отношения между смыслами» [Мельников 2003: 103]. Ср. также замечание о том, что грамматические значения формируются не столько на основе соответствующего лексического значения, сколько на основе конструкции, в которой это значение является наиболее употребительным [Bybee et al. 1994: 11].

По нашему мнению, указанное свойство особенно актуально для модальных значений, так как его выделению, по нашему мнению, способствовало использование модальных смыслов в качестве организаторов взаимодействия смыслов безмодальных, их растягивания, конфигурации, наращивания в ходе самодвижения и саморазвития смысла в тексте. В этом ракурсе модальные значения можно рассматривать как преимущественно грамматические, при признании их гибридной природы. Однако такая квалификация верна только в том случае, если за основу принимается назначение самой грамматики в языке – быть посредником, организующим взаимодействие

единиц и их блоков с целью все большего укрупнения, объединения и консолидации выражаемого в речи смысла.

С нашей точки зрения, система модальных значений, образующих модальное устройство сознания, включает в себя три блока: значения *необходимости/возможности* – в алетическом, деонтическом, а также эпистемическом аспектах; значения *волеизъявления/долженствования* – как понятийные компоненты деонтической модальности; значения *веры/знания* как субъективная и объективная стороны эпистемической ипостаси модальности. Также в систему следует ввести корпус значений *способности/умения*, составляющих динамическую модальность по Ф.Р. Палмеру. Последний из указанных корпусов значений является модификацией второго блока значений *волеизъявления/долженствования*, по существу, связывая их с блоком *необходимости/возможности* (см. предыдущий параграф).

Значения в каждом блоке модального устройства объединяются по принципу связанности полярных понятий, в этом случае линейная шкала с противоположными полюсами превращается в круг, систему, обладающую внутренней динамикой, вечную систему.

В вычленяемом наборе модальных значений переплетены все возможные типы отношений, составляющих традиционное содержание категории модальности: отношения высказывания к действительности, субъекта к предикатируемому ему предикативному признаку и говорящего к содержанию высказывания [Золотова 1973: 142]. Так, пара *необходимость/возможность* выступает в качестве перевыражения логического параметра истинности высказывания (отношение высказывания к действительности). Помимо того говорят о так называемой «общей необходимости» в деонтическом аспекте, а о возможности в плане определения статуса события как более или менее вероятного с точки зрения говорящего (отношение говорящего к содержанию высказывания). Долженствование определяет уверенность в выполнимости пропозиции (отношение высказывания к действительности), а также обязательность приписывания действия субъекту предложения (отношение субъек-

та к предизируемому ему предикативному признаку), а также соответствующую квалификацию всей ситуации с точки зрения говорящего (отношение говорящего к содержанию высказывания). Вера и знание подразумевают объединение личностного компонента репрезентации с возможностью объективации последней. Способность и умение предполагают реальностную интерпретацию события, а также указывают на отношение субъекта-деятеля и действия-предиката.

Проблема выделения модальных значений и их группировки осложняется вопросом о статусе модальных значений относительно друг друга. Так, все модальные значения могут рассматриваться как семантически независимые, «самостоятельные». Тогда каждый модальный глагол, например, будет иметь некоторый набор значений (см. об этом: [Lyons 1977; Palmer 1986; Traugott 1989, 2001; Bybee and Fleischman 1995; Huddleston and Pullum et al. 2002]). С другой стороны, предпринимаются попытки выделить прототипическое, инвариантное значение, которое в контексте просто подвергается модификации [Ehrman 1966; Tregidgo 1982; Haegeman 1983; Klinge 1993, 1995; Groefsema 1995; Papafragou 2000]. Представляется, что унитаристский подход в этом случае неудобен, поскольку неясным остается механизм контекстуальной трансформации исходного значения. Признавая, все же, наличие связей между модальными значениями и возможность перехода одного значения в другое мы представляем *модель модального устройства языкового сознания* в виде системы наиболее частотных категоризированных значений. Связи между значениями внутри устройства имеют в некотором роде иерархизированный характер, так как имеется центральный блок значений необходимости/возможности. Однако периферийные значения имеют отнюдь не подчиненный статус. Они характеризуются наличием особых функций: координирующей для блока долженствования/волеизъявления и «запускающей» для блока веры/знания. Возможность связывания значений в контексте их переходности реализуется за счет включения в работу устройства оператора оце-

ночности (см. схему и объяснение динамики модального устройства сознания ниже).

Следует подробнее остановиться на определении понятийного содержания каждого из блоков модальных значений. В приводимой ниже характеристике мы будем основываться на общефилософских представлениях о понятиях необходимости, возможности, умения, долженствования и т.д., а также на рассмотренных выше аспектах разграничения типов модальности. В этом случае за основу берется положение о том, что система языка лишь упорядочивает представления человека о мире как системе онтологических оснований бытия. Помимо того будут приводиться примеры лингвистического и собственно филолого-герменевтического переосмысления этих понятий. Поскольку, как известно, в языковом отображении закономерностей реальности присутствует значительная доля искажения, что указывает на изначальную разделенность и нетождественность языка и системы человеческих представлений о мире.

В общефилософской интерпретации элементы пары необходимость/возможность являются не только противоположными друг другу, но и внутренне связанными. Противоположность выступает как закономерная стадия развития нового из старого. Стадия, на которой новое, отрицая старое, все же обнаруживает значительную соотносительную связь с последним [Философский словарь 1980: 301]. Что касается квалификации необходимого как старого, а возможного как нового, то такое осмысление взаимоотношений внутри пары, как нам представляется, имеет право на существование. Необходимое как сущее в действительности по Аристотелю (то, что уже не может быть иным) может рассматриваться как отправной пункт для дальнейшего наращивания цепей содержательно-смысловых связей, тогда как возможное как то, что может быть, а может и не быть, т.е. по существу еще не свершившийся факт, обладает большим потенциалом для приобретения статуса нового, коммуникативного фокуса.

Указанное противопоставление отражается в философской интерпретации возможности, которая оказывается шире необходимости, поскольку включает в себя три взаимосвязанных понятийных блока: «произвольно предполагаемая» возможность – *Я могу переселиться в Канаду* (связь со случайным и необходимым); возможность, проистекающая из природы вещей – *Желудь может стать дубом* (связь с понятием развития); возможность как внутреннее неотчуждаемое свойство – *Ум может мыслить* (связь с понятием «пребывающего субъекта психической действительности») [Философский словарь Владимира Соловьева 1997: 36]. Сущность последней типологической разновидности возможности, по-видимому, заключается в ограниченности сферы применения данного типа только универсумом живых динамических систем – ср.: **Камень может любить*. Таким образом, возможность выявляет соотносительную связь с необходимостью только в первом своем типе, и то, необходимость выступает как обремененная случайностью. О связи необходимости и случайности находим: «необходимость – то, что обязательно должно быть, а случайность – то, что может быть, а может и не быть» [Философский словарь 1980: 301]. Очевидно, что данное определение случайности повторяет Аристотелевское определение сущего в возможности. Однако в рассматриваемой интерпретации акцент делается на наличие запускающих событие условий, тогда как необходимость связывается с наличием причины. Проблема состоит в том, что наличие причины и влияние условий могут совпадать. Решение проблемы возможно при введении понятия противоречия (ср.: противоположность как стадия реализации противоречия), которое должно быть разрешено с необходимостью, но форма такого разрешения случайна, поскольку события никогда не развиваются в вакууме, но при взаимном влиянии друг на друга. С другой стороны, под необходимым может пониматься событие, которое неизбежно должно произойти, если для этого имеются определенные условия. Противоположностью же необходимости признается свобода [Гуревич 1997: 180]. Таким образом, наличие условий в разных определениях связывается то с необходимостью, то со случайностью

(возможностью), что указывает не только на противопоставленность данных модальных значений, но и на их стремление к тождеству, что закономерно достигается в результате разрешения противоречия. Рассмотренная связанность значений необходимости и возможности на основе динамики развития и разрешения противоречия, по нашему мнению, сформировалась в результате взаимодействия блоков содержания и смысла в консолидирующей смысловой стратум текста модальной партитуре. Указанное взаимодействие может быть разделено на несколько типологических разновидностей, первым двум из которых соответствует организация динамических связей между держательной линией сюжета и опредмечиваемыми в средствах текстопостроения смыслами на основе отношений противоположности и противоречия (противоположная и противоречивая стратегия построения модальной партитуры соответственно).

Немаловажным аспектом в описании понятийной основы первого блока модальных значений является упомянутая выше связь значений необходимости/возможности с блоком долженствования/волеизъявления (ср.: «общая необходимость» и «общая возможность» в рамках деонтической модальности). Чтобы объяснить эту корреляцию, сначала целесообразно обратиться к статусной характеристике самих значений второго блока – волеизъявления и долженствования. Долженствование в контексте этого понятийного центра выступает как необходимое следствие волеизъявления. Воля без преувеличения является основным фактором, обуславливающим существование каждого человека. Наиболее существенной характеристикой воли является конфликт внутреннего и внешнего, поскольку воля человека постоянно соотносится с проявлением воли других людей, а также разнообразными внешними обстоятельствами, ограничивающими внутреннее волеизъявление [Гуревич 1997: 45]. С другой стороны, осознание собственной воли также предполагает наличие некоторой внутренней необходимости, т.е. видения ситуации только в одном единственно возможном аспекте. Таким образом, более удачным разделением для необходимости будет выделение двух центров – необ-

ходимое как единственно возможное во внешнем по отношению к субъекту мире (внешнее сущее в действительности) и необходимое как единственно возможное во внутреннем мире самого субъекта (внутреннее сущее в действительности). Формулировка «внутреннее сущее в действительности» представляется уместной, поскольку при осознании собственных желаний и формировании комплекса волевого осмысления этого желания постулируемый ход развития событий рассматривается как единственно возможный, т.е. необходимый.

Соответственно, по Дж. Байби долженствование (*obligation*) может быть сильным и слабым [Bybee et al. 1994: 186–187]. Предположительно, это может быть связано со степенью влияния значения волеизъявления как со стороны его внутренней, так и внешней модификации. В указанной работе описывается также переход форм, выражающий неизбежность, предопределенность судьбой в древнем и среднем английском, а также в латинском. Форма долженствования в последнем послужила основой для создания формы синтетического будущего в романских языках [Там же]. Это подтверждает возможность перехода в языке значения долженствования в значение необходимости (того, что не может быть иным) в плане представления того, что, как предполагается, станет фактом в будущем.

Значение волеизъявления также связывается с формой будущего в древнерусском форме имперфекта *хотяши – коею смертию хотяши умрети* (Ин. 12: 33) – какую смертью (Он) умрет. Предпочтение имперфекта перфекту в форме модального глагола в «*Я рад, что мог (не смог – Е.И.) вам помочь*» [Булыгина, Шмелев 1997: 224] также может рассматриваться как иллюстрация влияния значения волеизъявления на блок значений необходимости/возможности.

Следует рассмотреть также две последние указанные выше разновидности возможности – возможность, проистекающая из природы вещей и возможность как внутренне неотчуждаемое свойство. И в том, и в другом случае, речь, на самом деле, идет о способности, которая относится нами к само-

стоятельному блоку модальных значений способности/умения (ср.: динамическая модальность, которую Ф.Р. Палмер считал исходной «корневой» модальностью).

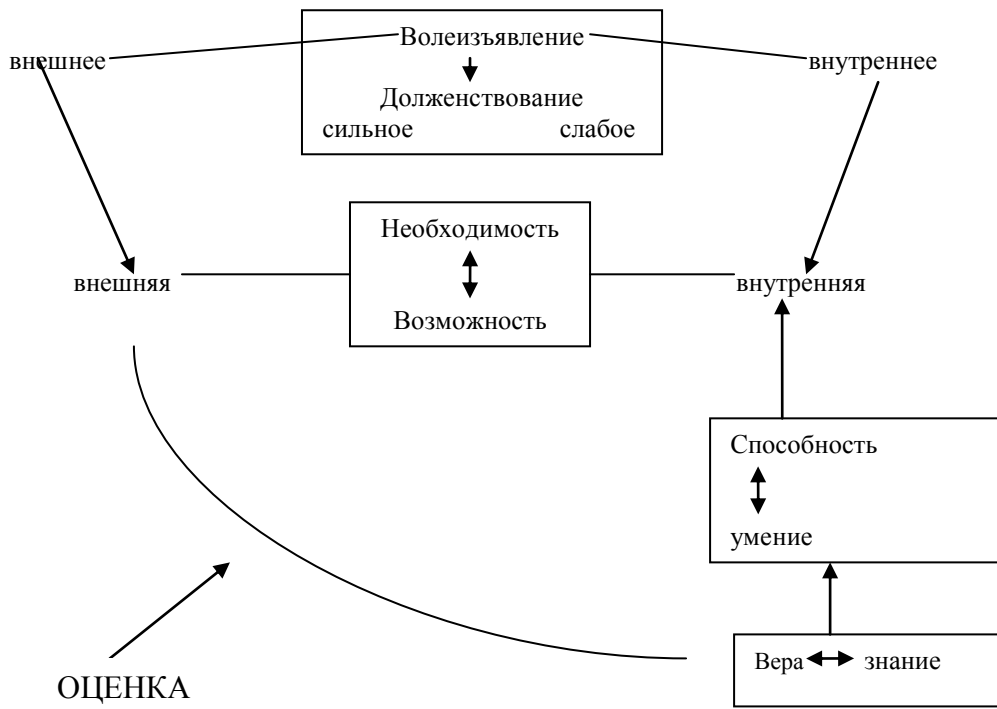
При этом в лингвистической интерпретации значения необходимости/возможности, способности/умения и долженствования/волеизъявления оказываются тесно связанными в синхроническом и взаимодействующими в диахроническом аспекте. Так, значение разрешения, онтологически представляющее собой модификацию значения внешнего волеизъявления, связывается со значением «общей» возможности (root possibility). При этом общая возможность признается образованной из значения генерализованного умения, когда помимо умственного умения (I can speak English) сходные формы стали использоваться и для выражения физического умения (I can run at the speed of 3 m/s) [Bybee et al. 1994: 191–194]. Примеры общей возможности, приводимые в книге, говорят об экстернализации условий выполнения действия, что соответствует описанному там же направлению грамматикализации [Coates 1983: 114] – цит. по: [Bybee et al. 1994: 176]. Таким образом, в лингвистическом осмыслении взаимодействия блоков необходимости/возможности с одной стороны и способности/умения с другой стороны тип возможности значения не имеет, поскольку во внимание берется представление о генерализированной возможности в её противопоставлении такой же общей необходимости. Однако роль определяющего фактора играет то, является ли волеизъявление и, следовательно, необходимость/возможность внешними или внутренними по отношению к субъекту, сознание которого представляет собой ориентир, дейктический центр. Интересно также, что по В.А. Плунгяну способность и умение соотносятся с внутренней возможностью, тогда как внутренняя необходимость связана с потребностями (внутреннее волеизъявление – Е.И.). Внешняя возможность обнаруживает понятийную общность с разрешением, а внешняя необходимость – с навязываемыми внешними нормами обязательствами (внешнее волеизъявление – Е.И.) [Плунгян 2011: 428].

Определение способности в философских и толковых словарях в основном производится через возможность и умение [Например: Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова 2000: 1251; Большой толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова; Философия: Энциклопедический словарь 2004] Это свидетельствует о тесной связи самих понятий способности и умения, и косвенно доказывает приведенное выше положение о том, что, помимо блока волеизъявления/долженствования способность и умение связаны с блоком необходимости/возможности. Если попытаться выделить различия и статусные взаимоотношения между компонентами внутри группы способности/умения, то можно отметить следующие принципиальные моменты. Во-первых, способность представляется скорее внутренней, а умение – внешней характеристикой человеческой деятельности. Так, способность проявляет себя непосредственно в деятельности, а до этого существует в виде набора определенных «индивидуально-психологических особенностей», также способность на уровне преддействия может проявлять себя как «готовность» это действие совершить [Головин 1998]. Умение, будучи также зафиксированным сознанием человека, одновременно соединяется с определенными для каждого умения физическими проявлениями. Это уже не готовность выполнить действие, существующая потенциально на уровне внутренних психических и когнитивных процессов, а актуализированная возможность выполнить действие «не только в привычных, но и в изменившихся условиях» [Краткий психологический словарь 1985]. Важно, что упоминание внешних условий производства действия включается в описание сущности понятия умения. Таким образом, умение предстает как внешнее, объективно зафиксированное в реальности свойство человеческой природы, тогда как способности и её определению в соответствии может ставиться сфера субъективного, внутреннего. Объединяющим пояснительным элементом в данном случае может быть вера, как осознание наличия определенных способностей и умений (внутренних), а также знание как уверенность в наличии условий (внешних) для их реализации. В терми-

нах эпистемической модальности такому разделению приписывается статус двух взаимосвязанных сторон. Интересно, что самый часто встречающийся лексический предшественник модальных глаголов со значением умения – глагол «знать», а также оборот «знать как сделать» [Bybee et al. 1994: 190].

Итак, противопоставление способности и умения дополнительно освещается взаимодействием с общими эпистемическими максимумами веры и знания. Ключевым моментом здесь является указание на субъективность для веры и объективность для знания как полярных и одновременно внутренне связанных понятий. Вера также может выступать как подготовительный элемент, обозначающий собой «фазу предпонимания», тогда как знание обеспечивает истинность понимания «субъектом» «объекта» в ходе общего для веры и знания процесса познания [Кальной, Сандулов 2003: 430–432]. Однако помимо осуществления познания количественное соотношение веры и знания помогает определить взаимоотношение внутри блока способности и умения. Способность как нечто потенциальное характеризуется большим объемом веры, задействуемой для презентации сознанию некоторой способности, её идентификации как «заложенной», имеющейся в потенции. Знание в этом случае также необходимо как представление о возможности сопоставления, сравнения некоторой индивидуальной способности с представлениями о наборе таких способностей у человека вообще, опыте их актуализации в деятельности. В случае осмысления умения доля веры, наоборот, представляется меньшей по сравнению с объемом используемого знания, поскольку соответствие устанавливается в значительной степени на базе внешних актуальных проявлений умения в отличие от потенциальных внутренних форм существования способности.

Как следует из приведенной выше понятийной характеристики четырех блоков модальных значений, все они связаны друг с другом. Однако такая связь имеет не произвольный характер, а представляется в виде упорядоченной системы следующего типа:

Данная схема представляет собой максимально упрощенную модель области языкового сознания, в которой хранятся не только категоризированные модальные смыслы – модальные значения, но и связи между ними. Указанную совокупность значений и связей между ними мы будем далее называть *модальным устройством сознания*. Слово «устройство» здесь используется в значении механизма, который отвечает за сохранение рассматриваемой области языкового сознания как части идеальных оснований языковой системы. В конкретном языке модальное устройство сознания может подвергаться модификациям в плане реализации его динамики, связей между блоками значений. Воссоздание динамики устройства в той или иной его части происходит всякий раз при работе рефлексии, поскольку смыслы-модализации в результате деятельности по распределению смыслов текста категоризируются и восстанавливаются исходные модальные значения и, что еще более важно, связи между ними.

Необходимые пояснения, помимо рассуждений, приведенных выше, касаются графической организации схемы и понятийных закономерностей, стоящих за выбором того или иного способа размещения и связывания гра-

фических объектов (линий, стрелок, прямоугольников) в схеме. Что касается линий, то прямой чертой обозначены отношения типовой соотнесенности (виды возможности, необходимости). Однонаправленные стрелки указывают на одностороннее влияние, двунаправленные – выделяют соотносительную связь.

Помещение блока значений необходимости/возможности в центр устройства обусловлено представлением о том, что большинство значений других блоков оказываются непосредственно или косвенно с ними связанными.

Расположение блока волеизъявления/долженствования над блоком необходимости/возможности связывается с управляющей функцией воли, о чем говорилось выше. Значение волеизъявления также координирует динамику модального устройства (об этом см. далее).

Блок вера/знание оказывается помещенным внизу, что не говорит о его подчиненном положении, но лишь указывает на то, что он располагается на периферии устройства, как бы вне его, играя очень важную роль – роль «запускающего импульса». Вера и знание (knowledge and belief) по Ф.Р. Палмеру в комплексной типологической системе эпистемической модальности участвуют в связывании модальности и дискурса (как системы правил преломления языковых закономерностей в речи), которые, по мнению исследователя, имеют много общего. Такая зависимость может быть обнаружена в общности значимых формальных ориентиров, например, принадлежность вопросительных предложений и эмфатического утверждения как системе дискурса, так и системе модальности [Palmer 1986: 92–95].

Вера и волеизъявление могут рассматриваться как крайние полюса модального устройства, одновременно противопоставленные и связанные. Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев отмечают, что вера напрямую связана с волеизъявлением – верить значит хотеть верить, тогда как для знания воля субъекта не важна [Булыгина, Шмелев 1989]. Данные, полученные в ходе настоящего исследования, указывают на то, что указанная связь все же не прямая, а опосре-

дованная. Однако напряжение между полюсами устройства, несомненно, присутствует, еще более связывая всю систему из оппозитивных пар значений, делая её целостной, неразделимой.

Еще более важно, что изначально отделяя веру/знание от необходимости/возможности, мы тем самым расщепляем понятийное единство эпистемической модальности. Такое разделение, с нашей точки зрения, необходимо, поскольку, таким образом, запускающий механизм блок будет в то же время обеспечивать центробежность направления взаимодействия значений, поскольку центр и периферия оказываются онтологически связанными, представляя собой перевыражение одного и того же понятийного блока. Помещение блока веры/знание в утверждаемую позицию также косвенно подкрепляется связью, устанавливаемой между ним и блоком способности/умения. Помимо того, если принять во внимание стремление многих ученых связать основное понятийное содержание модальности с отношением высказывания к действительности, то окажется, что выражение реальности/ирреальности содержания высказывания выключено из модального устройства сознания и должно включаться в идеальное содержание других категорий, например, ирреалиса или эвиденциальности (см. п. 1.3).

По нашему мнению, разделение блоков необходимости/возможности и веры/знания, определяющее центробежную динамику устройства, как нельзя лучше способно обслуживать процесс языковой фиксации понятийного противопоставления реальности/ирреальности. Несмотря на то, что рассмотренное выше Аристотелевское разделение сущего в действительности и сущего в возможности указывает на потенциал реализации отношений реальности/ирреальности с помощью понятийного блока необходимости/возможности, еще О. Есперсен отмечал, что необходимость/возможность и реальность/ирреальность представляют разные понятийные области [Jespersen 1968: 320]. По нашему мнению, упомянутая выше запускающая роль блока значений веры/знания заключается в том, что знак соотношения между компонентами этого блока (> или <) в ходе результирующей нисходящей ка-

тегоризации смыслов-модализаций в модальные значения предопределяет соответствующие отношения между компонентами блока необходимости/возможности, что устанавливает квалификацию событий на смысловом уровне как реальных/ирреальных.

В заключение, необходимо остановиться на эксплицируемой разорванности модального устройства в представляемой схеме, поскольку взаимодействие слева внезапно прекращается. В этой связи в схему придется ввести еще один компонент, не образующий ни с чем двустороннего блока. В систему модальных значений следует включить оператор оценочности. Данный оператор может накладываться на каждый из блоков модальных значений, модифицируя способ их языкового выражения. Так, например, в предложении «*Курить вредно*» значение долженствования дополняется оператором оценки. По мнению Е.М. Вольф оценка определенным образом накладывается на разные типы модальности, что приводит к их различной модификации [Вольф 2006: 122].

Здесь необходимо остановиться на определении сферы применимости используемого термина «оператор», который является общепринятым компонентом терминологических парадигм различных логических систем. В.З. Демьянков, рассматривая перевыражение логических констант в лингвистике, указывает, что оператор своим основным свойством имеет то, что «он «преобразует» одни выражения в другие, распространяясь на некоторое, обычно фиксированное множество объектов» [Демьянков 1981: 121]. В понятийной системе настоящей работы «оператор» будет рассматриваться как компонент понятийной основы языковой модальности, который, однако, не имеет равного статуса с модальными значениями необходимости, возможности и т.п. Последние в логике также могут трактоваться как операторы – семантические элементы, образующие формулу в рамках того или иного варианта модальной логики [Там же: 122]. Оператор оценки может накладываться на любое из рассмотренных модальных значений. Помимо того, статус оператора обеспечивает детерминированное оценкой преобразование одних значе-

ний в другие, дополнительно поддерживая систему соотносительных и односторонних связей между значениями.

Подводя итоги сказанному в предыдущих параграфах, хотелось бы подчеркнуть, что используемый нами термин «модальное значение» выделяет собственно языковой семантический аспект интерпретации в его независимости от закономерностей построения и вывода логических исчислений. При этом, однако, в целом сохраняется общефилософское прочтение понятий необходимость, возможность, долженствование, волеизъявление, вера, знание, способность, умение, вкупе со сходными лингвистическими и другими (психологическими) интерпретациями, построенными, однако, на исходных философских трактовках. Ведь стоящие за ними слепки человеческих отношений явились продуктом деятельности языка, который «старался» лишь максимально правильно и обобщенно отразить то, что есть в действительности.

Нас также интересует внутренняя динамика и взаимодействие внутри модели системы языковых модальных значений. В этой связи нужно указать на необходимость выделения блока волеизъявления/долженствования как еще одного центра инициации динамики системы (помимо запускающей роли блока веры/знания и продуцирующе-стягивающего статуса блока необходимости/возможности). За основу здесь снова следует принять одновременную разделенность и единство сущего и того, каким оно должно быть. Например, видение долженствования у И. Канта и трактовка данного понятия у Г. Гегеля именно в этом аспекте кардинально расходятся, что в конечном итоге позволяет говорить о схожести этих, казалось бы, противоположных интерпретаций. У Канта должное является антагонистом сущего, которое требует активного переустройства, чтобы стать таким, как должно. У Гегеля должное противопоставлено сущему, как элемент идущий от человеческой субъективности, которая старается переустроить мир по-своему. Сущее же таково, поскольку таким и должно быть. Однако Гегель также говорит о деятельности разумной воли, необходимо направленной на переустройство ми-

ра. Разумность воли делает необходимым переустройство мира (подробнее об этом: [Ойзерман 1995]). Подчеркнем параметр переустройства мира как компонент интерпретации значений волеизъявления/долженствования. Именно этот параметр будет интересовать нас в плане выявления роли блока волеизъявления/долженствования как модальных значений, выполняющих функцию управления всей динамикой системы модальных значений.

Следует еще раз подчеркнуть, что модальные значения являются продуктом специфически человеческой деятельности смыслопроизводства. Но изучение содержательных характеристик модальности в виде упорядоченной системы модальных значений позволяет сформировать представление о сущности феномена модальности лишь отчасти. Более эффективным в плане раскрытия глубинных механизмов, отвечающих за включение модальности в речевые построения будет описание модальности не как грамматической категории или набора специфических сем, модифицирующих значение лексических единиц, но модальности как текстовой категории, вернее универсального метасредства, позволяющего координировать процесс опредмечивания и распредмечивания всех смыслов в тексте.

Возвращаясь к вопросу о возможности разделения модальности на объективную и субъективную, необходимо подчеркнуть важную роль упомянутого выше оператора оценочности, который, присоединяясь к каждому из трех блоков модальных значений, модифицирует языковой способ их выражения. В этом случае модальность выступает как субъектно-ориентированное и субъектно-ориентируемое поле. Несомненно, позиция вербально мыслящего субъекта как центра языковой вселенной весьма существенна при описании и анализе механизмов опредмечивания и распредмечивания смыслов. Однако само положение языка как хранителя многовекового опыта общения и инструмента упорядочивания в сознании знаний о мире нельзя недооценивать. Ю.С. Степанов отмечал схематичность и упорядоченность представления ситуаций материального и нематериального мира, а также неоднозначность человеческого отношения (как сути феномена мо-

дальности – Е.И.) к описываемым явлениям. Такое отношение, по его мнению, всегда будет опосредованно языком [Степанов 1981: 241–242]. Выше-сказанное подчеркивает относительность человеческой субъективности, её обязательную опосредованность социальным опытом языкового сообщества. Для обозначения такого типа субъективности, с нашей точки зрения, удобнее использовать термин *интерсубъективность* – личное в его совокупности и обусловленности всеобщим [Богин 2001: 33]. Помимо того, сама оценка допускает не только субъективную, но и объективную квалификацию (об см. этом Главу 2).

Таким образом, объективная (внешняя) модальность не может рассматриваться как независимая от говорящего – ср.: [Ермолаева 1987: 15]. Отношение содержания высказывания к действительности возникает и существует не само по себе. Связывание речевого построения с реальностью осуществляется через говорящего и его собственную, выработанную в течение жизни, систему ценностных и иных координат. Такая интерпретационная рамка содержит в своих узлах потенциалы оценочности и накладывается на каждую отдельную ситуацию действительности. Формирование интерпретационной рамки идет в результате усвоения опыта предыдущих поколений и его модификации индивидуальным опытом. Следовательно, основным свойством оценки является её преимущественная *интерсубъективность*.

Итак, модальность, в первую очередь, можно определить как поле языкового сознания, представляющее собой упорядоченную систему категоризованных языковой системой модальных значений, которые объединяются и модифицируются оператором оценочности. Это также позволяет рассматривать модальность в настоящей работе в нерасчлененном виде, как меру смысловой интерпретации человеческой *интерсубъективности* и как способ оценки индивидуальной детерминированности смыслов в средствах языка и конструируемых на их основе речевых текстовых структурах.

1.5. Два уровня смысловой организации текста: модальная партитура текста и выход на уровень метасмыслов и идей

Модальная партитура распределения смыслов текста, как указывалось в предыдущих параграфах, обеспечивает смысловое тождество текста самому себе. Это становится возможным благодаря консолидации смыслового стратума текста как особым образом организованной смысловой структуры, а также благодаря растягиванию и наращиванию смыслов с целью создания смыслового единства и выхода на уровень метасмыслов и идей, т.е. к комплексно представленному смыслу целого текста.

Следует отметить, что вместо термина смысл текста часто используют понятие концепта текста [Красных 1998: 202]. Такая трактовка согласуется с упомянутым выше представлением об «интегративном смысле» текста как некоторой идеальной целостности (по А.А. Залевской), или речевом смысле в интерпретации А.В. Бондарко [Бондарко 2001]. По мнению Е.Ф. Тарасова понимание некоторого текста есть не только декодирование его знаковых составляющих. Текст воспринимается в единстве процессов и явлений, стоящих за ним [Тарасов 1987: 146]. В этой связи показательно, что понятия «смысл» и «концепт» в некоторых работах являются взаимозаменяемыми – см., например: [Колмогорова 2007].

В настоящей работе мы будем пользоваться термином «смысл текста», подразумевая комплексную организацию основных метасмыслов (результатов растягивания, наращивания, конфигурирования смыслов частных) и идей как смысловых интервалов. А.А. Богатырев ввел понятие интервальности смыслов [Богатырев 1996: 71, 76], указывая на то, что в идейных художественных текстах могут быть противопоставлены не значения и смыслы, а смыслы и смыслы. При этом речь идет не об альтернативности как возможности выбора одного из вариантов, а равноправности противоположных смысловых программ как неотъемлемая часть замысла автора.

Для описания процесса образования метасмыслов важным будет упоминание о влиянии на этот процесс взаимодействия содержания и смысла в

тексте. Нередко анализ смысло-содержательных отношений в художественном тексте приводит к осознанию противопоставленности уровней содержания и смысла. Иными словами, в художественных текстах значения языковых единиц, формирующих его содержание, могут *противоречить* усматриваемому на их основе комплексу смысловых отношений. Другими возможными вариантами отношений между смыслом и значением (содержанием) по Н.Л. Галеевой являются *развитие* и *дополнение*. При развитии смыслы номинируются в значениях, и надстраиваются над значениями, развивая и усиливая их. В случае дополнительных отношений между содержанием и смыслом имеет место то же, но смыслы непосредственно в значениях не номинированы (подробнее см.: [Галеева 1999: 88–96]).

В настоящей работе предлагается собственная типология способов организации отношений между блоками содержания и смысла как особым образом структурированных сторон идеального в тексте. При этом за основу берется предположение о том, что модальность в тексте отвечает и за выбор того или иного способа. Выше упоминались возможные стратегии такого взаимодействия, а именно, противоречивый, противоположный, пресуппозитивный и коррелятивный типы организации. Как видно, первые две из четырех стратегий соотносятся с рассмотренным случаем противоречивости уровней содержания и смысла. Подчеркнем, что в нашей концепции предлагается в первую очередь рассматривать целостный уровень содержания как совокупности определенным образом взаимодействующих значений в его взаимосвязи с уровнем смысла.

Противоположная организация взаимодействия содержания и смысла (без упоминания этих терминов) описывалась многими исследователями. Например, в анализе Островненского эпизода в «Войне и мире» у В.В. Одинцова [Одинцов 2007: 177]. Также Л.С. Выготский указывал на реализацию сходной стратегии в «Евгении Онегине» и в «Горе от ума» [Выготский 1986: 213–215]. Поэтической инновацией Вяч. Иванова был антиномический принцип, согласно которому, чтобы понять смысл символической речи, необхо-

димо использовать интерпретацию, противоположную буквально данной в словах. См. разбор ивановского «сгорела слепота» - «огонь озрячивает» у Л.А. Гоготишвили [Гоготишвили 2006: 76–77]. В аспекте выявления противоположных отношений между содержанием и смыслом нами рассматривается текст повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» в главе 4.

Помимо противоположной организации предлагается выделить в качестве отдельного типа отношения *противоречия*. При таком способе организации содержательно-смысловых связей в тексте, взаимное отрицание блоков содержания и смысла не приводит к замещению «содержательных» выводов «смысловыми». В итоге наиболее значимые части противоположного смыслу содержания преобразуются под его влиянием и включаются в результирующую интерпретацию читателем целостного смысла текста. В этом случае можно говорить о том, что содержание буквально становится смыслом.

Пресуппозитивная организация отношений блоков содержания и смысла занимает особое место в предлагаемой классификации, поскольку в случае построения модальной партитуры по такому принципу содержание и смысл перестают разделяться явно. Понятие пресуппозиции достаточно широко разработано в лингвистике особенно для уровня предложения-высказывания. Поскольку данное явление в его собственно лингвистической интерпретации непосредственно не входит в предмет настоящего исследования, ограничимся рассмотрением наиболее существенных для нашей работы его характеристик, причем не столько релевантных для предложения, сколько для текста.

На уровне предложения пресуппозиция может рассматриваться как средство указания некоторого модального значения, накладываемого на утверждаемое положение дел. Так, Г.М. Костюшкина приводит следующий пример: *Pierre se doute que Jacques viendra* – Пьер сомневается, что Жак придет (по-видимому, имелось в виду *Pierre doute que...* – Е.И.). В данном предложении помимо сообщения Пьера о приходе Жака содержится указание на собственное отношение говорящего к сообщаемой ситуации – сомнение в

том, что Жак придет [Костюшкина 2009: 145]. Данное модальное значение относится к блоку вера/знание как обособленному перевыражению связей внутри блока необходимости/возможности. При этом важно, что предложения такого типа в логико-пропозитивном плане выражают оговорку о том, что сообщение в придаточном предложении будет истинным, только если положение дел, о котором сообщается, действительно имеет/будет иметь место в реальности. Однако в дискурсивном плане таким образом конвенционально выражается сомнение как понятийная модификация в рамках блока веры/знания.

Если рассматривать пресуппозицию как средство обеспечения связности предложений в некотором контексте, то «пресуппозицию утверждения может составлять обозначение события уже введенного в качестве предмета речи, темы: *Прошу тебя принять участие в дискуссии. Твое выступление будет встречено сочувственно*» [Арутюнова 2002: 68].

Л.А. Наумова отмечает, что понятие пресуппозиции необходимо связано с содержанием предложения, а не со смыслом, в качестве которого выступает иллокутивная сила каждого высказывания. Причем пресуппозиция выступает как имплицитное содержание, в противовес его эксплицитной части [Наумова 1998: 243]. Можно предположить, что такая трактовка пресуппозиции на уровне предложения выглядит достаточно обоснованной. Однако на уровне текста пресуппозиция должна выступать в несколько более расширенной функции, чем быть просто условием реализации коммуникативных намерений персонажей (и автора) на фоне развертывания цепей содержательных связей. Ранее предпринимались попытки исследования пресуппозиции с точки зрения ее участия в организации текста. При этом решающая роль отводилась контексту, поскольку понимание отдельных частей текста невозможно без рассмотрения их смысловой нагрузки в рамках целого. Тогда функция пресуппозиции как текстовой категории заключается в осуществлении связывания частей текста с глобальным контекстом, в котором происходит конкретизация информации каждого отдельного отрывка [Семенова

1984]. Таким образом, в ходе описания связей между блоками содержания и смысла, основанных на отношениях пресуппозиции нас будет интересовать специфический аспект описания роли пресуппозиции в тексте (в отличие от определения роли пресуппозиции как условия, обеспечивающего наличие у предложения-высказывания истинностного значения), инициация с помощью пресуппозиции перехода от содержания к смыслу.

А.Ф. Папина отмечает, что «пресуппозиционный фон» в тексте может быть связан с реализацией макротемы «образа автора», который относится к средствам достижения текстовой целостности [Папина 2002: 9]. В качестве пресуппозиции на уровне текста может рассматриваться фоновые знания, картины из банка опыта читателя. Такая пресуппозиция определяется как «смысловая». В качестве собственно «лингвистической» пресуппозиции выделяется сеть анафорических лексико-грамматических указаний-аллюзий [Арутюнова 1982], система предтекстовых (заглавие, введение, предисловие автора) и инотекстовых antecedентов (интертекст, прецеденты) [Папина 2002: 16]. Таким образом, пресуппозиция, с одной стороны, предстает как некоторое старое знание, которое является необходимой базой для освоения нового. С другой стороны, служит поддержанию единой линии повествования, тематически организуя сюжет вокруг единого центра. По нашему мнению, пресуппозиция занимает промежуточное положение между содержанием и смыслом. Её функция – это функция связующего звена. Активизируемые знания еще нужно соотнести с новой ситуацией, которая входит в рефлективную реальность субъекта. Пресуппозиция также обеспечивает переход к освоению смысловых связей текста на основании выделения значащей взаимосвязи элементов сюжета. Пресуппозитивная конструкция модальной партитуры может быть определена как предполагающая детерминированность блока выводимых смыслов связями внутри блока содержания. Содержание при этом предстает как необходимый ориентир, направляющий ход смысловых преобразований в нужное русло. Данные положения будет про-

иллюстрированы в ходе анализа эмпирического материала в следующем параграфе.

Коррелятивная стратегия координирования отношений между содержанием и смыслом продолжает реализовывать возможность более тесного взаимодействия содержания и смысла, обеспечивая *взаимное* влияние этих блоков друг на друга.

Взаимодействие уровней содержания и смысла согласно связанной с модальной партитурой стратегией подготавливает читателя к переходу на более высокий смысловой уровень. Следующая таблица описывает соотношение содержания и смысла относительно уровневой структуры смыслового стратума текста.

		Содержание → Смысл	Смысл ↔ Смысл	
I уровень организации смыслового стратума текста	Микроуровень: взаимодействие внутри кластеров модальной партитуры	+ →	+	Выход на II уровень организации смыслового стратума текста
	Макроуровень: Взаимодействие Между Кластерами модальной партитуры	-	+	

Помимо отношений между уровнями содержания и смысла необходимо обратить внимание на связи внутри самого смыслового стратума. Выше неоднократно говорилось о том, что основной гипотезой, принимаемой в работе, является положение о партитурной организации структуры смыслового стратума текста. Партитура смыслов представляется как консолидируемая модальностью, поскольку типовым повторением в ней будет организация кластеров, подобных друг другу на основании того, что управляющий статус в каждом из них имеет некоторый смысл-модализация, обеспечивающий направление луча рефлексии к комплексу поясов СМД при распредмечивании каждого из подчиненных смыслов блока. Существенными в этой связи

будут два следующих замечания. Во-первых, смыслы внутри кластера модальной партитуры также определенным образом взаимодействуют друг с другом. Во-вторых, кластеры модальной партитуры находятся во взаимосвязи, обеспечивая тем самым возможность перехода на более высокий уровень смысловой организации, второй уровень консолидации смысла текста. Последнее достигается путем создания целостного комплекса метасмыслов и/или идей как смысловых интервалов. В конечном итоге, образуемая целостность содержит в себе потенциал адекватного освоения художественной идеи текста конкретным реципиентом.

Интервальность (неопределенность) как смысловой модус предполагает «отсутствие однозначности при освоении смыслов». В этом случае речь идет не об освоении смыслов, способных переходить в значения, а о наличии в тексте особых смыслов – идей, которые никогда значениями не становятся. Идеи представляются либо как предельные понятия – любовь, судьба, свобода, воля, совесть, добро, зло, прекрасное и т.п., либо как смысловой интервал (где смыслы имеют равный статус при их взаимной противопоставленности по А.А. Богатыреву – Е.И.) [Там же: 106].

Н.Л. Галеева отмечает, что интервальность смыслов следует рассматривать как один из модусов бытования смыслов в тексте, наряду с растянутостью и конфигурированностью [Галеева 1999: 97].

Под *растянутостью* смыслов подразумевается развитие одного и того же смысла (смыслов) на протяжении всего текста. Такое развитие может быть прерывистым, но оно обязательно поступательно, поскольку в результате смысл обогащается новыми ноэмами, превращается в метасмысл.

Конфигурированность тесно связана с взаимодействием смыслов и значений, поскольку является основным способом дополнения содержания текста. Собственно под конфигурированностью подразумевается способ расположения смыслов относительно друг друга, когда несколько смыслов выступают в особым образом организованной связке, которая воспроизводится неизменно или с некоторыми (также значащими модификация) по мере раз-

вития сюжета. В качестве примеров способов конфигурированности смыслов приводятся классификации К. Бремона («вереница», «чересполосица», «врас- тание») и О.П. Воробьевой (лабиринтная организация и три её разновидности – нить Ариадны, древо, сетка). Сама Н.Л. Галеева упоминает о разветвлении, пересечении и расхождении как способах представления конфигурированных смыслов в виде пространства понимания [Там же: 97–100]. В настоящей ра- боте рассматривается особый вид конфигурированности смыслов, когда смыслы объединяются в блоки под воздействием смысла-модализации, коор- динирующего их распределение. При этом указанные блоки могут повто- ряться в тексте, допуская определенную степень вариативности (добавление новых нозм как к ядерному, так и к подчиненным смыслам). В этом случае можно говорить о дополнительном способе смыслодвижения в художествен- ном тексте – *наращивание* смыслов.

Рассмотренная классификация отношений между смыслами в тексте чрезвычайно важна, поскольку основные её типовые составляющие (интер- вальность, растянутость, конфигурирование, наращивание) указывают на существование плана смыслов в виде, как минимум, двух структурных орга- низованностей. Первая онтологически связана с содержанием, а вторая – это переход на уровень «чистого» смысла. Представляется, что последнее заме- чание указывает на то, что эта проблема уже не может считаться предметом непосредственного интереса в лингвистике (хотя возможна в филологии), по- скольку прямой связи с языком (речью) здесь обнаружено быть не может. Поэтому вопрос о трансформации смыслового стратума под воздействием второго уровня консолидации будет рассмотрен нами лишь частично – настолько, насколько это может иметь эмпирическое основание в виде анали- за смыслоопредмечивающих комплексов текстообразующих средств.

Что касается отношений между смыслами в рамках кластеров модаль- ной партитуры, то отношения смысла-модализации с пассивно-модальными смыслами внутри кластера модальной партитуры могут быть различными. Однако представляется возможным выделить наиболее существенные пара-

метры таких отношений. Следует также отметить, что конкретная комбинация указанных отношений будет всегда уникальна для каждого текста, обеспечивая его право на дальнейшее существование как смысловой системы, существующей и развивающейся согласно правилам собственной внутренней динамике.

Таким образом, можно предположить, что тип модальной партитуры далее модифицируется под влиянием отношений, устанавливающихся между смыслами в каждом кластере. Разновидностями таких отношений могут являться следующие процессы, в их подчеркнутой динамике: *выделение, стягивание, взаимное пересечение, расширение, взаимная каузация*. Отмеченные конфигурации представляют собой тип отношений между смыслом-модализацией и подчиненными (пассивно-модальными) смыслами внутри каждого кластера модальной партитуры распределения смыслов текста. В настоящем параграфе они не будут рассматриваться, так как специфической задачей на данном этапе является лишь подведение основной теоретической базы для дальнейшего более подробного описания типологических вариаций модальных партитур. Анализ возможностей влияния типа взаимодействия смыслов внутри кластеров модальной партитуры на процесс консолидации смыслового стратума текста проводится в п. 4.3 настоящей работы.

1.6 Типовая организация взаимодействия блоков содержания и смысла в модальной партитуре текста

Перейдем к рассмотрению устанавливаемого отношения между планом содержания и планом смысла в рамках первого уровня смысловой организации текста. По нашему мнению, взаимодействие между блоками содержания и смысла внутри текста может строиться согласно наиболее общим стратегиям *противоположности, противоречия, пресуппозиции и корреляции*. Основанием того, что особенности взаимоотношений уровней содержания и смысла определяются модальностью, вернее, типом заложенной в тексте модальной партитуры, является то, что, как будет показано ниже, тот или иной вид модальной партитуры с зафиксированным способом установления

содержательных и смысловых связей определяет последующую категоризацию смыслов-модализаций каждого кластера в направлении определенных типов модальных языковых значений и соответствующее восстановление динамики модального устройства сознания. Последнее обеспечивает устойчивость и универсальный координирующий статус модальности в языке.

Понятие противоположности хорошо разработано в философии и логике. Основным свойством противоположностей является взаимное исключение, отрицание друг друга [Философский словарь 1980: 300]. Наиболее существенным для настоящего исследования является то, что противоположная организация отношений между содержанием и смыслом в тексте подразумевает прямое отрицание выводов, сделанных на основе анализа содержательных связей, заключениями, выводимыми из процесса распределения смыслов в тексте.

Понятию противоположности в соответствие ставится представление о противоречии. Противоречие является родовым термином для понятий тождества, противоположности и различия. В основе понимания сущности каждой из стадий противоречия лежит взаимодействие нового и старого. На стадии тождества в старом намечаются предпосылки возникновения нового, как «отличия себя от самого себя». Стадия различия предполагает возникновение нового, которое продолжает развиваться, будучи детерминированным старым. При осознании их противоположности новое предстает как отрицание старого. На этапе собственно противоречия старое и новое, отрицая друг друга, переходят друг в друга, становятся тождественными (старое становится «в снятом, преобразованном виде» частью нового) [Там же: 301]. Этим замыкается один цикл, заканчивается подготовка к началу нового витка. В контексте настоящей работы нас интересуют две последние из отмеченных стадий развития противоречия, так как взаимодействие между блоками содержания и смысла ощущается наиболее остро при обнаружении их противоположности или противоречия. Ключевым моментом в этой связи оказывается осознание конфликта как необходимой предпосылки при противоположной

организации комплекса содержательно-смысловых связей и снятие такового при построении противоречивой модели их взаимодействия. При этом под «старым» и «новым» следует понимать блоки содержания и блоки смысла соответственно. Содержание выступает как необходимая основа для опредмечивания и дальнейшего распредмечивания смысловых конфигураций, которые представляют собой понятийный (и коммуникативный) фокус рефлексивного действия с текстом. Логично предположить, что, даже при наличии конфликта между старым и новым на стадии противоположности, противостоящие друг другу части все же осознаются как взаимопроникающие, взаимно обуславливающие друг друга. На уровне модальной партитуры текста такое соотношение реализует себя в том, что при отрицании содержательных установлений выводами, сделанными на основе распредмечивания смысловых линий текста, последние (как новое в фокусе освоения) будут содержать в себе с необходимостью возможность органичного включения исходных содержательных отношений (в преобразованном виде) на последующем этапе собственно противоречия. При этом тексты с противоположной организацией модальной партитуры все же необходимо отделять от построенных с противоречивым способом организации взаимодействия между блоками содержания и смысла, поскольку в первых указанная возможность включения содержательных отношений не имеет основания в виде языковой экспликации основных модальных значений (или их частных разновидностей). Последнее утверждение будет подкреплено примерами анализа текстового материала далее.

При построении модальной партитуры на основе противоречивого устройства содержательно-смысловых связей в тексте, взаимное отрицание блоков содержания и смысла осознается, но линии развития содержания и репродукции/продукции смыслов развиваются параллельно без замещения одного другим. Далее наиболее значимые части содержания после необходимого преобразования поглощаются, интегрируются блоком смыслов, и возникает полноценная текстовая содержательность.

Приводимые далее предметные образцы художественных текстов относятся к стихотворной форме. Такое предпочтение вызвано тем, что становится возможным провести анализ модальной партитуры в небольшом по объему, но целостном по своим содержательно-смысловым характеристикам тексте. Помимо того, исследователями отмечалось, что модальных компонентов в стихах по сравнению с прозой заметно больше: «поэтические тексты насквозь модальны» [Гальперин 2004: 115].

Следует подчеркнуть, что в случае изучения организации смыслового плана стихотворного текста, прежде всего, нас интересует динамический аспект взаимодействия блоков содержания и смысла. Такой подход обусловлен не только герменевтической научной парадигмой, в русле которой производится исследование, но и многолетней историей описания выразительных возможностей стихотворной формы. По мнению Ю.Н. Тынянова, основой принципа динамизма формы в стихе является господство некоторого конструктивного фактора формы, подчиняющего себе остальные формальные признаки. Это явление Тынянов назвал конструктивным признаком, благодаря которому формальные признаки не просто складываются, образуя совокупность, но взаимодействуют, так как реципиент осознает подчинение, деформацию второстепенных факторов одним ведущим конструктивным фактором [Тынянов 1965: 28].

Представляется возможным перенести указанный принцип наличия конструктивного фактора с уровня описания формальной структуры, которая, особенно в стихах, характеризуется тесной связью с содержанием в плане направления развития сюжета и определения семантического веса каждого слова в стиховом ряду. Более существенной, с нашей точки зрения, является потребность выявления закономерностей опредмечивания смысла в тексте, поскольку смысл выступает как конструкт, в первую очередь определяющий особенности динамического соотношения содержания и формы. При этом смысл существует лишь в момент рефлексии над текстом, в котором он не имманентно, а на момент связывается с опредмечивающим его средством.

При акцентировании этого аспекта оказывается, что форма предстает не в виде набора определенным образом соединенных между собой знаков, но в виде системы особым образом связанных средств текстопостроения, направляющих деятельность распределения смысла в тексте с целью достижения его понимания. На уровне не только стихотворного текста, но и прозаических текстовых построений, роль организатора взаимодействия, обеспечивающего динамизм процесса понимания, согласно представляемой концепции, играет модальная партитура текста и смыслы-модализации, находящиеся в её узлах. Речь идет не просто о значимой форме, как о материальной оболочке некоторого содержания, неразрывно с ним связанной, но о стратуме смыслов, гиперструктуре, наличие которой в тексте управляет и содержанием и формой. Имеется в виду, что форма предопределяется именно смыслом, но не содержанием.

Итак, основную проблему составляет вопрос о том, будут ли отличаться проза и стихи в плане анализа модальной партитуры, которая, как предполагается, лежит в основе смыслового стратума и в том, и в другом случае? Важным в этой связи представляется положение о том, что слово в стихотворном тексте в отличие от прозаического употребления может быть совершенно «бессодержательным», т.е. основным признаком его значения может быть совершенно не связан с общим «смыслом» ритмико-синтаксического единства. Но благодаря возникновению из-за тесноты стихового ряда «колеблющихся значений», может возникать «видимость значения», «кажущееся значение» [Тынянов 1965: 121–122]. В первую очередь, необходимо отметить, что в таком описании изменчивости семантики слова налицо смешение терминов «содержание» и «смысл». Представляется, что здесь речь скорее идет о смысле, а не о содержании, несмотря на то, что затрагивается прежде всего значение слова в синтагматическом ряду. Но такое снижение индивидуальной значимости слова происходит лишь в сопоставлении его семантического веса с весом окружающих его слов в выстраиваемой цепи предикаций, т.е. в плане отображения и упорядоченного представления некоторого

набора ситуаций, а не в конфигурации связей и отношений в ситуации понимания поэтического текста.

В качестве примера детерминированности семантического веса отдельных слов теснотой стихового ряда и возникновения благодаря интенсификации колеблющихся признаков значения – «кажущегося» значения – Ю.Н. Тынянов приводит четверостишие А. Блока:

*«В кабаках, в переулках, в извивах,
В электрическом сне наяву,
Я искал бесконечно красивых
И бессмертно влюбленных в молву».*

Анализируя значимость каждого слова в синтагматической цепи первой части четверостишия, Ю.Н. Тынянов указывает, что семантически необходимой является лишь рамка «В кабаках ... я искал». Остальные же «случайные» слова употребляются «вне их связи ... к основному признаку значения», и возникающие колеблющиеся признаки создают лишь некоторый «семантический фон» [Там же: 123–124]. Представляется, что на уровне смысла семантическая значимость членов некоторого стихового ряда может быть переосмыслена, расширена. М. Метерлинк писал, что «...те слова, которые с первого взгляда кажутся бесполезными (семантически избыточными – Е.И.), и составляют сущность произведения» [Метерлинк 1915: 72]. Ср. с мнением Вяч. Иванова о том, что поэзия по определению синтетична – в ней нет аналитических высказываний, нет пустых слов в семантическом ряду, даже словесная тавтология имеет смысл [Иванов Вяч. И. Собрание сочинений Т. 4: 645]. С одной стороны, обстоятельственная группа в первом стихе действительно может рассматриваться как некоторое эмоциональное сгущение, ведь содержательно все три однородных члена могут быть представлены как один единый локатив, указывающий лишь на пространственную растянутость поисков. Тогда употребление эпитета «электрический» может толковаться как средство оживления стертого оксюморона «сон наяву» [Тынянов 1965: 123]. В этом случае причиной введения всех этих «ненужных» слов в

стиховой ряд следует считать, во-первых, ритмико-интонационную архитектуру данного стихотворного текста, во-вторых, желание поэта эмоционально его «зарядить». С другой стороны, в первых двух стихах можно усмотреть явное противопоставление реального и мыслимого. В ряду «в кабаках, в переулках, в извивах» первые два члена еще называют реальные объекты, а третий элемент уже переносит фокус из реального мира в сознание с его завесой сонных грез. Ср.: извив – изгиб, извилина (извив реки); извив – неожиданный ход мысли. Пространственные значения здесь граничат с переносным словоупотреблением. Уже на уровне значения, – в глобальном текстовом плане – содержания, просматривается двойственность, расщепление на реальность и мир чудес, в который поэт жаждет попасть, чтобы оттуда привести обратно свой идеал, который не может найти в реальном мире. Реальный мир исчезает, возникает «электрический сон». Поиски продолжаются и в сознании, оторванном от реальности. Там все электризуется, взвинчивается, будоражит (Ср.: наэлектризовывать – горячить, распалить, взбудораживать, заводить, щекотать нервы). Определение «электрический» одновременно указывает и на возвращение в реальный мир, где снова те же «переулки» и «кабаки» освещены светом ламп и фонарей, где все ясно видно. Погружение в мир ирреального оказывается лишь миражом, сном наяву. Но этот сон лучше, предпочтительнее для поэта. Несмотря на то, что специфика смысловой интерпретации во многом зависит от рефлексивного потенциала самого субъекта, понимающего текст, значения словесного ряда управляют процессом рефлексивного действия с текстом. Сами значения слов, составляющих основу развития сюжетной линии (семантический фон), подсказывают направление воссоздания смыслов. Такая организация отношений между содержанием и смыслов в тексте соответствует пресуппозитивной организации модальной партитуры, которая предполагает детерминированность блоков смыслов содержательными конфигурациями. Рассматривая данное стихотворение в контексте исторической изменчивости идеалов и стремлений Блока, В.М. Жирмунский писал «Отблесков неземного видения он ищет в этой жиз-

ни, смутно прозревая в ней иную, более реальную действительность» [Жирмунский 1998: 9]. Погружение в смысловой стратум текста позволяет вывести заключение о противоборстве реального обыденного мира и желаемого, непогрешимого мыслимого мира. Этот частный смысл «противопоставленности и слитости реального и ирреального» далее растягивается и наращивается в рамках других стихотворений этого периода [См.: Там же: 10-19], превращаясь в метасмысл, детерминирующий не только специфику смысловой структуры произведений Блока, но и направление деятельности рефлексии при работе со сходными текстами символистов.

Перейдем к анализу текстового материала относительно выявления способов выстраивания смысло-содержательных связей в рамках каждого из типов модальной партитуры.

Противоположная организация модальной партитуры представлена следующим текстом Риммы Казаковой:

<i>Пожалуйста, возьмите пальму первенства!</i>	1. ~ □ ~ ~ ~ □ ~ □ ~ □ ~
~	
<i>Не просто поддержать, а насовсем.</i>	2. ~ □ ~ ~ ~ □ ~ ~ ~ □
<i>Пускай у вас в руках крылато, перисто</i>	3. ~ □ ~ ~ ~ □ ~ □ ~ □ ~ ~
<i>возникнет эта ветвь на зависть всем.</i>	4. ~ □ ~ ~ ~ □ ~ □ ~ □
<i>А вы пойдете, тихий и небрежный,</i>	5. ~ ~ ~ □ ~ □ ~ ~ ~ □ ~
<i>как будто не случилось ничего.</i>	6. ~ □ ~ ~ ~ □ ~ ~ ~ □
<i>Но будете вы все-таки не прежний –</i>	7. ~ □ ~ ~ ~ □ ~ ~ ~ □ ~
<i>все прежнее теперь исключено.</i>	8. ~ □ ~ ~ ~ □ ~ ~ ~ □
<i>У ваших ног послушно море пенится.</i>	9. ~ ~ ~ □ ~ □ ~ □ ~ □ ~
~	
<i>Кошмарный зверь, как песик, ест с руки.</i>	10. ~ ~ ~ □ ~ □ ~ ~ ~ □
<i>От палочки волшебной – пальмы первенства –</i>	11. ~ □ ~ ~ ~ □ ~ □ ~ □ ~
~	
<i>расщелкиваются хитрые замки!</i>	12. ~ □ ~ ~ ~ ~ □ ~ ~ ~ □
<i>Им клады от нее таить нет смысла, –</i>	13. ~ □ ~ ~ ~ □ ~ □ ~ □ ~

*и пальмочка, в ладонь впаявшись твердо,
подрагивает, как коромысло,
когда полны до самых дужек ведра.*

Тот – еще мальчик, та – качает первенца,

~

тот – в суету гвоздями быта вбит...

Берите же, берите пальму первенства!

~

Черт шутит, пока бог спит...

Что? Говорите: «Не хочу. Успеется. И вообще

□

почему вы решили, что именно я? Сейчас мне

некогда. Да отстаньте же в конце концов! Все.

□

Пока. Обед стынет...»

Эй, кто-нибудь, возьмите пальму первенства!

~

Пожалуйста, возьмите пальму первенства.

~

Берите же, берите пальму первенства!

~

14. ~ □ ~ ~ ~ □ ~ □ ~ □ ~

15. ~ □ ~ ~ ~ □ ~ ~ □ ~

16. ~ ~ ~ □ ~ □ ~ □ ~ □ ~

17. □ ~ ~ □ ~ □ ~ □ ~ □ ~

18. □ ~ ~ □ ~ □ ~ □ ~ □

19. ~ □ ~ ~ ~ □ ~ □ ~ □ ~

20. □ □ ~ ~ ~ □ □

21. □ ~ ~ ~ ~ ~ □ ~ □ ~ ~ ~ ~

22. ~ ~ □ ~ ~ □ ~ ~ □ ~ ~ □ ~ ~ ~

23. □ ~ ~ ~ ~ □ ~ ~ ~ □ ~ □

24. ~ □ ~ □ □ ~

25. □ □ ~ ~ ~ □ ~ □ ~ □ ~

26. ~ □ ~ ~ ~ □ ~ □ ~ □ ~

27. ~ □ ~ ~ ~ □ ~ □ ~ □ ~

Цифры справа – номер стиха, ударные слоги обозначены знаком □, а безударные – знаком ~. Стихотворение, написанное в основном классическим пятистопным ямбом, имеет необычное строфическое деление. В первом двадцатистрочнике основной каркас ритма держится на сходных по метрическому рисунку четных стихах с мужской рифмой и пиррихиями по большей части во второй и четвертой стопах. Только в 14-м и 16-м стихах появляется женская рифма. Вообще, при непосредственном восприятии на слух кажется,

что рифмы хаотично перепутаны: используются не только мужские и женские, но и дактилические окончания. Перекрестная рифмовка окончаний также не отличается стройностью. Рифмы, в большинстве своем, неточные: *первенства – перисто – пенится – первенца* и т. п. Следующие четыре «белые» строки объединяются в отдельную строфу. Поскольку целью стоит наиболее эмоциональная и точная передача живого обывательского (а не поэтического) ответа, отсутствие четкого метрического рисунка является оправданным. Как в реплике-ответе живого диалога поток речи иссякает по мере того, как иссякают аргументы, подобным же образом сокращается количество слогов в каждом из четырех стихов. Последний тристих является рефреном уже повторенного выше призыва. Дактилические рифмы создают эффект затихания возгласов. Все это придает законченность тексту.

Описанные особенности формы данного стихотворного текста служат опредмечиванию ядерных смыслов-модализаций и консолидации всего смыслового стратума текста. Содержательные связи выражаются лишь косвенно. Например, в виде строфического деления. Кроме того, ключевым моментом является то, что если ориентироваться лишь на необходимость когнитивного понимания, т.е. когда в основе интерпретации будут логико-предикативные отношения в синтагматической цепи и создаваемое ими развитие сюжета, то результатом может быть отношение к данному тексту противоположное тому, которое неизбежно возникнет при анализе собственно смысловых конфигураций. Действительно, сюжет стихотворения состоит в том, что кому-то предлагается некое сокровище, богатство, которое сулит «зависть» окружающих, доступ в любые пределы, власть над стихиями и чем только еще, ведь это почти волшебная палочка. Выбор того, кому предлагается такое счастье, неслучаен. Он избран среди тех, кто также достоин, но по воле обстоятельств не может этот дар принять. Далее следует сбивчивый и не очень-то вежливый отказ. А затем пальму первенства предлагают всем желающим, что странно, так как вещь, безусловно, ценная.

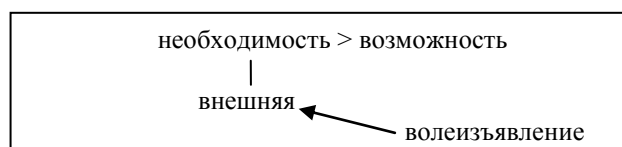
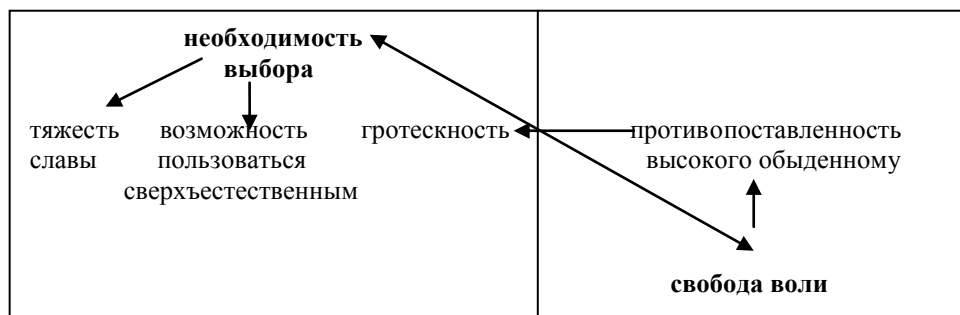
Если же, ориентируясь на необходимость распредмечивающего понимания, обратиться к анализу плана смыслов, т.е. выявить способ их опредмечивания через содержание в форме, то на основании анализа задействуемых средств текстопостроения получается противоположная картина. Переменчивая сбивчивая мена клаузул и неточности рифмы указывают на необходимость пересмотра вопроса о «ценности» волшебной пальмы первенства. Опредмечиваемый в этих текстообразующих средствах смысл «моральной тяжести славы» перекликается с повтором словосочетания «пальма первенства». Повтор помимо структурообразующей функции (рефрен) выполняет еще и стилевую функцию средства непрямой номинации для указания на необходимость понять, что есть эта «пальма первенства»? Слава? Признание? Политический пост? Одновременно активизируются соответствующие концептуальные области сознания. Задействуются пояса мысли-коммуникации и чистого мышления СМД. Повтор создает ощущение давления, нарастания семантического веса многократно повторяемой фразы в обрамлении разных рифм. Этому также косвенно способствует расширенное метафорическое сравнение *«как коромысло, когда полны до самых дужек ведра»*. На смысловом уровне это соотносится с осознанием необходимости нести некое бремя. За почести и возможности придется платить. Тем самым, перечеркивается не только оценочная квалификация предлагаемой вещи, данная в рамках содержания, отрицается и устанавливаемая сопутствующая система условий: возьмите (просто так) – но придется платить, это не дар, а приобретение, связанное с собственным выбором, в данном случае, целого жизненного пути – *«все прежнее теперь исключено»*. Таким образом, опредмечиваемый смысл «тяжести славы» модализируется смыслом «необходимости выбора». Переосмысливается и сюжетная деталь обоснованности выбора адресата, что наиболее явно отражено в использовании прецедентной фразы *«Черт шутит, пока бог спит...»*. Содержательно это просто эквивалент выражению «все возможно, все случается». Но если справедливый судья не участвовал, тот, кому предлагают пальму первенства, на самом деле, её недо-

стоин, что подтверждается реакцией «одариваемого» во второй строфе. Последний стих первой строфы оказывается особым образом выделен и на уровне ритма. Такое выделение также может рассматриваться как средство текстопостроения, опредмечивающего смысл «гротескность, неестественность всей ситуации».

Многочисленные тропеические средства в первой части, помимо активизации деятельности рефлексии при освоении содержания, участвуют в опредмечивании смыслов, которые объединяются ядерным смыслом-модализацией в первый кластер модальной партитуры. Так, персонифицирующая метафора «послушное море» и «строго когнитивная» метафора «пальма первенства – волшебная палочка», а также образное сравнение «кошмарный зверь, как песик» (взаимодействуют литота и пейоративная коннотация от уменьшительного суффикса) указывают на сверхъестественную природу свойств «пальмы первенства». Смысл «возможность пользоваться сверхъестественным» наиболее сильно связан со смыслом-модализацией «необходимость выбора», поскольку на уровне категоризации модальных значений возможность замещается необходимостью. На уровне собственно смыслов этому соответствует определяющая роль выбора – человек волен выбирать и возможный мир, в котором будет своя мера реальности.

Положение дел является сущим в действительности и дается в снятом виде, что поддерживается системой дейктических координат в тексте. Повелительные предложения в сочетании с предложениями в будущем времени подкрепляют опредмечивание смысла «необходимость выбора», ведь выбор в данном тексте относится к плану будущего. Пространственная координата, начинаясь расширением горизонтов возможностей в первой части, сужается до разговора (на улице у дома или по телефону), что поддерживается самой имитацией разговорной речи в неформальной обстановке – «*Пока. Обед стынет...*». Два ударения подряд в конце этого стиха создают не только отрывистость на уровне формы, указание на желание поскорей отделаться, невежливость, незаинтересованность собеседника на уровне содержания, но и

смысл «противопоставление высокого обыденному». Отрывистости во второй строфе ставится в соответствие значение ударений в конце предыдущей части. Определению указанного смысла также способствует белая рифма ответа, обрамленная собственно поэтической формой предыдущей и последующей строф. Указанный смысл управляется смыслом-модализацией «свобода воли», который является одновременно отличным и тесно связанным с ядерным модальным смыслом предыдущего смыслового кластера. Смысл «свободы воли», пусть и такой обыденной воли, указывает на необходимость активизации опыта чистого мышления, поскольку чтобы принять даже самый ценный дар, нужно решиться. В контексте данного текста это не оспаривается: предлагающий не настаивает, просто обращается к другим. Сам модализируемый смысл также соотносится с выделением смысла «гротескность», т.е. ощущение несоответствия, в предыдущем смысловом блоке. Таким образом, два кластера модальной партитуры оказываются связными не только на уровне смыслов-модализаций, но и на уровне подчиненных смыслов. Категоризируемые на основе освоения всей совокупности смысловых связей данного текста модальные значения необходимости/возможности с преобладанием первой альтернативы над второй дополнительно подкрепляются значением волеизъявления, которое актуализирует внутреннюю модификацию значения необходимости в противопоставление её внешней ипостаси. Схематически вышесказанное обобщается в следующем рисунке:

Рассмотрим следующий сонет У. Шекспира:

<i>Two loves I have, of comfort and despair,</i>	1. ~ □ ~ □ ~ □ ~ ~ ~ □
<i>Which like two spirits do suggest me still:</i>	2. ~ ~ ~ □ ~ □ ~ □ ~ □
<i>The better angel is a man right fair;</i>	3. ~ □ ~ □ ~ ~ ~ □ ~ □
<i>The worser spirit a woman coloured ill.</i>	4. ~ □ ~ □ ~ □ ~ □ ~ □
<i>To win me soon to hell, my female evil</i>	5. ~ □ ~ ~ ~ □ ~ □ ~ □ ~
<i>Tempteth my better angel from my side,</i>	6. ~ □ ~ □ ~ □ ~ ~ ~ □
<i>And would corrupt my saint to be a devil,</i>	7. ~ ~ ~ □ ~ □ ~ ~ ~ □ ~
<i>Woing his purity with her foul pride.</i>	8. ~ ~ ~ □ ~ ~ ~ ~ □ □
<i>And whether that my angel be turned fiend</i>	9. ~ □ ~ ~ ~ □ ~ □ ~ □
<i>Suspect I may, but not directly tell,</i>	10. ~ □ ~ □ ~ ~ ~ □ ~ □
<i>But being both from me, both to each friend,</i>	11. ~ ~ ~ □ ~ ~ □ ~ ~ □
<i>I guess one angel in another's hell.</i>	12. ~ □ ~ □ ~ ~ ~ □ ~ □
<i>Yet this shall I ne'er know, but live in doubt,</i>	13. ~ □ ~ ~ □ □ ~ □ ~ □
<i>Till my bad angel fire my good one out.</i>	14. ~ ~ □ ~ ~ □ ~ □ ~ □

Стихотворение написано пятистопным ямбом с преобладающей мужской рифмой – только в 5-м и 7-м стихах её сменяют женские клаузулы. Рифмовая организация – abab bcbc dbd bcc – более свободна, чем того требует классическая сонетная форма [Холшевников 1996: 135]. Твердая форма стихотворения, однако, здесь не предполагает уверенности в собственной правоте, провозглашения каких-то лично открытых истин (как в у В.Я. Брюсова [Гаспаров 1995]). Наоборот, ощущается неуверенность автора относительно того, что происходит. Эта неопределенность поддерживается как на смысловом, так и на содержательном уровне. Автор именует взаимодействующие стороны одинаково в симметричных синтаксических конструкциях – *two loves; two spirits; the better angel – the worser spirit; both from me, both to each friend; one angel in another's hell; my bad angel ... my good one*. Разбавление мужских окончаний женскими оказывается неслучайным в словах *evil, devil*. Лежащие за ними концептуальные области связываются с жен-

ским началом, противопоставленным мужскому. С другой стороны, налицо равноправность доброго и злого ангелов. В указанных средствах текста опредмечен смысл «равный статус добра и зла».

Особенности организации содержания стихотворения подкрепляются отсутствием строфического деления. Мы не можем четко разграничить части, поскольку описание конфликта между добром и злом предстает в единой ситуации, в рамках которой, однако, можно выделить все те же свойственные сонету разделы. В первом катрене происходит презентация общей системы отношений в дейктических координатах «место-время-лицо». Во втором четверостишии происходит переход от статической к динамической картине. Причем первому лицу отводится роль стороннего наблюдателя. Терцеты оказываются содержательно (в плане выстраиваемых цепей предикаций) связаны синтаксическим переносом из 11-го в 12-й стих. Содержательно в терцетах представлено отсутствие определенной позиции у автора по поводу положения дел в настоящем и переход к будущему, в котором эти сомнения разрешатся, и сущее в возможности станет сущим в действительности. Ритмико-интонационное оформление здесь органично сочетается с синтаксическим и лексическим выражением модальных значений необходимости/возможности. При этом благодаря смысловой организации текста при последующей категоризации возможность все же одерживает верх.

Сказанное подкрепляется анализом опредмечивающих смысл средств текстопостроения. Одним из таких средств является в своих различных модификациях значащая мена места метрического ударения в стихе. Например, в 4-й стопе 11-го стиха и во 2-й стопе 14-го стиха ударным оказывается первый слог вместо ямбического второго. В первом случае это происходит под влиянием акцентуации повтора *both from me, both to each friend*. Таким образом, еще раз опредмечивается смысл «равного статуса добра и зла». Во втором случае, мена места ударения происходит из-за заключительного выделения антитезы «bad – good». Антитеза шекспировского сонета не является смысловой (о термине см.: [Корнилова 2008: 106]). Эта антитеза построена на

взаимодействии словарных значений, поэтому она принадлежит уровню содержания.

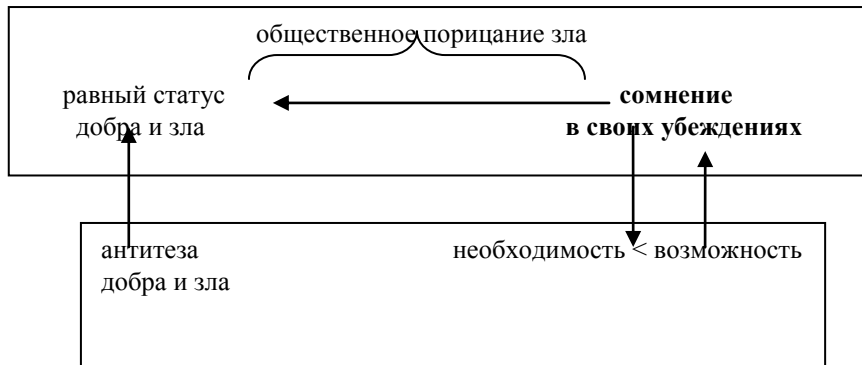
С другой стороны, несомненно, идет одновременная актуализация всей концептуальной сферы не только в поясе мысли-коммуникации, но и в области чистого мышления, поскольку наиболее значимым при рефлексии над текстом будет личностное наполнение блоков представлений о «добре» и «зле» у конкретного реципиента. Таким образом, противоборство двух одинаковых по статусу и природе сторон (двух духов, ангелов, привязанностей автора) выделяется из всего блока содержательных связей и влияет на восстановление смысла в ходе понимания текста. Тип организованности модальной партитуры в этом случае можно описать как противоречивый.

Помимо того, вариациями указанного текстообразующего средства мены места метрического ударения являются спондеированные стопы 8-й и 13-й строф. Выделяемые таким образом словосочетания помимо содержательной нагрузки выполняют функцию смысловых фокусов. Словосочетание *foul pride* переводилось как тщеславие (В. Микушевич), гордыня (Н. Гербель), спесь (Д. Щедровицкий), позорная гоньба (С. Степанов), порочность (А. Финкель), грешная краса (С. Маршак). Как видно, наиболее сильной здесь является коннотация негативной оценки, причем не внутренней, а внешней – со стороны принятых моральных норм, поскольку акцент делается на греховности, порочности, связанном с ними позоре, т. е. общественном порицании. Но принимается ли автором такая общепринятая квалификация? Оценочная характеристика злого ангела больше нигде не дается (*worser spirit* – скорее относится к той же содержательно-смысловой антитезе (*better angel*), а не к указанию оценки автора). Определенный смысл «общественной порицаемости зла» активизирует опыт чистого мышления, призывая читателя переосмыслить собственную систему ценностей, протестировать её, ответить себе на вопрос: что в ней от людей, а что действительно своё.

Наконец, из-за ритмико-интонационного членения стихов в первом терцете ударными оказываются вспомогательный глагол *be* в рамках спекулятивного придаточного и модальный глагол *may* в главной части одного и того же предложения. Модальное значение возможности как результирующий слепок модальной организации партитуры такого типа на собственно языковом уровне получает экспликацию в типе сказуемого. Значение переключается со смыслом-модализацией, который объединяет упомянутые безмодальные смыслы в единое целое (модальная партитура состоит только из одного кластера). Это смысл «сомнение в своих убеждениях», который включает в себе изначальную христианскую ориентированность на то, что станет с человеком после смерти за его плохие или хорошие поступки, но с абсолютной уверенностью утверждать ничего невозможно – «*Могу предполагать, не смея утверждать*» (в перевод Н. Гербея). Указанный выше оценочный смысл «общественной порицаемости зла» выступает в роли связки между смыслом-модализацией и единственным безмодальным смыслом «равный статус добра и зла», благодаря чему изначальная неопределенность снимается. При этом экспликация модального значения «сущего в возможности» дополнительно подкрепляет опредмечивание соответствующего смысла, а последующая обратная категоризация дает активизацию топосов опыта связанных с этим значением (во всех поясах СМД). Таким образом, при противоречивой организации взаимоотношений между содержанием и смыслом в рамках модальной партитуры текста наиболее значимые содержательные ориентиры (в примере – антитеза, активизируемые средствами текстопостроения модальные значения) оказывают непосредственное влияние на процесс восстановления смысла. Конфликт между содержательной и смысловой линиями сглаживается.

Необходимо также отметить включение оператора оценочности в связывание смыслов кластера между собой и посредством этого в категоризацию модальных значений. Модальные значения необходимости/возможности, связанные с содержанием, вводятся без указания на баланс

между ними. Знак устанавливается на основе освоения плана смыслов текста. Схематически вышесказанное можно изобразить с помощью следующего рисунка:

Для описания связей между блоками содержания и смысла, основанных на отношениях пресуппозиции, как указывалось выше, мы выбрали аспект функционирования пресуппозиции не на уровне предложений и их ближайших связей в некотором контексте, а значение пресуппозиции на уровне целого текста. В этом случае пресуппозиция выступает как необходимость анализа содержательных связей внутри разворачивающегося сюжета. Функция пресуппозиции как категории текста при этом связывается с обеспечением связности частей текста с глобальным контекстом, в котором происходит конкретизация информации, заключенной в каждом отдельном отрывке [Семенова 1984]. Таким образом, *пресуппозитивная* организация модальной партитуры может быть определена как предполагающая рефлексивный сценарий, согласно которому содержание (в первую очередь модальные значения) управляет распредмечиванием смысла. Содержание при этом предстает как необходимый ориентир («глобальный контекст»), направляющий ход смысловых преобразований при понимании текста в нужное русло.

В качестве иллюстрации этого положения рассмотрим стихотворении А.А. Галича «Еще раз о черте».

*Я считал слонов и в нечет и в чет,
И все-таки я не уснул,*

*И тут явился ко мне мой черт,
И уселся верхом на стул.
И сказал мой черт: «Ну, как, старина,
Ну, как же мы порешим?
Подпишем союз, и айда в стремяна,
И еще чуток погрешим!
И ты можешь лгать, и можешь блудить,
И друзей предавать гуртом!
А то, что придется потом платить,
Так ведь это ж, пойми, – потом!
Но зато ты узнаешь, как сладок грех
Этой горькой порой седин.
И что счастье не в том, что один за всех,
А в том, что все – как один!
И ты поймешь, что нет над тобой суда,
Нет проклятия прошлых лет,
Когда вместе со всеми ты скажешь – да!
И вместе со всеми – нет!
И ты будешь волков на земле плодить,
И учить их вилять хвостом!
А то, что придется потом платить,
Так ведь это ж, пойми, – потом!
И что душа? – Прошлогодний снег!
А глядишь – пронесет и так!
В наш атомный век, в наш каменный век,
На совесть цена пятак!
И кому оно нужно, это «добро»,
Если всем дорога – в золу...
Так давай же, бери, старина, перо
И вот здесь распишись, в углу».*

Тут черт потрогал мизинцем бровь...

И придвинул ко мне флакон.

И я спросил его: «Это кровь?»

«Чернила», – ответил он...

Относительно формы, которая имеет свой семантический вес, можно сказать, что здесь мы имеем дело с типичным для русской стихотворной традиции XX века дольником [Холшевников 1984]. Чередуются четырехстопные и трехстопные стихи, которые образуют симметричные ритмико-интонационные периоды – по два в каждой строфе (далее в таблице строфы обозначены римскими цифрами). Количество безударных слогов между ударными не имеет системы, но, в основном, это вариации от 1 до 2 безударных слогов, и только в 5 и 9 строфах в анакрузе присутствуют 3 безударных слога.

Метрическая структура стихотворения А.А. Галича «Еще раз о черте»:

I. 2-1-1-2-	II. 2-1-1-2-	III. 2-1-1-2-	IV. 2-2-2-1-	V. 3-1-2-1-
1-2-2-	1-1-2-	2-2-1-	2-2-1-	2-1-1-
1-1-2-1-	1-2-2-2-	1-2-2-1-	2-2-2-1-	2-2-2-1-
2-2-1-	1-1-2-	2-1-1-	1-1-2-	1-2-1-
VI. 2-2-2-1-	VII. 1-1-2-1-	VIII. 2-2-1-2-	IX. 1-1-2-1-	
2-2-1-	2-2-1-	2-1-2-	2-2-1-	
1-2-2-1-	1-2-1-2-	2-2-2-1-	3-1-1-	
2-1-1-	1-2-1-	2-2-1-	1-2-1-	

Несомненно, не следует приписывать излишней значимости схеме чередования безударных слогов внутри стихов в каждой строфе. Так, известно мнения Ц. Тодорова, который отмечает, что подсчет количества слов, слогов и звуков не может способствовать пониманию смысла [Тодоров 1979: 39]. Однако некоторые из особенностей метрической организации стихотворного текста, все же, могут перекликаться с общей идеей формирования его содер-

жательно-смыслового единства. Подтверждением необходимости включения в анализ модальной структуры, консолидирующей смысловую стратум текста, собственно языковых особенностей метрики, фоники и строфики стихотворения, может стать уже упоминавшееся представление о том, что уже сам каркас и звуковое наполнение материала заключают в себе начатки содержательно-смысловых конфигураций. В.Е. Холшевников отмечает: «... стихотворная речь семантически более насыщена, чем проза, сама стихотворная форма содержательна» [Холшевников 1996: 105]. В рассматриваемом стихотворении, например, бросается в глаза использование исключительно мужских рифм, что, как известно, делает речь более отрывистой [Там же]. На смысловом, а не на содержательном, уровне данного текста, такой прием можно квалифицировать как средство, реализующее один из основных смыслов-модализаций модальной партитуры – смысл «уверенность в собственной правоте». Этот смысл находится вне кластерной системы, т.е. не образует собственную микросистему с подчиненными «безмодальными» смыслами. Данный смысл дополнительно упрочивает конструируемый в тексте смысловой мир. Он же запускает последующую категоризацию узловых смыслов-модализаций и их превращение в языковые модальные значения. При этом активизируются топосы опыта из области пояса мысли-коммуникации, так как интендирующее средство актуализирует опыт обращения с поэтическими текстами.

По первому стиху идентичны строфы 1, 2, 3 (2-1-1-2), но по остальным стихам они обнаруживают не сходства, а, наоборот, антиподные отличия. Например, во втором стихе безударные слоги находятся во всех возможных комбинациях: 1-2-2, 1-1-2 и 2-2-1 соответственно. Содержательно первые три строфы представляют собой целостную обрисовку ситуации в её основных дейктических характеристиках: представлены два лица-персонажа – автор и черт, «друзья» как абстрактный неактуализированный субъект присутствуют лишь как ссылка на внутренний круг привычных представлений автора-героя. Временная организация данного трехстрофного отрывка предстает как

постепенное «вплывание» текущего момента, как наиболее эмоционально и содержательно насыщенного, в ход развития действия – первая строфа полностью оформлена прошедшим временем. Одновременно растягивается пространство – реципиент попадает в точку «здесь», но со ссылкой на «тогда» – этому способствует и коннотации лексемы «старина». Они несут дополнительную информацию о неформальности общения, давнего знакомства. Такую же функцию имеет употребление местоимения «мой» применительно к черту, что указывает на взаимность квалификации отношений между персонажами. Помимо того, само название стихотворения задает такие временные рамки (*Еще раз...*). Таким образом, содержательные связи объединяют первые три строфы, создавая единство не столько на уровне содержания, сколько на уровне смысла. Содержание, как в плане развития сюжета, так и в плане семантически нагруженной стиховой формы, определяет пути консолидации смыслового стратума текста.

Во второй и третьей строфе акцент смещается на ускорение динамики развертывания содержательно-смысловых связей. Так, во второй строфе используются вопросительные и повелительные предложения (в данном случае речь идет об оптативности, оформленной множественным числом первого лица, что дополнительно объединяет автора и черта). Будущее время глаголов – *подпишем, погрешим* – несет в себе подчеркнутую модальную окраску желательности, квалификации этих действий как правильных с точки зрения персонажа (черта) – смысл «правильность желаемого». В третьей строфе черт емко представляет все выгоды заключаемого контракта, давая оговорку относительно неизбежности, но отдаленности расплаты. При этом основным структурным элементом является составное модальное сказуемое с модальным или фнкторным глаголом (*можешь лгать, можешь блудить, придется...платить*). Желательность здесь сменяется разрешением перевести потенциальные способности в актуальные возможности – смысл «открытие доступа к запретному».

Второй кластер модальной партитуры на формальном уровне представлен строфами с четвертой по шестую, что дополнительно поддерживается ритмико-интонационной структурой этих строф. Так, идентичным рисунком характеризуются 1-й и 3-й стихи четвертой, 3-й стих пятой и 1-й стих шестой строф. Второй кластер также регрессивно растягивается, включая в себя и третью строфу. Это происходит за счет повторения третьего и четвертого стихов третьей строфы в конце шестого четверостишия, что на уровне содержания объединяет строфы с третьей по шестую. Дейктический акцент во втором кластере смещается с настоящего на будущее (все предложения оформлены будущим), которое, однако, представляется с точки зрения черта как незначимое, слишком отдаленное, чтобы повлиять на выбор героя. Желательность будущего из второй строфы сохраняется – смысл «неизменность желаний». Таким образом, первый и второй кластеры модальной партитуры накладываются друг на друга. Местом пересечения является третье четверостишие. Следовательно, можно предположить, что именно в третьей строфе непосредственно опредмечен узловой смысл-модализация, обеспечивающий смысловое единство первого и второго кластеров. Различными же их делает разность дейктических характеристик и формально-содержательных параметров (ритмико-интонационный рисунок вкупе с развитием сюжета). Номинация данного смысла-модализации приблизительно может быть дана как «неизбежность греха». Распредмечивание этого смысла подразумевает обращение рефлексии на пояс чистого мышления, в котором хранится опыт освоения наиболее значимых моральных понятий. Помимо непосредственной экспликации (*Но зато ты узнаешь, как сладок грех...*) опредмечивание данного смысла направляется и другими содержательными ориентирами. Значения желательности и разрешения, идущие от содержания и упомянутые выше, являются ни чем иным как модификациями наиболее общих языковых модальных значений способности и волеизъявления. Таким образом, модальные значения и смыслы-модализации взаимно переплетаются благодаря взаимодействию блоков содержания и смысловых кластеров.

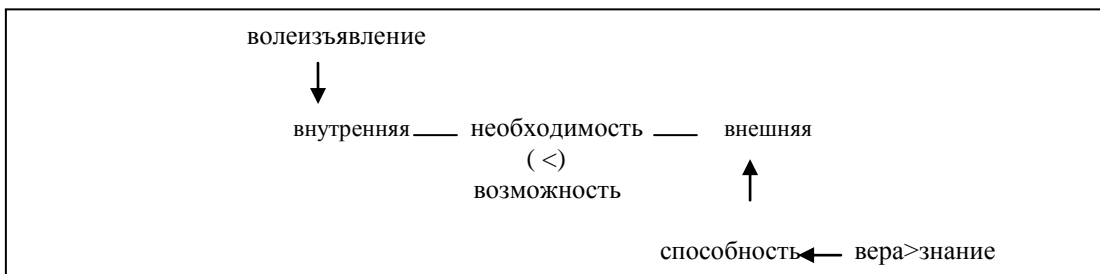
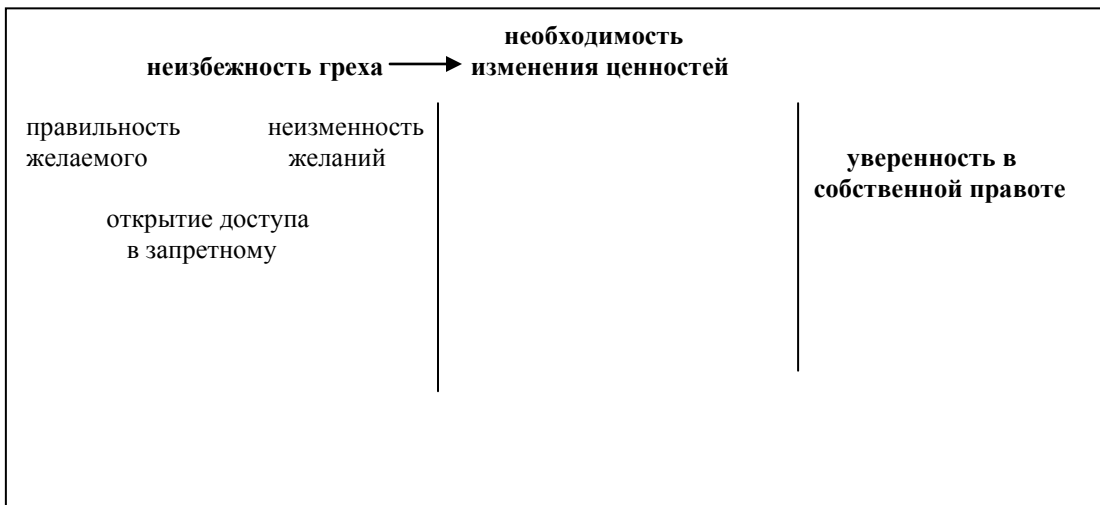
Последний кластер модальной партитуры состоит из трех заключительных строф. На формальном уровне первые стихи каждой из строф обнаруживают соотносительность структуры: в седьмой и девятой строфах они идентичны, а в восьмой 1-й стих представляет собой их зеркальное отражение – создается структура подобная охватной рифме. В седьмой и восьмой строфах из-за преимущественного использования восклицательных риторических вопросов, собственно восклицательных безглагольных предложений узнавание дейктических координат затруднено. Во временном отношении это, конечно, момент разговора. Реципиент убеждается в этом в конечной строфе, где в прямой речи даны последние реплики героев. Однако до этого настоящий момент представляется несколько растянутым, как и личностная компонента – имеются в виду не только поэт и черт, но весь мир (*всем дорога, наш...век*). Вместе со временем расширяется и пространство, чему способствует обильное использование предложений с так называемыми интонационными жестами: *А глядишь – пронесет и так! Если всем дорога – в золу...* Все это чрезвычайно динамизирует сюжет: черт использует самые веские и всеобъемлющие аргументы. Представляется, что последние доводы черта неслучайно оформлены такого типа эллиптическими предложениями. Г.А. Золотова указывает на контекстуальную независимость подобных конструкций, поскольку каждый такой интонационный жест может сам образовать целый текст [Золотова 1990: 504]. Уровень содержания здесь также направляет распределение смысла. Автор уже и сам не уверен в своей изначальной правоте. Он не знает, отказаться ли от греховного саморазрушительного предложения черта или принять его. Непонятно, к чему бы привело самоотречение в мире, где все поставлено с ног на голову. Смысл-модализация, объединяющий безмодальные смыслы этого блока в единое целое, может быть обозначен как «необходимость изменения собственных ценностей», что снова активизирует опыт пояса чистого мышления. Разворачиваемая сюжетная картина особенно ярко представляет данный узловый смысл в своего рода сюжетном оксюморо-не, нарушающем ожидания читателя: вместо крови подписывать прихо-

дится обыкновенными чернилами. Данный содержательный ориентир поддерживается более частным контекстуальным оксюмороном: в седьмой строфе сразу после «атомного» века идет эпитет «каменный». Указанный смысл является следствием растяжения смысла-модализации двух первых кластеров, так как при категоризации оба смысла будут преобразованы в общее модальное значение необходимости, только уже не внешней, а внутренней. Все это еще более консолидирует план смыслов текста.

Набор дополнительных подчиненных смыслов может различаться в конкретном рефлексивном акте в зависимости от наполнения содержания сознания осваивающего текст субъекта. Это могут быть для первых двух кластеров – «борьба добра и зла в каждом человеке», «изначальная испорченность человека», «представление о счастье как о комфорте только для себя», «безликость людской массы», «безнаказанность зла». Для последнего блока – «обесценивание добродетели», «обыденность греха», «регресс цивилизации».

Проведенный анализ организованностей модальной партитуры текста не является исчерпывающим, поскольку цель настоящего параграфа – установление связи рассматриваемых отношений между блоками содержания и блоками смысла и функционированием модальности в художественном тексте. В тексте А.А. Галича четко прослеживается влияние содержания на распределение смысла (пресуппозитивная организация). Если дополнительно рассмотреть возможность категоризации упомянутых смыслов-модализаций и превращение их в модальные языковые значения, то движение такой категоризации будет идти следующим образом: Вера (Способность → Необходимость (внешняя)) + Волеизъявление (Необходимость (внутренняя)) → ...Возможность). В блоке веры/знания активизировано только первое значение, поскольку смысл «уверенность в собственной правоте» подчеркнуто субъективен. Направление восстановления динамики модального устройства идет одновременно в двух направлениях: от полюса воли и от полюса веры соответственно.

Значение веры, категоризируемое из надкластерного смысла-модализации «уверенность в собственной правоте», запускает процесс категоризации остальных значений. Сомнения, возникающие в конце у автора, активизируют соотносительную связь между необходимостью и возможностью, причем возможность уже готова возобладать, но поздно – стихотворение уже закончилось. Может быть, поэтому в конце стоит многоточие, которое приглашает читателя к дальнейшим размышлениям на заданную тему. Следующий далее рисунок-схема обобщает приведенные выше рассуждения:

Корреляция плана содержания и плана смыслов предполагает их взаимное влияние: комплекс содержательных связей определяет направление смыслового взаимодействия и наоборот. Следующий стихотворный текст (стихотворение В.Я. Брюсова «Холод») является примером коррелятивной организации взаимодействия блоков содержания и смысла в рамках модальной партитуры текста:

I. *Холод, тело тайно сковывающий,* □ ~ □ ~ □ ~ □ ~ ~ ~ ~
Холод, душу очаровывающий... □ ~ □ ~ ~ ~ □ ~ ~ ~ ~

- II. *От луны лучи протягиваются,* ~ ~ □ ~ □ ~ □ ~ ~ ~ ~
 К сердцу иглами притрагиваются. □ ~ □ ~ ~ ~ □ ~ ~ ~ ~
- III. *В этом блеске – все осилившая власть,* ~ ~ □ ~ ~ ~ □ ~ ~ ~ □
 Умирает обескрылевшая страсть. ~ ~ □ ~ ~ ~ □ ~ ~ ~ □
- IV. *Все во мне – лишь смерть и тишина,* □ ~ ~ ~ □ ~ ~ ~ □
 Целый мир – лишь твердь и в ней луна. □ ~ □ ~ □ ~ ~ ~ □
- V. *Гаснут в сердце невзлелеянные сны,* □ ~ □ ~ ~ ~ □ ~ ~ ~ □
 Гибнут цветики осмеянной весны. □ ~ □ ~ ~ ~ □ ~ ~ ~ □
- VI. *Снег сетями расстилающимся* □ ~ □ ~ ~ □ ~ ~ ~ ~
 Вьет над днями забывающимся, □ ~ □ ~ ~ □ ~ ~ ~ ~
- VII. *Над последними привязанностями,* ~ ~ □ ~ ~ ~ □ ~ ~ ~ ~
 Над святыми недосказанностями! ~ ~ □ ~ ~ ~ □ ~ ~ ~ ~

Размер стихотворения – четырехстопный хорей. Простая форма двухсложника разбавляется постановкой пиррихий, которые в 1-й, 5-й, 6-й, 7-й строках и во втором стихе 2-й строфы падают на третью стопу. Однако в первом стихе 2-й строфы, 3-й строфе, и, дополнительно, в 7-й строфе пиррихий помещается на первую стопу. В 7-й строфе, таким образом, оказывается целых два пиррихия и только два ударных слога, что вполне понятно, поскольку там только по два семантически наполненных слова. Кроме того, ударение на первом слоге выглядит при скандовке несколько ослабленным в 4-й и 5-й строфе, причем во втором стихе 5-й строфы также можно обойтись без ударения на второй стопе. Такое ритмическое оформление этих строф придает дополнительный семантический вес словам, на которые падают метрические ударения. Этому способствует и внутренняя рифма, не всегда точная: *смерть – твердь; тишина – луна; гаснут – гибнут; невзлелеянные – осмеянной*. Интересно взаимодействие размещения пиррихий с гипердактилической рифмой: при ударном первом слоге окончание имеет именно такой вид, но при отсутствии ударения на первом слоге, или при его ослаблении в клаузуле возникает мужская отрывистая рифма (3-я, 4-я и 5-я строфы). Какие содержательно-смысловые связи можно выявить, приняв во внимание, что

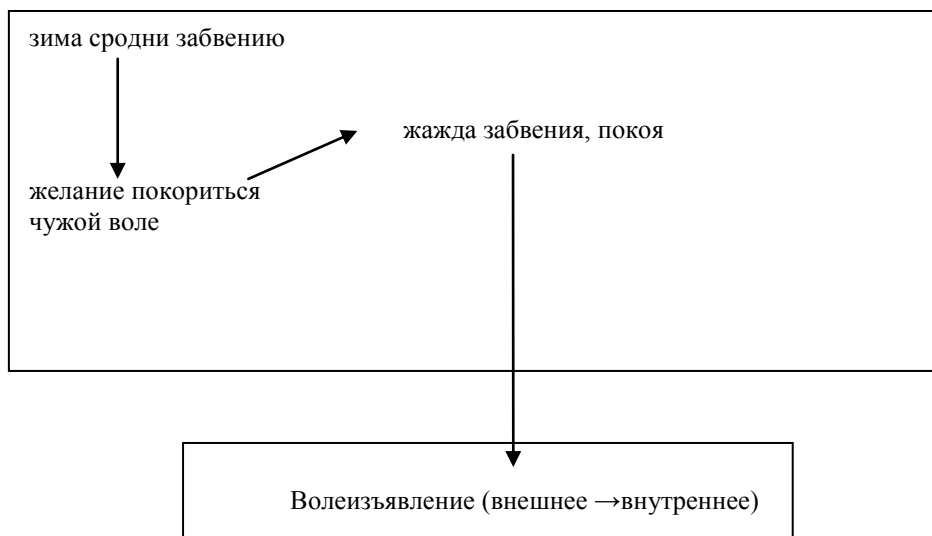
«пиррихий в первой стопе звучит более легко» [Холшевников 1996: 30], а гипердактилические рифмы «звучат напевнее» [Там же: 47]?

Содержательно оказываются связанными строфы с гипердактилическими окончаниями с одной стороны и строфы с мужскими рифмами с другой. Содержание первой группы строф выполняет роль семантического фона для содержания строф второй группы. Структурно это подкрепляется тем, что три двуступишия с мужскими рифмами окружаются строфами с гипердактилическими окончаниями. Тогда гипердактилические рифмы помимо функции ритмического замедления способствуют опредмечиванию смысла «зима сродни забвению». Метафорическая основа этого смысла раскрывается не только в отмеченном структурном приеме, но и в персонификации абстрактного: холод сковывает и очаровывает душу. Персонификация распространяется и на описание зимнего ночного пейзажа: *протягиваются, притрагиваются*, словно и части холода как члены человеческого тела. Убаюкивающая интонация 6-й и 7-й строф сочетается с уменьшением метрических ударений в стихе в связи с сокращением числа знаменательных слов. Мир вместе с наполняющими его предметами-референтами стирается в видении героя так, что последним образам он не успевает (и не хочет) дать имени (*святыми недосказанностями*). Забвение в последних строфах становится почти осязаемым: снег все засыпает, скрывает, как смерть – хоронит. Содержательная связь, возникающая между метафорическим фоном описания забвения и состоянием души автора, перебрасывается на основной содержательный костяк стихотворения – с 3-й по 6-ю строфы. Слово *смерть* там присутствует. Оно помещается, как указывалось выше, во внутренне рифмующийся ряд, создающий эффект соединения двух содержательных линий – семантического фона персонификации холода и метаморфоз в человеческой душе. Здесь снова присутствует «луна» со своим холодным «блеском». С ней приходит ночь и «тишина». Все застывает, останавливается, перестает жить, коченеет (превращается в «твердь»). Реальность сменяется «снами». Ночь и холод одерживают верх уже в 4-й строфе. Далее реальность замещается «сном», начинает-

ся процесс разложения – сознание «гаснет», тело «гибнет». Но это лишь анализ содержательных связей, построенных на взаимосвязи лексических значений единиц стихового ряда. Создаваемая метафора не принадлежит только плану смыслов. Она, в равной степени, обусловлена содержанием. В плане освоения смысла же значимым является интенсификация эмоционального напряжения за счет смены метрико-рифмического оформления центральных двустиший. Отрывистость мужских рифм в сочетании с легким звучанием пиррихий в первой стопе динамизируют действие. Это контрастирует с пассивностью героя, который не вмешивается в распространение власти смерти в фоновых строфах. Он не противится действию внешних сил, а, наоборот, по своей воле (!) им предается. Присутствие смысла «желание покориться чужой воле» опредмечивается именно в сочетании ритмико-интонационного и рифмового оформления фраз, что вытекает, естественно, из расстановки в стиховом ряду слов, составляющих своими значениями содержание текста. С другой стороны, можно сказать, что и форма управляет выбором слов – до определенной степени, конечно, потому что слова должны соответствовать выбранной содержательной тематике. Создаваемый яркий метафорический контекст также поддерживает устанавливающиеся связи между смыслом и содержанием.

Таким образом, конструируемая модальная партитура состоит из двух кластеров – «фона» и героя (его сознания), первый из которых поглощает другой. Смыслом-модализацией является при этом общий для двух кластеров, наращиваемый смысл «жажда забвения», который управляет как безмодальными смыслами «фона», так и смыслами в рамках основного кластера. Активизируемыми топосами при этом будут все три пояса СМД, поскольку благодаря тесной взаимосвязи содержания и смысла задействуется и опыт предметных представлений (что делает с живым телом холод), и опыт мысли-коммуникации (благодаря широкому использованию значений слов в тропической организации повествования), и опыт чистого мышления (на уровне распредмечивания основного смысла-модализации). При последую-

щей категоризации ядерного модального смысла, естественно, результирующим модальным значением будет значение волеизъявления, чему способствовала консолидация всего плана смыслов в тексте. Поскольку единственным категоризируемым модальным значением является значение волеизъявления, модальное устройство статично, связи внутри него оказываются неактуализированными. Одновременно происходит переход на более высокий уровень нетрансформируемых в значения метасмыслов, идей. В данном случае это идея высшей ценности покоя, мира в душе. Следующий далее рисунок-схема обобщает приведенные выше рассуждения:

Из проведенного анализа можно сделать вывод, что в стихотворном тексте специфические для такого типа речевого построения текстовые средства (тип концевой рифмы, строфическая организация текста, особенности ритмико-метрического строения и т.п.) наиболее тесно связаны с опредмечиванием ядерных смыслов-модализаций в модальной партитуре распределения смыслов текста. Это указывает на управляющий статус последней, так как задействуются наиболее значимые компоненты формы текста.

Используемые для опредмечивания узловых смыслов-модализаций стиховые текстообразующие средства органично комбинируются с тропеическими элементами, что говорит об общей основе для формирования модальной партитуры в поэзии и прозе.

Что касается влияния типа конструируемой модальной партитуры на восстановление динамики универсального модального устройства языкового сознания, то на основании результатов проведенного анализа можно, по крайней мере, утверждать, что связи между блоками и отдельными компонентами указанного устройства восстанавливаются по-разному. Из такого «разного» высвечивания динамики модального устройства можно вывести следующие общие закономерности:

1. Первые две стратегии (противоположная и противоречивая) организации отношений между уровнями содержания и смысла в качестве основного блока устройства выделяют блок необходимости/возможности, тем самым подтверждая его продуцирующе-стягивающий статус (см. п. 1.4.3). В рамках противоположной стратегии в рассмотренном выше конкретном тексте динамика модального устройства управляется значением волеизъявления, которое взаимодействует с подчиненным блоком необходимости/возможности в плане установления знака отношения внутри этого блока (необходимость в её внешней ипостаси приобретает статус ведущего элемента). Противоречивая стратегия дополняет описанный механизм в плане возможности иной квалификации знака отношения внутри данного центрального блока модального устройства сознания (преобладание возможности) без включения в ход восстановления связей значения волеизъявления, а только с помощью оператора оценочности, который начинает действовать уже на уровне смысла.

Следует заметить, что действие оператора оценочности при восстановлении динамики модального устройства сознания не ограничивается описанной выше процедурой. Оценка способна связывать запускающий блок веры/знания и центральный блок необходимости/возможности, обеспечивая повторяемость знака отношений из первого блока во втором. Тем самым в тексте устанавливается определенная квалификация ситуации относительно её реальности/ирреальности (подробнее см. п. 3.1.1).

2. Пресуппозитивная стратегия конструирования модальной партитуры позволяет наиболее полно восстановить динамику модального устройства,

задействуя сразу два полюса (волеизъявления/долженствования и веры/знания – в рассмотренном примере активными являются только значения волеизъявления и веры в каждом блоке соответственно). Такое действие рассматриваемой стратегии можно объяснить тем, что в данном случае соотношение между блоками содержания и смысла является оптимальным, поскольку распределение смыслов выступает как закономерное следствие освоения комплекса связей внутри содержания. По нашему мнению, в текстах, где содержание направляет распределение смыслов, создаются наиболее благоприятные условия для работы рефлексии.

3. Коррелятивная стратегия в противоположность всем другим способам организации отношений между блоками содержания и смысла фокусирует усилие понятийного осмысления на одном из значений системы (в данном случае волеизъявления). При этом статика подавляет динамику, указывая на возможность существования модального устройства сознания не только в виде динамически организованной системы модальных значений, но и в виде стабильного слежка мыслительной деятельности субъекта. Такой слепок предстает с одной высвеченной гранью, остальные компоненты системы отходят на второй план.

Нужно оговориться, что, как отмечалось выше, стратегии могут комбинироваться. Так, коррелятивная стратегия может объединяться с пресуппозитивной (см. пример в п. 2.4). Использование данной гибридной стратегии, на наш взгляд, оправдывается общей тенденцией преобладания динамики над статикой не только в процессе опредмечивания/распредмечивания смысла, но и во всей системе человеческой жизнедеятельности. Представляется, что иные типы объединения стратегий также возможны, что, несомненно, будет оказывать влияние на нисходящую категоризацию и восстановление динамики модального устройства сознания.

1.7. От модальности на уровне предложения к модальности на уровне текста: предикативность, модальность, метафоризация

Как было показано выше взаимодействие уровней содержания и смысла в художественном тексте определяется типом модальной партитуры, ориентированной, прежде всего, на консолидацию всего смыслового стратума текста и выход к комплексному смыслу текста как совокупности метасмыслов и идей. При этом содержание, формируемое значениями языковых единиц, объединяемых в цепи предикаций, остается базовым пространством. Оно неизменно и процесс смыслораспредмечивания будет запускаться каждый раз по-новому при обращении рефлексии на одно и то же, неизменное содержание текста в его конкретном языковом выражении. Именно с уровнем содержания связывается переход от языковой системы к тексту, где модальность выступает как механизм, управляющий распределением смысла. Следовательно, содержательные характеристики текста определяют переход от языковой модальности к модальности текстовой. В нижеследующем параграфе будет рассматриваться проблема взаимоотношения модальности и предикативности, модальности и метафоризации в свете необходимости описания механизма указанного перехода.

Язык как порождение человеческого сознания в его стремлении подчинить себе окружающий мир своим онтологическим основанием имеет не слово, а предикацию. Как пишет В.А. Курдюмов «язык есть предикация». При этом само противопоставление языка и речи в этом случае снимается [Курдюмов 1999]. Человеческая речь также имеет своим основанием способность предложения устанавливать связь между предметами и их признаками [Серебренников 1983: 238]. Помимо установления соотносительной связи между предметами и их признаками важно еще размещение ситуации как содержательной основы предикации на линейной оси времени. Не менее важно установление модальной квалификации формируемой рече-мыслительной конструкции как реальной/ирреальной. Модальность предложения есть ключ для представления всеобщего в конкретном и, наоборот, конкретного, индивидуального в общем. Если время рассматривается как некоторая материальная субстанция выполняющая лишь функцию овеществления, введения кон-

структов языкового сознания в реальный мир речи, и бытия в целом, то модальность задает координаты для преломления реальности, одиночного в предложении и множественного в тексте. В любом случае демиургом этой деятельности является мыслящий субъект, который сам по себе одновременно и уникален, и один из многих подобных ему. Эту intersубъективность «человек говорящий» имеет уже на уровне предложения, не теряет он её и на уровне текста.

Вопрос о статусе модальности в её соотношении с категорией предикативности, образующей предложение, остается спорным, так как модальность и предикативность соотносятся в ряде аспектов и частично или полностью (в зависимости от рассматриваемых параметров) перекрывают друг друга. Так, Н.А. Слюсарева считает, что если признать верной классическую трактовку модальности у В.В. Виноградова – речь в данном случае идет об объективно-модальных параметрах в отношениях реальности/ирреальности [Виноградов 1975: 55–58] – то весь объем понятия модальности будет полностью перекрываться предикативностью, поскольку указанное свойство конституирует предложение как таковое [Слюсарева 1986: 45]. Также об онтологической связи понятий «предикативность» и «модальность» на основании квалификации актуального членения предложения как добавочного семантического компонента как предикативности, так и модальности – см.: [Дешериева 1987: 35–36].

В настоящей работе не ставится задача специального рассмотрения закономерностей включения различных содержательных пластов предложения-высказывания в определенным образом типизированную модальную рамку, а также соотношения таких рамок с теми или иными пропозитивными установками. Примерами достаточно эффективного исследования указанных проблем можно считать: [Palmer 1986], [Зеленщиков 1997].

С другой стороны, неоспоримым является тот факт, что предикативность является основообразующим свойством предложения. Любой текст, в том числе и художественный, состоит из предложений. Следовательно, каж-

дое предложение как самостоятельная предикация вносит свой вклад в формирование содержательной основы текста. В качестве необходимой посылки нами также принимается положение о существовании в художественном тексте помимо уровня содержания стратума смыслов. В этой связи описание соотношения предикативности как свойства предложения – конституанта текста на уровне содержания – может проводиться в аспекте функционирования модальности как механизма консолидации смыслового стратума целого текста. Установление такой связи возможно, если под содержанием понимать определенным образом организованные цепи предикаций, а под смыслом – развертывание связей и взаимоотношений в ситуации деятельности и коммуникации, которую реципиент восстанавливает или создает на основе действия в рамках модальной партитуры распредмечивания смыслов текста. При этом смысла без содержания в художественном тексте быть не может. Содержание в его пропозитивно-предикативной организации закономерно представляет собой основу для опредмечивания смыслов в тексте.

Смыслы-модализации, образующие узлы модальной партитуры распредмечивания смысла текста, направляют луч рефлексии на преобразование каждого нового плана действительности с его обусловленностью внешней реальностью в элементы собственного содержания сознания. При этом индивидуальность принимающего сознания во всем многообразии уже имеющегося в нем опыта вступает во взаимодействие с внешним по отношению к этому сознанию миром, пропущенным через призму сознаний других людей. Многомерность реальностей, с которыми вступает в контакт сознание реципиента (планы реальностей персонажей, автора, самого текста как автономной сущности) позволяет действовать именно с опредмеченными в тексте смыслами, а не только ориентироваться в цепях содержательных связей текста.

Не требует доказательства то, что предложение имеет статус, прежде всего, объекта лингвистического исследования. В условиях естественной коммуникации человек использует тексты, в которых предложения-

высказывания оказываются определенным образом связаны. Они уже не существуют по отдельности, но только в обеспечивающем их адекватное понимание контексте. Изучение свойств предложения без учета контекста может привести к тому, что под сомнение ставится онтологическая зависимость предложения от образующего его свойства предикативности. Так, М.И. Стеблин-Каменский, критикуя отождествление в логике и грамматике предложения и суждения, указывает на отсутствие соотнесенности между предложением и категорией предикативности, как тем, что формирует предложение. Данный факт подтверждается существованием предложений без предикативности, например, «Пожар!», в которых, согласно автору, нет ни подлежащего, ни сказуемого. Не обладая свойством предикативности, такие предложения не могут быть выразителями суждений, что разрывает однозначную связь между суждением и предложением [Стеблин-Каменский 1956: 34–47].

Указанная трактовка, на наш взгляд отражает общий недостаток лингвистического метода, т.е. попытки умозрительного описания явлений, связанных с функционированием идеальной стороны человеческого языка. Предикативность и модальность – сущности высокого уровня абстракции, что затрудняет определение объема и специфики их речевой манифестации. Коль скоро суждение и предложение по М.И. Стеблину-Каменскому разведены, предикативность теряет статус свойства, обеспечивающего мыслительную обработку ситуации внеязыковой реальности, т.е., в первую очередь, перестает указывать участников ситуации и тип отношений между ними. Формирование представления о ситуации действительности с помощью средств языка традиционно связывалось с построением семантико-синтаксического каркаса предложения, и термины «предложение» и «суждение» обозначали лишь степени перехода от идеального образа положения дел к упорядочиванию связей между составными частями этого образа с помощью языковых механизмов. В случае односоставных событийных предложений типа «Пожар!» реальные участники ситуации и возникшие между ними связи не ясны, а, следовательно, не могут быть предикативно упорядочены. Для идентифи-

кации участников и способа их взаимодействия необходим более широкий контекст, который всегда присутствует как в реальности, так и в речепроизводстве. За предложением-высказыванием «Пожар!» всегда стоят реальные или вымышленные люди, с конкретным для каждого вообще и в данный момент содержанием сознания. Ср.:

Петра все эти ночи томила бессонница. Только голова начнет проваливаться в подушку, почудится беззвучный вопль: «Пожар, пожар!» И сердце затрепещет, как овечий хвост... Сон – прочь. (А. Толстой «Петр Первый»)

Настоящий отрывок формирует представление о тревогах Петра, вернее, о том состоянии тревожности, в котором он постоянно находился. Лексические средства (глагол *томить*, союзное слово *только*, присоединяющее придаточное предложение), грамматические средства (актуализация темарематического членения с помощью инверсии, взаимного расположения частей сложно-подчиненного предложения), стилистические средства (метафорическое сравнение *овечий хвост*, элизия-противопоставление *Сон – прочь*), используемые автором, создают эффект нависшей угрозы, перед лицом которой герой чувствует себя беспомощным. Угроза для Петра связана с конкретными лицами (участниками ситуации) – его сестрой и боярами. Все смертельные опасности – нападение, отравление, пожар – связаны с ними. Бессубъектное предложение «*Пожар, пожар!*» обретает контекстуальную субъектно-предикатную референциональность.

Таким образом, предикативность действительно является основообразующим свойством любого предложения, взятого не изолированно, а в естественном контексте, т.е. когда предложение становится высказыванием (см. об этом также: [Химик 1986: 80–82]). Отмечая необходимость изучения понятия предикативности на уровне дискурса, В.И. Иванова отмечает, что данное понятие следует связывать не с предложением как системной единицей языка, а с высказыванием как конструктом, формирование которого детерминруется не столько языковой нормой, сколько речевым контекстом [Иванова 2001: 169, 172–173]. Без сомнения, данное утверждение может вызвать

критику на основании того, что нарушается требование ограничения рассматриваемых отношений границами самого предложения-высказывания. Редукционизм, зачастую, является необходимым условием проведения научных исследований, однако задача выявления системных связей языковых явлений в тексте как живой среде бытования языка представляется не менее важной. Поэтому игнорирование закономерностей влияния контекста на наиболее базовые характеристики семантики предложения представляется неоправданным. Контекст связывает предикации в единое целое. В результате установления контекстуальных связей отдельные предложения-высказывания выстраиваются в последовательность, именуемую в данной работе содержанием текста.

Чаще всего модальности приписывают модификационный, или «модусный» статус по отношению к предикативности (см. об этом, например: [Мухометзянова 2007: 7]). В этой связи существенной является возможность рассматривать установление предикативных отношений как первоначальный этап репрезентации информации. Без сомнения, модальность дополнительно расширяет представление о субъектно-предикатных отношениях, внося элемент квалификации статуса этих отношений с точки зрения говорящего и тем самым предопределяя способ освоения этой информации адресатом сообщения.

Интересно, что модусная характеристика модальности на уровне предложения-высказывания соотносится с квалификацией статуса модальности относительно пропозиции не только в ставшей классической концепции Ш. Балли. При введении в рассмотрение модального аспекта перестают четко различаться и сами понятия предикации и пропозиции. Несмотря на то, что понятие предикативности относят к синтаксическим категориям, а пропозицию связывают с семантическим способом первичной упаковки информации [БЭС 1997: 393, 401], эти инвариантные показатели структурированности мыслительно-языковой реальности соотносимы. Отношения между модаль-

ностью и предикативностью с одной стороны, и модальностью и пропозицией с другой стороны обнаруживают сходство.

Итогом развития представлений о пропозиции стало её понимание как семантической структуры, которая способна входить в модальную рамку [Арутюнова 2002: 34]. При этом модальность может получать статус механизма определяющего особенности семантической упаковки информации пропозицией. Иными словами, модальность понимается как расширение исходной пропозиции [Rescher 1968: 12]. В пропозиции закладываются компоненты, к которым можно произвести отсылку для того, чтобы соблюсти условия истинности нового построения, а также, чтобы понять, о чем именно идет речь. Ср. с представлением о базовом пространстве (base space) в теории ментальных пространств Ж. Фоконье [Fauconnier 1997: 34].

Сходство интерпретаций статуса модальности относительно предикативности и пропозиции, по нашему мнению, связано с тем, что первичная упаковка информации о ситуациях действительности реальной и вымышленной, а также установление связей между партиципантами каждой такой ситуации в отдельности и в их взаимосвязанном блоке на уровне текста далее дополняется, модифицируется формируемыми в тексте модальными установками. Однако эти установки, подчеркнем – как агенты самого текста, связываются не столько с уровнем содержания в его пропозитивно-предикативном наполнении, сколько с уровнем управляющего смысла. Именно для опредмечивания смысла в художественном тексте формируется содержание, а не наоборот. С другой стороны, ключевым моментом является то, что содержание выполняет роль референциальной базы. Формирование смыслового стратума текста без содержания невозможно.

Таким образом, проблема взаимного перекрывания категорий модальности и предикативности, вернее, модальности предложенческой и текстовой, разрешается, так как они будут относиться к разным уровням деятельности речепроизводства. Предикативность принадлежит к уровню выделения в ситуации типологических (пространственно-временных, реальностных) при-

знаков при накладывании ментальной рамки пропозиции, что определяет построение предложения типа clause (с эксплицитно заполненными или восстанавливаемыми из контекста позициями). При этом при включении контекста, как в структуралистском, так и в когнитивном понимании, т.е. как внутреннего, так и внешнего по отношению к языку (подробнее см.: [Болдырев 2001: 28–29]), возможен выход предикативности за границы предложения. В этот момент происходит связывание предложенческой предикативности в её необходимом модальном расширении и модальности текстовой. Модальность в настоящей работе, как указывалось выше, соотносится с уровнем организации единиц выше, чем clause, а именно, с уровнем целостного текста, в котором предикации как взаимосвязанные частицы содержания образуют основу для деятельности смыслоопредмечивания и смыслораспредмечивания. Модальность координирует взаимодействие между уровнями содержания и смысла на основе использования различных стратегий конструирования модальной смысловой партитуры (противоположной, противоречивой, пресуппозитивной и коррелятивной). При этом общее дополняется индивидуальным, частным. Под общим понимаются правила построения и связывания предикаций, а под частным – способы смыслового конфигурирования получившихся содержаний на уровне смыслов. Именно на этом уровне intersубъективность способа организации деятельности человеческого сознания проявляет себя наиболее явно и поддается лингвистическому описанию. Например, предложение в настоящем времени и изъявительном наклонении («нулевая модальность» по В.В. Виноградову) может в контексте описываемой сложной ситуации, т.е. ситуации, состоящей из нескольких связанных единым смысловым планом ситуаций, быть связанным с опредмечиванием общего для всего ситуативного контекста смысла-модализации в рамках партитуры распредмечивания смысловых связей текста. В следующем примере таким смыслом-модализацией является «ощущение желательности-невозможности»:

«It is rasping to the soul to be committed to the company of the rich without being rich yourself» (I. Shaw «Nightwork»).

В традиционном структурно-семантическом плане это предложение может быть описано как конструкция, включающая в себя две пропозиции, одна из которых надстраивается над другой. Предикат включает в себе аксиологическую оценку статуса субъекта, который, в свою очередь, содержит в себе еще одну свернутую ситуацию. Анализ особенностей конструкций данного типа включается автоматически при освоении связей внутри блока содержания, но не смысла. Переход на уровень смысла осуществляется при связывании данной сложной предикации с более широким контекстом. Имеется в виду, что данное оценочное утверждение в настоящем времени и изъявительном наклонении, взятое изолированно не дает представления о содержании сознания того, кто являлся субъектом высказывания. Не говоря уже о возможности восстановления ситуации мыследействия автора, который вложил в уста персонажа такую мысль. Рассмотрим данное предложение в контексте:

«His wife's family weren't miserly toward him, but they were not generous either, and he had begun to gamble to eke out his allowance. ...During part of the winter season the pickings were not bad in the Bahamas, but he was forced to keep traveling. New York, London, Monte Carlo, Paris, Deauville, St. Moritz, Gstaad. Where the money was. And the games.

<...>I saw opportunities around me constantly that would have made me a rich man if I had even a modest amount of capital. I won't say that I was bitter, but I certainly was discontented. I had just turned fifty a few days before the flight to Zurich and I was not pleased with what the future might have in store for me. It is rasping to the soul to be committed to the company of the rich without being rich yourself. To pretend that losing three thousand dollars in one evening means as little to you as to them» (I. Shaw «Nightwork»).

В данном отрывке содержание сознания персонажа (Майлза Фабиана) предстает в виде постоянного давления нескольких связанных между собою

мыслей-устремлений: желания богатства, неудовлетворенности собственным положением, потери надежды что-то изменить к лучшему, зависти к сильным мира сего. Герой целеустремлен, он не сидит, сложа руки, постоянно путешествует, стремясь поймать удачу и осуществить своё главное желание – обрести богатство и независимость.

Опредмечивание смысла-модализации «желательности-невозможности» идет, в основном, содержательно, т.е. с помощью способа развития сюжетной линии (в рамках пресуппозитивной организации модальной партитуры распределения смыслов текста). Приведенное выше резюме содержательных связей может быть использовано в качестве основы для перехода на уровень смыслов. Предикативизация оценки в предложении «*It is rasping ...*» эксплицитно соединяет с опредмечиваемым смыслом-модализацией оценочный компонент. Таким образом, план содержания, включающий в себя особенности сюжетного развития и выражения оценки, оказывается наиболее тесно связан с планом смысла.

Существенным также является объяснительный характер монолога героя, который излагает факты собственной биографии. На уровне текстовых средств для этого используется парцелляционное деление предложений. Это делает сообщаемое более весомым, как и все, что происходило в жизни Фабиана для него самого. В указанном приеме, с нашей точки зрения, опредмечивается смысл «центральности, наивысшей значимости собственного я». Этот смысл становится метасмыслом как в контексте романа, так и для всей западной (в данном случае американской) культуры. Данный смысл подчинен в рассматриваемой текстовой дробе ядерному смыслу-модализации, так как осуществление собственных желаний для каждого такого «центрального» «я» есть наивысшая цель. Обобщение-сентенция *It is rasping ...* приобретает субъектность. При этом сфера активизации предложенческой модальности соединяется с разворачивающимся модальным механизмом на уровне текста. Предикативизация оценки обеспечивает более тесную связь уровней содержания и смысла посредством связывания предложенческой предикативности

(с конкретизирующей её предложенческой модальностью) и модальности текстовой.

Описание соотношения модальности и предикативности на уровне текста будет неполным без упоминания о роли метафоризации в этом процессе. Метафора долгое время рассматривалась как «искажение», искривление реальности с целью создания яркого образа. Такое искажение актуализируется изначально через личностное отношение. Любая метафора изначально модальна. П. Рикёр отмечал, что метафора предполагает осуществление референции особым образом, т.е. особую модальность, обеспечивающую смыкание способа представления и способа существования объекта – смыкание «видеть как» и «быть как» [Рикер 2004: 346].

Помимо того, в рамках собственно лингвистического и лексикологического направлений исследования языковой метафоры неоднократно отмечалось, что для метафоры характеризующая функция является основной. В этом случае между метафорой и предикативностью в языке наличествует онтологическая зависимость [Виноградов 1953; Кацнельсон 1965; Арутюнова 1978, 1979; Складарская 1993]. Таким образом, метафора связана не только с модальностью, но и с предикативностью. Метафора это особое искажение реальности. Если модальность изменяет реальность в рамках самой этой реальности (ср. категория наклонения образуется оппозитивной парой реальность – ирреальность, т.е. та же реальность, только с отрицательным знаком), то метафора дает качественный скачок (образование третьего содержательного плана у метафоры, когда два исходных плана «растворяются» в нем [Крюкова 2001]). В этом случае инициируется переход в другую реальность, реальность в которой идеи уже не нуждаются в предикативно-модальном оформлении. Стремление человеческого языка к трансценденции, когда человек может рассматриваться как личность «пост-коммуникативная» по В.А. Курдюмову [Курдюмов 1999], реализуется в метафоре. Именно поэтому метафора является не просто достоянием человеческого языка, но общим способом познания мира, причем познания наиболее эффективного. Такой эф-

фект дает метафоризированная предикативность, когда привычная связь между предметами и их признаками разрушается самим говорящим, творящим качественно новую реальность.

В тексте, где этот процесс метафорического познания «мира в себе» через «мир вне себя» явлен именно как процесс, а не представлен в снятом, готовом виде модальность и метафоризация меняются местами. В тексте метафоризация способствует активизации модального механизма: идет начальное пробуждение рефлексии с помощью метафоры. Далее ход распредмечивания смыслов регламентируется модальным механизмом. Схема взаимодействия для предложения выглядит следующим образом: предикация → модализация (как конкретизация предикативного статуса) → метафоризация. В тексте же все наоборот: предикация (совокупность предикаций как «содержание текста» по Г.И. Богину) → метафоризация → модализация. Предикация присутствует в обоих случаях как субстанциональная основа. Через время и оценку предикация и модальность взаимодействуют в языке и тексте. А далее в языке и в целом человеческом мышлении становится возможной сама метафоризация. Однако, все равно, все пошло от текста, и именно в нем было сформировано. Метафоризация в тексте играет роль пускового механизма для смыслового синтеза. Модальность оказывается последующим координирующим механизмом. В языке же эта система взаимозависимостей категоризируется в зеркальном отображении. Свойственная метафоризации «аномальность» в понимании тех, кто занимался метафорой в рамках теории референции, в художественном тексте преодолевается построением модальной партитуры распредмечивания его смыслов. Именно этот процесс, по нашему мнению, является непосредственным местом реализации «неэнтропийной» функции модальности в её понимании В.С. Юрченко [Юрченко 2000: 63].

Таким образом, метафора является связующим звеном между модальностью на уровне предложения и модальностью на уровне текста. Простейший пример: часто метафоризируется не только план смысла, метафора присутствует уже на уровне содержания. Так, рассказ В.Ф. Тендрякова «Хлеб

для собаки» глубоко и вместе с тем очень «просто» метафоричен. Умиравшие от голода высланные «куркули» – раскулаченные крестьяне – представляются как уже не люди, как «выпавшие из числа людей». Автор, в основном, разделяет их на два класса, каждому из которых дает метафорические именованья: шкилетники (исхудавшие до костей) и слоны (больные водянякой). По всему тексту рассыпаны синонимичные метафорические именованья («подушка», «мощи» и т.п.) и характеристики-признаки того же порядка («жабьи мягкие руки», «пожирала сорочьими глазами», «расплылся на земле студнем»). Некоторым персонажам даются более «изоощренные» именованья, например, «Отрыжка» для калеки из-за странной манеры двигаться. Само слово «куркуль», повторяющееся множество раз как простой номинатив, означает на украинском «коршун». Поведение этих несчастных также описывается как нечеловеческое – они жуют кору с деревьев и мусор с земли в сквере, где их оставили, умирая «по-обезьяньи» цепляются за деревья. А умерших, их «как дровяные чурки» сваливают в телегу. Рассказ автобиографичен, ведется от первого лица десятилетнего мальчика. Его мучает совесть, за то, что он *может* есть (у его семьи еды вдоволь в отличие от многих других жителей деревни):

«Не потому ли в привокзальном сквере люди грызут кору, что я съел сейчас слишком много? Но это же куркули грызут кору! Ты жалеешь?..»

"Если враг не сдается, его уничтожают!" А это "уничтожают" вот так, наверное, и должно выглядеть - черепа с глазами, слоновьи ноги, пена из черного рта. Ты просто боишься смотреть правде в глаза. Отец как-то рассказывал, что в других местах есть деревни, где от голода умерли все жители до единого - взрослые, старики, дети. Даже грудные дети... Про них-то уж никак не скажешь: "Если враг не сдается..." "

Я сыт, очень сыт - до отвала. Я съел сейчас столько, что, наверное, пятерым хватило бы спастись от голодной смерти. Не спас пятерых, съел их жизнь. Только чью - врагов или не врагов?.. кто враг?.. Враг ли тот, кто

грызет кору? Он им был - да! - но сейчас ему не до вражды, нет мяса на его костях, нет силы даже в его голосе... » (В.Ф. Тендряков «Хлеб для собаки»).

Герой начинает подкармливать куркулей, ища из них «самых» изголодавшихся. Однако в конце рассказа происходит перелом. Мальчик осознает, что неспособен накормить всех голодающих. Мольбы все растущей толпы страждущих у его дома приводят Володю в отчаяние. Чувствуя свою беспомощность перед людьми, которые уже «ведут с ним поединок», выпрашивая пищу, он с криком прогоняет их. Не выходит у одного отдельно взятого ребенка решить такую глобальную проблему. Поведение Володи лишь подтверждение слов его отца, когда тот узнал о милосердии сына: *«Чайной ложкой моря не вычерпашь»*. Парадоксально и то, что ребенок обращается от людей к собаке, считая её той «самой» голодной, начинает кормить животное. Её «образ», если можно так сказать о собаке, также метафоричен. Если голодные ссыльные лишаются человеческих черт, а наделяются животными свойствами, то собака, лишается своих животных признаков: *«Я ни разу не видел в ее желтых, пустых, неглубоких глазах какого-либо выражения – даже собачьего страха, не говоря уже о собачьей умильности и дружеской расположенности»*. Собака тоже «жертва времени». Но мальчик и не хочет видеть в собаке собаку. Для него она превращается в собственную совесть, уколы которой он пытается смягчить: *«Не облезшего от голода пса кормил я кусками хлеба, а свою совесть. Не скажу, чтоб моей совести так уж нравились эта подозрительная пища. Моя совесть продолжала воспаляться, но не столь сильно, не опасно для жизни»*.

Формируемые в тексте метафоры искажают реальность, в которой люди – не люди, а звери – не звери. Модальные направляющие текста (меняющееся отношение ребенка к ссыльным «врагам» – смысл-модализация «необходимость жалости к человеку»; отношение его отца к поступку своего сына – смысл-модализация «необходимость покориться воле «времени»; своя «правда» местного начальника Дыбакова – смысл-модализация «необходимость жестокости к врагам») координируют указанное метафорическое ис-

кажение. При этом можно сказать, что метафорическое преломление реальности принадлежит и содержанию, и смыслу. Начинаясь на уровне содержания-сюжета, основной составляющей которого является неестественное состояние и поведение людей и животных, метафора помогает читателю выйти на уровень смыслов, еще раз для себя решить, кто должен/не должен или может/не может быть врагом, почему человека, живущего «по закону» может мучить совесть. В процессе усмотрения смыслов текста можно придти, как и приходит главный герой Володя Тенков, к выводу, противоречащему героическому «духу времени» – со злом в одиночку бороться невозможно. Это заключение также изменяет, преобразует реальность мира героя и на смысловом уровне. Смыслы-модализации, направляющие ход рефлексивного действия с текстом, благодаря метафорическому преломлению на уровнях содержания и смысла, разворачиваются в общую характеристику-предикацию: «человек человеку друг/враг». При этом сохраняется полифоническая структура отношенческих позиций. Автор не решает за читателя. Предельно метафоризированная текстовая содержательность уравнивает систему модальных ориентиров.

Итак, вслед за Н.Ф. Крюковой метафоризация рассматривается нами как необходимое условие пробуждения рефлексии. При этом метафора, наряду с оценкой и временем, обеспечивает переход от языковой модальности с её предикативно-пропозитивными характеристиками к модальности текстовой.

Выводы по Главе 1

Художественный текст рассматривается нами как модально регламентированное пространство бытия смыслов. При этом содержание текста составляет собой основу такого бытия. Содержание выступает как отвердевшая в языковой материи текста цепь предикаций, наполненных языковыми единицами с соответствующими им в данном контексте значениями. Таким образом, на уровне текста понятие «значение» соотносится с представлением о

содержании текста как совокупности контекстуально обусловленных значений составляющих его единиц.

Уровни содержания и смысла следует рассматривать как взаимосвязанные. Смысл может быть «распредмечен» – понят читателем только если его рефлексия обращена на мотивированность способа организации взаимодействия средств текстопостроения. М.М. Бахтин емко определил текст как «действительность мысли» [Бахтин 1979: 281]. Смысл в этой связи представляется энергией этой мысли, поскольку она сама указывает способ её отыскания и развеществления – языковая материя вновь становится мыслью и может быть принята, не принята, доработана и т.д. читателем.

Модальная партитура, консолидирующая смысловой стратум текста, определяет особенности динамического соотношения содержания и формы художественного текста. Смысл определяет выбор опредмечивающей его формы, но сам акт этого выбора преломляется, инсценируется в содержании текста. Смысл может опредметиться в форме только через содержание. Направление рефлексии на причины и мотивы, выбранного автором способа связывания, перестановки, растягивания, сжатия и т.п. событий в сюжетной материи текста также обеспечивает распредемечивание смысла. Смысл, точнее гиперструктура смыслового стратума текста, направляет и упорядочивает рефлексия читателя над формой и содержанием.

Связи между уровнями содержания и смысла в художественном тексте устанавливаются благодаря координации этого процесса модальной партитурой распредемечивания смыслов текста. Данный модальный механизм обеспечивает содержательно-смысловое единство текста и консолидацию всего смыслового стратума при переходе от установления отношений между содержанием и смыслом к собственно комплексно представленному смыслу целого текста как совокупности метасмыслов и/или идей.

Можно выделить следующие принципы опредмечивания смысла через содержание в форме:

- 1) комплексность – связь с *комплексом* средств текстопостроения;

- 2) энергийность – воздействие смысла-модализации на подчиненные смыслы кластера «модализирует» их, т.е. включает в общую смысловую программу изменения реальности в тексте;
- 3) стадийность/процессуальность – переход от внутрикластерного к межкластерному взаимодействию может происходить последовательно или этапы накладываются друг на друга, активизируя рефлексивный процесс;
- 4) консолидация – объединение всего смыслового пространства текста, формирование художественной идеи при обращении к уровню метасмыслов и смысловых интервалов, взаимодействие средств текстостроения, обеспечивающее целостность текста на всех уровнях его смысловой организации.

Взаимоотношения между блоками содержания и смысла поддерживаются направлением рефлексии на узловые смыслы-модализации и последующей их трансформацией в языковые модальные значения. В зависимости от стратегии взаимодействия содержания и смысла (противоположная, противоречивая, пресуппозитивная, коррелятивная) узловые смыслы-модализации в результате процесса нисходящей категоризации застывают в модальных значениях определенной группы (необходимости/возможности, способности/умения, волеизъявления/долженствования, веры/знания). Помимо того, восстанавливаются связи внутри модального устройства языкового сознания.

Модальные смыслы, или смыслы-модализации выделяются среди всех других смыслов. Они выполняют служебную функцию, организуя и упорядочивая опредмечивание остальных смыслов. *Модальный* статус таких смыслов обеспечивается тем, что они опредмечиваются как способы изменения реальности в тексте. Направление данного изменения определяется автором через смыслы-модализации как ориентиры. Опираясь на такие ориентиры, читатель способен понять замысел автора, а текст при каждом новом прочте-

нии останется одним и тем же текстом в плане выделения ключевых смыслов, которые всегда будут поняты практически любым реципиентом.

Представляется, что свойства языковой модальности детерминированы закономерностями функционирования модальности в тексте. Обратный переход от языковой модальности с её предикативно-пропозитивными характеристиками к модальности текстовой обеспечивается благодаря взаимодействию модальности с другими глобальными мыслительно-языковыми явлениями и процессами – метафорой, оценкой и временем.

Глава 2. Градация степени консолидации смыслового стратума текста при включении комплекса оценочных и эмоционально-оценочных компонентов в модальную партитуру распределения смыслов текста

2.1. Взаимодействие аффективных и оценочных компонентов при формировании модальной партитуры текста

Центральное положение субъекта речевой деятельности в процессе преломления и развития свойств языковых категорий обуславливает необходимость интеграции знаний об общих принципах человеческого способа бытия в ход исследования их модификации в связном тексте. Среди таких принципов следует особо выделить процесс возникновения, трансформации и угасания эмоций, которые часто сопутствуют процедурам принятия рациональных решений. Следовательно, они также способны влиять на выбор не только формы речевых построений, но могут воздействовать на их смысло-содержательные характеристики. Модальность, определяющая меру смысловой интерпретации человеческой intersубъективности и способ оценки индивидуальной детерминированности смыслов в средствах языка и конструируемых на их основе текстах, представляется одним из мыслительно-языковых механизмов, наиболее подверженных воздействию аффективной сферы.

Помимо того, создаваемая модальностью интерпретационная рамка при опредечивании/распредечивании смыслов текста содержит в своих узлах потенциалы оценочности, через которые компоненты аффективной сферы находят непосредственный доступ к процессам смыслопроизводства в тексте. Таким образом, анализ и описание процесса взаимодействия аффективных и оценочных компонентов в модальной смысловой партитуре представляется необходимым и целесообразным.

2.1.1. Параметры определения доли аффективных компонентов в модальной партитуре текста: эмоциональная составляющая процесса продукции-рецепции текста

Вопрос о соотношении и взаимовлиянии способов выражения аффективной сферы сознания и модальности в языке представляется важным в деле определения статуса модальности среди других языковых явлений универсального порядка. Спорными представляются возможности как отнесения категории модальности к явлениям с рациональной доминантой и её отграничения от способов выражения эмоций, чувств и т.п. в языке, так и признания приоритета иррационального, в качестве мотивирующей силы при объединении модальных средств в единое целое.

С одной стороны, модальность не может быть рассмотрена вне языка, тогда как некоторые исследователи относят компоненты эмоциональности, например, эмоционально-экспрессивную оценку к группе внеязыковых факторов [Сусов 1973]. С другой стороны, в языке существуют регулярно соотносимые с содержанием того или иного типа эмоциональной экспрессии модели и формы манифестации, например, эмоционально окрашенные интонационные контуры. Следовательно, рассмотрение языка в отвлечении от заложенной в нем возможности выражения и категоризации аффективных компонентов обеднило бы результаты исследования феномена модальности.

Отделение аффективной сферы от области приложения модальности не приветствуется в некоторых работах, в которых говорится о необходимости

выделения модальных средств с эмоциональной компонентой в отдельную подгруппу. Так, А. Фрей предлагает различать интеллектуальную модальность (утверждение/отрицание, определенность/неопределенность) и аффективную модальность (вопрос, приказание, зов, положительная/ отрицательная оценка) [Frei 1929] – цит. по: [Слюсарева 1986: 47]. Примечательно, что оценка относится именно к группе модальных средств с аффективной доминантой.

Вопросом установления понятийной и эмпирической связи между модальностью, оценкой и выражением эмоций в языке занимались многие исследователи. В частности о связи модальности и оценки находим в работах: [Ломтев 1969; Колшанский 1975; Вольф 1985; Арутюнова 1988; Маркелова 1996; Попова 1996; Ваулина 2002; Трофимова 2002]. О необходимости включения языковых средств, выражающих эмоции, в языковую модальность [Петров 1982: 101–102; Романова 2008]. О взаимозависимости эмоции и оценки: [Додонов 1978: 29; Мягкова 1999, 2000; Стернин 1979].

Сразу следует остановиться на несоответствии представлений об эмоциях в их языковом преломлении – в традиционной лингвистике с одной стороны, и филологической герменевтике с другой стороны. Г.И. Богин за эмоциями и чувствами закреплял статус более низкого ранга, поскольку их возникновение и угасание не связано с рефлексией. Все человеческое бытие пронизано деятельностью производства смыслов, следовательно, исследовать можно лишь такие компоненты аффективной сферы сознания, которые содержат в себе начатки смысла. Такие первичные смысловые основания можно интерпретировать как «переживания», которые, связываясь с определенными средствами текстопостроения, становятся «значащими». Значащие переживания являются предусловиями смыслов. В этом заключается их отличие от чувств и эмоций, не имеющих рефлексивного потенциала [Богин 2001: 15, 36]. Необходимо отметить, что в данном случае речь не идет об эмоциональной «буре страстей», возникающей в человеческом сознании под влиянием некоторого аффективно значимого стимула. Скорее, термин «пережи-

вание» нужно понимать как мобилизацию мыслительных усилий в рамках определенной рефлексивной ситуации – когда необходимо освоить некий смысл вопреки возможности непонимания, т.е. когда эта возможность осознается как трудность и сознательно преодолевается. Переживание «задержки» в понимании является залогом успеха в деятельности распределения смысла. Важным также является отсутствие мыслительных усилий при возникновении эмоций и необходимость таковых при обращении рефлексии на духовное пространство личности и возникновение связанных с этой деятельностью значащих переживаний [Галеева 1999: 19].

И.Р. Гальперин отмечает, что «ценность информации определяется тем усилием, которое необходимо затратить на её декодирование» [Гальперин 1974: 11]. Данное утверждение соотносится с пониманием переживания рефлексивной задержки в филологической герменевтике. Ср. также: М. Риффатер [Риффатер 1980: 48] и Р. Якобсон [Якобсон 1975: 211] говорят о трудностях, возникающих в связи с эффектом обманутого ожидания, а Ц. Тодоров [Todorov 1978] использует термин «смысловая скважина». По нашему мнению, механизмы принудительной установки на «рефлексивную задержку» в смысловой структуре текста интегрированы в связанный с данным текстом тип организации взаимодействия блоков содержания и смысла в рамках модальной партитуры. В частности, наибольшим потенциалом в этом отношении могут обладать противоположная или противоречивая стратегии. Помимо того, предпосылкой успешного рефлексивного действия в соответствии с указанным типом модальной структуры смыслового стратума текста будет активизация топосов опыта значащих переживаний в сходных ситуациях. Такие переживания в качестве факультативного компонента *могут* иметь ту или иную эмоциональную составляющую. При этом не отрицается, что рефлексивная задержка, связанная с рефлексивными умениями конкретного реципиента, может возникнуть при понимании текста любой модальной организации.

Необходимо также отметить, что разница между способами описания аффективной сферы в языке, принятыми в различных лингвистических направлениях с одной стороны, и специфически герменевтическим описанием с другой, не будет лишь терминологической. Так, А.А. Залевская указывает, что критика того, что «эмоция сводится к примитивному рефлексу», является примером игнорирования психической жизни индивида, взаимодействия его «души» и «тела» [Залевская 2005: 376]. Без сомнения, «телесные» аспекты восприятия мира человеком и их отражение в языке являются одним из наиболее могущественных факторов динамики развития и функционирования языковой системы. Поэтому их отделение от опредмечиваемого в средствах текста процесса смыслообразования указывало бы на отсутствие прямой связи между категориями языка и самой идеей о существовании особого смыслового стратума в тексте. Процессы чувственного освоения некоторой действительности совмещаются с процессами её смысловой интерпретации в ходе восприятия речевого сообщения [Зимняя 2001: 84]. Ю.А. Сорокин также говорит о «совокупности психических и когнитивных образов», «наборе когнитивных и эмоциальных» как продукте процесса восприятия текста реципиентом [Сорокин 1988: 2]. Г.В. Колшанский отмечает, что эмоции, чувства, воля в плане языкового выражения оказываются всегда связанными с мыслями и понятиями [Колшанский 1965: 17].

Приходится признать, что выключение «чувственно-эмоциональной» составляющей из деятельности смыслопроизводства нецелесообразно в терминологической парадигме филологической герменевтики. Отказ от анализа эмоциональной составляющей человеческого общения, как представляется, затрудняет развитие герменевтической теории, так как делает почти невозможным использование результатов исследования в рамках других научных парадигм (лингвистических и не-лингвистических), которые, однако, пользуются весьма пестрым набором формулировок для описания взаимоотношений явлений аффективной сферы и её перевыражения в рамках языковой системы. Ср.: в разных работах в зависимости от конкретного направления мо-

жет говориться об эмотивности как элементе коммуникативной стратегии в её отличие от эмоциональности как бессознательного проявления психической деятельности [Шингаров 1971: 91; Апресян В.Ю. 2003: 416; Ларина 2009: 119–120], об «эмоциональном остатке» в тексте, моделирующим возникновение определенного эмоционального отклика у читателя и необходимости изучения эмоциональности текста в связи с его смысловой основой [Белоусов 2005: 23, 26]. Помимо того, Л.С. Рубинштейн считал эмоции психическими представленностями смысла [Рубинштейн 2001: 389]. А А.Ж. Греймас и Ж. Фонтаний отмечали совпадение момента введения «страсти» в дискурс с появлением в нем смысла. [Греймас, Фонтаний 2007: 32].

Однако нельзя не заметить зыбкости и размытости эмоций как объекта изучения. Исчислить и четко классифицировать эмоции невозможно из-за недостаточной изученности механизмов функционирования человеческой психики. Кроме того, в плане собственно лингвистических исследований не все данные других направлений, в частности, психологии и нейрофизиологии могут найти эффективное применение, так как терминологические базы и задачи существенно расходятся. Поэтому в контексте настоящей работы создание типологии эмоций (радость, гнев, отчаяние и т.п.) не является отдельной задачей. Под эмоцией понимается телесный способ реагирования на некоторый внешний раздражитель, которым может быть трудность рефлектируемого материала, возможность его непонимания. Таким телесным способом реагирования, по нашему мнению, является эмоциональный отклик, т.е. определенный уровень эмоционального возбуждения. При этом нас интересует не любое эмоциональное возбуждение, а только то, что связывается с оценкой как компонентом модальной системы и может найти выражение (экспликативное или имплекативное) в тексте. Еще раз подчеркнем, что нет необходимости определять тип эмоции, опредмечиваемой в данном куске текста. Важно общее эмоциональное звучание, общий тон куска, его тональность, причём эта тональность будет влиять на распрямление смысла не в в виде

актуализации субъективных нозс, но в виде реализации общих нозических закономерностей развития смыслодвижения.

В рамках психологического направления изучения эмоций говорят о том, что «качественными характеристиками эмоций являются знак (положительный или отрицательный) и модальность (удивление, радость, отвращение и др.)» [Краткий психологический словарь 1985: 407–408]. И, хотя модальность в данном определении представлена как совокупность реакций, активируемых при соприкосновении с ситуациями действительности, указанные факты свидетельствуют о неразрывной связи выражения эмоций и способов модальной организации речевых произведений. В этом случае модальность понимается как совокупность реакций-отношений, формирование которых необходимо для создания некоторой индивидуально значимой репрезентации реальности.

Итак, представляется вполне естественным, что выражение эмоций напрямую связано с модальностью. Означает ли это, что модальность существует лишь там, где присутствуют эмоции, или даже, что процесс общения всегда эмоционален и, следовательно, всегда модален?

Следует сразу отметить, что все же речь может идти о единстве, а не о тождественности модальных форм и форм выражения эмоций. Основными свойствами эмоций являются *диффузность*, то есть разложимость на ряд оттенков и *стягивание*, то есть принадлежность каждой эмоции к группе схожих (по ситуации использования, спектру переживаний и т.п.) [Могутова 2002]. Также о диффузности эмоций см.: [Ellis & Ashbrook 1988: 58] – цит. по: [Мягкова 2000: 19]. Модальность же в контексте настоящей работы рассматривается как универсальный языковой механизм, обеспечивающий построение модальной партитуры распремечивания смыслов текста. В такой трактовке модальность представляется нерасчленимой по принципу функциональной целостности. В художественном тексте модальность наиболее ярко проявляет свои свойства в виде управления деятельностью распремечивания смыслов с помощью смыслов-модализаций. Смыслы-модализации уни-

кальны в каждом отдельном тексте и не могут быть отнесены к какой-то группе, так как всеобщее в них каждый раз по-разному окрашивается индивидуальным (содержанием сознания продуцента и реципиента/реципиентов текста).

Пересмотра также требует понятие эмотивности. Так, если В.И. Шаховский говорит об эмотивности в её субъективности [Шаховский 1987: 4], то мы используем термин М. Мерло-Понти, и далее в собственно филологической герменевтической интерпретации Г.И. Богина, «интерсубъективность», связывающий индивидуальное и социальное в восприятии и освоении мира [Мерло-Понти 1999: 19; Богин 2001]. Следовательно, эмотивность в этом аспекте тоже должна претерпеть изменения. Под эмотивностью мы, вслед за В.И. Шаховским, понимаем способность средств языка выражать эмоции [Шаховский 1987: 5]. Чтобы выяснить, какова роль эмотивности в организации модального плана высказывания и целого текста необходимо установить соотношение данного свойства языка с интерсубъективностью.

Параметр интерсубъективности оказывается тесно связанным с понятием оценочности, а также с возможностью типологизации понятийных оснований оценки как средства, обеспечивающего влияние аффективных компонентов на построение модальной смысловой партитуры текста.

2.1.2. Параметры определения доли аффективных компонентов в модальной партитуре текста: роль эмоций в упорядочивании понятийных оснований оценочности

Как было сказано выше, в системе концептуальных ориентиров филологической герменевтики рефлексия затрагивает лишь переживания, не эмоции, поскольку переживается вхождение новой онтологической картины в рефлективную реальность реципиента, и связанные с этим трудности ее мыслительного освоения. Переживание возникает в момент обращения рефлексии к определенным топосам опыта, которые, по нашему мнению, могут быть соотносимы с новым опытом по общности следующих характеристик:

- 1) возможности применения в некоторой области;
- 2) значимости для бытия всего общества и данного индивида;
- 3) квалификации с точки зрения материальной, духовной или иной пользы;
- 4) наличие (и типу) эмоциональной реакции;
- 5) степени выраженности последней.

Две последние характеристики дают возможность предположить, что рефлексия как источник и инструмент изменения опыта является средством формирования эмоционального банка каждого отдельного человека и всего социума. Имеется в виду опыт возникновения и угасания различных эмоций (гнев, ликование, трепет и т.п.) при осознании трудности освоения некоторого смысло-содержательного комплекса и градация эмоций по шкале выраженности. Эмоции не замещают собой переживания как предусловия формирования смысла, а лишь составляют их факультативное дополнение как «телесная» реакция на осознание трудности понимания, усмотрение рефлексивной задержки. Также важно, что первые три характеристики в качестве основы своего понятийного содержания имеют оценку (применимости, значимости и полезности соответственно).

Как будет показано ниже, эмоциональный компонент также интегрируется в деятельность исчисления и упорядочивания оценок в сознании, что играет важную роль. При этом существенным является вопрос о возможностях лингвистической типологизации оценок. Данный вопрос по-разному решается в специальной литературе.

Процесс оценки в психолингвистике связывается с категориями правильность/неправильность, приятность/неприятность, новизна/знакомость по отношению к репрезентации сложного стимула (ключа, управляющего процессом поиска в памяти и интерпретации информации, необходимой для освоения новой ситуации) [Рафикова 1999: 20]. Данное осмысление роли оценки соотносится с трактовкой её статуса в настоящей работе. Относительно первого критерия нужно заметить, что правильность или неправиль-

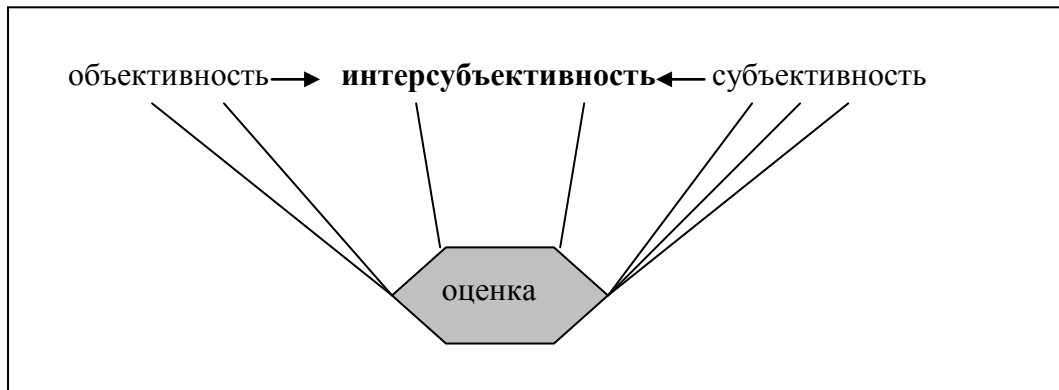
ность извлекаемой информации является достаточно расплывчатым ориентиром. В цитируемой работе принимается удобное, на наш взгляд, исходное положение о том, что правильность соотносится с представлением о применимости некоторого знания для освоения новой ситуации [Там же: 22]. Именно критерий применимости нового и старого опыта в некоторой области предлагается в приведенном выше перечне как первая из характеристик, позволяющих установить общность между новой ситуацией и подходящим для её освоения топосом опыта в рефлексивной реальности субъекта. Также представляется, что два оставшихся критерия более связаны с персоналией субъекта речи. Последнее позволяет выделить два более общих типа оценки: объективную и субъективную.

В.А. Плунгян выделяет три типа оценки: по шкале интенсивности («сильно-слабо») с прототипической формой выражения в виде возможностей категории сравнения прилагательных (естественно, вкуче с их предикативной функцией), эпистемическую и этическую оценку [Плунгян 2011: 424–425]. Критерий интенсивности может иметь как объективное, так и субъективное перевыражение, поскольку степень значимости как уровня выраженности того или иного признака может оцениваться как с позиций общепринятых норм, так и относительно системы личных предпочтений (ср. выше: вторая характеристика общности нового и старого опыта).

Биполярный критерий объективности/субъективности неудачен в отношении этической оценки, которая предполагает использование общепринятых этических норм, но в реальном общении эти нормы всегда по-разному интериоризированы конкретными участниками общения. Представляется, что в данном случае удобнее пользоваться термином «интерсубъективность».

Что касается эпистемической оценки, то она является генерализированным представлением о субъективном мнении говорящего. Таким образом, типология оценок определяется рядом из четырех факторов: объективность – объективность/субъективность – интерсубъективность – субъективность. Сразу напрашивается предположение о переходе оценочной квалификации

от одного полюса к другому. При этом интерсубъективность, как единый блок, объединяющий в себе крайние точки объективности и субъективности, занимает центральное положение, что говорит о преобладании фактора интерсубъективности в представленном комплексе. Следующий рисунок иллюстрирует соотношение сущностных характеристик оценки.

Необходимо сделать следующее пояснение. Оценка в языке воплощает устремленность сознания к собственному Я (линий, соединяющих оценку и субъективность три – на одну больше, чем для двух других параметров). Помещение интерсубъективности в середину обусловлено объединением в рамках данного параметра двух других. Интерсубъективности соответствуют центральные грани – напряжение между полюсами объективности и субъективности сглаживается.

Важно отметить, что в типологии В.А. Плунгяна семантика отношения говорящего к ситуации используется параллельно с синонимичным ему понятием оценки. В целом модальность, основным понятийным содержанием которой в лингвистике признается то самое отношение, разделяется на две понятийные области: ирреальную модальность и оценочную модальность [Плунгян 2011: 423]. В работе [van der Auwera, Plungian 1998] соответственно предлагаются термины «subject-oriented» (субъектно-ориентированная) и «speaker-oriented» (ориентированная на говорящего) модальности. В первом типе имеется виду отношение субъекта к предиктируемому ему предикативному признаку (ср. третий тип модальности по Г.А. Золотовой). При этом указанные зоны обнаруживают тесное взаимодействие, так как отмечается,

что семантика желания включает в себя возможность объединения оценки и ирреальности [Плунгян 2011: 433]. Ср.: в настоящей концепции модальности предлагается иная интерпретации взаимодействия оценки и желания: взаимодействие полюсов оценки и волеизъявления в ходе функционирования модального устройства сознания.

Следует указать, что однозначное отнесение самой оценки к модальности все же может вызывать сомнения у некоторых исследователей. Согласно А.В. Бондарко, выражение собственной оценки событий не является непосредственно связанным с семантикой модальности, так как данная процедура соотносится с общим семантико-прагматическим способом выражения человеческой субъективности в речи [Бондарко 1971: 83]. Представляется, что вынесение оценочных суждений относительно любого события, факта является основой человеческого способа мыслить, а, значит, и модальности как связующего звена между структурами сознания и системой языка. Относительно любого отрезка информации, любого речевого хода собеседника в сознании формируется определенное отношение к описываемым связям, признакам, свойствам, поступкам, ситуации в целом. Даже нейтральное отношение является в некотором роде оценкой.

Также неясно, следует ли связывать оценку с модусом (как в концепции В.А. Плунгяна, ср. также: [Bybee et al. 1994]) или с диктумом. Так, А.Ф. Папина, отмечает, что типом оценки, связанной с диктумом является оценка ситуации относительно её реальности/ирреальности (эпистемическое утверждение статуса пропозиции – Е.И.). Соответственно, модусные оценки – это аксиологические оценки, которые могут быть общими: «хорошо/плохо», включая степень выраженности положительной или отрицательной характеристики (насколько хорошо или плохо), а также частными. В последнем случае выделяется целый ряд разновидностей качественной оценки: эмоциональная оценка, эстетическая (чувство прекрасного), этическая оценка, сенсорные оценки (слуховая, зрительная, вкусовая) [Папина 2002: 269–307]. Аксиологическая оценка имеет соответствие в виде характеристики полезности

в ходе связывания старого и нового опыта в предложенной нами системе параметров. Этическую оценку, как указывалось выше, выделяет и В.А. Плуноян. При этом важно отметить вычленение эмоциональной оценки как самостоятельного типа, а также упоминание возможности формирования оценки на основе данных органов чувств. Последний тип оценки может быть включен в эпистемическую оценку, так как указывается канал информации, являющийся эвиденциальным подтверждением эпистемического статуса пропозиции.

Следует также принять во внимание концепцию грамматикализации модальности в указанной работе Дж. Байби и её соратников, согласно которой диктумная модальность является основой для образования модальности модусной с её эпистемической оценочной разновидностью как отдельным типом модальности. Напомним, что в [Bybee et al. 1994] выделяются четыре типа модальности: (I) модальность ориентации на деятеля (*agent-oriented*) – субъектно-ориентированная по В.А. Плунояну, (II) модальность ориентации на говорящего (*speaker-oriented*), (III) эпистемическая оценочная (*epistemic*) модальность, (IV) согласовательная (*subordinating*) модальность. Типы модальности от I к IV представляют собой этапы грамматикализации модальности, на основании того, что модальность ориентации на деятеля (собственно диктумная модальность) обычно не выражается в языках с помощью флексий, а типы II–IV, наоборот, реализуют именно такой способ выражения. [Там же: 181]. Помимо того, модальность ориентации на деятеля предполагает наличие внешних и внутренних условий для выполнения действия-предиката его субъектом. Данный тип модальности включается в пропозицию, а не выступает в виде внешней модальной рамки. Эпистемическая модальность в качестве своего понятийного содержания имеет различные типы оценок. Значения эпистемической модальности образуются из значений долженствования (сильного и слабого) и умения (и общей возможности как его модификации). Исходно эти значения возникают в типе диктумной модальности. Соответственно формируются значения-квалификации реальностного

статуса ситуации: уверенности на основании логического вывода (*inferred certainty*), вероятности (*probability*), эпистемической возможности (*possibility*) [Там же: 177, 195]. Таким образом, оценочность обуславливает переход от диктума к модусу.

Обратная трансформация также возможна. Так, приводимые в [Папина 2002] речевые примеры различных типов оценок, иллюстрируют взаимную трансформацию атрибутивной и предикативной связи в предложении: Нынче я гость *небесный* В стране *твоей* (М. Цветаева); Все путешествие наше было самое *неудачное* (С.Т. Аксаков). При этом А.Ф. Папина отмечает, что наиболее эффективный способ актуализации слов оценки – это помещение их после определяемого слова [Там же: 316]. Данный прием предикативизации определений широко известен в стилистике.

Сравнивая отношение предикации и отношение атрибутивного типа, Н.Д. Арутюнова, помимо выделения соответственно динамического и статического аспектов, говорит о большей определенности предикационного отношения «планом смысла» по сравнению с выражением атрибута имени. Автор называет прилагательные типа *заядлый, закоренелый, отъявленный* «синкатегорематическими», указывая на их обязательную предикационность (невозможность их использования в качестве атрибута имени: *Он отъявленный плут - *этот отъявленный плут*) [Арутюнова 2002: 12–13]. Такое высказывание уже благодаря семантике образующих его единиц является оценочным. Указанные синкатегорематические прилагательные отвечают за выражение наивысшей степени такой оценки (оценка интенсивности), что дополнительно несет в себе информацию об отношении говорящего к содержанию высказывания.

Таким образом, можно предположить, что предикативизация оценки как части понятийного содержания модальности опосредует взаимодействие предикативности и модальности как механизма конкретизации, «расширения» предикативности. Причем указанное свойство оценки реализуется как на уровне предложения, так и в контексте более широком, чем одно предло-

жение. В последнем случае, за этим процессом стоит смысл, управляющий механизмом структурной организации текста.

На уровне текста также чрезвычайно важным становится взаимодействие различных типов оценок. Плюралистичность оценки закладывается в самом тексте, так как авторская (заложенная автором) оценка может расщепляться и представляться в виде целой сети оценок (через призму сознаний разных персонажей). Эти оценки соотносятся определенным образом друг с другом, образуя сложную систему [Успенский 2000: 24]. В контексте настоящего исследования будет рассматриваться взаимодействие оценки с различными компонентами модального устройства сознания (модальными значениями), что, как предполагается, определяет тип выражаемой оценки. Н.Д. Арутюнова отмечала, что «оценка, порожденная желанием, отлична и от оценки, вытекающей из долга, и от оценки, вызванной нуждой» [Арутюнова 1988: 6]. О наложении модальности оценки на другие модальности см. также: [Романова 2008: 7–9]. Взаимодействие оценок разных типов дополнительно связывает уровни содержания и смысла в художественном тексте.

Существуют некоторые другие типы оценки, отличные от упомянутых выше, которые представляется целесообразным включить в нашу модель взаимодействия понятийных систем модальности и оценки. Особую группу образуют так называемые рациональные оценки, включающие прагматические (выполнение требования практической применимости), нормативные (соответствие общественной норме) или, телеологические оценки (сообразность действия или его признаков некоторой заранее установленной цели) [Папина 2002: 324]. Эти оценки также соотносятся с двумя первыми характеристиками общности старого и нового опыта: с критерием области применения для прагматической и телеологической оценки, с критерием значимости для нормативной оценки (как указывалось выше, нормативная сообразность должна учитывать требование интерсубъективности). При этом сохраняется возможность квалификации типов оценки как объективной и интерсубъективной соответственно. Интересным является замечание о том, что и аксио-

логические, и рациональные оценки осуществляют текстообразующую функцию, выступая в виде особого рода коннекторов, и обеспечивая цельность текста [Там же]. По нашему мнению, в указанное взаимодействие могут быть включены все разновидности оценки.

На основании проведенного выше анализа возможностей классификации оценок нами выделены значимые для настоящей работы критерии определения оценочности, т.е. индикаторы того, что в данном случае имеет место именно оценка ситуации тем или иным способом. Также в соответствие критериям оценочности ставятся типы оценки, которые, во-первых, могут взаимодействовать в тексте друг с другом, обеспечивая его содержательно-смысловую связность. Во-вторых, указанные типы оценки могут взаимодействовать с различными компонентами модального устройства сознания, что в конечном итоге и определяет тип оценки. Также существенным является определение места того или иного типа оценки на шкале, указывающей меру соотношения объективности/субъективности. Схема соответствия критериев оценочности типам оценки в их соотношении с градацией степени выраженности объективного и субъективного начал в деятельности смыслопроизводства представлена ниже:

<i>Критерий оценочности</i>	<i>Тип оценки</i>	<i>Фактор шкалы</i>
Правильность = применимость	Прагматическая и телеологическая оценки	объективность
Значимость	Оценка интенсивности признака	объективность/субъективность
Полезность	Аксиологическая оценка	интерсубъективность
Нормативность	Этическая и эстетическая оценки	интерсубъективность
Вероятность = реальность/ирреальность	Эпистемическая оценка	субъективность
Наличие эмоционального-волевого оценочного комплекса в структуре значащего	Эмоциональная оценка как преобразование оценок всех других типов	субъективность

переживания		
-------------	--	--

Из приведенной схемы следует, что эмоциональная оценка может накладываться на оценки других типов, определяя нарастание трудности освоения смыслов данного текста.

Далее выясняются причины и механизмы взаимодействия модальности, выражения эмоций и оценки в тексте.

2.1.3. Параметры определения доли аффективных компонентов в модальной партитуре текста: эмоционально-волевой оценочный комплекс

Итак, в настоящей работе за основу принимается положение о том, что оценка является важным компонентом модального устройства сознания. В этом герменевтическая концепция модальности не противоречит традиционному лингвистическому представлению о данной проблеме. Ср. с мнением И.Р. Гальперина о статусе оценки как одного из самых значимых признаков модальности [Гальперин 1981: 114]. Однако еще более важной задачей является уточнение связи аффективной сферы сознания с оценкой в её модализированной интерпретации. В.И. Шаховский, рассматривая возможности категоризации эмоций в лексико-семантической системе языка, отмечает: «...эмотивность всегда отражает субъективное *отношение* говорящих» (курсив наш – Е.И.) [Шаховский 1987: 4]. И далее: «эмоциональное отношение всегда неразрывно связано с оценкой, характером понимания реальной действительности, и является важной составной частью языковой модальности» [Там же: 7]. Е.Ю. Мягкова также поддерживает постулат о прямой связи оценки и эмоций, отмечая, что «любая оценка сопровождается эмоциональным отношением» [Мягкова 2000: 94]. В этой связи следует заметить, что в большинстве исследований языковой модальности оценка рассматривается как наиболее универсальный компонент эпистемической модальности (см. цитированные выше работы Дж. Байби, Ф.Р. Палмера, В.А. Плунгяна, Дж. Лайонза и др.). Такая оценка не связывается с *обязательным* выражением эмоций. Ср. с данными исследований оценочного дискурса, например, с мне-

нием Н.Н. Мироновой о реализации аксиологической макростратегии в дискурсе [Миронова 1997]. С другой стороны, в разрабатываемой нами концепции любая оценка, как следует из таксономической таблицы предыдущего параграфа, *может* преобразовываться присоединением эмоционального, аффективного компонента. Присоединение эмоциональной составляющей к оценочным компонентам смысловой структуры текста обеспечивает осознание нарастания рефлексивной трудности и, соответственно, повышает качество понимания текста реципиентом.

Рефлексия может также рассматриваться как категоризация [Богин 2001]. Представления об эмоциях, вернее их типах, как и другие компоненты идеального, категоризируются благодаря рефлексии, т.е. имеют способность объединяться в типовые блоки общих для представителей данного языкового и культурного сообщества моделей, которые затем могут использоваться и видоизменяться отдельными людьми. Категоризация эмоций нас интересует лишь в объеме репрезентации эмоций как частотных компонентов значащих переживаний, с которыми они не связаны неразрывно, а лишь факультативно и опосредованно. Интерсубъективность при этом является мерой связанности типовой квалификации эмоции с некоторым переживанием в содержании сознания конкретного субъекта, поскольку каждый с течением жизни вырабатывает собственные модели реагирования в моменты осознания трудности при освоении новой ситуации. При этом такие модели частично возникают из опыта взаимодействия с другими людьми (заимствуются), но также приобретают совершенно особые индивидуальные черты.

Как следует из сказанного, переживание как осознание трудности понимания тоже может быть разным. Это объясняется тем, что речь идет не о генерализированном, обобщенном представлении об этой «трудности», а о конкретных трудностях, связанных с освоением конкретных ситуаций. Такая информация также входит в хранилище опыта субъекта и относится к одному из поясов (или сразу к нескольким поясам) СМД. Помимо того, связывание опыта возникновения значащего переживания с трудностью осуществления

рефлексивного действования в конкретной ситуации может дополняться опытом ощущения определенного вида эмоционального отклика. Соединение эмоции и переживания трудности рефлексивной ситуации, по нашему мнению, всегда опосредуется оценкой. Очевидно, что само осознание трудности понимания есть оценка.

Существенным в плане анализа соотношения эмоций и оценки на уровне текста будет упоминание о том, что выражение оценки, а также оценки вкпе с реализацией определенной эмотивной стратегии, связывается с использованием определенных текстообразующих средств. Например, И.Р. Гальперин усматривает в использовании Диккенсом «рваного, стоккатопоподобного» синтаксиса при описании Скруджа средство выражения эмоциональной негативной оценки автора [Гальперин 2004: 118]. К средствам выражения идеологической точки зрения (аксиологической оценки по принятой классификации – Е.И.) Б.А.Успенский относит использование постоянных эпитетов, указывающих на определенное отношение автора к описываемому объекту (*мнимо-церковный, собака* Калин царь) [Успенский 2000: 31]. Говоря о субъективно-оценочной модальности в целом, И.Р. Гальперин отмечал, что ее выражение на уровне текста связано с группированием некоторого набора средств, нормативное значение которых окрашивается, модифицируется модальностью. Наиболее существенным является то, что в этом случае разнообразные средства текстопостроения приобретают сходное звучание – «синонимичные значения» [Гальперин 2004: 119]. Ключевыми являются два аспекта такого выражения оценки: повторяемость и протяженность, которые вместе дают преобразование семантики элементов, их сближение, стремление к тождеству. По нашему мнению, не всякая оценка способна обеспечить такое преобразование, а только эмоционально-окрашенная оценка. Соединение эмоции и оценки создает эффект сходства смыслового «звучания» средств текстопостроения.

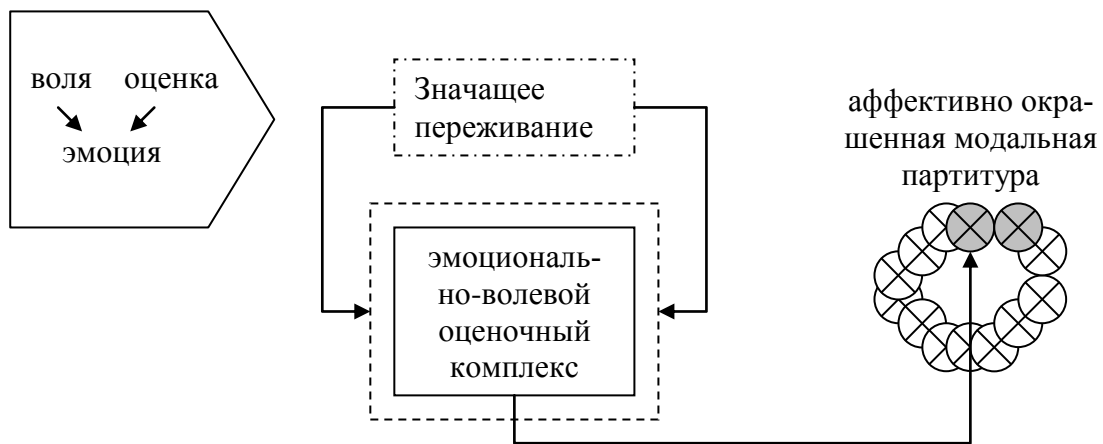
Возвращаясь к герменевтической интерпретации понятия эмотивности, следует заметить, что если эмотивность считать свойством некоторого набo-

ра языковых знаков, то знание об эмотивности таких элементов речевой цепи следует рассматривать как метасредство, обеспечивающее смысловую целостность текста. Однако использование этого метасредства, обеспечивающее формирование некоторого метасмысла (в виде конфигурирования группы смыслов, связанных с выражением некой общей идеи), детерминируется особенностями модальной организации структуры самого смыслового стратума текста.

Немаловажным также является объединение Н.Я. Гротом эмоций как результатов субъективного чувствования и воли как тоже субъективного стремления к действию, пробуждаемого и побуждаемого эмоцией. Именно эмоции и воля представляются в модели психического действия как компоненты именно человеческого сознания, отделенного от мира [Грот 1889: 9]. Именно волевой компонент отвечает, по мнению Б. Спинозы, за стремление души быть [Спиноза 1998: 203]. То же в модели А.Ж. Греймаса и Ж. Фонтанья означает переход к глубинному уровню формирования высказывания, где сознание действительно позволяет языку «управлять» собою и осознание мира становится прерывистым в результате отделения субъекта, воспринимающего мир, от самого этого мира [Греймас, Фонтанья 2007: 93].

В контексте динамики модального устройства языкового сознания этому соответствует взаимодействие полюсов оценки, которая может быть эмоционально окрашенной, и волеизъявления (ср. с возможностью сближения оценочной и ирреальной модальности через реализацию значения желания у В.А. Плунгяна). Как следует из вышесказанного, эмоциональный компонент, соотносимый с тем или иным значащим переживанием, связывается с ним через взаимодействие оператора оценочности и модального значения волеизъявления, благодаря чему в сознании образуется *эмоционально-волевой оценочный комплекс*, соотносимый с опытом трудности понимания в данном конкретном случае. В результате построения эмоционально-волевого оценочного комплекса обеспечивается вхождение эмоции в опыт некоторого значащего переживания в рефлексивной реальности субъекта. Эмоциональ-

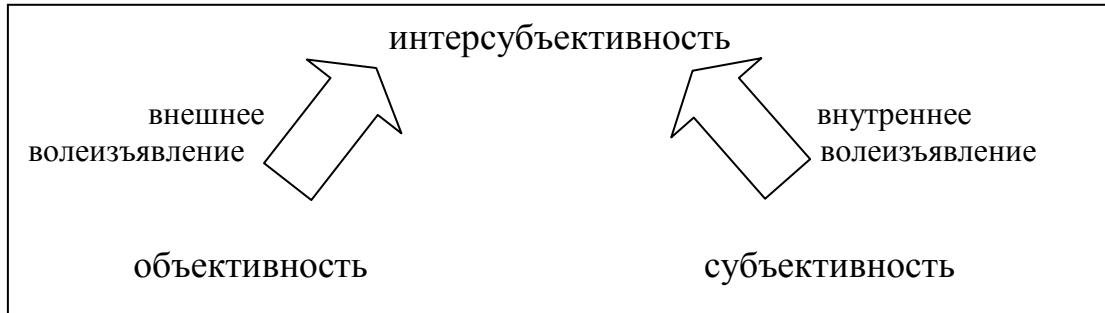
но-волевой оценочный комплекс, соотносимый с соответствующим переживанием, далее трансформируется при его включении в процесс освоения одного или нескольких кластеров модальной партитуры в ходе распределения смыслов текста в результате осознания рефлексивной трудности и активизации опыта рефлексивного действовани в схожем рече-мыслительном контексте в опыте субъекта. Последнее делает механизм построения модальной партитуры текста специфическим: модальная партитура становится «аффективно-окрашенной» (в одном или нескольких кластерах). Следующий рисунок иллюстрирует закономерности формирования аффективно окрашенной модальной партитуры.

На рисунке показано, что модальная партитура из линейного образования превращается в круг (темной заливкой обозначены начальный и конечный кластеры). Замыкание линейной последовательности в круг используется нами как чисто графический символ, необходимый для схематического представления влияния эмоциональной оценки, благодаря чему все средства текстопостроения получают сходную тональность, единое смысловое «звучание».

Также важно еще раз указать на влияние интерсубъективности на этот процесс. Факторный компонент интерсубъективности оказывается не только центральным, но и ведущим в динамически организованном комплексе понятийных оснований оценки. Значение волеизъявления, как говорилось выше,

представлено двумя разновидностями – внешней и внутренней, что соответствует уравниванию субъективного и объективного полюсов оценки фактором интерсубъективности. Следующий рисунок представляет собой иллюстрацию взаимодействия значения волеизъявления и сущностных характеристик оценки.

В случае оценочно-волевой детерминации вхождения эмоций в топосы переживаний в опыте субъекта мы наблюдаем обратное воздействие модальности в оценочном блоке её понятийной парадигмы на аффективную сферу сознания. Оценка также обеспечивает влияние эмоции на конфигурирование смыслов внутри модальной партитуры текста. Ядерные смыслы-модализации и подчиненные им смыслы могут связываться между собой оценочными ориентирами. При этом каждый такой ориентир может дополнительно модифицироваться эмоциональной составляющей. Последнее, в свою очередь, является предусловием формирования определенного типа модальной партитуры распределения смыслов текста – *аффективно окрашенной модальной партитуры*. Таким образом, оценка обеспечивает включение эмоций в связывание смыслов внутри конфигурируемого блока, а также процессуальную динамичность результирующей категоризации модальных значений. Помимо того, процесс консолидации смыслового стратума текста оказывается градуированным: сила консолидации возрастает в результате воздействия оценки на смысловые блоки и нисходящую категоризацию узловых модальных смыслов этих блоков. Интенсивность рефлексивного действия может еще дополнительно усиливаться при связывании оценочных ориентиров и аффективных компонентов в результате использования интендирующих тек-

стовых средств выражения эмоций в связи с опредмечиванием указанных оценочных доминант.

2.1.4. Построение аффективно окрашенной модальной партитуры распределения смыслов текста

Еще раз укажем, что из рассмотренных исследовательских позиций традиционной лингвистики и психологии следует, что сущностные характеристики форм выражения эмоционально-волевых реакций и способов языковой презентации модальности, в основном совпадают. Следовательно, модальность следует рассматривать в её связи с необходимостью смысловой обработки эмоций. Однако понятие модальности шире понятия эмотивности, так как модальность обеспечивает координирование процесса рефлексивной деятельности субъекта при распределении смыслов текста и выступает в качестве её неотъемлемой, а не факультативной характеристики.

В когнитивной науке эмоция может соотноситься с некоторым сценарием-прототипом, который содержит элемент проектирования реальности под влиянием эмоции, т.е. человек, у которого возникает та или иная эмоция, продумывает возможные варианты собственного поведения как реакции на эту эмоцию. Далее он выбирает один из этих вариантов на основе личных соображений. Возможно также спонтанное принятие решения о способе реагирования. Тогда фаза материализации эмоции не выходит вовне и остается чисто внутренним действием (см., например: [Wierzbicka 1996: 180]). Следует отметить, что при продумывании вариантов реагирования сознание тем самым материализует эмоцию как внешний раздражитель, требующий реакции со стороны индивида. В этом смысле то, что родилось внутри, оказывается экстернализированным.

Указанный сценарий, безусловно, может иметь определенные различия в разных культурах, а также может характеризоваться индивидуальными особенностями. Однако ядро прототипического сценария продумывания эмоции будет идентичным для языкового сознания представителей различ-

ных социумов [Никольская 2008: 129]. По нашему мнению, эмоциональный опыт субстанционально не отличается от любого другого опыта. Однако существуют процессуальные отличия в его обработке, в частности, имеется в виду формирование эмоционально-волевого оценочного комплекса, факультативно связываемого с опытом возникновения значащего переживания как предусловия формирования смысла.

В этой связи следует еще раз обратиться к понятию интерсубъективности, которое получает отличное от герменевтического взгляда на это явление прочтение в концепции семиотики страстей А.Ж. Греймаса и Ж. Фонтания. В их понимании интерсубъективность есть понятие исконного, самого глубокого и наименее тесно связанного с языком эпистемологического модуля, где «субъект ... раздваивается на себя и «другого» и интериоризирует тело другого как интер-субъект на фоне отношений доверия» [Греймас, Фонтаний 2007: 73]. Представляется, что включение другого в себя становится возможным благодаря первичному вычленению этого другого из себя же, как в случае презентации сознанию нескольких вариантов реагирования на эмоцию. Из всех возможных вариантов выбирается один наиболее приемлемый для конкретного субъекта, но все вообще варианты, являясь также произведениями сознания данной конкретной личности, одновременно будут внешними, и только один из них станет собственно внутренним.

Таким образом, можно дополнить описание сущностной основы понятия интерсубъективности. Процесс становления индивидуального в опыте стандартно происходит путем интериоризации опыта коллективного. Например, когда ребенку говорят о том, что собака – друг человека, и ребенок начинает воспринимать собак как возможных «друзей» для себя самого. Несомненно, также стоит принять во внимание тот факт, что это представление о собаках может видоизмениться, когда, например, ребенок читает о том, что собака кого-то кусает или пугает. Тогда исходный опыт изменяется под влиянием обратного луча рефлексии. После интеграции происходит вытеснение, когда представление о собаке как только о друге выключо-

чается из рефлексивной реальности реципиента для преобразования в представление о собаке не только как друге, но и как агрессоре. Дело обстоит несколько иначе, если ребенку говорят об опасности обжечься, а он не верит и хватается за раскаленный утюг, получает ожог. В этом случае интериоризация опыта происходит не путем его изначального принятия, а путем первоначального отторжения, вытеснения. Таким образом, интересубъективность как основной параметр человеческого способа приобретения опыта характеризуется наличием в её основе операции вытеснения-интеграции/интеграции-вытеснения, организующей процесс накопления опыта индивида на протяжении всей его жизни.

Остается, однако, неясным, что управляет разнонаправленными процессами вытеснения-интеграции и интеграции-вытеснения в случае формирования эмоционального опыта. По нашему мнению, в качестве характеристики приобретения эмоционального опыта интересубъективность выступает в своей *оценочной* модификации, так как вытесняться и интегрироваться будут именно оценки. В анализе приводимого ниже текстового примера предпринимается попытка описать возможности построения модальной партитуры распредмечивания смыслов текста на основе вытеснения/интегрирования разнополюсной квалификации оценки (в данном случае этической). Помимо оценочных ориентиров в модальной смысловой структуре текста также присутствует эмоциональный компонент, который, с одной стороны, включается в текст посредством оценки, с другой стороны, эмоциональная оценка еще более тесно связывает взаимодействующие внутри кластера смыслы и динамизирует рефлексию. Помимо того, происходит категоризация смысла-модализации блока в значение долженствования, что, собственно, и определяет квалификацию оценки, входящей в эмоционально-волевой оценочный комплекс как этической. При этом формирование эмоционально-волевого оценочного комплекса также обеспечивает конфигурирование смыслов в рамках модальной партитуры.

Перед тем как перейти к анализу текстового материала, необходимо еще раз остановиться на существенном в данном случае аспекте интерпретации долженствования как модального значения. Долженствование также имеет особый статус в связи с презентацией эмоций сознанию. Например, О.С. Никольская, разграничивая уровни аффективной организации сознания и поведения, в статус высшего уровня возводит уровень эмоционального контроля, соответствующий соотнесению собственного поведения с системами ценностей и оценок других людей. Указанный уровень отвечает за создание иерархически структурированной картины мира на основе внутренней оппозиции «должен – не должен» [Никольская 2008: 126–137].

Следующий отрывок из повести А.И. Куприна «Поединок» является примером использования средств презентации эмоциональной оценки в тексте:

«– Господа... пожалуйста... Ха-ха-ха! В М-ском полку был случай. Подпрапорщик Краузе в Благородном собрании сделал скандал. Тогда буфетчик схватил его за погон и почти оторвал. Тогда Краузе вынул револьвер – рраз ему в голову! На месте! Тут ему еще какой-то адвокатишка подвернулся, он и его бах! Ну, понятно, все разбежались. А тогда Краузе спокойно пошел себе в лагерь, на переднюю линейку к знамени. Часовой окрикивает: «Кто идет?» – «Подпрапорщик Краузе, умереть под знаменем!» Лег и прострелил себе руку. Потом суд его оправдал.

– Молодчина! – сказал Бек-Агамалов» (А.И. Куприн «Поединок»).

Данная текстовая дробь представляется законченной, так как содержит описание события, вызвавшего эмоциональный отклик как у рассказчика, так и у слушателя. Что касается языковой организации отрывка, то она весьма показательна. Использование эллиптических предложений, прямой речи, настоящего исторического, повтор (многократно повторяется наречие *тогда* в параллельных конструкциях с прошедшим временем); паузы, лексемы с оценочным значением (*молодчина, адвокатишка*), наконец, восклицательная интонация, совокупность этих средств, свидетельствует о возбужденном

эмоциональном состоянии рассказчика, о том, что тема чрезвычайно актуальна для собравшихся офицеров и что степень эмоционального накала разговора высока. Повторы сочетаются с упомянутым выше стоккатоподобным синтаксисом: предложения короткие, связаны асиндетически, эллиптизированы, преобладает восклицательность. Эмоциональность подкрепляется оценкой, связанной с волеизъявлением – реплика-реакция Бека свидетельствует о максимально высокой положительной оценке действий подпоручика Краузе (не просто молодец, а «молодчина»), и, следовательно, готовность поступить так же.

Однако полнота понимания смыслов приведенного отрывка и восстановление ситуации мыследействования автора (распредмечивающее понимание) зависит не столько от осознания вышеуказанных фактов и особенностей восприятия описываемой ситуации персонажами на основе анализа конвенциональных языковых способов выражения эмоциональной экспрессии (семантизирующее и когнитивное понимания), сколько от способности читателя вычленить оценку события с точки зрения героев и авторское видение проблемы, что невозможно без обращения к опыту, т.е. без соотнесения содержания осваиваемой ситуации с собственными убеждениями.

И говорящий (Лбов), и его собеседник – люди одного круга, примерно одного возраста. Они разделяют расхожее среди офицеров мнение о том, что отнять жизнь у человека возможно и даже совершенно необходимо во многих случаях. Ситуация мнимого оскорбления не являлась в этом плане исключением. Такое отношение к своей персоне, одержимость идеей защиты своей офицерской чести было нормой для молодых людей, которые жаждали «дела» – самоутверждения и славы. Следовательно, в модели распредмечивания смыслов данного отрывка на первый план выходит смысл-модализация «долг постоять за свою честь». Ноэмой организации указанного смысла-модализации соответствует обращение к топосам опыта «долг», «честь», входящим в пояс чистого мышления (М), в их взаимодействии. Данный смысл-модализация управляет вытеснением первичного эмоционально-

оценочного смысла «ценности своей и чужой жизни», связанного с первичным осознанием собственного бытия в мире через идентификацию своей схожести с другими также живущими «здесь и сейчас» людьми. На уровне языковых средств наибольшее выражение получает топос «честь» (связь пояса М с поясом мысли-коммуникации (М-К)). Начиная с обращения «Господа!», речь Лбова насыщена ссылками на статус (Благородное собрание, подпрапорщик, лагерь, часовой, знамя). При этом реализуется противопоставление внутреннего избранного круга и остальных «простых смертных» (буфетчик, адвокатишка, все разбежались). Именование человека по профессии (и даже с морфологическим показателем уничижения) указывает на картину мира говорящего, для которого человек ценен не сам по себе, а только вместе с его рангом, происхождением. Что касается фразы «все разбежались», то здесь напрашивается аналогия с тараканами или мышами, разбегающимися при виде опасности. Представители «внутреннего круга» (офицеры) совсем из другого теста, они не убегут и не стерпят, любое посягательство на их жизненное пространство получит решительный отпор.

Вытеснение знания о принятых в данном круге общества нормах поведения (задействуется социальный компонент интерсубъективности читателя) сопровождается интеграцией исконного смысла ценности жизни любого человека (индивидуальный компонент интерсубъективности автора). На уровне языковых средств опредмечиванию этого смысла служит окончание абзаца – реплики рассказчика и реплика-реакция собеседника. Упоминается, что Краузе «спокойно» пошел в лагерь, только что совершив двойное убийство. Далее идет использование прямой речи в настоящем времени, что маркирует кульминацию, высшую степень эмоциональной экспрессии. Это показательно, поскольку главная мысль, которую подчеркивает автор через речь своего персонажа, состоит в безнаказанности такого поступка. Это особенно веселит Лбова. Прослеживается некоторая театральность происходящего, так как Краузе лег под знаменем, чтобы прострелить себе только руку, а не совершить от обиды и отчаяния самоубийство, тем самым, оправдав себя перед

людским судом. Реакция Бека – со знаком «+», трансформируется в понимании авторской позиции в знак «-», однословная реплика выглядит как безапелляционная оценка, как со стороны персонажа, так и со стороны писателя.

Построение модальной партитуры распредмечивания смыслов в авторском тексте обеспечивает выход за пределы только понимания, поскольку выводимые из текста смыслы становятся достоянием не только автора, но и реципиента, которому предоставляется право сформировать собственную оценку события и всей описанной ситуации его обсуждения героями. Отношение определенного рода возникает вследствие правильной интерпретации выбора интендирующих текстовых средств, в которых существуют смыслы в момент их освоения читателем. Эмоциональность реплик Лбова и Бека указывает на эмоционально-волевою продуктивную составляющую смыслового блока и позволяет судить об оценке события как с точки зрения персонажей, так и с позиции автора. В результате растет и эмоциональная вовлеченность читателя (естественно, при наличии тому индивидуальных предпосылок). Понимание как результат рефлексии через формирование оценки и отношения имеет возможность трансформироваться в собственно человеческое чувство [Богин 2001], в котором соединятся сожаление о глупости людской, сострадание несовершенной человеческой натуре и иные выводы, возможность делать которые и отличает человека от всех других «тварей земных». Текст в этом случае не будет уже просто речевым произведением или литературным трудом, но станет частью личности реципиента.

Опредмечивание эмоциональной оценки как компонента эмоционально-волевого оценочного комплекса помимо активизации опыта соответствующих значащих переживаний трудностей понимания в сходных рефлексивных ситуациях организует взаимодействие узловых смыслов-модализаций, которые оказываются связанными между собой оценочными ориентирами. Так, смысл «ценность человеческой жизни» имеет положительный оценочный ориентир в поле сознания автора и отрицательный для персонажа (Бека), смысл «долг постоять за свою честь» имеет для автора отрицательный оце-

ночный ориентир, тогда как для персонажа этот знак прямо противоположен. Формируемая модальная партитура распределения смыслов текста имеет в своей основе противоположную стратегию организации взаимодействия между уровнями содержания и смысла. В ней содержится принудительная установка на «рефлективную задержку». Последнее утверждение подкрепляется не только тем, что в текст эмоционален, но и тем, что опровержение содержательных выводов выводами смысловыми представляет особенную трудность. Важно подчеркнуть, что оценка на уровне содержания превращается в оценку на смысловом уровне, только с противоположным знаком. При этом тип модальной партитуры дополнительно модифицируется включением эмоционально-волевого оценочного комплекса, который обеспечивает конфигурированность смыслов кластера, определенных в различных средствах текстопостроения. Такими смыслами в восприятии автора данной работы являются: «неравенство людей», «приоритет внешнего над внутренним», «более высокая ценность своих интересов, своей жизни» и т.п. (список может быть открытым сообразно рефлективным установкам конкретного реципиента). Все указанные смыслы конфигурируются (образуют единство на основе встречаемости) далее в тексте под влиянием эмоционально-волевого оценочного комплекса, входящего в переживание трудности понимания данного текстового отрывка.

При нисходящей категоризации смыслов-модализаций восстанавливается трансформация значения волеизъявления (внутреннего и внешнего) в значение должностования, что устанавливает этическую квалификацию оценки, входящей в эмоционально-волевой оценочный комплекс.

Итак, модальность выступает как универсальный мыслительно-языковой механизм построения партитуры распределения смыслов текста. При этом модальность и эмотивность активно взаимодействуют. В ходе рефлексии над текстом, в котором модальная партитура заложена в виде потенции увязывания смыслов, стоящих за языковым выражением эмоционально-волевых реакций (аффективно окрашенная модальная партитура), и смыс-

лов-модализаций, связываемых оценочными компонентами, реципиент имеет возможность не просто понять текст, а перейти к последовательной фиксации других инобытий рефлексии (формирование «собственно человеческого чувства»).

2.2. Взаимодействие разных типов оценки в тексте

Как отмечалось выше, взаимодействие оценок разных типов в тексте обеспечивает его связность не только на уровне содержания, но и на уровне смысла. Помимо того, в ходе результирующей категоризации значений оператор оценочности вступает в непосредственное взаимодействие с теми или иными компонентами модального устройства сознания (модальными значениями), что определяет конечную квалификацию типа оценки. Для иллюстрации данного положения далее приводятся текстовые отрывки, в которых можно выявить указанные закономерности. Первый отрывок взят из повести Л.Н. Толстого «Казачья жизнь»:

« – Что стрелил? – спросил старик.

Звучный голос старика, раздавшийся в лесу и вниз по реке, вдруг уничтожил ночную тишину и таинственность, окружавшую казака. Как будто вдруг светлей и видней стало.

– Ты вот ничего не видал, дядя, а я убил зверя, – сказал Лукашка, спуская курок и вставая неестественно спокойно.

Старик, уже не спуская глаз, смотрел на ясно теперь белевшуюся спину, около которой рябил Терек.

– С карчой на спине плыл. Я его высмотрел, да как... Глянь-ко сюда! Во! В портках синих, ружье никак... Видишь, что ль? – говорил Лука.

– Чего не видать! – с сердцем сказал старик, и что-то серьезное и строгое выразилось в лице старика. – Джигита убил, – сказал он как будто с сожалением» (подчеркивания наши – Е.И.).

Выделенные нами в тексте слова ясно указывают на противопоставление оценок одного и того же события персонажами. Лука, убивший вражеского лазутчика, считает, что чеченец – животное, а он, казак – человек. Сле-

довательно, казак лучше чеченца. Убить чеченца хорошо. Другие казаки – того же мнения (Ср. далее: *«Вот так сазан попался! - сказал один из собравшихся кружком казаков»*. Или: *«Вишь, счастье Бог дал: ничего невиданши, абрека убил»*). Этим оценкам противопоставляется мнение Дяди Ерошки, для которого чеченец – не зверь или рыба, а джигит, человек, такой же как все другие, как сами казаки. Авторская оценка вводится имплицитно – через точку зрения старого Ерошки, и эксплицитно – через образ «тихого ангела» (см. далее).

Интересна также динамика оценки, так как далее указывается, что Лука и другие казаки не так уверены, что чеченец зверь, а не человек. Ср.: *«То-то ловкой должно, вперед всех выискался. Самый, видно, джигит! – насмешливо сказал Лукашка»*. Повтор слова «джигит» выражает согласие с Дядей Ерошкой (уже чеченец – человек). Однако далее устойчивость исходной оценки возрастает:

« – Тоже человек был! – проговорил он (Лука – Е.И.), видимо любясь мертвецом.

– Да, попался бы ему, спуска бы не дал, – отозвался один из казаков.

Тихий ангел отлетел. Казаки зашевелились, заговорили».

Казаки колеблются. Понимая, что чеченец, действительно, тоже человек, они также понимают, что для них он враг, и воспринимать его смерть нужно радостно, как богатую добычу на охоте. Таково упрощенное описание динамики и взаимодействия оценок в данном текстовом отрывке. Рассмотрим преломление указанных процессов при учете принципов кластерной организации модальной партитуры распределения смыслов текста.

В данном случае взаимодействуют два кластера модальной партитуры. Ядерный смысл-модализация первого из них может быть представлен как «необходимость сожаления о бесцельной человеческой смерти». Данный смысл включает в себя компонент оценочности, поскольку вся смысловая ткань данного кластера обеспечивает формирование вывода о том, что такая смерть человека не может считаться чем-то положительным. Указанный

смысл объединяет пассивно-модальные смыслы, опредмеченные в различных средствах текстопостроения. Так, смысл «неравенство человеческой и животной смерти» опредмечивается в противопоставлении метафорического именованья убитого чеченца (зверь, сазан) и высокооценочной в данном контексте лексемы «джигит». При воздействии смысла-модализации на данный смысл определяется сам способ его опредмечивания, поскольку в указанном противопоставлении опредмеченными оказываются разнополярные оценки (в антитезных именованья человека и животных). Другими смыслами, взаимодействующими с ядерным модальным смыслом, являются: смысл «отсутствие благородства в убийстве», опредмеченный в противопоставлении возбужденного многословного рассказа молодого Луки о своем «подвиге» и короткой, пренебрежительной реакции старого казака. Ср. также оборванные, незаконченные предложения в реплике Луки и законченность восклицательного ответа «дяди». Сюда также следует отнести смысл «неоправданность убийства человека», объединяющийся со смыслом «неучастия Бога в том, что один человек убивает другого». Указанные смыслы объединяются за счет одновременности рефлексивного действия в рамках второго кластера модальной партитуры.

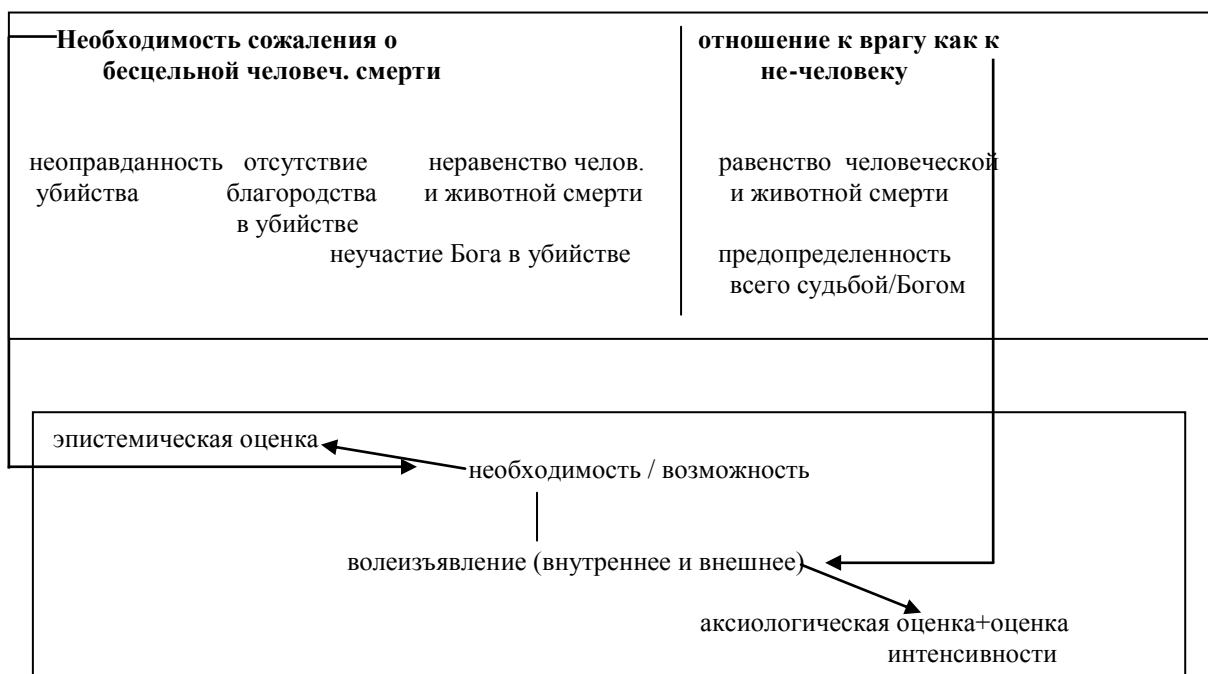
Смыслом-модализацией второго модального кластера будем считать репрезентацию «отношение к врагу как к не-человеку». Указанный смысл отвечает не только за объединение пассивно-модальных смыслов данного кластера, но и за презентацию взаимодействия оценок. Этот кластер содержательно поддерживается тем, как оформлены реплики Луки и других казаков в их противопоставлении точке зрения дяди Ерошки. При оформлении речи казаков автор часто использует сослагательное наклонение и модальные слова, которые вкупе выражают нефактивность, а вероятность, приблизительно: *«То-то ловкой, должно...»*; *«Самый, видно, джигит!»* (Лука); *«Они небось все на той стороне. Кабы не передовой был, так не так бы плыл. Одному зачем плыть?»; – Да, попался бы ему, спуска бы не дал»* (казаки). Таким образом, создается косвенное указание на неуверенность самих

казаков. Им на самом деле неясно, хорошо ли то, что они убивают чеченцев, считая своих врагов равными иной «добыче»: *«Лукашка, не дожидаясь каюка, стал раздеваться, не спуская глаз с добычи»*. Выражение вероятности, предположительности обеспечивает преобразование выражаемой оценки («убить чеченца – хорошо» в «нет ничего хорошего в смерти человека», не «добычи»). Подготовка указанного развития идет за счет опредмечивания еще одного смысла второго кластера – смысла «подчиненности судьбе/Богу». Данный смысл противопоставлен смыслу «неучастия Бога в убийстве ...» из первого кластера. Опредемечивание обоих смыслов также связано. Происходит метафорический перенос значения предметного «видения» и духовного «усмотрения». В этом случае содержание направляет распредемечивание смысла (пресуппозитивная организация модальной партитуры). Так, идет противопоставление значений видения/невидения в предметно-логическом плане в следующих репликах и сопутствующих описаниях казаков и дяди Ерошки. Ср.: *«ничего не видал... Видишь, что ль? Ничего невидавшии»* и *«видней, ясней; смотрел на ясно теперь белевшую...; Чего не видать!»* (=и так все ясно). Таким образом, казаки не уверены, им неясно, какого участие Бога и судьбы в смерти чеченца, а старому Ерошке все понятно. Поскольку «точка зрения» (по Б.А. Успенскому) автора на некоторое время соединяется с видением ситуации у старого казака, его лицо приобретает «серьезное и строгое» выражение как, предположительно, у самого Бога. Взаимодействие двух указанных смыслов из разных кластеров обеспечивает растягивание смысла «неоправданность убийства человека» из первого кластера, который может использоваться в качестве самостоятельно смысла-модализации далее в тексте, а также превратиться в метасмысл.

Необходимо также упомянуть еще один смысл второго кластера – смысл «равенства человеческой и животной смерти», который оказывается онтологически связанным с соответствующим подчиненным смыслом из первого смыслового блока («неравенство человеческой и животной смерти»). Их опредмечивание происходит на основе упомянутого выше антитезного

противопоставления именований (зверь – человек). Эти смыслы также взаимодействуют с парой рассмотренных выше смыслов, благодаря взаимодействию оценок персонажей. Противопоставление данных смыслов на втором, метасмысловом уровне организации смыслового стратума текста образует смысловый интервал, поскольку права окончательного выбора оценочной квалификации каждого из этих смыслов сохраняется за конкретным читателем.

При нисходящей категоризации выделяются значения необходимости/возможности, эксплицитно представленные в средствах выражения эпистемической модальности, а также последовательно выражаемые в большинстве взаимодействующих средств текстопостроения. Эти значения связаны с выражаемой оценкой, определяя её эпистемическую квалификацию. Также категоризируются значения внутреннего и внешнего волеизъявления, поскольку и автор, и герои пытаются узнать, какова на самом деле воля Бога, и стремятся соединить с этой внешней волей свои внутренние устремления. Взаимодействующей со значением волеизъявления оказывается аксиологическая оценка (в её дополнительной модификации оценкой интенсивности). Актуализируется также свойство интересубъективности аксиологической оценки. Динамика модального устройства (взаимодействие между значениями необходимости/возможности и волеизъявления) восстанавливается благодаря участию оценочного оператора. Следующий далее рисунок-схема обобщает приведенные выше рассуждения:

Следующий текстовый отрывок взят из повести А.П. Чехова «Черный монах»:

«– Тебе, кажется, пора уже молоко пить, – сказала Таня мужу.

– Нет, не пора... – ответил он, садясь на самую нижнюю ступень. – Пей сама. Я не хочу.

Таня тревожно переглянулась с отцом и сказала виноватым голосом:

– Ты сам замечаешь, что молоко тебе полезно.

– Да, очень полезно! – усмехнулся Коврин. – Поздравляю вас: после пятницы во мне прибавился еще один фунт весу. – Он крепко сжал руками голову и проговорил с тоской:

– Зачем, зачем вы меня лечили? Бромистые препараты, праздность, теплые ванны, надзор, малодушный страх за каждый глоток, за каждый шаг – всё это в конце концов доведет меня до идиотизма. Я сходил с ума, у меня была мания величия, но зато я был весел, бодр и даже счастлив, я был интересен и оригинален. Теперь я стал рассудительнее и солиднее, но зато я такой, как все: я – посредственность, мне скучно жить... О, как вы жестоко поступили со мной! Я видел галлюцинации, но кому это мешало? Я спрашиваю: кому это мешало?

– Бог знает, что ты говоришь! – вздохнул Егор Семеныч. – Даже слушать скучно.

– А вы не слушайте».

В этом отрывке переплетаются сразу четыре типа оценки: аксиологическая («молоко», лечение «полезно», хорошо для Коврина); прагматическая (лечение не должно было применяться к ученому, оно разрушило его дух, его гениальность); этическая оценка (лечение вернуло Коврина в рамки физической и эмоциональной нормы); эмоциональная оценка (выражение отчаяния, беспомощности перед ужасными для героя последствиями лечения).

При исследовании модальной организации смыслового уровня текста, в рамках которой разворачивается указанный оценочный комплекс, оказалось, что взаимодействие между смыслами происходит по иной схеме: смысло-модализация находится не в середине, узле блока смыслов модального кластера, а располагается как конечный вывод-тезис, с которым непосредственно связанным оказывается лишь один из смыслов блока. Смыслы же могут быть выстроены в виде цепочечной структуры. Объяснений данной модификации структурной организации смыслового плана может быть несколько. Во-первых, налицо аргументативная организация соответствующего содержательного блока: Коврин эмоционально обосновывает в своем коротком монологе, бесполезность собственного лечения, опровергая тем самым тезис в высказывании своей жены о его полезности. Из этого следует, что оценка (аксиологическая) оказывается принадлежащей не только плану смыслов, но и плану содержания, поскольку и тезис и антитезис представляются оценочными суждениями: лечение было для Коврина полезно/неполезно = хорошо/плохо. Другим объяснением может быть то, что данный отрывок взят из предпоследней главы повести, следовательно, смыслы, растягиваемые и наращиваемые на протяжении всего текста уже готовы преобразоваться в метасмыслы и перейти на более высокий уровень смысловой организации. Соответственно смыслы выступают как более независимые, самодостаточные смыслы, «почти-идеи».

Перейдем к изложению особенностей организации рассматриваемого смыслового кластера в ее связи с опредмечивающими смыслы средствами текстопостроения. В качестве конечного («не-узлового») смысло-модализации можно представить следующую репрезентацию – «ненормальность гениальности». Опредмечивающим этот смысл средством является противопоставление двух рядов перечислений, в каждом из которых реализуется риторический прием нарастания. Ср.: с одной стороны *«Бромистые препараты, праздность, теплые ванны, ...»*, с другой – *«я был весел, бодр и даже счастлив, ...»*. Смыслом, который непосредственно связан со смыслом-

модализацией является смысл «скуки единообразия». Полюсом противоположным гениальности будет норма, которая скучна, как для Коврина, так и для его близких (*мне скучно жить...; Даже слушать скучно*). Средством, опредмечивающим указанный смысл является противопоставления временных планов «тогда» – «теперь»: *«Я сходил с ума, у меня была мания величия, но зато я был весел, бодр...» – «Теперь я стал рассудительнее и солиднее, но зато я такой, как все ...»*. Одновременно, к этому смыслу присоединяется оценка, поскольку план «тогда» оценивается как «хорошо», а план «сейчас» как «плохо». Остальные смыслы оказываются последовательно связаны с указанным смыслом «скуки единообразия». Ими являются смыслы «тоски» (от скуки образуется тоска), «вины» (тоска является также следствием осознания своей и чужой вины), «отчаяния» (вина не оставляет надежды на примирение), «одинокства» (разделенные виной и отчаянием герои одиноки). Смысл «вины» опредмечивается содержательно: указанием на то, что Коврин винит своих родственников в том, что он больше не гениален; а также с помощью языковых средств выражения эпистемической модальности: в реплике *«Тебе, кажется, пора уже молоко пить»* модальное слово «кажется» указывает на эпистемическую дистанцию, вежливое смягчение и готовность к негативной реакции. Смысл «одинокства» опредмечивается в использовании антитезного повтора эмфатического *сам, сама*: *«Пей сама»; «Ты сам замечаешь...»*. Смыслы «тоска» и «отчаяние» оказываются связанными на уровне опредмечивающих их средств, так как используются одни и те же конструкции с ярко выраженной эмоционально-оценочной доминантой: это разнообразные типы повторов – отрицающий эмоционально окрашенный повтор *«нет, не пора»*, повтор в конструкции «отрицание через утверждение» с соответствующей интонацией *«Да, очень полезно!»*, сходный с последним типом повтора в плане переозначивания перформативной конструкции *«Поздравляю вас...»* (=не с чем поздравлять); анафорический повтор в риторическом вопросе *«Зачем, зачем вы меня лечили?»*, повтор целого риторического вопроса *«Кому это мешало?»*.

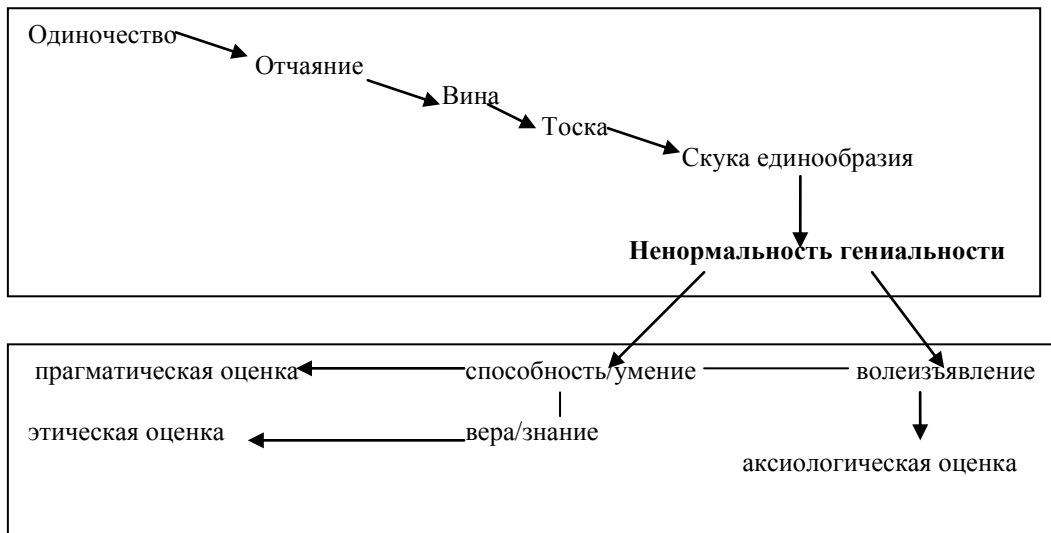
Тип модальной партитуры из-за осуществления перехода на метасмысловой уровень можно определить весьма условно. Но все же, из-за отмеченных содержательно-смысловых корреляций, его можно представить как пресуппозитивно-коррелятивный. Случаи управления опредмечиванием смысла со стороны содержания были указаны выше (пресуппозитивная стратегия). Обратное влияние смысла на содержание можно проследить лишь на этапе категоризации модальных значений. Первым среди таких значений следует выделить блок способности/умения (категоризации смысла-модализации «ненормальность гениальности»: чтобы знать о том, что гений действительно ненормален нужно иметь способность быть им в потенции или суметь реализовать эту способность). Соединение оценки с этим блоком модальных значений указывает на её прагматический статус, поскольку критерием установления оценочной квалификации является представление о применимости свойства гениальности как к автору текста, так и любому реципиенту, действующему в смысловом пространстве данного текста. Смысл-модализация «ненормальность гениальности» также является средоточием этической оценки (гениальность – есть отклонение от нормы), т.к. восстанавливается взаимодействие блока способности/умения с блоком веры/знания, который в соединении с оператором оценочности дает этическую оценку. Так, чтобы иметь представление о степени ненормальности гения нужно знать, что гениальность считается отклонением от нормы. При этом в параграфе 2.1.4 этическая оценка связывалась со значением долженствования. Двойное соответствие в этом случае вполне укладывается в общее представление о динамике модального устройства сознания, где блоки веры/знания и волеизъявления/долженствования выполняют сходные координирующие функции (см. п. 1.4.3).

Также категоризацией ядерного смысла-модализации будет значение внутреннего волеизъявления. Это единственное модальное значение, представленное уже на уровне содержания в эксплицитном виде. Речь идет о желании Коврина «пить молоко» и, в целом, принимать лечение, становиться

нормальным, заурядным. Для него нормальность не положительное, а отрицательное качество. Взаимодействие оператора оценочности с модальным значением волеизъявления определяет оценочную квалификацию как аксиологическую. Указанное значение косвенно участвует в опредмечивании смысла «ненормальности гениальности» и возвращается обратно на уровень значений. Таким образом, в данном текстовом отрывке реализуется коррелятивная стратегия организации смыслового плана текста.

Следует также отметить, что включение эмоционально-оценочного блока средств и связанных с ними смыслов в ткань текста сигнализирует о необходимости обращения к опыту значащих переживаний с целью полноценного освоения смыслов данного текста. В частности экспликацией указанной рефлексивной трудности, «задержки» может быть то, что читатель должен для себя решить, был ли Коврин действительно гением или ему это привиделось, как черный монах, который старался убедить его в этом. Для преодоления этой трудности, нужно, как минимум, дочитать текст до конца. Помимо того, эмоциональная оценка накладывается на оценки других типов, благодаря чему все используемые текстообразующие средства приобретают сходное звучание: внимание читателя фиксируется на указанном смысловом интервале. Степень консолидации смыслового стратума текста возрастает, максимально эффективно реализуется переход на уровень метасмыслов и идей.

Схематически направление рефлексивного действия в рамках модальной партитуры распредмечивания смыслов текста можно изобразить с помощью следующего рисунка:

Обусловленность результирующей квалификации типа оценки воздействием оценочного оператора на определенные модальные значения при восстановлении динамики модального устройства сознания представлена в следующей таблице:

<i>Модальные значения</i>	<i>Тип оценки</i>
долженствование; вера/знание →способность/умение	этическая оценка и эстетическая оценка
волеизъявление (внешнее и внутреннее)	аксиологическая оценка (возможна дополнительная модификация с помощью оценки интенсивности)
внутреннее волеизъявление←способность/умение	прагматическая оценка (возможна дополнительная модификация с помощью оценки интенсивности)
вера/знание →необходимость/возможность	эпистемическая оценка

Выводы по Главе 2

В качестве эмоциональной компоненты процесса продукции-рецепции смысла нами рассматривалось вхождение эмоций в эмоционально-волевой оценочный комплекс, обуславливающий построение аффективно окрашенной модальной партитуры. Такая партитура содержит в себе механизм обязательной индикации рефлексивной трудности, указываемой не только типом устанавливаемых отношений между содержанием и смыслом, но и факультативно

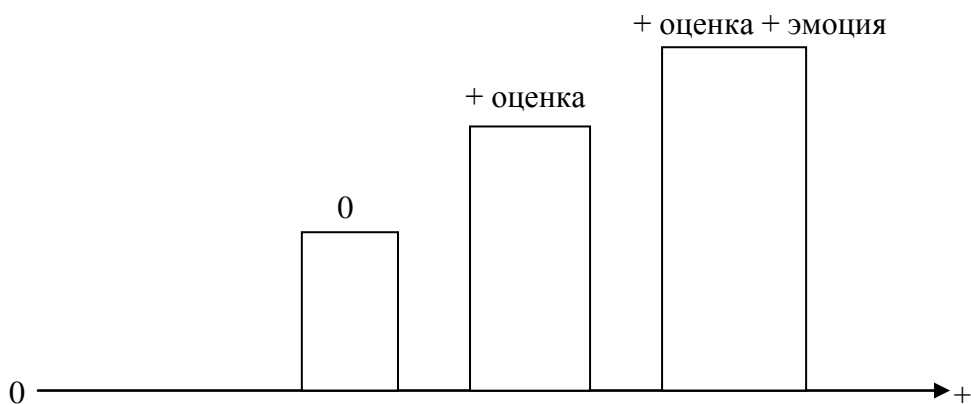
тивным связыванием опыта значащих переживаний с эмоциональной составляющей. Соединяясь с оценкой и волей в тексте, эмоции как часть задействуемых значащих переживаний обеспечивают сходство, семантическое сродство восстанавливаемых смыслов.

Эмоции также участвуют в создании понятийной типологической системы оценки. Нами были рассмотрены несколько типов оценки в их соотношении с тем или иным факторным блоком шкалы субъективности /объективности. Связанными с полюсом объективности оказались прагматическая и телеологическая оценки, которые при восстановлении динамики модального устройства сознания взаимодействуют со значениями внутреннего волеизъявления, способности/умения. Оценка интенсивности признака может дополнительно конкретизировать прагматическую и аксиологическую оценку. Последняя связывается с обеими модификациями значения волеизъявления (внутреннее и внешнее). Помимо аксиологической оценки с факторным блоком интересубъективности взаимодействует этическая (и эстетическая) оценки, связываемые со значением долженствования, а также оппозитивными категориями веры/знания, способности/умения с учетом восстановления динамики их взаимодействия. Эпистемическая оценка, соотносимая с полюсом субъективности, отвечает за квалификацию отношений внутри блока веры/знания («>» или «<») и, соответственно, необходимости/возможности. При этом восстанавливаются связи между этими блоками, а ситуация в смысловом отношении может быть квалифицирована как реальная/ирреальная. Эмоциональная оценка, также определяемая как всегда субъективная, имеет надсистемное положение и может накладываться на оценки всех других типов.

Оценочные ориентиры обеспечивают связность текста как на содержательном, так и на смысловом уровне. Дополнительное накладывание эмоциональной составляющей на различные типы оценок еще более активизирует осознание рефлексивной трудности и, соответственно, повышает качество понимания. При этом тип оценки определяется окончательно на уровне кате-

горизации модальных значений, так как связывание оператора оценочности с определенным компонентом модального устройства указывает типовую квалификацию оценки, связываемой с тем или иным смыслом. Возможным является присоединение к одному и тому же смыслу (обычно смыслу-модализации) разных типов оценки.

В целом, оценка представляет собой часть понятийной основы языковой и текстовой модальности. Присоединение оценочных компонентов к опредмечиваемым узловым смыслам-модализациям и подчиненным им смыслам представляет собой дополнительное средство обеспечения содержательной и смысловой связности текста. Соединение оценки и средств выражения эмоций обуславливает возрастание рефлексивной трудности текста на основе активизации опыта соответствующих значащих переживаний как предусловий смысла. Указанный процесс еще более упрочивает связи внутри конструируемого смыслового пространства, «цементируя» возникающие кластерные структуры посредством обеспечения семантического сродства всех их частных составляющих. Таким образом, оценка позволяет дополнительно градуировать степень консолидации смыслового стратума текста. Приводимый ниже рисунок схематически изображает влияние оценки и эмоциональной экспрессии на интенсивность рефлексии.

Таким образом, имеет место градация интенсивности рефлексии над текстом – слева направо интенсивность возрастает. Знак «0» над первой фигурой слева обозначает нейтральную модальную партитуру без оценочных ориентиров или воздействия на рефлексию эмоционально-волевого оценочного комплекса.

*Глава 3. Субстанциональная рамка для построения модальной партитуры
распредмечивания смыслов текста: система временных координат и
дейктическая организация текста*

3.1. Взаимодействие модальных и аспектуально-временных значений в языке

Значения модальные тесно переплетены со значениями временными и аспектуальными. В данном случае речь идет о категоризированных и зафиксированных языком смыслах, лежащих в основе осознания временной перспективы. Например, значения в видо-временной системе глагольных форм. С другой стороны, как было сказано выше, в качестве объекта научного рассмотрения в настоящей работе выступают смыслы-способы преобразования мира в тексте в виде задаваемых координат упорядоченного изменения реальности в нем. Такие смыслы-способы имеют универсальный характер и включаются во все уровни категоризирующей их языковой системы в виде модальных значений. В ходе описания соотношения модальности и времени в рамках настоящего параграфа нас интересует, прежде всего, вычленение и описание области соприкосновения указанных типов языковых значений.

Рассмотрим некоторые частные случаи взаимодействия языковой фиксации временных и модальных смыслов в конкретных языках. Приводимый

далее обзор не претендует на полноту. Однако рассматриваемые факты, с нашей точки зрения, наиболее важны для восстановления механизмов взаимодействия модальности и времени в контексте настоящей работы.

Так, в английском языке исторически модальные глаголы вычленились из группы претерито-презентных глаголов. Характерной чертой таких глаголов было переосмысление значения формы прошедшего времени, которая стала использоваться в группе претерито-презентных глаголов для выражения отношений настоящего. Следует особо подчеркнуть, что претерито-презентные глаголы имели общее свойство указывать на сохранение результата прошедшего действия в настоящем [Ильиш 1968: 358–359; Иванова, Чахоян 1976: 146–147]. Очевидно, что претерито-презентные, впоследствии модальные, глаголы эксплицировали невозможность разделения настоящего и прошедшего, что также было отражено в значении древнегерманского результативного вида – прародителя перфектной формы в английском языке, в котором этот результат мог остаться в прошлом или продолжиться в настоящем, соединяя прошлое и настоящее в единое целое [Ильиш 1968: 40].

Можно также предположить, что понятийное разбиение времени на настоящее, прошедшее и будущее, будучи выраженным в языковых формах, модифицируется при непосредственной презентации в речевых построениях *под воздействием модальных значений*. Примером может служить использование одного глагольного времени в значении другого (настоящее историческое; футурумный презенс; предвосхищение будущих событий в форме прошедшего времени – *Мы погибли*; и т.п.). На наш взгляд такое переосмысление значений временных форм свидетельствует о необходимости представить сообщение в субъективной интерпретации, выразить собственное отношение к содержанию высказывания. Например, в случае использования настоящего исторического говорящий указывает на свое желание выделить описываемый блок ситуаций из всей прошлой действительности, подчеркивает значимость информации как для себя самого, так и для организации сообщения. Следовательно, на модификацию значения формы влияет модаль-

ное значение волеизъявления вкупе с оценочным оператором (оценка интенсивности признака). Во втором примере происходит эмоциональное оценивание неизбежности лишь одного варианта развития ситуации в будущем с точки зрения субъекта речи (необходимость > возможность + эмоциональная оценка). Таким образом, в высказывании имеются ориентиры, благодаря которым процесс понимания будет направлен в определенное русло. Тем самым модальность оказывает влияние на функционирование временных форм, обеспечивая координацию и упорядочивание деятельности языковой фиксации временных значений.

Временные и аспектуально-временные значения имеют разный потенциал модификации под влиянием модальных значений. Далее рассмотрим наиболее значимые в рамках данной работы варианты такого изменения.

3.1.1. Модальный потенциал формы прошедшего времени

Использование формы прошедшего времени как репрезентация взаимодействия эмоциональной оценки и блока значений необходимости/возможности дополняется другими модификационными вариациями. Например, существует большое количество свидетельств из разных языков мира о том, что форма прошедшего может использоваться для указания на нереальность ситуации (противоположное мнение см. в [Bybee et al. 1994: 238]). Сравнивая предложения «*I want to speak to you*» и «*I wanted to speak to you*», Ф.Р. Палмер отмечает, что форма прошедшего времени обеспечивает менее тесную связь говорящего с ситуацией, поскольку высказывание отделено от момента речи, а собеседник имеет больше возможностей уклониться от выполнения такой просьбы [Palmer 1986: 210–213]. Ср.: Формы прошедшего времени часто используются, когда говорящий указывает на собственную отстраненность от ситуации не только в плане времени, но и в отношении собственной некатегоричности, отсутствия убеждения в истинности того, о чем идет речь [Fillmore 1990a, 1990b; Fleischman 1989]. В.А. Плунгян, наоборот, приводит примеры категоричных высказываний с формой про-

шедшего времени, указывающих на убежденность говорящего в том, о чем он говорит. Ср.: *«Я всегда считал, что...»* и *«Я считаю, что...»* (ср. с приведенным выше примером предвосхищения будущих событий в форме прошедшего времени). Случаи «эпистемической дистанции» в её разновидности использования формы прошедшего для оформления просьбы *«Я хотел у вас спросить...»* автор связывает с выражением значения продолжения действия из прошлого в настоящем. Ср. также *«Он заболел»* как ответ на вопрос *«Почему его нет?»* (подробнее см.: [Плунгян 2011: 352]).

Таким образом, рассматривая случаи переосмысления значения формы прошедшего времени, исследователи указывают на два аспекта-мотива такой модификации. Во-первых, на продолжение действия из прошлого в настоящем. Во-вторых, на различные возможности квалификации действия относительно его реальности/ирреальности соответственно степени категоричности говорящего относительно сообщаемого. При этом в центре внимания оказывается «я» говорящего с его субъективной интерпретацией ситуации. Эпистемическая оценка как ориентир вероятности устанавливает знак отношения в блоке веры/знания, что в свою очередь обуславливает повторение такой зависимости в блоке необходимости/возможности. Образующая таким путем квалификация ситуации относительно её реальности/ирреальности влияет на конструируемую в высказывании систему временных ориентиров, которая подвергается искажению: одна временная форма используется в значении другой.

Связь модальности и времени прослеживается не только на уровне модификации значений грамматических временных форм. Лексика, типично выражающая временные отношения, в непосредственном речевом употреблении приобретает модальные коннотации. Особенно значимой в этой связи оказывается возможность указания на недискретное представление о времени, когда прошлое переносится в настоящее. Например, *«Но намерение попросить хлеба и еще что-то, чего он не мог определить, связывало его, всегда смелого и болтливого, ставило в тупик – и перед кем же! – перед мужчи-*

ками, которых он даже и сравнивать никогда не хотел с печниками, плотниками, малярами!» (И.А. Бунин «Веселый двор»). Наречия «всегда» и «никогда» оказываются противопоставленными не только в плане выражаемых временных отношений. В них заключается квалификация действий как желаемых и не желаемых с точки зрения субъекта (волеизъявление + аксиологическая оценка и оценка интенсивности). Помимо того, форма «никогда не хотел» выражает предшествование, также как и сочетание «всегда» с прилагательными «смелого и болтливого». Следовательно, ментальное состояние героя дается в его связи с противопоставленными ему более ранними мнениями и убеждениями, между которыми нет ни формальной, ни содержательной границы. Кроме того, известно, что соединяясь с точкой зрения, видения ситуации персонажем читатель перестает воспринимать описываемые события как относящиеся к прошедшему. Более глубокий прошлый план в виде предшествующих обстоятельств, как указывалось выше, также оказывается слитым с этим «видением» соединенных персонажа и читателя. Прошлое продолжается в настоящем.

Семантика форм «сверхпрошлого» или плюсквамперфекта также может быть связана с одновременной реализацией модальных значений. В частности, презентация нереализованных ситуаций в русском и английском языках соотносится также с выражением значения нереализованного желания/намерения. Например, в рус. *«Ваня было уже решил ехать, но потом передумал»*. В.А. Плунгян проводит параллель между этой конструкцией и англ. прошедшим хабитуалисом с *used to*, а также сходными формами в идише, немецком, мордовском, литовском и шведском языках (подробнее см.: [Плунгян 2011: 359]). Семантика прекращенных и нереализованных действий и состояний связывает план прошлого с планом настоящего (или более позднего прошлого, воспринимаемого реципиентом как настоящее – см. пример выше), поскольку указание на невыполнение задуманного действия или прекращение его выполнения связывает два хронологически следующих друг за другом плана. Следует также отметить, что семантика хабитуалиса (прежде

всего, генетического – «*Lions raw*», «*Кошки мяукают*») связана с эпистемической модальностью, поскольку ситуация представляется как гипотетическая, не связанная с конкретным случаем. В излагаемом здесь представлении о понятийной основе модальности эпистемичность соотносится, прежде всего, с семантикой оценочности и выведением субъекта, интерпретирующего, преломляющего реальность в акте конструирования собственного высказывания, в доминантную позицию. Как указывалось выше, эпистемическая оценка всегда связана с установлением знака отношения внутри блока веры/знания и соответственно необходимости/возможности, что в итоге дает квалификацию события относительно его реальности/ирреальности.

Итак, можно сказать, что на примере переосмысления значений форм прошедшего времени прослеживается процесс восстановления отношений внутри модального устройства сознания. Отметим также взаимодействие значения волеизъявления с соответствующими типами оценки (аксиологической оценкой и оценкой интенсивности признака), а также с блоком необходимости/возможности на примере изменения семантики хабитуалиса. В результате влияния модальных значений и восстановления динамики модального устройства сознания происходит изменение в системе языковых значений, репрезентирующих закономерности преломления физического времени в сознании.

3.1.2. Модальный потенциал формы будущего времени

Форма будущего времени реализует сходный механизм накладывания модальных значений на систему языковой репрезентации времени. Связь модальности и будущего выступает наиболее ярко для языков, в которых есть противопоставление между формами реальных (т.е. не-будущих) и ирреальных (т.е. будущих) глагольных форм. Следовательно, семантика форм будущего включает в себя как обязательный компонент нефактивность, ирреальность, что дает возможность говорить о будущем не как о форме времени, а

как о форме наклонения, и, следовательно, включать формы будущего в систему средств экспликации модальности.

Более обоснованным является представление о статусе форм будущего времени как связанных с модальностью генетически. По мнению Дж. Байби, формы будущего развиваются из форм, выражающих долженствование. Причем такое развитие является постепенным – через формы выражающие желание и далее намерение. Соответственно, формы будущего являются не конечным этапом преобразования семантики глагольных форм модальности, так как следующей модификацией является использование преобразованных будущих форм в императиве, а также согласовательное употребление в придаточных (изъяснительных, цели, уступки) [Bybee et al. 1994: 240]. Последняя модификация значения форм будущего времени может подкрепляться мнением Ф.Р. Палмера, который отмечает особую связь между формами будущего и синтаксическим способом оформления придаточного. В частности, он указывает, что во многих языках (греческом, испанском, арабском и др.) придаточные времени и места оформляются с помощью сослагательного наклонения при условии, что речь в них идет о будущем, в противном случае используется индикатив [Palmer 1986: 218]. Следовательно, компонент ирреальности семантики будущего времени сохраняется даже при чисто согласовательном употреблении.

Таким образом, в указанном развитии семантики форм будущего времени восстанавливается динамика модального устройства сознания, поскольку значения волеизъявления и долженствования связываются, далее влияя на презентацию блока необходимости/возможности в его соотношении с блоком веры/знания. Разорванность звеньев устройства в случае восстановления последнего соотношения поддерживается включением оператора оценочности. Оценка актуализируется тогда, когда временные значения взаимодействуют с видовыми значениями. Примером может служить формы, выражающие намерение выполнить некоторое действие в будущем (проспектив).

В.А. Плунгян называет проспектив (to be going to в англ., aller+inf. во фр.) особой аспектуальной граммемой, т.е. при использовании указанных форм актуализируется не выражение временных отношений, а параметры внутренней динамики ситуации. При этом проспектив оказывается связанным с модальностью как случай выражения намерения, т.е. «снятого желания» (значение волеизъявления). Причем желание презентуется вместе со степенью вероятности его осуществления (эпистемическая оценка). Сходная корреляция имеет место в случае с использованием формы презенса для оформления событий, вероятных в будущем (ср. *Мы опаздываем* и *Мы опоздаем*), где также просматривается связь со степенью категоричности (о формах проспектива и футурумного презенса см.: [Плунгян 2011: 362]).

Итак, выражение степени категоричности (значения веры/знания) взаимодействует через указание меры вероятности события (эпистемическая оценка) с блоком значений необходимости/возможности. В данном случае оценочный оператор заключает в себе субъективное восприятие ситуации говорящим в её языковой репрезентации с помощью форм будущего времени. Дейктический центр говорящего «я – здесь – сейчас» может дополнительно актуализироваться в связи с использованием его субъективного восприятия в качестве «угла преломления» реальности. Последнее обуславливает использование форм футурумного презенса, а также их модификацию аспектуальными значениями.

По мнению большинства ученых, противопоставление прошедшего-непрошедшего является основным для индоевропейских языков [Чугунова 2009: 36]. В этом случае прошлое, все же, отделяется от настоящего, но настоящее не отделяется от будущего. Действительно, формы настоящего используются для обозначения будущих действий едва ли не чаще, чем формы собственно будущего времени, например, в русском и английском языках (ср. использование глаголов несовершенного вида в русском и форм Present Indefinite, Present Continuous и оборота to be going to в английском). Поскольку формы настоящего тесно связаны с формами будущего и еще более с

включением в конструирование временных координат аспектуальных значений, специально модальный потенциал формы настоящего времени рассматриваться не будет. В следующем параграфе речь пойдет о посреднической роли аспекта в процессе накладывания значений модального устройства сознания на систему временных ориентиров высказывания, прежде всего, на примере настоящего перфекта. Как говорилось выше, вид (аспект) коррелирует с временем через оценку как оператор модального устройства. Модальные и временные значения при этом оказываются тесно связанными друг с другом. Рассмотрим другие случаи влияния аспектуальных значений на указанное взаимодействие.

3.1.3. Роль категории аспекта при взаимном наложении модальных и временных значений

Следует отметить, что термин *вид* может использоваться в некоторых работах только применительно к славянской оппозиции совершенного/несовершенного вида, тогда как термин *аспект* отвечает за выражение более широкого понятийного содержания «внутренней динамики ситуации». Аспект связан, с одной стороны, с наложением «окна наблюдения» (термин В. Клейна [Klein 1994]) на тот или иной фрагмент ситуации, а с другой стороны, с изменением акциональной характеристики глагола (характеристика «процесс/состояние»). Аспектуальные значения ничего не сообщают о связи ситуации с точкой отсчета, но только о внутренней динамике самой ситуации в виде высвечивания отдельных её фрагментов, что позволяет описывать одну и ту же ситуацию по-разному. [Плунгян 2011: 377–380]. Субъективность (в плане выделения позиции субъекта в качестве определяющего фактора такого описания), следующая из семантики форм, образующих аспект, подразумевает связь с модальностью. Предполагается, что в связывании временных пластов настоящего, прошедшего и будущего аспект играет особую роль, так как непосредственно реализует координирующую функцию модальности относительно форм, выражающих время. Поскольку в настоящей работе рас-

сматриваются любые семантические противопоставления, связанные с реализацией модального механизма, термин «аспект» является предпочтительным. Однако при рассмотрении концепций из работ, где такое разделение не учитывается, будет использована терминология, принятая в цитируемой работе с соответствующими пояснениями.

На материале русского языка подтверждается тесная связь глагольных категорий вида (собственно вида – Е.И.) и времени. Например, в работе В.В. Мартынова отношение между оппозицией совершенного/несовершенного вида с одной стороны и прошедшего – настоящего – будущего с другой стороны представляется как поочередное перекрывание форм времени формами вида. С каждым временем неразрывно связаны видовые характеристики на основе противопоставления «зачинательного» и «завершательного» способа действия, так как в любом из трех временных пластов каждое действие, независимо от его длительности или мгновенности, будет иметь свое начало и свой конец [Мартынов 1982: 127–129].

На тесную связь категорий времени и вида (аспекта) указывал А.А. Шахматов. В одном ряду с настоящим, прошедшим и будущим он выделяет перфект. Причем, как и в случае древнегерманского результативного вида, перфект в русском рассматривается как особый языковой способ указания на сохранение результата прошедшего действия в настоящем. Следует заметить, что перфект в русском связан со страдательными причастиями прошедшего времени (в основном совершенного вида), которые, в отличие, например, от английских причастий, сохранили способность выражать время вне соотношения с личной глагольной формой, которая в случае русского перфекта вообще отсутствует в предложении: *письмо написано*. При этом перфект противопоставляется в первую очередь настоящему времени на основе отсутствия у последнего в русском языке способности выражать результат (для сравнения у прошедшего и будущего имеются как результативные, так и безрезультативные вариации) [Шахматов 2006:105–110].

На способность неличных форм глагола во французском языке самостоятельно выражать время указывал Ж. Гийом, который настаивал на необходимости включения неличных форм глагола в состав форм наклонения на основании того, что они также как и личные формы не лишены способности выражать временные отношения. Несмотря на то, что неличные глагольные формы не могут быть соотнесены ни с одним временным планом, они обладают внутренними временными характеристиками и участвуют в построении модели времени в языке [Guillaume 1929].

В отдельную группу выделяются случаи включения в семантику неличных форм модальных значений в английском языке, что также косвенно указывает на влияние аспектуальных значений на взаимодействие модальности и времени. Например, Р. Бхатт отмечает, что имплицитная модальность, т.е. модальность не выраженная лексически, связывается с большим количеством синтаксических построений, которые уже исходя из семантики конструкции модальны. Такими конструкциями могут быть инфинитивные комплексы (инфинитив с зависимыми словами) в функции дополнения, определения, обстоятельства цели (подробнее см: [Bhatt 2006]).

Интересно, что исторически необходимость выражения аспектуальных характеристик всегда преобладала над возможностью выражения времени. Касательно исконных индоевропейских глагольных основ А. Мейе отмечал их неспособность выражать собственно время. Так, греческая основа настоящего времени соотносится с развивающимся действием, основа аориста – с действием как фактом реальности, основа перфекта – действием в его завершенности. Таким образом, в индоевропейском глаголе время выражается через аспектуальные и модальные характеристики [Мейе 1938: 212–213]. Это объясняется тем, что исконно для индоевропейского языка более существенными были характеристики действий не временного, а аспектуального порядка. Причем указанная особенность получила непосредственное выражение в семантике глагольных единиц. Имеется в виду наличие глаголов длительных, мгновенных, начинательных, результативных, имевшихся в сан-

скрите и древнегреческом. Подобным образом, в семитских языках выражение характера протекания действия также стоит над необходимостью выражения временных отношений [Вандриес 2001: 99].

Связь аспекта и модальности прослеживается не только в форме сказуемого. Вторичные аспектуальные значения (связанные с переходом глагола из одного акционального класса в другой), как указывает В.А. Плунгян, также зачастую модализированы, поскольку в них четко определяется оценочный компонент [Плунгян 2011: 376]. Об оценочной обусловленности влияния аспектуальных значений на процесс накладывания системы модальных значений на значения времени говорилось выше.

При накладывании видовых значений на формы глагольного времени возможна модализация последних. Так, глаголы несовершенного вида в русском имеют специфические формы будущего времени (сочетания типа *буду+инфинитив*). Однако формы типа *иду, бежу* (образование будущего по типу глаголов совершенного вида) стоят особняком по причине отсутствия в этих формах коннотации результативности: указанные формы выражают лишь готовность выполнить действие. Таким образом, глагольная временная форма включает в себя возможность выразить модальное значение волеизъявления благодаря модификации соотношения формы и соответствующего ей видового значения. То же можно сказать о том, что глаголы совершенного вида в сочетании с отрицанием в повелительном наклонении приобретают оттенок предостережения: *не упади, не споткнись* (= не хочу, чтобы ты упал, споткнулся) [Шахматов 2006: 86–90]. Приводимые А.А. Шахматовым факты указывают на то, что общее значение формы в языке можно определить только путем анализа наложения и взаимной модификации значений вида, времени и модальности.

Компонент эпистемической оценки зачастую оказывается определяющим при взаимодействии модальных и временных значений. В этой связи необходимо заметить, что наложение некоторых неосновных аспектуальных значений на формы времени имеет свои ограничения. Так, употребление

многократного подвида несовершенного вида (хабитуалис) ограничено формой прошедшего времени: *хаживал* [Там же: 90]. В.А. Плунгян различает итеративный хабитуалис (постоянно повторяющееся действие как в примере А.А. Шахматова) и генетический хабитуалис (способность выполнять действие) типа: *Кошки мяукают* (ср.: *Some lions are dangerous* у Ф.Р. Палмера как немаркированная форма эпистемической модальности). При этом отмечается, что эпистемическая модальность является неотъемлемым компонентом хабитуальной семантики, поскольку речь идет не о реальном положении дел, а о гипотетическом суждении. В работе также отмечается возможность «хабитуально-футуральной полисемии», когда генетический хабитуалис передается формами будущего: *он любую загадку отгадает* [Плунгян 2011: 400]. Развитие форм будущего из форм хабитуалиса на материале некоторых языков может быть объяснено через участие в этом процессе модального значения возможности в качестве переходного звена [Татевосов 2004].

Таким образом, эпистемическая оценка некоторого события формируется при взаимодействии блока веры/знания, в котором знак между значениями определяет степень категоричности, и блока необходимости/возможности, в котором установившиеся отношения первого блока воспроизводятся, образуя квалификацию события как реального/ирреального. Тип оценки (эпистемическая) определяется направлением оператора оценочности именно на два указанных блока модального устройства с целью восстановления прямой (а не косвенной – через другие значения) связи между ними. Помимо того, разделение форм по времени уже не является собственно временным противопоставлением, сколько аспектуальным и модальным.

Связь модальности с формами времени через реализацию аспектуальных значений подтверждается исследованиями системы временных форм французского глагола у Э. Бенвениста. По мнению ученого, сложные формы (*parfait de present, d'imparfait, d'aorist, de futur*), соотносимые с соответствующими простыми формами в синтагматике (на примере сложных предложений с придаточными времени), одновременно им противопоставлены в двух

планах высказывания – историческом плане и плане речи (подробнее см: [Бенвенист 2002: 270–284]). Не вдаваясь в оспаривание возможности такого членения сферы употребления языка, нельзя не выделить свойство субъективности перфекта и возможность его отнесения к широкому спектру модальных средств организации высказывания. Действительно, по сравнению с формой аориста – *passé défini* (*il fit*), которая представляет событие как факт в прошлом, не имеющий связи с настоящим, форма настоящего перфекта (*il a fait*) подчеркивает эту связь, соединяя прошедшее событие с субъектом речи, находящимся в настоящем. Это подчеркивание субъективности с помощью глагольной формы имеет огромный смысловой потенциал. Так, Э. Бенвенист указывает на закреплённость форм аориста, причем только третьего лица единственного и множественного числа, за «объективным» историческим повествованием. Однако он также упоминает роман Альбера Камю «Посторонний» (*L'Étranger*), в котором повествование о прошедших событиях ведется преимущественно в формах перфекта, что делает это произведение, по мнению Э. Бенвениста, попыткой выставить напоказ собственное «я», свое субъективное восприятие каждой из описываемых ситуаций [Бенвенист 2002: 278].

Необходимо заметить, что современник Камю Жан-Поль Сартр трактовал потенциал перфекта у Камю в ином разрезе. Философ Сартр указывает, что каждое действие, оформленное перфектом, изолировано от всех других, обособлено, самодостаточно. Такой способ построения повествования в виде «отдельных островков» является выражением представления Камю о дискретности времени, внутренней замкнутости каждого момента, из множества которых состоит вся ткань времени [Сартр 1999].

Рассмотрим наиболее часто цитируемый отрывок из романа:

«Ce matin, Marie est restée et je lui ai dit que nous déjeunerions ensemble. Je suis descendu pour acheter de la viande. En remontant, j'ai entendu une voix de femme dans la chambre de Raymond. Un peu après le vieux Salamano a grondé son chien, nous avons entendu un bruit de semelles et de griffes sur les marches en

bois de l'escalier et puis: "Salaud, charogne", ils sortis dans la rue. J'ai raconté à Marie l'histoire du vieux et elle a ri. Elle avait un de mes pyjamas dont elle avait retroussé les manches. Quand elle a ri, j'ai eu encore envie d'elle. Un moment après, elle m'a demandé si je l'aimais. Je lui répondu que cela ne voulait rien dire, mais qu'il me semblait que non. Elle a eu l'air triste. Mais en préparant le déjeuner, et à propos de rien, elle a encore ri de telle façon que je l'embrassée. C'est à ce moment que les bruits d'une dispute ont éclaté chez Raymond» (A. Camus "L'Etranger").

Наряду с привычными для повествования, по мнению Э. Бенвениста, формами простого прошедшего, плюсквамперфекта и проспектива (у Э. Бенвениста проспектив трактуется как субститут будущего времени для объективного повествования о прошедших событиях) в 10 предложениях абзаца 17 раз употребляется форма настоящего перфекта. Существенно, также, что рассказ ведется от первого лица, что указывает на стремление автора соединить себя со своим героем, выдавая свои мысли за убеждения персонажа или, возможно, наоборот. Камю сочувствует своему герою, и то, как поступает последний в предложенных обстоятельствах можно считать желаемым способом поведения и для автора. Действительно у Альбера Камю и Мерсо устройство человеческого бытия не вызывало восторга. Но Камю никого не убивал, а Мерсо убил, да ещё и не за что, поддавшись сиюминутному импульсу. Поступок осуждаемый, но для Камю его оценка не столь однозначна, поскольку сам он не может предложить альтернативы социальному бунту своего героя. Используя формы настоящего перфекта автор связывает прошедшие события жизни Мерсо со своими переживаниями на момент написания романа. Восстанавливается временная и личностная ситуация мыследействия автора. Подобным же образом с событиями в жизни героя и переживаниями автора может быть связан дейктический центр читателя, восстанавливающего смысловую структуру текста. Используемые формы настоящего перфекта модальны, поскольку служат переустройству мира в рамках текста романа. Здесь следует еще раз подчеркнуть, что в глобальном смысле

связанными оказываются временные пласты настоящего и прошедшего, граница между которыми стирается.

Перфектная форма связывает не только настоящее и прошедшее. Она может интегрировать все три временных плана. Так, в предложении «*I will allow you to go for a walk only after you've cleaned up the mess*» связанная форма перфекта помещена в план будущего, соединяя его с настоящим и, косвенно, с прошедшим, так как основное значение формы Present Perfect – завершенность действия в прошлом и его связь с ситуацией в настоящем. Хотя, несомненно, можно утверждать, что здесь дело не в связи с планом прошедшего, а в завершенности как аспектуальной характеристике, общая семантика формы остается необходимым фоном и должна учитываться при анализе взаимодействия систем аспектуальных, временных и модальных значений.

Интересным является исследование соотношения перфектной и имперфектной форм в диахроническом аспекте. Так, В.А. Плунгян характеризует перфект как «ослабленный результатив», поскольку в большинстве языков форма перфекта развивается в сторону семантики любого «последствия» заданного действия, которое сохраняется в настоящий момент. При этом эволюция семантики перфекта в большинстве случаев подразумевает поглощение перфектом форм аориста и нерезультативного претерита и образование так называемого «расширенного перфекта», который может сохранять или утрачивать в конкретной языковой системе значение результативности. Изменения на этом не заканчиваются, так как в случае утраты семантики результата вслед за этим образуется и новый перфект. Важно, что такие циклы развития перфекта повторяются [Плунгян 2011: 389, 391]. Таким образом, формы перфекта и обобщенного имперфекта оказываются одновременно объединенными и противопоставленными.

В синхроническом аспекте указанное соотношение также проявляет связь с модальностью. Рассматривая семантику английского выражения *to be able to*, Р. Бхатт говорит об «исчезновении модальности» в том случае, если в данном контексте возможна замена *be able to* на *manage*: *John was able to eat*

five apples in an hour. = *John managed to eat five apples in an hour.* По мнению Р. Бхатта, объяснением такого сходства семантики глагольных единиц является влияние контекстуально обусловленной аспектуальной интерпретации ситуации. При перфектной интерпретации: *John was able to eat five apples in an hour and he did it* модальная часть сказуемого уже не выражает способность, т.е. становится безмодальной, поскольку происходит лишь сообщение факта. При имперфектной интерпретации *John was able to eat five apples in an hour but he didn't do it* сохраняется семантика *общей способности* (generic ability). Данное различие в реализации семантики выражения *to be able to* Р. Бхатт связывает с обязательным присутствием конвенциональной импликации о том, что субъект приложил минимум необходимых усилий для производства действия. В случае же имперфектной интерпретации основной движущей силой является оператор обобщения (generic operator), заключенный в семантике имперфекта, и, зачастую, связанный с выражением *склонности*, что, по всей видимости, говорит о его модальной природе. Для иллюстрации последнего положения автор приводит пример ассерторического суждения, в котором нет лексем или иных средств, связываемых с модальностью: *John drinks beer.* Данное предложение можно в зависимости от контекста интерпретировать как свойственное Джону, привычное поведение, или как расположенность Джона выпить пива, так как обычно он его пьет (ср.: генетический хабитуалис по В.А. Плунгяну также связываемый со значением волеизъявления – склонности). В последнем случае не требуется обязательного выполнения требования истинности пропозиции, т.е. речь идет о нефактивном суждении, что также поддерживает модальную трактовку [Bhatt 2006: 159–173].

С точки зрения Дж. Байби, наоборот, перфектные формы являются модализированными. Успешное завершение действия (аспектуальные граммы предшествования и результативности) часто подразумевает реализацию в данном контексте значения *умения*, так как на это указывают исходные для

образования соответствующих модальных форм лексические показатели во многих языках – «добираться до места», «получать» [Bybee et al. 1994: 191].

Таким образом, представление о модализированности противопоставления перфект/имперфект могло меняться: с модальностью связывался то перфект, то имперфект. Важным также является факт исторического взаимодействия формы перфекта и имперфекта, которые имеют возможность взаимной трансформации, переосмысления значения. Кроме того, актуализация конкретного аспектуального параметра: результативности/безрезультативности, завершенности/незавершенности, предшествования/следования, многократности/однократности связаны более не с семантикой самой формы, а с контекстом её употребления. Указанные языковые закономерности могут реализовываться и на уровне текста. Точнее сказать, именно взаимодействие перфектных и имперфектных форм в тексте, которое имело под собой то или иное смысловое основание, привело к фиксации возможности взаимной трансформации соответствующих форм в языковой системе на уровне значений.

Приводимая ниже таблица представляет собой обобщение рассмотренных случаев взаимодействия компонентов модального устройства с временными и аспектуальными значениями:

<i>формы времени</i>	<i>временные и аспектуальные значения</i>	<i>модальные значения</i>
<i>настоящее</i>		
Генетический ха- битуалис	настоящее + многократность	необходимость/возможность ←вера/знание
Перфект	настоящее + прошедшее + результативность (завершенность)	необходимость/возможность ←вера/знание, способность/умение
Имперфект	настоящее + безрезультативность (не- завершенность)	способность/умение, волеизъявление
<i>прошедшее</i>		
простая форма	прошедшее + завершенность/незавершенность	необходимость/возможность ←вера/знание,

		волеизъявление
плюсквамперфект	прошедшее +предшествование	волеизъявление
Итеративный ха- битуалис	прошедшее + многократность	необходимость/возможность ←вера/знание
<i>будущее</i>		
Проспектив	будущее + безрезультативность	волеизъявление
футурумный пре- зенс	будущее + безрезультативность	необходимость/возможность ←вера/знание
Генетический ха- битуалис	будущее + многократность	необходимость/возможность ←вера/знание

Необходимым пояснением будет ссылка на указание только наиболее существенных аспектуальных характеристик в плане осуществления взаимодействия данного временного значения с соответствующим значением модального устройства. Поскольку накладывание аспектуальных значений на значения временные является необходимым условием взаимодействия систем временных и модальных значений, при рассмотрении роли модальности в организации системы временных координат в тексте мы будем пользоваться термином «аспектуально-временные значения». Следует также подчеркнуть, что взаимодействие временных и аспектуальных значений под влиянием модальности соединяет всю ткань языкового времени, отводя на второй план формальное деление времени в языке на настоящее, прошедшее и будущее.

3.1.4. Соотношение модальных и аспектуально-временных значений через призму наклонения

В заключение п. 3.1, необходимо коротко остановиться на отношениях времени и наклонения. Сама идея выражения времени включается в понятийную основу наклонения. Если рассматривать время как некую субстанцию [Лакофф, Джонсон 2004: 70], то реальность и время оказываются неразделимы. Именно поэтому временные формы слиты с формами изъявительного наклонения [Храковский, Володин 1986: 64]. Тогда как повелительное

наклонение вообще лишено возможности выражать временные отношения, а только указание на волеизъявление, т.е. деонтическую модальность [Плунгян 2011: 72].

Сослагательное наклонение, хотя и имеет формы времени, противопоставлено реальности и, следовательно, связано с выражением времени лишь косвенно. В отношении интенции говорящего (в прагматическом понимании этого термина – Е.И.) при использовании сослагательного наклонения можно сказать, что форма наклонения указывает на существование некоторого возможного мира, где сообщаемое имеет место быть. Однако говорящий не утверждает, что ситуация, о которой идет речь, также истинна (была или будет истинна) и в актуальном мире [Depraetere, Reed 2006: 270]._

Известно, что наклонения «делятся» формами друг с другом. При этом отдельные формы оказываются более склонными к такому совместному использованию. Например, в английском языке формы прошедшего времени регулярно используются для выражения содержания кондиционалиса (об этом см.: [Steele 1975: 209]). Однако, использование модальных глаголов в придаточных предложениях (субъюнктив) зачастую свидетельствует об их полной десемантизации. Возникновение и использование таких форм связано с завершающим этапом грамматикализации и дальнейшее развитие может привести только к исчезновению таких форм. Значение формы глагола, используемой в придаточном предложении, скорее говорит о том, что пропозиция не утверждается, даже если она и является истинной. Наиболее ярким примером такого переосмысления семантики формы является использование сослагательного наклонения в уступительных и изъяснительных придаточных, а также придаточных цели в английском языке [Bybee et al. 1994: 213–214, 239–240].

Как указывалось выше, будущее время может объявляться наклонением само по себе, поскольку формы будущего времени выражают возможность, вероятность, ожидание и т.п. [Курилович 2000: 143].

Подводя итоги, необходимо упомянуть, что под наклоном А.А. Шахматов понимал репрезентацию с помощью морфологических, синтаксических, фонетических средств «чувства связи между субъектом и предикатом». Субъект и предикат определенным образом представлены в опыте говорящего и имеют собственные корреляты во внеязыковой действительности, тогда как осознание их связанности является продуктом мыслительной деятельности самого человека как интерпретатора языковых знаков. Таким образом, наклонение принадлежит лишь системе языка, т.е. продукту человеческой деятельности осмысления и упорядочивания отношений реального мира [Шахматов 2006: 98]. Поэтому связь со временем, как реалией действительности, так неоднозначна для наклонения. В тексте противопоставление реальности/ирреальности выражается не столько на основе наклонения, которое обозначает такие отношения в рамках предикативной единицы. Установление того или иного режима, как будет показано ниже, связано с взаимодействием модальных и аспектуально-временных значений в рамках опредмечивания узловых смыслов-модализаций в модальной партитуре текста, а также с последующей нисходящей категоризацией таких смыслов и их преобразования в модальные значения.

3.2. Возможности модальной организации системы временных координат в тексте

Необходимо исследовать время не только как параметр человеческого бытия или понятийное поле, но и оценить возможности организации временного пространства в тексте, где грамматические конструкции, наполняясь конкретным лексическим материалом, объединяются с целью опредмечивания смысла. При этом необходимо выявить организующие модальные компоненты, если таковые имеются, и определить их роль в формировании системы временных ориентиров текста как в содержательном, так и в смысловом аспектах.

Время в тексте существенно отличается от времени физического, а также от набора временных значений и соответствующих им форм в языке, который упорядочивает реальностное время, пользуясь собственными специфическими механизмами. В.П. Руднев говорит о разнонаправленности (противоположности) физического и семиотического (текстового) времени на основе выделения двух противоположных друг другу параметров «энтропии» и «информативности». Естественным следствием бытия в мире является увеличение энтропии, тексты же способны преодолевать энтропийность бытия путем упорядочивания и накопления информации. [Руднев 1996: 12].

На наш взгляд, необходимым условием реализации указанных возможностей является изначальная установка на изменение, искажение реальности в тексте. Временной параметр как одна из наиболее важных координат реальностного мира подвергается искажению практически без ограничений. Средства языковой системы являются одновременно средствами-способами изменения свойств реального времени при формировании системы временных ориентиров в тексте. Таким образом, в тексте создается своя собственная уникальная система временных координат (см. об этом: [Флоренский 1993, Рябцева, 1997: 94, Гузь 2003 и др.]).

Искажение времени в тексте, все же, следует определенным устоявшимся правилам. Так, время в человеческом сознании можно определить как систему представлений, характерную для носителей данной культуры и данного языка. Язык как универсальный инструмент мышления во многом детерминирует презентацию времени сознанию. В настоящей работе учитываются лишь особенности репрезентации времени в сознании, в её обусловленности влиянием языка. Причем за основу берутся межъязыковые универсалии такой репрезентации. А именно, в качестве базы для языковой модификации представлений о времени берется соотношение параметров непрерывность/дискретность. Соответственно планы настоящего, прошедшего и будущего могут быть представлены либо как разделенные, дискретные, либо как разом данные и время воспринимается как непрерывная субстанция. В

первом случае, основные временные значения настоящего, прошедшего и будущего могут дополняться аспектуальными значениями (предшествования, результативности, повторяемости, длительности и т.п.). Во втором случае, субстанциональное единство времени выражается в различной фокусной аранжировке (ретроспекция, проспекция, синхронность; сгущение, растягивание и т.п.) событий, составляющих саму ткань времени. При этом первый режим репрезентации времени стремится к слиянию со вторым, поскольку, как указывалось в предыдущем параграфе, взаимодействие временных и аспектуальных значений под влиянием модальности соединяет всю ткань времени в языке и тексте.

Преобладание текстового режима репрезентации единства времени имеет онтологические основания. Естественно, что автор, живущий в реальном мире, в большинстве случаев желает отобразить свойства реального человеческого времени, чтобы его произведение было понятным для читателя. Ю.С. Степанов говорит об одновременной линейности, цикличности и разом данности как об основных параметрах характеристики реального времени [Степанов 2001: 124]. С нашей точки зрения, особенно интересным представляется последний параметр, так как в нем отражена возможность единства восприятия прошлого, настоящего и будущего, которые в тексте зачастую бывают одновременно актуализированы.

Следует упомянуть, что связь параметров дискретности или единства и событийной репрезентации времени может быть переосмыслена. Так, С.М. Полянский отмечает, что таксисные отношения заключают в себе один из двух основополагающих аспектов человеческого восприятия времени. Имеется в виду представление о времени как о системе взаимоотношений конкретных дискретных явлений (событий, фактов). Вторым, вернее, первым аспектом времявосприятия является абстрактно-обобщенное представление о времени как о бесконечной, недискретной субстанции [Полянский 2004]. Таким образом, событийная репрезентация трактуется как дискретная. В рамках настоящей работы принимается иная позиция относительно наложения рас-

смаатриваемых параметров на текстовое время. Событийная репрезентация противопоставляется трехплановой модификации системы временных ориентиров. Тогда параметр дискретности соотносится с разделением времени на настоящее, прошедшее и будущее, а связывание этих планов на основе модальности аспектуально-временных значений – с единым представлением о времени как состоящим и чреды событий, определенным образом соотносимых друг с другом.

Интересно, что указанному делению времени в тексте соответствует представление о времени художественного текста в двух ипостасях – объективной, когда временная организация в тексте передает неразделимость и необратимость течения времени; и субъективной, представляющей время в его дискретности. Указанные способы существования времени в тексте не разделены, а могут различным образом взаимодействовать [Бабенко 2004: 192–203]. В основе такого разбиения лежит противопоставленность личных форм глагола по числу: 3-е лицо для объективного времени, 1-е лицо для субъективного времени [Папина 2002: 168–197]. Но субъективность интерпретации событий присутствует в тексте всегда, безотносительно к тому ведется ли оно от первого лица или нет, так как это видение отдельного субъекта – автора текста. Не говоря уже о том, что различия грамматических глагольных форм по числу актуально не для всех языков.

Указанное разделение времени на объективное и субъективное соотносится со следующей возможной вариацией такой трактовки способов устройства временного пространства. Так, время в тексте может быть организовано как реальное (передающее основные временные закономерности действительности) и ирреальное (противоречащее таким закономерностям). При этом также как и в случае соотношения объективного и субъективного времени ирреальное время может взаимодействовать с временем реальным [Папина 2002: 199]. С одной стороны текст стремится передать реальное время в виде луча, направленного из прошлого, через настоящее, в будущее. С другой стороны, писатель может «растягивать» и «сжимать» события во времени

с целью их выделения или, наоборот, отодвижения на второй план, может менять естественный ход событий, возвращаясь к описанию прошлых происшествий или забегаая в будущее. Таким образом, создание особой системы временных координат в тексте, с одной стороны, отвечает требованиям непротиворечия реальности, с другой стороны, наоборот, предполагает построение совершенно особой, отличной от реальности системы, которая наиболее четко бы отвечала желаниям автора, воплощая его субъективное видение рассматриваемых событий и идей.

Последнее указывает на условность членения времени на настоящее, прошедшее и будущее и непосредственной связи языкового осознания этого факта с системой модальных значений, которые воздействуют на временные значения через значения аспектуальные. В упомянутой выше работе Эмиля Бенвениста все глагольные временные формы разделены на два класса: объективные «исторические» формы (аорист, имперфект, плюсквамперфект, проспектив (как субститут будущего времени для объективного повествования о прошедших событиях) и субъективные «речевые» формы во главе с перфектом настоящего времени [Бенвенист 2002: 270–284].

Совпадает с указанным формальным разбиением классификация Г. Вайнриха, который указывал на различие между организацией времени в ситуации реального общения и при отсроченной письменной коммуникации, выделяя соответственно два типа времени – время дискуссии (*besprochene Welt*) и время рассказа (*erzählte Welt*). Грамматические временные формы он последовательно разделял между этими двумя типам: презенс, футурум и перфект рассматривались как формы существования в тексте времени дискуссии, а претерит, плюсквамперфект, кондиционалис I – времени рассказа [Weinrich 1977: 14].

Эти и все подобные разбиения временных форм соотносятся с делением модальности на объективную и субъективную. Хотя, как указывалось выше, правомерность такого разграничения вызывает сомнения, все же, следует заметить, что деление языковых форм с доминантой объективности или

субъективности отображает общечеловеческое желание группировки наиболее важных явлений собственной жизни в языке с двух основных позиций: либо как относящиеся к человеку и его бытию, либо как отделенные от человека, автономные (см. также: [Колшанский 1975]).

Нужно также подчеркнуть, что в указанном разделении временных форм модальность, прежде всего, приписывается речевым, субъективным формам (Ср.: использование *parfait de futur* как случай инкорпорирования модальности в диктум; подробнее см.: [Балли 1955: 220]). Показательно, что для построения и временной (у Э. Бенвениста и Г. Вайнриха), и модальной иерархии форм был избран один и тот же принцип. Как указывалось выше, что само ощущение времени у человека связано с противопоставлением реального и ирреального, фактического и мыслимого, объективного и субъективного. Модальность понятийно связана временем, что подтверждается и происхождением модальных форм в английском языке, и использованием сложных аспектуально-временных модализированных форм для поддержания единства времени.

Итак, стирание границ между временными пластами иллюстрирует ориентированность форм времени на выражение, прежде всего, отношений реальности/ирреальности. Некоторые исследователи, например, считают, что форма прошедшего времени в повествовании, по сути, никогда не ассоциируется с прошлыми событиями, поскольку при чтении текста реципиент воспринимает все как происходящее здесь и сейчас, прямо на его глазах. При этом при смене временных планов и употреблении настоящего времени происходит перенос сознания читателя из одной реальности в другую. Противопоставление времен при этом понимается не как чередование срезов материи времени, а как противопоставление реальности (плана авторской речи, например) и ирреальности (плана описываемых событий), но не более того [Hamburger 1956: 23]. Таким образом, ориентация языкового времени на отображение связи событий с реальностью формируется в тексте под воздействием механизма значимого взаимодействия временных, аспектуальных и

модальных значений. Выступающее в качестве самостоятельного средства текстопостроения и, следовательно, опредмечивания смысла, такое взаимодействие связывается с опредмечиванием узловых смыслов-модализаций модальной партитуры.

Особенно важно представление о времени как о чередности событий, когда оно отмеривается не часами, днями, годами, а теми действиями и процессами, которые их заполняли. Как указывалось выше, доминанта событийности времени предопределяет его субстанциональное единство, что соответствует второму из взаимодействующих режимов организации системы временных ориентиров в тексте (непрерывности). Аналогичная интерпретация существует для пространства, которое, как известно, онтологически связано с понятием времени. Ср.: «Пространство есть сосуществование материальных объектов» [Канке 2005: 241]. Или: «...пространство не является простымместищем объектов, а скорее наоборот – конституируется ими и в этом смысле оно вторично по отношению к объектам» [Яковлева 1994: 20–21]. Или: «то, что мы называем пространством, есть особая форма, особый прием – причем, весьма искусственный – изображения процессов или движений» [Щедровицкий 2005: 130].

Телеологическое соединение времени в тексте с изображением событий, действий, процессов, т.е. бытия материальных объектов, отражено в разделении времени у В.В. Виноградова на сюжетное и несюжетное. Напомним, что с первым связаны формы, обеспечивающие динамику повествования: прошедшее перфектное, будущее простое и начинательное, настоящее время в значении будущего намеченного (футурумный презенс), настоящее историческое со значением результативности (формой выражения являются фазовые сказуемые), а также «аналитическая форма сюжетного времени», представляемая составным именным и модальным сказуемыми со значением завершенности [Виноградов 1980: 228–229]. По мнению А.Ф. Папиной, сюжетное время и его формы связаны с качественной и количественной оценкой событий, что обеспечивается соединением временных и видовых характери-

стик формы [Папина 2002: 174]. Оценочный компонент в рамках настоящей работы имеет особое значение, поскольку указывает на связь аспектуально-временных значений и реализации модального механизма консолидации текста как на уровне содержания, так и на уровне смысла.

Несюжетное время, помимо указания границ сюжетных действий (например, имперфект у Пушкина), связывается со статичностью, цикличностью описываемых ситуаций. Это формы давнопрошедшего многократного времени (итеративный хабитуалис по В.А. Плуногяну), настоящего актуального (совпадающего с моментом речи) и неактуального (шире границ момента речи), к которому относится безрезультативное настоящее историческое, образуемое глаголами несовершенного вида, сложного будущего также несовершенного вида, форма составного именного сказуемого с опущенной связкой, передающей отсутствие результата [Виноградов 1980: 232].

Как следует из перечня форм как сюжетной, так и несюжетной разновидности текстового времени, элементы оппозиции противопоставляются на основе аспектуально-видовых характеристик. Взаимодействие форм сюжетного и несюжетного времени в модализированно-оценочном переосмыслении такого взаимодействия может также выступать в качестве средства организации взаимодействия между уровнями содержания и смысла в рамках модальной партитуры распределения смыслов текста.

Ход изображаемых событий является, с нашей точки зрения, наиболее значимым фактором, определяющим основные характеристики созданной автором системы временных ориентиров. В этом случае в фокусе оказываются не собственно временные отношения, а преломления свойств времени под влиянием таксисной организации взаимодействия описываемых событий, составляющих основу плана содержания. В терминологии деления текстового времени на сюжетное и несюжетное в фокусе внимания оказываются оба плана организации времени в тексте, поскольку рассматриваются как сами события, так и связи между ними.

Понятийное поле таксиса онтологически связано с категорией времени, которая может рассматриваться как подчиненная таксису, входящая в него. В основном, имеются в виду аспектуальные граммемы одновременности и предшествования, которые могут в некоторых языках входить в функционально-семантическое поле таксиса, наряду с возможностями выражения отношений прерванности, главного и сопутствующего события, причинно-следственных, уступительных и иных значений [БЭС 1997: 503–504]. Таксисные отношения также могут рассматриваться в качестве средства, обеспечивающего смысло-прагматическую связность текста (его когерентность). [Москальская 1981: 65–67]. В контексте настоящей работы потенциал таксисных форм учитывается только в аспекте установления их отношения к плану содержания, не смысла. Однако, поскольку уровни содержания и смысла в свою очередь тесно связаны, событийно-таксисная организация плана содержания может изучаться при учете её смыслоопредмечивающего потенциала. При этом основным управляющим фактором в процессе таксисного устройства содержания будет взаимодействие модальных и аспектуально-временных значений, и перевыражение указанной корреляции на уровне смысла.

Рассматриваемое соотношение было достаточно просто описано в терминах теории «точки зрения» Б.А. Успенского, который в качестве основного параметра описания указанного взаимодействия использовал фиксацию авторской позиции, авторской «точки зрения» в тексте. Временная фиксация «точки зрения» в тексте, согласно этой концепции, может проводиться в трех аспектах: она может быть синхронной, т.е. совпадать с точкой зрения некоторого персонажа (автор не знает, что случится в будущем, как и его персонаж); ретроспективной, когда автор смотрит на действия персонажа из будущего, зная к чему приведут поступки последнего; проспективной, когда автор (в автобиографии) оценивает свое настоящее состояние и мироощущение через призму описываемых прошедших событий своей жизни (как в «Житии протопопа Аввакума»). Важно, что во всех трех аспектах презентации автор-

ской фиксации временных отношений имеет место выражение плана идеологии (этот план включает в себя различные аксиологические оценки, образующие ценностную основу текста – Е.И.) через временную позицию повествователя [Успенский 2000: 118–121]. Таким образом, оценочный оператор, как компонент особого статуса в рамках модального устройства, оказывает определяющее влияние на событийно-таксисную организацию системы временных координат текста.

Существенно также, что в рассмотренных выше концепциях организации времени в художественном тексте принимается как данное то, что временные координаты устанавливаются автором исходя из намерения осуществить свой замысел. Взаимозависимость «рефлексивная интенция автора плюс рефлексивная интенция читателя» как две обязательные стороны создания-освоения мира смыслов текста остается в тени. Термин рефлексивная интенция в данном случае выражает противопоставление интенции дискурсивной, т.е. реализации собственных намерений в коммуникации (об этом уже говорилось в первой главе работы). Напомним, что под интенцией (интенциональностью) мы понимаем обращение рефлексии на определенные области наличного опыта при распрямлении свернутых с помощью текстовых средств смыслов [Богин 2001: 40].

Текст – это «всегда высказывание, помещаемое в деятельности его понимания читателем в ситуацию собственного бытия и несущее в себе ситуацию мыследействования автора» [Там же]. При таком свертывании-развертывании временных компонентов этой ситуации её составляют а) созданные автором временные ориентиры в тексте в виде особой структурной организации взаимодействия двух основных режимов – дискретности и единства; б) то, как читатель воспринимает время в тексте. Последнее предполагает, что система временных координат, заданная автором, в идеале должна адекватно воспроизводиться читателем в процессе рефлексии над текстом. Помимо того, необходимо подчеркнуть, что указанная система является основой плана содержания.

В ходе построения модели времени в конкретном тексте взаимодополняющими оказываются оба рассмотренных выше режима, поскольку дискретно ориентируемое соотношение временных пластов настоящего, прошедшего и будущего определяется при учете воздействия объединяющей силы второго режима – недискретно ориентируемой событийно-таксисной организации. Взаимодействие этих двух режимов определяет то, как представлена система временных ориентиров в конкретном тексте.

Объединение двух режимов происходит при участии модальности. Модальные, аспектуальные и временные значения взаимодействуют. Чем активнее это взаимодействие, тем больше возможностей влияния содержания на смысл. Таким образом, план содержания является направляющим для плана смыслов, при возможности взаимного влияния обоих планов.

Смыслы-модализации, консолидирующие внутреннюю структуру модальной партитуры распределения смыслов текста, в языковой системе «отзываются» в виде системы модальных значений, образующих модальное устройство сознания. Указанное устройство включает в себя четыре оппозитивных пары: необходимости/возможности; волеизъявления/долженствования; способности/умения, веры/знания. Данные значения не исчерпывают полностью всех возможных смысловых конфигураций, которые могут быть созданы в тексте благодаря организующей силе модальности. Они лишь являются продуктами упорядочивания наиболее частотных смыслов-модализаций. Однако эта упрощенная систематизированная конфигурация модальных значений может быть использована в ходе анализа особенностей модальной организации системы временных координат текста, а также участия указанной системы в опредмечивании самих смыслов-модализаций, что дополнительно обеспечивает связывание планов содержания и смысла в тексте.

Как указывалось выше, модальные значения в составе плана содержания взаимодействуют с аспектуально-временными значениями. Такое взаимодействие в качестве самостоятельного средства текстопостроения способ-

но опредмечивать узловые смыслы-модализации в составе смысловой партитуры текста. При этом отношения внутри единства смысл-средство являются двухсторонними, и взаимодействие между смыслами-модализациями организует систему временных координат текста, т.е. не только содержание влияет на смысл, но и смысл влияет на содержание. В ходе такой организации может преобладать один из таких смысловых координаторов или ведущие позиции могут занимать сразу несколько смыслов-модализаций. Рассмотрим пример взаимодействия смыслов-модализаций, в опредмечивании которых участвуют аспектуально-временные значения, модифицируемые значениями модальными. Такими значениями в приводимом далее отрывке будут значения волеизъявления и долженствования. Благодаря взаимодействию соответствующих смыслов-модализаций при нисходящей категоризации также восстанавливаются связи между этими значениями в рамках модального устройства сознания:

«Гм ... а ты позабыл? Отечество? Колыбель? Прах отцов? Алтари? А воинская честь и дисциплина? Кто будет защищать твою родину, если в нее вторгнутся иноземные враги?... Да, но я умру, и не будет больше ни родины, ни врагов, ни чести. Они живут, пока живет мое сознание. Но исчезни родина и честь, и мундир, все великие слова, – мое Я останется неприкосновенным. Стало быть, все-таки мое Я важнее всех этих понятий о долге, о чести, о любви?» (А.И. Куприн «Поединок»).

Данный абзац представляет собой диалог героя с самим собой, который начинается с обращения к себе с помощью личной глагольной формы в прошедшем времени совершенного вида. Далее размышления героя развертываются в контексте противоборства настоящего и будущего. Настоящее есть сосредоточение представлений об обязанностях, тогда как будущее раскрывает несостоятельность этих представлений. Такое противопоставление происходит последовательно либо через прямое отрицание при одинаковых формах: *Кто будет защищать твою родину...– ...но я умру, и не будет больше ни родины, ни врагов, ни чести.* Или через их соотнесение с разными

субъектами: *Они живут, пока живет мое сознание*. Форма прошедшего времени в начале связана с противоборством воли и долга: о противопоставлении собственных желаний навязываемым чужой волей (родителей, общества и т.д.) обязанностям человек узнает с самого начала своего существования в мире. Действие обязанностей из прошлого распространяется на настоящее и будущее. Следовательно, действие «забыть» также относится и к настоящему, и к будущему, уравнивая их. Смысл-модализация «противоборство воли и долга» опредмечивается посредством объединения временных значений с помощью модальных значений. Далее значение волеизъявления начинает преобладать (герой не желает подчиняться долгу), а будущее время выводится в ранг критерия проверки правильности рассуждений – герой опровергает важность долга в настоящем, проверкой развития событий в будущем. Стремление действовать согласно нормам и правилам угасает, на смену ему приходит желание верить только склонностям собственного рассудка (внешнее волеизъявление сменяется внутренним волеизъявлением). Смысл-модализация, опредмечиваемый взаимодействием значения волеизъявления и значений настоящего и будущего может быть представлен как «преобладание воли над долгом». Данный кластер оказывается одновременно дополняющим предшествующий кластер модальной партитуры и противопоставленным ему. Система временных координат текста при этом организуется как последовательное поглощение значением прошедшего времени значений настоящего и будущего и далее взаимодействие настоящего и будущего с установлением главенствующего статуса последнего. Категоризация взаимодействующих смыслов-модализаций осуществляет возврат к исходным модальным значениям, при этом восстанавливается динамика модального устройства сознания, поскольку значение внутреннего волеизъявления определяет степень долженствования в его соотношении с внешним волеизъявлением. Значение долженствования осознается как «слабое», над которым преобладает собственная воля субъекта.

Таким образом, содержательный аспект (грамматическое значение форм времени) и смысловой аспект (опредмечиваемый смысл путем модальной модификации этих значений) оказываются связанными. Такая транспозиция значений форм возможна благодаря организующей силе модальной партитуры текста, которая предстает как одновременно дискретная и целостная в плане выделения в её узлах особых смыслов-модализаций, координирующих процесс распределения смыслов. Целостность такой партитуры обеспечивается различными параметрами, в числе которых оказывается и параметр взаимодействия аспектуально-временных и модальных значений как универсальное средство опредмечивания узловых смыслов модальной партитуры.

Взаимодействие режимов дискретности/целостности осознания времени в художественном тексте выступает как содержательная основа при конструировании модальной партитуры. Следующий отрывок из трагедии А.С. Пушкина «Каменный гость» представляется весьма показательным в аспекте выявления модальной основы соотношения временных форм в тексте:

- 1 *Всё к лучшему: нечаянно убив*
- 2 *Дон Карлоса, отшельником смиренным*
- 3 *Я скрылся здесь – и вижу каждый день*
- 4 *Мою прелестную вдову, и ею –*
- 5 *Мне кажется, замечен. До сих пор*
- 6 *Чинились мы друг с другом; но сегодня*
- 7 *Впускаю в разговоры с ней; пора.*
- 8 *С чего начну? «Осмелюсь» ... или нет:*
- 9 *«Сеньора» ... ба! Что в голову придет,*
- 10 *То и скажу, без предуготовленья,*
- 11 *Импровизатором любовной песни ...*
- 12 *Пора б уж ей приехать. Без неё –*
- 13 *Я думаю – скучает командор.*
- 14 *Каким он здесь представлен исполином!*

15 Какие плечи! Что за геркулес! ...

16 А сам покойник мал был и тщедушен,

17 Здесь, став на цыпочки, не мог бы руку

18 До своего он носу дотянуть.

19 Когда за Эскурьялом мы сошлись,

20 Наткнулся мне на шпагу он и замер,

21 Как на булавке стрекоза – а был

22 Он горд и смел – и дух имел суровый ...

23 А! вот она (А.С. Пушкин «Каменный гость»).

Начало третьей сцены обозначает перерыв в действии. Одновременно это переход к иному, «перерожденному» Дону Гуану, впервые по-настоящему полюбившему. Рассматриваемая строфа сцены включает в себе своего рода краткий пересказ известных и неизвестных читателю событий. Так, в предыдущей сцене герой убил Дона Карлоса, брата командора. Он решает скрыться в монастыре, где посещает могилу мужа Донна Анна. Чувство любви к ней уже успело развиться, также как и чувство ревности к командору. Непосредственно в данном монологе на это указывает часть, где Дон Гуан насмехается над своим соперником, который «мал был и тщедушен», и умер как «стрекоза», а не как суровый исполин, которым представляет его надгробный памятник.

Непосредственному анализу мы подвергнем только соотношение аспектуально-временных и модальных значений. Указанное взаимодействие выступает в качестве самостоятельного средства опредмечивания смыслов-модализаций. При этом уровни содержания и смысла самым тесным образом связаны. Взаимодействие значений выступает как средство текстопостроения, опредмечивающее смысл, а поскольку таким образом опредмечиваются смыслы-модализации уровень содержания в его временной организации испытывает влияние со стороны ноэтических компонентов смыслового уровня. Формируемый тип модальной партитуры может быть определен как случай взаимодействия пресуппозитивной и коррелятивной стратегий.

Хронологически самым ранним событием плана содержания является дуэль с командором (строки 19–22). Как говорилось выше, рассказывая читателю о дуэли, Дон Гуан высмеивает своего противника. Используемые формы прошедшего времени представляют Дона Гуана с его едкой иронией таким, каким он был до своей любви к Донне Анне. С тем же описанием дуэли связаны строки 16–18. В 16-й строке Дон Гуан обращается к личности командора, стараясь убедить читателей и себя в том, что Дон Гуан был недостойн любви и почестей, которые его жена продолжает оказывать ему и после смерти. Показательно, что в 16-й и 22-й строках используется имперфект, который отграничивает данный содержательный блок (ср. с упомянутым выше мнением В.В. Виноградова по поводу имперфекта у А.С. Пушкина). Рамочный повтор имперфектной формы имеет и смысловую нагрузку: Дон Гуан так и не убедил себя в том, в чем хотел. Ср.: *«мал был и тщедушен»* – *«а был он горд и смел»*. Одновременно герой не может понять, чем он хуже своего соперника, он тоже горд и смел, о чем говорит вся его предшествующая жизнь. Существенным моментом является также «втягивание» в имперфектную рамку формы сослагательного наклонения: *«Здесь, став на цыпочки, не мог бы...»* Предложение включает в себе гипотетическое предположение, относящееся не только к прошлому, но и к неопределенному настоящему. Благодаря использованию дейктика «здесь» настоящее становится вполне конкретным. Образ командора оживает через связь значений настоящего и прошедшего в этом содержательном блоке. Мертвый командор является реальным соперником живого Гуана. Таким образом, содержание влияет на распределение смысла (пресуппозитивная стратегия).

Значение настоящего представлено и в строках 12–15, где с помощью настоящего изобразительного, безглагольных эллиптических восклицательных предложений описывается статуя и сообщается, что командор «скучает» по своей жене. Использование гипотетического «я думаю» указывает на уверенность. Это случай, когда смысловой план однозначно определяет соотношение в категоризируемом блоке значений необходимости/возможности и

мысль, высказываемая Доном Гуаном, звучит категорично. Для него, точнее для автора, который здесь вкладывает свое восприятие в мысли персонажа, командор – живое действующее лицо, способное покарать обидчика. Это также косвенно подготавливает читателя к развязке трагедии. Причем взаимодействие временных планов строк 12–15 и 16–22 указывает на желание Дона Гуана поверить в обратное: в то, что командор ни тогда, ни, тем более, теперь в своем фальшивом облике не сможет его наказать.

Строки 1–11 представляют взаимодействие различных аспектуально-временных значений, расстановка которых соответствует ходу размышлений героя, который связывает события прошлого (*убив, скрылся*) через настоящее (*вижу, замечен*) с будущим (*впущуся, начну, осмелюсь, придет, скажу*). Естественное движение времени не нарушается. Все три временных плана оказываются слитыми в единое целое и данными одновременно, но в то же время дискретно с наибольшим акцентом на будущее. Определенный взаимодействием аспектуально-временных значений смысл «желание счастья» в свою очередь организует взаимодействие временных форм в остальных строках строфы. Таким образом, взаимодействие уровней содержания и смысла носит взаимный характер (коррелятивная стратегия). Герой ищет возможные преграды на пути к счастью в прошлом и настоящем. Содержательно это выражается в обращении к личности командора. Дон Гуан пытается убедить себя в том, что командор теперь не является помехой, ведь в прошлом герой уже его низверг. Но само прошлое опровергает его доводы. В этой части на уровне содержания имеет место взаимодействие аспектуально-временных и модальных значений. Так, связь между прошлым и актуальным настоящим дополнительно высвечивается в гипотетическом шутовском предположении («*Здесь, став на цыпочки, не мог бы...*»), также как и в наделии мертвого командора чувствами («*я думаю ... скучает*»). Последнее также оформляется в виде гипотетического предположения. Однако знак между значениями веры и знания, определяющими степень категоричности указанных предположений и соответственно знак внутри блока необходимо-

сти/возможности устанавливается только при категоризации смыслов-модализаций через определение типа оценочного оператора – эпистемической оценки вероятности, которая связывает два указанных блока, определяя меру реальности/ирреальности угрозы счастью Гуана со стороны командора. Как говорилось выше: командор оживает, становится реальным соперником героя. Предмечиваемый взаимодействием модальных и временных значений смысл-модализация «неотвратимость расплаты», являющийся центральным для трагедии Пушкина, далее определяет соотношение в категоризируемых блоках модальных значений.

Важно также, что имперфектные прошедшие формы (*был, чинились, имел*) выступают в нетипичной для них роли указателей предшествования. Так, командор был мал и тщедушен до того, как Дон Гуан убил его и он превратился в памятник – высокий, мужественный, значительный; покойный имел суровый дух пока, снова, не умер (замер), пронзенный шпагой, а Гуан и Анна «чинились» – соблюдали приличия до тех пор, пока усилия героя не были «замечены». Такая транспозиция значений форм возможна благодаря организующей силе модальной партитуры текста, которая задействует временной каркас текста в качестве основы для адекватного распределения смыслов.

Возвращаясь к анализу смысло-содержательной структуры отрывка, укажем, что два смысла-модализации «желания счастья» и «неотвратимости расплаты» противопоставлены друг другу. Анализ опредмечивания смыслов, управляемых данными смыслами-модализациями в каждом кластере производиться не будет, так как целью было лишь установить механизм включения аспектуально-временных значений и процесс конструирования смысловой структуры текста. Основными принципами реализации указанного механизма можно считать следующие:

1. Взаимодействие аспектуально-временных, а также модальных и аспектуально-временных значений на уровне содержания выступают как самостоятельные средства опредмечивания смысла в тексте.

2. Сами уровни содержания и смысла в условиях такого взаимодействия оказываются взаимосвязанными в рамках комплексной коррелятивно-пресуппозитивной стратегии организации взаимодействия между ними в рамках модальной партитуры распределения смыслов текста.
3. Категоризация узловых смыслов-модализаций предполагает восстановление динамики отношений в блоках и между блоками универсального модального устройства языкового сознания при учете изначального содержательного накладывания системы модальных значений на систему аспектуально-временных языковых значений при опредмечивании смысла.

Помимо взаимодействия аспектуально-временных и модальных значений как компонентов плана содержания и влияния указанного взаимодействия на опредмечивание смысла необходимо рассмотреть роль данного специфического средства текстопостроения в дейктической организации текста. В большей части случаев время в тексте выражается опосредованно – через включение системы временных координат в дейктическую организацию текста. Под дейктической организацией текста понимается соотношение дейктических координатных центров, планов. Это взаимодействие само оказывает влияние на модальную структуру смыслового стратума текста. Именно в этом случае в полной мере реализуется упомянутое влияние оценки на презентацию аспектуально-временных значений. При этом затрагивается не только план значений как компонентов плана содержания, способных организовываться и взаимодействовать с целью выполнения функции средства текстопостроения и опредмечивания взаимодействующих смыслов-модализаций. Учитывается и уровень категоризации, когда речь идет об определении типа оценки в случае направления оператора оценочности как элемента модального устройства сознания на тот или иной блок модальных значений. В случае анализа дейктической организации текста речь пойдет об оценке как элементе переходного типа, относящегося как к уровню содержания, так и к уровню смысла.

Для текстового времени основообразующим понятием является точка отсчета, поскольку, как указывалось выше, событийный недискретный режим преобладает и поглощает режим дискретный. Точка отсчета, которая в этом случае обладает большей вариативностью фиксации, соответствует понятию дейктического центра, относительно которого разворачивается повествование. Помимо того, в рамках настоящей работы это понятие связывается с этапами фиксации рефлексивных усилий реципиента по векторам времени, пространства и личностных ориентиров текста. В следующем параграфе будет рассмотрена роль дейксиса в модальной организации смысловой структуры текста.

3.3. Влияние взаимодействия дейктических планов в тексте на модальную структуру смыслового стратума

Модальность и дейксис обнаруживают связь не только на уровне языковой системы, хотя, несомненно, такая связь является значимой в рамках настоящей работы. Однако еще больший потенциал имеет реализация влияния дейктических содержательных ориентиров на конфигурирование отношений между смыслами в рамках модальной партитуры распределения смыслов текста. По замечанию Р. Бхатта, модальность воплощает в себе важное свойство естественного языка – *возможность перемещения* (property of displacement). «Используя модальные средства, мы можем говорить о том, что может быть, о том, чего бы хотелось, о невозможном, о неизбежном, но еще не случившемся» [Bhatt 2006: 1]. Дейксис в пространстве художественного текста заключает в себе сходную возможность: «Тот, кто кодирует сообщение, оставляет реальный центр ориентации (real centre of orientation) (в котором он пребывает на момент речи – Е.И.) и представляет, что он находится в некотором вымышленном пространстве (an imagined space) ... он устанавливает новый ориентационный центр относительно которого позиционирует объекты в этом вымышленном пространстве» [Rauh 1981: 45]. Несмотря на это, системой ориентации «по умолчанию» является система дейк-

тических координат говорящего (конкретного читателя – Е.И.), которая доступна, пока не производится иных указаний [Fillmore 1990: 228].

В этой связи вызывает сомнения отказ от употребления термина «дейксис» относительно нарративных контекстов. Так, по мнению В.А. Плунгяна дейксис присутствует в нарративах лишь как средство формальной связности. Настоящее историческое в этой связи рассматривается как пример «дискурсивного» преломления свойств дейксиса, так как путем использования этой формы говорящий акцентирует переход от одного эпизода повествования к другому, более важному, даже переломному. То же по мнению В.А. Плунгяна справедливо относительно настоящего изобразительного [Плунгян 2011: 347, 349]. Сходное мнение высказывается в [Падучева 1996]. Однако изолированность событий от актуального момента речи еще не указывает на то, что дейктический центр адресата не может быть перенесен. При освоении смыслов художественного текста реальное пространство и время адресата могут вообще перестать существовать.

Дейксис задействуется при опредмечивании смыслов, содержащих в себе оценочный компонент. Более того, с помощью дейктической связности как средства текстопостроения актуализируется и модифицируется динамика взаимодействия этих смыслов. В этом случае анафорический дейксис (*déixis anaphorique*) объединяется с дейксисом для указания (*déixis indicielle*) [Todorov 1970: 3–11].

Понятие дейксиса весьма сложно, так как дейктики обнаруживаются на всех языковых уровнях. Более всего нас интересует роль дейксиса в формировании текста как смысловой целостности. В этой связи ограничимся выявлением влияния дейктических компонентов на смысловое взаимодействие в рамках модальной партитуры текста. Таким образом, дейксис будет рассмотрен нами лишь в том объеме, в котором он служит формированию такого смыслового каркаса текста, который обеспечил бы то сходное, что будет связывать бесчисленные варианты распределения смыслов одного текста.

Дейксис как универсальное языковое явление всегда привлекал внимание лингвистов. Особенно это касается выделения его модификаций. Помимо указанного выше разделения на указательный и анафорический дейксис предпринимались попытки рассмотрения специфических типов дейксиса. Среди описанных в разное время разновидностей можно различить их группировки по следующим критериям: координатный критерий (по типу рассматриваемой координаты из следующих трех – предмет/лицо, место, время) позволяет говорить о предметном (или персональном как подвид предметного), временном и пространственном дейксисах; критерий включенности/выключенности ситуации непосредственного восприятия указывает с одной стороны на первичный и вторичный дейксисы (термины Ю.Д. Апресяна: [Апресян 1986]), с другой стороны на дейксис *ad oculos* и дейксис *am phantasma* (термины К. Бюлера: [Бюлер 2000]), ср. также дейксис относительно говорящего (*on the speaker's side*) или относительно не-говорящего (*on non-speaker's side*) [Talmy 1988: 168]; наконец, использование критерия коммуникативной установки дает массу вариаций прагматического понимания дейксиса – ролевой, ситуативный дейксис [Крылов 1984], количественно-оценочный дейксис [Шейгал 2004], дейксис вежливости, нарративный дейксис [Сребрянская 2005], коммуникативный дейксис [Моисеева 2003].

Приведенный список типов дейксиса и работ, их описывающих, неполон. Другие возможные варианты обозначения полей дейктиков представляются избыточными, так как эти вариации являются переосмыслением уже выделенных разновидностей – ср.: абстрактный дейксис и дейксис *am phantasma*; текстовый, нарративный и композиционный дейксисы; перцептуальный дейксис и субъектно-инклюзивный дейксис.

Связь дейктических и модальных компонентов также отмечается многими исследователями [Падучева, Крылов 1984; Сребрянская 2005; Яковлева 1990 и др.]. Например, Е.В. Падучева отмечает, что дейксис и модальность представляют собой две стороны одной и той же универсальной языковой категории, отвечающей за включение эгоцентрического начала в речевое

произведение [Падучева 2001: 184] (об этом см. также: [Lyons 1982]). Н.А. Сребрянская подчеркивает организующий статус дейктических элементов при создании пространственно-временной рамки повествования, программировании наблюдательской оценки, выражении авторской модальности [Сребрянская 2005].

Упомянутая выше согласовательная модальность [Bybee et al. 1994: 213–214, 239–240] также подтверждает генетическую связь модальности и дейксиса. Правила согласования времен в придаточных предложениях в английском подтверждают участие модальности в функционировании дейктической системы языка. Так, сдвиг времен по направлению к прошлому (от прошлых фактов до более поздних предшествующих обстоятельств – Past Indefinite/Past Perfect) по Ф.Р. Палмеру связан не только с необходимостью указания на отличия системы дейктических координат говорящего и дейктического фокуса придаточного предложения (что во многих случаях зависит от его выбора – ср.: *Bill said he had been working the day before. Bill said he was working the day before. Для: Bill said “I was working yesterday”*). На выбор времени влияет то, подтверждает ли говорящий истинность пропозиции в придаточном или нет, что подпадает под понятийную область эпистемической оценки [Palmer 1986: 166–167].

Дополнительно к аксиологической и эпистемической оценкам дейктики могут актуализировать включение этической оценки. Например, использование неопределенно-личного *you* указывает на квалификацию положения дел как нормального, соответствующего представлениям большинства членов языкового сообщества в целом и говорящего в частности [Bolinger 1979: 205]. Однако так бывает далеко не всегда, и вместо положительной, с точки зрения нормы, оценки реализуется лишь типичный способ обобщения (подробнее об этом: [Rubba 1996: 253–257]). В этом случае реализуется свойственный грамматикализации параметр десемантизации форм.

Помимо связи с оценочными ориентирами текста дейктические показатели рассматривались как обнаруживающие непосредственную корреляцию с

языковыми средствами презентации модальности. Ср., например, использование модальных «слов остранения» «*казалось, что..., как будто, видимо*» для установления связи между авторской точкой зрения и позициями персонажей как части персональной составляющей в формируемой системе дейктических координат [Успенский 2000: 139–147].

Однако указанные исследования проводились без учета участия дейксиса в формировании целостной модальной партитуры распределмечивания смыслов текста (об участии дейксиса в построения «смысловой программы высказывания» см.: [Курбакова 2009: 39]).

Процесс опредмечивания-распредмечивания смысла, координируемый дейктическими компонентами модальной партитуры текста, связан с проблемой соотношения дейксиса и анафоры. Под анафорой (ср. также: дискурсивный дейксис) в основном понимается отсылка к предшествующим или последующим (катафора) отрезкам речевого сообщения. К. Бюлер определяет анафору как рефлексивный знак, так как в этом случае речь обращается на саму себя, а не реальный или мыслимый мир и его составляющие [Бюлер 2000].

Наиболее приемлемым, с нашей точки зрения является подход, согласно которому анафора возводится в ранг способа употребления большинства дейктических знаков (таких, как личные и указательные местоимения, обстоятельственные наречия пространства и времени). Например: *Я вошел в комнату. Там все было готово для праздника* (анафорическое употребление наречия «там»). – *Где мои носки? Там на полу валяются* (собственно дейктическое употребление).

Однако различие между собственно дейксисом и анафорой не всегда так явно, когда контекст ситуации приравнивается к речевому контексту и все происходящее оказывается связанным с тем, что было или будет. Тогда любое употребление дейктического элемента будет анафорическим. Данная трактовка ситуативного контекста согласуется с герменевтическим постулатом о восприятии мира как текста.

В настоящей работе нет возможности вдаваться в долгие и пространственные рассуждения о сущности дейксиса, а также не ставится задачи рассмотреть все характеристики и способы языкового выражения данного явления. Понятие текста в любом его проявлении – в виде цепочки слов или совокупности языковых знаков во всем богатстве их системных связей, или же в виде блока связанных между собой ситуаций в реальности осязаемой или придуманной, наилучшим образом соотносится с положением о приоритете анафорического употребления дейктиков. Последнее рассматривается нами как наиболее удобный материал для выявления связи дейксиса и модальной партитуры текста.

К тому же у анафоры, как у собственно синтаксического способа организации указания, есть весомая психологическая обусловленность. Анафора позволяет организовать сообщения так, как угодно первичному интерпретатору (наблюдателю, автору, продуценту), т.е. осуществлять при необходимости возврат к ранее упомянутому или переноситься к тому, что будет еще сказано, при сохранении последовательности развертывания текстовой структуры. Таким образом, анафорические связи должны облегчать освоение комплекса смыслов художественного текста.

Дейктики при их достаточном использовании облегчают работу рефлексии. При избыточном же применении дейктических средств организации текста текст страдает (см. об этом: [Бюлер 2000]). Какие же именно недостатки могут быть у текста, перегруженного дейктическими анафорическими указаниями? Прежде всего, это скорее психологические недостатки, например, рассеивание внимания – указательные средства заставляют внутренний взгляд перескакивать от одной координатной системы в другую. Такой психологический дискомфорт имеет когнитивные последствия. От реципиента ускользает смысл свернутый в тексте, так как блоки содержания, образованные сменяющимися системами дейктических координат затрудняют работу рефлексии а, значит, и распрямление смысла. По нашему мнению гра-

мотно построенная модальная партитура снимает эту трудность, взяв дейктики под свое управление.

Примером нетипичной организации смыслового стратума текста с избыточным использованием постоянно меняющихся систем дейктических координат можно считать текст третьей главы романа Олдоса Хаксли «О дивный новый мир». Повествование в рамках этого текстового отрывка представляет собой постоянную смену четырех дейктических планов, каждый из которых характеризуется собственной системой координат по шкалам времени, действующих лиц и места действия. Рассмотрим каждый план более подробно в терминах классификации основных типов дейксиса, представленной выше.

План 1: экскурсия студентов по человеческому инкубатору и воспитательному центру под руководством директора центра и при участии одного из Главных контролеров – правителей в придуманном Хаксли мире. Формирование любого дейктического центра в художественном тексте есть дейксис *am phantazma* (ср.: вторичный, нарративный дейксис). В данном случае это предельный его вариант, поскольку весь роман представляет собой футурологическую антиутопию, т.е. мир не просто конструируется автором, но оценивается критически не только в соотношении с миром реальным, но и сам по себе. Что касается конкретного способа осуществления данного вида дейксиса, то здесь имеет место второй случай по К. Бюлеру, а именно «перенесение Магомета к горе», поскольку читатель переносит свое мироощущение в мир, вымышленный писателем, сравнивая реальность со своим бытием *hic et nunc* (фоновый дейктический центр). Надо сказать, что во многих местах текста романа описываемые вымышленные реалии наталкивают читателя на поиск параллелей в реальном мире. Например, система личного транспорта: в романе персонажи добираются до работы на собственных вертолетах, их столько, сколько машин сейчас в большом городе, их постоянный шум так же привычен как все другие звуки мира (*The air was drowsy with the murmur of bees and helicopter*). Ассоциация с пробками, от которых страдают

многие горожане в реальном мире, тут же заставляет читателя, по крайней мере, отметить для себя такой выход из положения.

Персоналии плана 1 – директор – контролер – студенты; время – около четырех часов дня; место – лужайка около одного из детских воспитательных блоков в совокупности составляют троичный дейктический координатный центр данного плана повествования.

План 2: разговор двух девушек – служащих указанного центра в раздевалке после рабочей смены (после четырех часов дня). При сохранении временного параметра почти неизменным, троичная координатная система модифицируется: полностью изменяется персональная переменная и переменная места действия. Временную координату также нельзя считать полностью тождественной плану 1. Хотя течение времени не нарушается, избирается точка отсчета, позже указанной в первом плане.

План 3: разговор двух мужчин в мужской раздевалке о девушках из плана 2 в присутствии третьего мужчины, также заинтересованного, слышащего каждое слово, но не участвующего в обсуждении. Третья сторона – свидетель, но не участник разговора своих сослуживцев Бернارد Маркс. Его персонаж является одним из центральных в романе, поскольку, как и автор, он противопоставляет себя этому утопическому миру. Он изгой, которого сторонятся из-за его физических недостатков и странностей поведения. То, что в количественной характеристике персональной координаты план 3 соотносится с планом 1 закономерно, так как в лекции на исторические темы, которую проодит для студентов Главный контролер, Директор центра, организовавший мероприятие, тоже сторонний наблюдатель, хотя он изгоем отнюдь не является. Планы 1 и 3, как будет показано ниже, имеют решающее значение в организации модальной партитуры текста.

План 4: отрывки гипнопедической (hypnopedic) записи сентенций о моральных ценностях, которые внушаются воспитанникам центра, когда те спят. Запись представляет собой цепочку простых предложений типа *I do love flying. I do love having new clothes. Ending is better than mending.* Времен-

ной центр здесь представляется растянутым. Все утверждения в настоящем простом указывают на несовпадение с временными координатами предшествующих планов – там действие постепенно разворачивается непосредственно в сиюминутной пространственно-временной локализации персонажей. Место четвертого плана, как и время, размыто. Это не только указанный воспитательный центр, но и все человеческое общество в романе. Что касается персональной переменной, то, несмотря на использование собственно дейктичных местоимений первого лица, референция оказывается невозможной без связи с другими дейктическими планами. В случае же с пословицами, референтная связь возможна в виде случая, описанного в плане 1 – первый вариант осуществления дейксиса *am phantazma*, когда читатель переносит данную семантическую структуру в реальность и ищет сходные реалии в опыте собственного бытия.

Таким образом, постоянно меняя дейктические координаты в рамках указанных четырех планов повествования, автор создает читателю трудности, так как необходимо постоянно переключать дейктические координатные схемы при восприятии текста. Следует заметить, что к концу третьей главы сменяющиеся планы представлены не в виде крупных отрезков как в начале текста, а отрывочными предложениями, их незаконченными частями или даже отдельными словами. Несмотря на сложность работы рефлексии в данном текстовом пространстве, распрямление смыслов-модализаций каждого кластера модальной партитуры интенсифицируется. Наиболее показательна такая интенсификация в чередовании непротяженных отрезков планов 1 и 4 в конце главы, где хаотичность их смены противопоставляется основному постулату описываемого общества – о необходимости поддерживать стабильность во всем (*"Stability," said the Controller, "stability. No civilization without social stability. No social stability without individual stability."*). Это высказывание является стилистически маркированным (лексический повтор и хиазм) средством текстопостроения, которое тезисно опредмечивает первый смысл-модализацию – смысл «необходимость поддерживать стабильность». Местом

сосредоточения указанного смысла в тексте является первый дейктический план.

Композиционный анафорический дейксис здесь является основой конструируемой модальной партитуры и основным средством выражения второго из двух взаимодействующих смыслов-модализаций – смысла «абсурдности идеи стабильности». Местом сосредоточения данного смысла является план 3, в котором вводится персоналия Бернарда Маркса. При этом тезисного опредмечивания в этом случае нет, так как позиция персонажа четко не обозначается. Только в самом конце главы в его ярко оценочной реплике «*Ford, how I hate them!*» косвенно выражается противопоставленность двух указанных смыслов-модализаций. Любая утопия рассматривается её инициаторами как наиболее гармоничный и стабильный миропорядок, тогда как со стороны (образ стороннего наблюдателя Бернарда Маркса) – имеется в виду совокупность дейктических координат автора и читателя, которые видят происходящее и оценивают его с позиции персонажа – этот мир лишь скопление несуразиц, отрывочных фраз, относящихся к разным дейктическим центрам. Таким образом, опредмечивание самой противопоставленности смыслов-модализаций производится через меню дейктических планов, а также через осуществление из связывания, взаимодействия. Следовательно, дейктическая организация текста оказывает влияние на саму смысловую структуру текста, так как взаимодействие кластеров модальной партитуры через узловые смыслы-модализации осуществляется благодаря дейктической актуализации их противопоставленности. Влияние уровня содержания на уровень смысла описывается в нашей концепции как пресуппозитивная организация отношений между этими уровнями.

Для более основательного подтверждения сказанного проанализируем анафорические и собственно дейктические связи, организующие один из кластеров модальной партитуры анализируемой главы в её заключительной части. Рассмотрение всей модальной партитуры третьей главы было бы слишком развернутым, поэтому ограничимся её общей сжатой характеристикой,

дополненной описанием дейктических связей между четырьмя планами повествования в конце текста, где конструируемый хаос достигает апофеоза:

[2] *"I simply must get one like it," said Fanny.*

[1] *"There were some things called the pyramids, for example.*

[2] *"My old black-patent bandolier ..."*

[1] *"And a man called Shakespeare. You've never heard of them of course."*

[2] *"It's an absolute disgrace – that bandolier of mine."*

[1] *"Such are the advantages of a really scientific education."*

[4] *"The more stitches the less riches; the more stitches the less ..."*

[1] *"The introduction of Our Ford's first T-Model ..."*

[2] *"I've had it nearly three months."*

[1] *"Chosen as the opening date of the new era."*

[4] *"Ending is better than mending; ending is better ..."*

[1] *"There was a thing, as I've said before, called Christianity."*

[4] *"Ending is better than mending."*

[1] *"The ethics and philosophy of under-consumption ..."*

[4] *"I love new clothes, I love new clothes, I love ..."*

[1] *"So essential when there was under-production; but in an age of machines and the fixation of nitrogen – positively a crime against society."*

[2] *"Henry Foster gave it me."*

[1] *"All crosses had their tops cut and became T's. There was also a thing called God."*

[2] *"It's real morocco-surrogate."*

[1] *"We have the World State now. And Ford's Day celebrations, and Community Sings, and Solidarity Services."*

[3] *"Ford, how I hate them!" Bernard Marx was thinking.*

Цифры слева в квадратных скобках обозначают дейктический план, к которому относится реплика. Количественно преобладает план исторической лекции в рамках студенческой экскурсии плана 1 (10 реплик к 6 репликам

плана 2, 4 репликам плана 4 и одной реплике плана 3). Позиционная представленность планов выглядит следующим образом:

$$([2] \leftarrow [1]) \times 3$$

$$([4] \leftrightarrow [1]) \times 4$$

$$([2] \leftarrow [1]) \times 2$$

$$\leftarrow [3]$$

Цифры после знака \times означают количество повторений чередований пар планов. Начало и конец приведенного блока реплик – это смены планов 2 и 1. Стрелка между ними выражает координативный статус плана 1 по отношению к плану 2. Двухнаправленная стрелка между планами 1 и 4 указывает на их взаимозависимость, что не вызывает сомнений и без тщательного анализа, поскольку содержательно план 4 является сжатой квинтэссенцией установок плана 1, в котором излагаются идеологические основания социального устройства описываемого вымышленного мира.

В плане 2 девушки обсуждают новый пояс одной, который является предметом восхищения и зависти другой. Анафорическая связь планов 2 и 4 актуализирует противопоставление описываемого мира с его культом потребления представлению об утопичности таких ценностей у автора. Например, в реплике *I love new clothes* (план 4) местоимение первого лица приобретает статус катафорического указания на девушек плана 2 (*I've had it nearly three months*). Помимо функции связывания двух планов происходит конкретизация персональной составляющей плана 4. Связывание дейктических планов и реализация их взаимодействия происходит в данном случае через противопоставление категорий персональности/имперсональности, которые в данном случае выступают в роли актуализаторов взаимодействия дейктических планов. Последнее как средство текстопостроения, как указывалось выше, реализует протовопоставления смыслов-модализаций в рамках модалной партитуры распремечивания смыслов текста. Кроме того, оценочный компонент в планах 2 и 4 (аксиологическая оценка положительной роли культа потребления) противопоставляется имплицитному постулату о нали-

чии альтернативы подобной идеологии: ср.: *The ethics and philosophy of under-consumption* (план 1).

Следует подчеркнуть, что придуманное Хаксли общество зиждется на культе потребления (план 4 восстанавливает процесс формирования этого культа через гипнопедическое обучение каждого нового поколения – *I do love having new clothes. Ending is better than mending.*). В мире потребителей новые вещи – одна из основных тем для разговора, особенно для двух молодых женщин. Следовательно, планы 2 и 4 оказываются тематически (идея потребления возводимая в абсолюте) и дейктически (косвенное установление референции – ещё детьми девушки усвоили эти идеи, слушая такую же гипнопедическую сессию, как в плане 4) связанными.

Немаловажно, что конкретность дейктических элементов плана 2 (*that bandolier of mine, one like it, it's real morocco-surrogate*) контрастируют с неопределенностью плана 1 (*some things called the pyramids, a man called Shakespeare, a thing called Christianity, a thing called God*). Следует заметить, что повтор (*things called, a thing called*) также является дейктическим средством особого рода [Бюлер 2000]. Оно позволяет осуществить перемещение из одного дейктического центра в другой, сглаживая промежутки. В этой связи представляется важным, что в плане 1 сообщаются факты, хронологически воспроизводящие историю развития описываемого общества. Это отсылка к прошлому, которое по замыслу автора частично является настоящим для читателя. Неопределенные реалии, упоминаемые в этом плане, как предполагает автор, являются еще вполне определенными для читателя. Контраст утопии и реальности сглаживается. Благодаря использованию неопределенных дискрипций, читатель сознает нестабильность обоих миров – реального и вымышленного: того, где постоянно шли войны и беспомощные люди страдали, не понимая, как сделать мир более устойчивым, гармоничным, и нового, в котором человечество живет в мире и, кажется, достигло гармонии, но так и не смогло четко обосновать ключевые ориентиры – где слово *God* заменили на более узкое по значению и соответствующее культу потребления

Ford, а символ христианского креста на букву Т. Анафорические связи планов 1 и 2 в конце отрывка подтверждают нечеткость, искусственность и связанность представлений о Боге в обоих мирах по мнению Хаксли: *There was also a thing called God* и сразу за ним – *It's real morocco-surrogate*. В рассмотренных средствах текстопостроения (противопоставление категорий определенности/неопределенности в виде системы повторов и анафорическое связывание дейктических планов с дополнительной экспликацией аксиологической оценки) снова реализуется взаимодействие противопоставляемых смыслов-модализаций, поскольку опять используется указанный дейктический механизм: осуществляется мена дейктических планов и актуализируется их связывание, взаимодействие.

Что касается отношений внутри срединного члена приведенной выше схемы ($[4] \leftrightarrow [1]$), то в данном случае взаимодействие дейктических планов опредмечивает не столько противопоставление двух указанных смыслов-модализаций, сколько репрезентирует содержательную модификацию первого из рассматриваемых узловых компонентов модальной партитуры текста – смысла «необходимость поддерживать стабильность», который испытывает на себе обратное влияние содержательных характеристик плана 4. Дело в том, что этот план существенно отличается по своему модальному статусу от плана 2. План 2 характеризуется угасанием вторичного модального плана, т.е. модального компонента значений используемых языковых единиц под влиянием плана 1, в котором непосредственно тезисно опредмечивается указанный смысл-модализация. Тон модальности меняется от эмоционально-оценочного (*I simply must, an absolute disgrace*) к собственно утвердительно-му (обозначается лишь коммуникативный тип высказывания). В сочетании планов 4–1, наоборот, имперсональность пословиц (*Ending is better than mending*) преобразуется в личную вовлеченность в предложениях с подлежащим в первом лице (*I love new clothes*). Таким образом, смысл-модализация испытывает на себе влияние со стороны средств плана 4. Это влияние поддерживается также тем, что, как отмечалось выше, временная координата

плана 4 отличается от подобных координат других планов тем, что в ней устанавливаются неопределенные рамки Present Indefinite. Отсутствие определенности временной координаты плана 4 накладывается на неопределенность дейктических средств опредмечивания смысла-модализации из плана 1. Из двух отрицаний по логическому закону получается утверждение, что указывает читателю на необходимость объединять то, что по структуре текста относится к разным планам повествования.

Межплановые анафорические указания ([4] – [1]) также служат выражению дейктической противопоставленности двух рассматриваемых смыслов-модализаций. На первый план в результате увеличения интенсивности мены дейктических планов снова выдвигается второй из них – смысл «абсурдности, утопичности стабильности». Эффект быстрой мены планов усиливается благодаря лексической антитезе: [1] "*Chosen as the opening date of the new era.*" - [4] "*Ending is better than mending; ending is better ...*". Создается ощущение, что все перепутано – перемещение от начала в конец возможно спонтанно, без указания промежуточных этапов

Последним замечанием по поводу анализируемого примера дейктической организации модальной партитуры текста будет объяснение статуса плана 3. Как говорилось ранее, основной здесь является позиция Бернарда Маркса, которая совпадает с позицией наблюдателя (автор + читатель) и по своему модальному статусу выступает как итоговая оценка всей мозаики ситуаций в планах 1, 2, 4. Важным также представляется противопоставление глаголов с преобладанием модального компонента в их лексическом значении – hate (план 3) и love (план 2, 4). Это еще раз подтверждает диссонанс отношения к философии описываемого утопического мира у его обитателей и у наблюдателя. Промежуточным звеном в этой связи будет план 1, который уже не прямо, а косвенно соединяет две противоположные на шкале оценки. Ср.: *Such are the advantages of a really scientific education.* Или ... *positively a crime against society* в противовес резко положительному love и резко отрицательному hate.

Катафорическая связь плана 3 с предшествующей репликой плана 1 (*And Ford's Day celebrations, and Community Sings, and Solidarity Services. – "Ford, how I hate them!" Bernard Marx was thinking*) указывает на эмоционально-оценочную позицию наблюдателя по отношению ко всем другим планам. Это отражено в направлении стрелки в схеме. Таким образом, на основе анализа взаимодействия четырех дейктических планов можно восстановить динамику изменения аксиологической оценки, которая соединяется с обоими взаимодействующими смыслами-модализациями. Помимо того, в плане 3 оценка является еще и эмоциональной. Включение эмоций указывает на необходимость осознания рефлексивной трудности, что неудивительно при такой сложной дейктической организации текста.

Таким образом, на примере анафорического употребления дейктиков можно проследить роль дейксиса в организации модальной партитуры текста. Собственно дейктическое употребление знаков также выступает в этом случае как вспомогательное средство (см. употребление местоимения первого лица ед. числа в планах 2, 3, 4). На основании проведенного анализа также можно утверждать, что дейксис, обеспечивает более тесное взаимодействие планов содержания и смысла.

Выводы по Главе 3

Модальность является источником преобразования понятийных основ языкового времени, что подтверждается многочисленными фактами взаимодействия временных, аспектуальных и модальных значений.

Модальность как механизм смысловой консолидации обеспечивает преобладание режима непрерывности над режимом дискретности при организации системы временных координат в художественном тексте. В языковой системе отражением указанной тенденции является взаимодействие временных, аспектуальных и модальных значений с целью репрезентации единства времени (нераздельности настоящего, прошедшего и будущего) – в системе модальных глаголов, образовавшихся из группы претерито-презентных

глаголов, в форме перфекта настоящего времени, при использовании настоящего исторического, формы прошедшего времени в значении настоящего и т.п. Такое переосмысление значений временных форм свидетельствует о необходимости представить сообщение в субъективной интерпретации, выразить собственное отношение к содержанию высказывания. На примере переосмысления значений временных форм можно проследить становление связей внутри модального устройства сознания (такими примерами может быть выражение «эпистемической дистанции» в формах прошедшего времени, развитие форм будущего из форм долженствования, выражение модальных и оценочных значений в формах проспектива и футурумного презенса и т.п.) (см. об этом: [Плунгян 2011: 352, 362; Bybee et al. 1994: 238, 240; Palmer 1986: 218]).

Огромное влияние на взаимодействие модальных и временных значений оказывает аспект. Субъективность (в плане выделения позиции субъекта в качестве определяющего фактора в выборе способа выражения), следующая из семантики аспектуальных форм подразумевает связь с модальностью. При этом наличие оператора оценочности в модальном устройстве создает условия для такого влияния. Аспектуальные значения накладываются на временные через оценку (статус перфекта как модальной формы, образование формы проспектива, генетического и итеративного хабиуталиса, соотношение перфектных и имперфектных форм как основа для деления сюжетного и несюжетного времени в тексте). Взаимодействие временных, аспектуальных и модальных значений сшивает всю языковую ткань времени – границы между настоящим, прошедшим и будущим в языке размыты.

Взаимодействие аспектуальных, временных и модальных значений в настоящей диссертации также рассматривается как самостоятельное средство текстопостроения, используемое преимущественно для опредмечивания смыслов-модализаций. Таким образом, событийно-таксисная организация, как основа плана содержания, может изучаться при учете её способности опредмечивать смысл. Создаваемая в тексте система временных координат и

его дейктическая организация выступают как составляющие субстанциональной рамки – основы для построения модальной партитуры распределения смыслов текста.

Время в художественном тексте интегрировано в общую дейктическую организацию текста. Под дейктической организацией текста понимается соотношение дейктических координатных центров. Это соотношение также оказывает влияние на модальную структуру смыслового стратума текста. Модальная партитура распределения смыслов текста может строиться на основе преобладания дейктической игры нескольких координатных центров повествования. Мена дейктических планов в тексте может использоваться для актуализации взаимодействия узловых смыслов-модализаций в рамках развертывания модальной партитуры текста. Дейктические компоненты модальной партитуры служат формированию такого смыслового каркаса, который обеспечил бы сходство интерпретаций при распределении смысла.

Построение системы временных координат как компонента дейктической организации текста рассматривается как средство упорядочивания отношений внутри плана содержания с необходимым перевыражением установленных корреляций на уровне смысла. Следовательно, временные и дейктические компоненты имеют статус субстанциональных оснований процесса опредмечивания/распредмечивания смысла при учете координирующего статуса модальной партитуры текста. Таким образом, формирование системы временных координат и всей дейктической организации текста выполняет функцию *субстанциональной рамки*, основания для построения модальной партитуры распределения смыслов художественного текста и консолидации всего смыслового стратума такого текста.

Глава 4. *Выход на уровень метасмыслов и идей в рамках развертывания модальной партитуры текста*

4.1. Обоснование консолидирующей функции модальности в контексте выделения параметров «текстовости». Текст как модально регламентированное пространство опредмечивания смысла

Следует еще раз подчеркнуть, что недостаточно рассматривать модальность и средства ее языкового выражения только в аспекте выяснения закономерностей организации предложения-высказывания. В этом случае интерес исследователей направляется лишь на содержательную сторону описываемых явлений (вхождение модальности в содержание предложения как в некую субъектно-предикатную структуру, объединяемую в единое целое свойством предикативности). Необходимо подвергнуть анализу все множество конфигураций, формирующихся при взаимодействии содержаний предложений в тексте, а также случаев, когда смысл, стоящий за указанными конфигурациями, оказывается противоположным или противоречивым относительно представленных таким образом содержательных связей. В этом случае модальность выступает как необходимое условие надстраивания смысла над содержанием [Богин 2001: 151]. Как было сказано ранее, данный постулат расширяется в рамках настоящей работы. Приоритет в создании единства формы и содержания текста закрепляется за смыслом, а именно за модальной смысловой партитурой, обеспечивающей интенсивное и продуктивное распредмечивание читателем свернутых в тексте единичных смыслов. В настоящей работе мы понимаем модальность как поле языкового сознания, основной функциональной характеристикой которого целесообразно считать координирующий статус модальности относительно процесса организации смысловой структуры текста в виде формирования модальной партитуры распредмечивания его смыслов. Закономерности осуществления рефлексивного действия согласно такой партитуре изучались на примере организации смысловой структуры художественных текстов. Однако представляется, что выявленные характеристики модального механизма применимы к генерализованному тексту практически без учета его жанровых спецификаций. Дело в том, что художественность может рассматриваться как аксиоло-

гическая характеристика текста, как «способность обогащать духовное пространство человека и культуры в целом» путем пробуждения рефлексии [Галеева 1999: 8]. Согласно такому подходу в разряд художественных попадают и тексты нехудожественных жанров: публицистика, речи политиков, рекламные тексты, документальное кино, тексты учебников и т.п.

Далее рассматриваются некоторые теоретические подходы, в которых в той или иной степени отразились тенденции выделения в качестве основного свойства модальности её способности консолидировать смысловое пространство текста (не обязательно художественного!) и координировать процесс взаимодействия с ним реципиента. Приводимые основания также косвенно указывают на многомерность возможного применения разрабатываемой в настоящей работе концепции.

Итак, начиная с 70-х годов XX века, исследователей перестают интересовать только элементарные составляющие каждого из уровней языка. Тот факт, что для реализации собственных коммуникативных намерений говорящий должен в большинстве случаев пользоваться единицами по протяженности большими, чем одно предложение, утверждает необходимость исследования не только внутренних связей, возникающих между языковыми единицами – партиципантами конкретного текста, но и текста как некоторой уникальной смысловой сущности. При этом текст выступает как вербализованный конструкт сознания, в котором, с одной стороны, опредмечиваются установки, ценности и вся ситуация мышледействования его создателя, с другой стороны, как некоторое самостоятельное, живущее по собственным законам образование.

Интересно, что описания меры проявленности модальности для единиц выше уровня предложения, теряют стройность и четкость, присущие работам, анализирующим предикативные единицы. Так, Г.Я. Солганик, рассматривая цепные строфы с модальными зачинами, указывает, что таковые характеризуются единым модальным «тоном» [Солганик 1981: 104]. При этом с непосредственным выражением этой единой модальности оказывается свя-

занным только начало строфы, оформляющее переход к новой мысли с помощью местоимений 1-го и 2-го лица (*я, мы, мне, ты, вы*) или соответствующих личных форм глагола, а также слов категории состояния в сочетании с инфинитивом (например, *важно отметить*) [Солганик 1981: 104–107]. Модальность в такой интерпретации предстает как формальный маркер, определяющий границы этапов в изложении некоторой смысловой конфигурации. Однако использование в качестве индикаторов переходов групп языковых средств, а не средств текстопостроения, указывает на применение модального механизма к анализу, прежде всего, содержательных, а не смысловых связей. Помимо того, что данная интерпретация роли модальности в тексте акцентирует внимание на плане содержания, указание на то, что модальность связана с началом строфы, подчеркивает координирующий статус модальности в тексте. Она задает общий тон каждого нового содержательного отрывка, сигнализирует о переходе от одного содержательного блока к другому. Указанная закономерность функционирования модальности в тексте имеет значение и в исследовании организации смысловой структуры текста, поскольку блоки содержания в рамках развертывания модальной партитуры оказываются определенным образом связаны с блоками смысла (модальными кластерами), в каждом из которых модальные смыслы выполняют координирующую и объединительную (консолидирующую) функцию.

Исследования специфики возникновения и функционирования модальных ориентиров в крупных формациях высказываний, объединенных общей коммуникативной областью приложения, проводились и в прагматике. Например, М. Фуко, исследуя клинический дискурс, пришел к выводу о том, что внутри определенного типа дискурса высказывания будут объединены некоторой общностью – модальностью. Модальность высказываний внутри данной разновидности дискурса делает возможным само его существование. Основным критерием, организующим модальность, по мнению М. Фуко, является сам субъект, который рассматривается не в унифицирующих его характеристиках, но в единстве с теми разнообразными позициями, которые он

может занимать при «поддерживании» дискурса. Таким образом, сам дискурс предстает как «поле регулярности различных позиций субъективности» [Фуко 1996]. Регулярность воспроизведения «позиций субъекта», с нашей точки зрения, указывает на частотную воспроизводимость некоторого набора модальных смыслов в той или иной ситуации общения. В таких смыслах явлено *отношение* субъекта к некоторой понятийной области, опосредующей мотивы его деятельности. В этом случае такие модальные смыслы могут рассматриваться как маркеры типа оязыковленной человеческой деятельности. Например, модальные смыслы «обязательность непричинения зла», «необходимость защиты добра», «верховенство закона» регулярно воспроизводятся в юридическом дискурсе в условиях ситуативно-вербального перевыражения указанных смыслов. Это не значит, что в других типах дискурса растягивание и наращивание этих смыслов невозможно, однако наибольшая частотность обращения к ним коммуникантов в данном типе дискурса выделяет в них сходные, общие элементы, которые в нисходящей категоризации, выделяющей наиболее обобщенные абстрактные их черты, превращаются в модальные значения. При этом подчеркивается, что модальность, модальные смыслы и значения имеют координирующий статус в деятельности речепорождения. Этот аспект может исследоваться не только в тексте, но и в дискурсе. Преломление свойств модальности как поля языкового сознания, управляющего процессом формирования смысловой структуры речевых сообщений в дискурсе заслуживает отдельного исследования. Здесь мы лишь отмечаем, что процесс перехода модальных смыслов в модальные значения может дискурсивно опосредоваться.

Изучению модальности в дискурсе исторически предшествовало исследование модальности как собственно текстовой категории [Немец 1989; Тураева 1994; Солганик 1981, 2000, 2007; Гальперин 2005; Бочкова 2007 и др.]. В первой главе работы мы также рассматривали преимущества и недостатки исследования авторской модальности в тексте.

Модальность в настоящей работе рассматривается как основообразующая характеристика художественного текста. В работе уже описывались характеристики текстовой модальности, позволяющие отличить её от модальности предложения-высказывания. Существенным добавлением будет указание на то, что в целом модальность может пониматься как необходимый атрибут любого текста, в котором есть уровень смысла, а не только содержания. Тогда сам текст следует исследовать как модально регламентированное пространство опредмечивания смысла. Свойства модальности в тексте и далее при нисходящей категоризации в языковой системе кристаллизуются (развиваются и модифицируются) исходя только из максимы опредмечивания смысла. Например, в качестве основных параметров различения модальности высказывания и модальности как характеристики целостного текста З.Я. Тураева предлагает следующие:

1. экстенциональная (денотативная) истинность/ложность и интенциональная (понятийная, сигнификативная) истинность/ложность: подчеркивается, что художественный текст может быть интенционально истинным и экстенционально ложным в зависимости от приоритета реального или ирреального в тексте;

2. мономодальность/полиmodalность субъекта оценки: имеется в виду невозможность замены субъекта высказывания или многократное преобразование, а также смена, субъекта в рамках текста;

3. эксплицитность/имплицитность: за модальностью на уровне высказывания закрепляется обязательная эксплицитность, тогда как модальность на уровне текста может не иметь непосредственного языкового выражения [Тураева 1994: 110–112].

Первый параметр цитируемой координатной системы противопоставляет уровень содержания и смысла в тексте, поскольку в ходе развертывания модальной партитуры отношения между содержанием и смыслом могут представляться как противоположные или противоречивые.

Второй параметр подчеркивает необходимость учета динамики взаимодействия различных оценок в тексте. В представляемой в настоящей работе концепции модальности оценка выполняет связующую функцию не только в структурной организации блоков смысла, но и при категоризации модальных значений и восстановления динамики модального устройства сознания.

Что касается третьей позиции, то параметр имплицитности/эксплицитности также зависит от взаимодействия содержания и смысла в рамках модальной партитуры распределения смыслов текста. От степени экспликации модальных значений на уровне содержания зависит мера направляющего воздействия уровня содержания относительно уровня смысла (ср.: пресуппозитивная и коррелятивная стратегии организации модальной партитуры).

Однако действие модального механизма в тексте не ограничивается указанными параметрами. Далее происходит отрыв уровня смысла от взаимодействующего с ним уровня содержания и переход на более высокий уровень организации смысла – уровень метасмыслов и идей как смысловых интервалов. Данный уровень образуется в результате консолидации смысла в ходе рефлексивного действия в каждом кластере модальной партитуры.

Здесь необходимо подробнее остановиться на вопросе о том, что же обеспечивает смысловое единство конкретного текста. Среди концепций описания параметров соединенности, сцепленности фрагментов текста наиболее широкое распространение получила система текстовых характеристик (*standards of textuality*), разработанная Р. де Бограндом и В. Дресслером [Beaugrande, Dressler 1981]. К таким характеристикам авторы относят когезию (*cohesion*), когерентность (*coherence*), интенциональность (*intentionality*), готовность к восприятию и осмыслению (*acceptibility*), ситуационную привязанность (*situationality*), насыщенность новой информацией (*informativity*), интертекстуальность (*intertextuality*). Их полная или частичная реализация в речевом произведении дает основания считать анализируемый отрывок текстом.

Указанное разделение представляется наиболее удобным для раскрытия особенностей текста как объекта исследования и, одновременно, как средства взаимодействия человека с внешней и собственной внутренней рефлексивной реальностью. Помимо того, переосмысление указанных характеристик «текстовости» приведет к уточнению роли модальности и определению её статуса среди других факторов, обеспечивающих формирование текста. Следует, однако, отметить, что выделение параметров описания текста как объекта рефлексивной деятельности придется проводить на основе критики большинства упомянутых переменных.

Способность текста быть материальным носителем смысла связывается в приведенной градации критериев с когерентностью – смысло-прагматической связностью текста. Однако свойством материального выражения смыслов, строго говоря, обладают не только и не столько тексты, а формирующие их текстообразующие средства. Так, наибольшим потенциалом «пробуждения», активизации процесса смыслопостроения обладает метафора [Крюкова 2001: 7]. Помимо того, смыслами не обмениваются – их восстанавливают-реконструируют и конструируют-создают в процессе осваивания идеального, выраженного в тексте. Смысл принадлежит и продуценту, и реципиенту, существует только в процессе понимания текста [Богин 2001: 45].

Следовательно, правильнее говорить не о когерентности текста как статичного образования, а о *рефлексивном потенциале текста*, т.е. о возможности соотнесения рефлексивной реальности создающего и воспринимающего текст субъектов. Речь идет об общности рефлексивных установок автора и читателя при распределении смыслов, свернутых с помощью интендирующих текстовых средств. В данной характеристике текста учитывается динамический аспект возникновения и существования смысла в тексте.

В ходе реализации параметра рефлексивного потенциала текста происходит связывание человеческих сознаний через перевыражение их взаимо-

действия в процессе продукции-рецепции текста в виде партитурной организации средств текстопостроения, опредмечивающих смыслы. Помимо того, параметры интенциональности и готовности к восприятию и осмыслению оказываются интегрированными в представление о рефлексивном потенциале текста, поскольку то, что продуцент *хочет*, чтобы реципиент понял, соотносится определенным образом с тем, что реципиент *может* (способен) понять. Реализация намерений в ходе коммуникации соотносится с основной функцией языка как средства общения. Все же, необходимо отметить, что в аспекте проблемы понимания важен не сам факт опредмечивания в тексте намерения отправителя, а его адекватная идентификация получателем [Серль 1982]. Мерой взаимодействия указанных тенденций выступает модальность, так как конструирование модальной партитуры упорядочивает распределение смыслов. Наличие смыслов-модализаций в узлах партитуры обеспечивает реализацию процесса категоризации одновременно в двух направлениях. Первым направлением является восходящее – в виде растягивания, наращивания, конфигурирования наиболее значимых смыслов для перехода на более высокий уровень смысловой организации – уровень метасмыслов и идей как смысловых интервалов. Вторым направлением будет нисходящее – в виде перехода смыслов-модализаций в модальные значения с целью восстановления динамики модального устройства сознания.

Критерий ситуативной привязанности, согласно которому изменения ситуации, к которой «приложим» данный текст ведет либо к изменению свернутых в нем смыслов, либо к «обесмысливанию» целого текста, является чрезвычайно важным в контексте настоящей работы. Как указывалось выше ситуация необходима для перевыражения содержания как набора позиционально организованных значений в виде смысла [Богин 2001: 151]. Критерий ситуативности оказывается при этом напрямую связан с модальностью. Механизм осуществления такой связи состоит в актуализации явленного в смыслах-модализациях отношения автора к понятийным основаниям человеческого бытия через соединение в рамках содержания различных ситуа-

ций. Содержание при этом теряет собственную ценность без связи с определенным в содержательных связях смыслом.

Однако в конфигурации содержание-смысл первый элемент имеет не менее важное значение, так как смыслы опредмечиваются в средствах текстопостроения в связи с описанием конкретных ситуаций. Субстанциональную рамку для развертывания этих связей составляет взаимодействие аспектуально-временных и модальных значений, а также установление отношений между разными дейктическими планами. В рамках модальной партитуры также задается определенная стратегия взаимодействия уровней содержания и смысла (противоположная, противоречивая, пресуппозитивная, коррелятивная). Таким образом, действие параметра ситуативности расширяется и определяет меру взаимного влияния содержания и смысла.

Вышесказанное указывает на необходимость замены критерия ситуативности на параметр *установления типа взаимодействия между уровнями содержания и смысла в рамках той или иной стратегии построения модальной партитуры распределения смыслов текста.*

Параметр насыщенности новой информацией указывает на обязательность высокой степени информативной новизны текста и связанных с этим значительных усилий при его восприятии. Однако не всегда затрачиваемые усилия гарантируют успешность освоения смысловых связей. Существенной представляется не насыщенность текста новой информацией, а *степень вовлеченности вводимой информации в рефлексивную реальность адресата* и, следовательно, значимости для того, кому данный текст предназначен. На первый план выходит ценностная природа текста в виде использования взаимодействия различных типов оценки как средства обеспечения связности текста не столько на уровне содержания, сколько на уровне смысла. Это означает, что при продукции текста в его смысловой структуре закладывается представление автора о ценностных ориентирах возможного или непосредственного реципиента, его интересах, необходимых фоновых знаниях и

т.п., что обеспечивает эффективный диалог, верную интерпретацию намерений и получение желаемых эффектов в общении.

Согласно последнему критерию – критерию интертекстуальности невозможно создать единственный в своем роде текст, поскольку текст всегда принадлежит к определенному жанру и строится по определенным законам. Определение жанровой принадлежности текста, несомненно, имеет важное значение для его осмысления, задавая направление для работы мысли и прогнозируя ожидания определенного рода структурированности, стилевой окрашенности компонентов содержания и, в большой степени, образуемых и преобразуемых смыслов. Однако при учете процесса актуализации различных граней опредмечиваемых смыслов в ходе их освоения и возникающей асимметрии плана смыслов продуцента и реципиента [Крюкова 2001], возможности для построения уникальных текстов безграничны. Помимо того, из всего богатства индивидуативных техник (подробнее см.: [Богатырев 2001]) рассматривается только жанроопределение. Само понятие интертекстуальности шире представления о жанроопределении в любой из его трактовок. Проблема взаимоотношения интертекстуальности и модальности заслуживает отдельного рассмотрения и здесь была затронута только в аспекте взаимодействия оценочных ориентиров в тексте.

Таким образом, из всего перечня критериев выделения текста как коммуникативной единицы и объекта исследования однозначностью интерпретации может характеризоваться только когезия. Построение грамматически и лексически правильного текста обеспечивает все три типа понимания (семантизирующее, когнитивное, распредмечивающее) при приоритете любого из них.

Указанные инвентарные (обязательно присутствующие) характеристики закладывают базу для понимания текста как интерактивного процесса построения и модификации смысла. Однако список параметров, значимых для существования текста, с одной стороны, как пространства бытия смыслов, а, с другой стороны, как коммуникативной единицы, можно продолжить.

Так, в аспекте проблемы обеспечения адекватного понимания речевого произведения адресатом можно выделить следующие параметры, наличие которых в тексте делает возможным передачу не только информации, но и всего богатства переживаний, чувств, оценок от продуцента текста к его реципиенту. Все эти параметры вытекают из необходимости построения модальной партитуры развертывания смысловых связей текста:

1. *Соотношение семантической инструкции и меры субъективной направляющей.* Семантическая инструкция закладывается отдельными средствами текстопостроения, задействованными при сворачивании смысла, тогда как субъективная направляющая выражается в структурной организации партитуры всех средств с целью последующего адекватного восстановления смысла воспринимающим субъектом. Таким образом, связь устанавливается не между отдельными смыслами и средствами, а между партитурно организованными смыслами и соответствующей партитурой средств.
2. *Адекватность распредмечивания смыслов текста.* Смысловые цепи, заложенные в образующих текст средствах, могут перестраиваться в процессе освоения текста слушающим/читающим. Адекватность, т.е. некоторое единообразие, обеспечивается действием в рамках некоторого мотивационного алгоритма – закладываемой в модальной партитуре стратегии взаимодействия блоков содержания и смысла (противоположной, противоречивой, пресуппозитивной, коррелятивной).
3. *Взаимодействие смыслов внутри кластера. Внутрикластерные связи.* В данном случае имеется в виду структурная устойчивость текста, которая достигается благодаря сознательной сжатости создаваемой модальной партитуры. В нее включаются только основные направляющие смыслы-модализации. Их «обрастание» зависимыми смысловыми компонентами происходит непосредственно в процессе понимания текста реципиентом. Это означает, что при создании текста устанавливаются необходимые

«мостики», соединяющие узловой элемент – смысл-модализацию – с пассивными модальными смыслами, входящими потенциально в тот же узел.

4. *Переход на второй уровень организации смыслового стратума текста: межкластерные связи в модальной партитуре.* Связываются не только частные подчиненные смыслы внутри кластеров. Определенное соотношение устанавливается и между узловыми смыслами-модализациями, что обеспечивает переход на более высокий уровень структурной организации смыслового стратума текста – уровень метасмыслов и идей как смысловых интервалов.

Необходимо снова подчеркнуть свойство преобразования исходного, присущее модальности как основообразующая характеристика. При присоединении модальности исходный смысл модифицируется. Так, на микроуровне (уровне единичных смыслов) этому принципу соответствует соединение основного смысла и смысла-модализации, которые в совокупности образуют *модальный кластер*. Модальный кластер может состоять из нескольких связанных в данном контексте смыслов, объединяемых и преобразуемых одним общим смыслом-модализацией. Именно такие смыслы формируют *модальную партитуру текста*, т.е. начальную рамку для построения уникальной модели ситуативного понимания (понимания в данных ситуативных координатах конкретным субъектом) текста. Модальные кластеры также взаимодействуют друг с другом через узловые смыслы-модализации. Иными словами, в качестве основного назначения модальности в языке и речи признается ее организующая функция – модальность присуща любому (но не всякому) высказыванию, за которым, помимо некоего содержания, стоит определенный смысл, точнее, открытое множество преобразуемых смыслов.

Как было сказано выше, все четыре указанных параметра представляют собой характеристики текста как конструкта, несущего в себе модальную партитуру распредмечивания вмещаемых смыслов. Данная партитура выступает в виде смыслового алгоритма, управляющего действиями реципиента при освоении смыслов текста. Первые два параметра, по сути, были подроб-

но рассмотрены в предыдущих главах работы. Перейдем к изучению фактической реализации связующей, консолидирующей функции модальности и рассмотрим два последних аспекта функционирования модальности в тексте.

4.2. Взаимодействие смыслов внутри кластера.

Возможные виды внутрикластерных связей

Связывание смысла-модализации с подчиненными ему смыслами происходит через высвечивание определенных граней этих смыслов, наиболее значимых для данной герменевтической ситуации, т.е. ситуации, когда можно понять или не понять текст. Влияние ядерного модального смысла на остальные смыслы кластера реализуется в ходе понимания в установлении определенного типа отношений между объединяемыми смыслами (выделение, взаимное пересечение, стягивание и т.д.). Указанная связь может быть выявлена посредством анализа отношений между средствами, опредмечивающими взаимодействующие смыслы в тексте.

Далее приводится анализ текстов рассказов В.В. Вересаева, яркая смысловая основа и несложная формальная организация которых позволяет в сжатом виде проиллюстрировать возможные отношения между смыслами внутри кластера модальной партитуры. В анализируемых небольших по объему текстах модальная партитура имеет простейший вид и состоит из одного кластера, что также облегчает задачу установления вида внутрикластерных связей между смыслами. Стратегия организации отношений между блоками содержания и смысла в представляемых текстах единообразна. Смысл-модализация и подчиненные ему частные смыслы, в основном, опредмечены в тексте с помощью конфигурации сюжетных линий, что соответствует пресуппозитивной организации отношений между уровнем содержания и смысла.

1. «Парикмахер по собачьей части»

Смысл-модализацию в рассказе можно представить как «искажение ценностей». Данный смысл несет в себе отношение автора через призму точки зрения его персонажа. Указывается на извращенность ценностных приоритетов описываемого общества. На уровне содержания обобщением сюжета может стать вывод о том, что жизнь собаки ценнее жизни человека – стрижка собак, имитация любви к ним и сострадания к хозяйке, потерявшей любимца, может стать очень прибыльным делом. На уровне смыслов это соответствует указанному общезначимому искажению ценностей.

Подчиненные смыслы в рамках рассматриваемого кластера получают следующую репрезентацию: «погоня за наживой» и «приспосабливаемость как личный талант». Оба смысла связаны с персоналией главного героя – собачьего парикмахера, который сумел прекрасно устроить свою жизнь в условиях искажения ценностей. Он изобретателен в обхождении и со своими четвероногими клиентами, и с их хозяевами, что приносит ему немалую прибыль. Под воздействием координирующего смысла-модализации указанные частные смыслы представляются каждый с определенной выделенной гранью: смысл «погоня за наживой» актуализирует грань устойчивости мотива стремления к наживе. В мире, где все поставлено с ног на голову, желание обеспечить себе безбедное существование остается неизменным. Смысл «приспосабливаемость как личный талант» акцентирует грань первостепенной важности (приоритета) такого таланта, поскольку тот, кто быстрее смог адаптироваться к новым, пусть и странным условиям, имеет преимущество. Выделение активных граней в подчиненных смыслах происходит в силу тесного объединения содержательных и смысловых блоков в единую текстовую содержательность.

Взаимодействие смыслов проявляет себя в соотношении опредмечивающих их средств текстопостроения. При этом, скорее, можно говорить не о разных средствах, а о комплексно организованном едином средстве, индивидуально проявляющем свои свойства в опредмечивании каждого из трех смыслов кластера. Таким средством, как указывалось выше, является конфи-

гурация трех сюжетных линий. Преобладание одной линии над другой опредмечивает конкретный смысл. Такими линиями являются: пересказ диалогов с клиентами («*Кто там? – говорю кротким голосом ...*» и т.п.); имитация диалога с читателем («*Бывает ли что кусают? Нет, меня не кусают...*» и т.п.); обращение к самому себе, собственным чувствам и мнениям во внутренней речи («*Вижу, тут можно делов наделать*», «*Дай ты мне, дура в морду за мое замечательное нахальство!*»).

При опредмечивании смысла-модализации преобладает первая сюжетная линия. Это линия описания внешнего по отношению к главному герою мира, в котором ценности искажены, и герой вынужден к таким изменениям приспособливаться. Преобладание указанной сюжетной линии реализует также прием иронии, поскольку герой противопоставляет себя, свою находчивость и смекалку ущербным установкам среды («*Я ... парикмахер по собачьей части. В деревне так если скажешь – засмеют, а в Петербурге можно на этом хорошие дела делать*»).

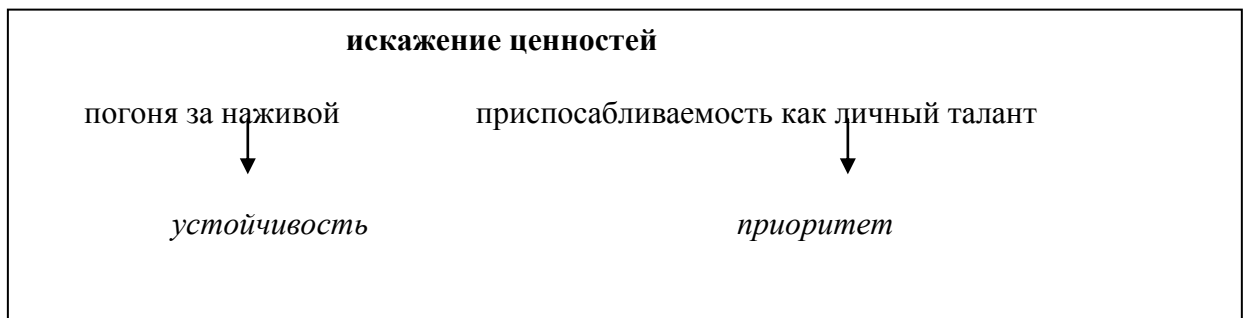
Третья сюжетная линия обращения героя к самому себе является ведущей в опредмечивании смысла «приспособляемость как личный талант». При этом ирония при опредмечивании смысла-модализации сочетается здесь с самоиронией. Герой понимает, что его поведение также ненормально, так как он приспособливается к тому, что ущербно, гротескно (См. самопорицание во внутренней речи: «*Дай ты мне, дура в морду...*»).

Выделение на первый план второй сюжетной линии опредмечивает смысл «погоня за наживой». При этом автор приглашает читателя к самоиронии. Каждый имеет свою профессию и зарабатывает деньги по-разному. Герой, обращаясь к читателю, подчеркивает, что выбранный им способ добычи пропитания ничуть не хуже прочих («*Как видите, милостыни не прошу, не ворую, не граблю, а живу – благодарение Богу!*»).

Выделение активных граней в подчиненных смыслах под влиянием смысла-модализации устанавливает между ними отношение выделения (см.

схему 1). Актуализируется та грань, которая отражает взаимодействие подчиненного смысла и смысла-модализации.

Схема 1.

Данный текст среди подборки анализируемых здесь рассказов занимает особое место, так как он написан в виде «пунктирного портрета» мужа и жены, каждый из которых имеет свои невежественные заблуждения. Текст состоит из последовательного изложения отдельных суждений каждого из персонажей без всяких комментариев, что согласуется с установленной автором общей цели создания сборника «Невыдуманных рассказов» – изложение простых фактов без «известки» авторских размышлений и выводов. При том, что каждый такой факт представляет собой «яркий штрих человеческой психологии» (см. вступление автора в сборнике).

С предшествующим рассказом пунктирный портрет супругов связан тем, что в смысловой структуре текста выделяется сходный смысл-модализация «искаженность понятий». В данном смысле явлено отношение автора к системе знаний и представлений персонажей и подобных им людей. В сознании героев реальность представлена в извращенном виде, что подтверждает простое перечисление их заблуждений: выходить на прогулку нужно только при благоприятных показаниях барометра, Шаляпин всего лишь «прилично поет», а страх перед тем, что перебежавший дорогу заяц навлечет беду, с предрассудками не имеет ничего общего.

Взаимодействующие с ядерным смыслом смыслы частные могут быть представлены в следующих формулировках: «важность собственного мнения» и «важность чужого мнения». Для мужа первостепенную роль играют его собственные представления и оценки, тогда как жена почти каждое свое

суждение подкрепляет цитатой или «аллюзией». Из данных репрезентаций смыслов следует, что они противопоставлены друг другу. На самом деле это не так. Взаимодействие данных частных смыслов с координирующим их распредмечивание смыслом-модализацией выделяет в них сходные грани, так как оценки мужа выглядят нелепыми, а ссылки, подкрепляющие мнения жены, искажены. Смысл-модализация выделяет в качестве основных соответствующие и сходные друг с другом грани указанных смыслов: неправильность, неадекватность представлений каждого из супругов. Устанавливаемые таким путем внутрикластерные отношения можно определить как *стягивание* (см. схему 2), поскольку высвечиваемые грани объединяют, стягивают оба частных смысла. Портреты супругов представляются как имеющие по-разному выраженное одно смысловое наполнение.

Схема 2.

Средством, опредмечивающим в тексте подчиненные смыслы, является оксюморон. В первой части данный прием реализуется через конфликт компонентов содержания («Люблю писателей, ученых! Я сам кавалерист!», «Английский знаете, а барометра нету!»). Во второй части происходит оксюморонное противопоставление содержания речи персонажа и аллюзивных включений («Никогда не следует спрашивать женщину о годах. ... еще один король французский сказал: Лета – с'э муа» и т.п.).

Объединяющий смысл-модализация связывает не только смыслы, но и опредмечивающие их средства. Распредмечивание ядерного смысла происходит благодаря мотивированности повтора оксюморонной организации блоков содержания в обеих частях текста.

3. «На пожарище»

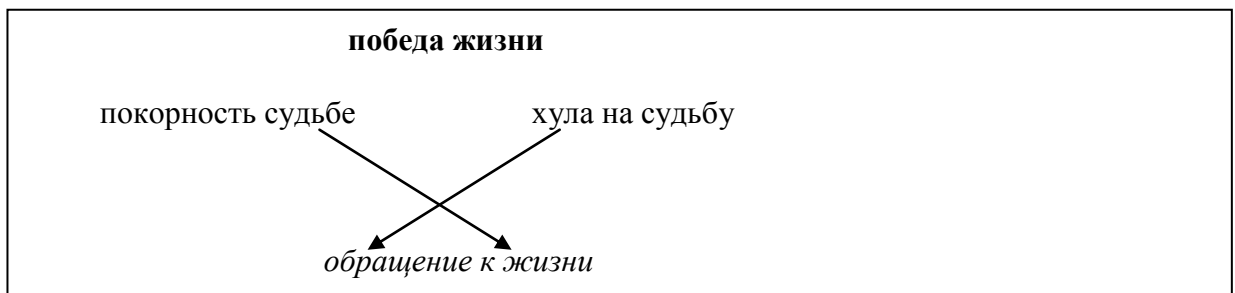
Противопоставленность частных смыслов может не сглаживаться, а актуализироваться под воздействием ядерного смысла-модализации. В анализируемом рассказе такой смысл может быть представлен как «победа жизни». Погорельцы, скорбно рассказывающие о своей беде, в конце текста дружно смеются, так как, наверно, смеялись до несчастья. Соответственно, средством текстопостроения, опредмечивающим данный смысл, является противопоставление и одновременное объединение тональности начала и конца текста. В начале текста картина сгоревшей деревни предваряется сообщением о том, что уже холодно: *«солнце печет, а в тени холодно, ночи же – совсем студены»*. Холод соединяется с ощущением безысходности в словах старухи со *«слезящимися глазами»*: *«Ночи-то холодные, одежда вся погорела, подстлать нечего, покрыться нечем»*. Повтор в параллельных конструкциях актуализирует смысл «безысходность», который далее в тексте наращивается и превращается в подчиненный смысл «покорности судьбе». Помимо того осуществляется взаимодействие данного смысла с другим смыслом подчиненного блока – смыслом «хула на судьбу». В конце же текста снова фигурирует упоминание о холоде, но безысходность сменяется другим отношением: крестьяне вспоминают смешной эпизод в пожаре и, как ни странно, начинают смеяться. Ср.: *«В холодавшем воздухе стоял дружный смех»*.

Смысл-модализация управляет двумя частными смыслами: «покорность судьбе» и «хула на судьбу». При этом в тексте после того, как второй смысл сменяет первый, происходит возврат к первому смыслу под влиянием смысла-модализации, выделяющим активные грани в каждом из подчиненных смыслов. Данные смыслы через взаимную смену выступают как равноправные, поскольку приемлемым оказывается и тот, и другой способ пережить горе – и равнодушие, и тоска. Взаимодействие смыслов проявляется в динамике отношения к случившемуся в виде постепенного изменения содержания авторских комментариев к тому, как герои рассказывают о пожаре: *«Старуха ответила громким равнодушным голосом...»*; *«Говорил он спокой-*

но, с легкой усмешечкой»; далее переход к «*Постепенно он начинал говорить все взволнованнее, губы запрыгали, на глазах выступили слезы*»; «*И из груди его вырвалось короткое, глухое рыдание*»; и обратный переход к «*Первый мужик – опять совсем уже спокойный – сказал, смеясь...*». Смысл «покорность судьбе», который оказывается более устойчивым, модифицируется, так как меняется состав его нозм: он не связывается более с безысходностью и тоской, но обращением жизни, в которой есть не только горе, но и поводы радоваться, смеяться.

Устанавливаемое смыслом-модализацией отношение между частными смыслами блока можно обозначить как *взаимное пересечение* (см. схему 3), в ходе которого у смыслов выделяются сходные грани, но при этом смыслы оказываются противопоставленными. Подчиненные смыслы чередуются – рефлексия направляется попеременно к каждому из них. Через взаимную смену смыслы выступают как равноправные.

Схема 3.

Данный рассказ обладает особой композицией, отличающей его от всех остальных произведений цикла «Невыдуманных рассказов». Он представляет собой сказочную притчу, в которой сюжет о моряках, вторгшихся в священный лес, дополняется моралью, в которой явно выражено отношение автора не к содержанию, а к стоящему за ним блоку смыслов.

Смыслом-модализацией этого блока является смысл «значение жизни». Организующая роль этого смысла подчеркивается его средоточием в композиционном блоке выводимой морали, где автор говорит о необходимости серьезного и бережного отношения к жизни для того, чтобы иметь возможность вникнуть в её суть, осознать её истинное значение.

Подчиненные смыслы могут быть репрезентированы в следующих формулировках: «хрупкость бытия», «жизнь как тайна» и «священность жизни». Смысл «хрупкость бытия» опредмечивается не только в сюжетном ходе неожиданного превращения деревьев в живые существа, способные страдать и умирать. Особого внимания заслуживает антитеза, заключающая в себя начало и конец четвертого абзаца: *«Веселые моряки ... никогда уже больше не улыбались»*. Помимо того, «веселость» моряков упоминается и в начале фабульной части. Таким образом, антитеза распространяется на всю фабульную часть, а в смысле «хрупкость бытия» выделяемой гранью будет возможность разрушения без усилий: жизнь погубить легко и восстановить что-либо будет уже невозможно.

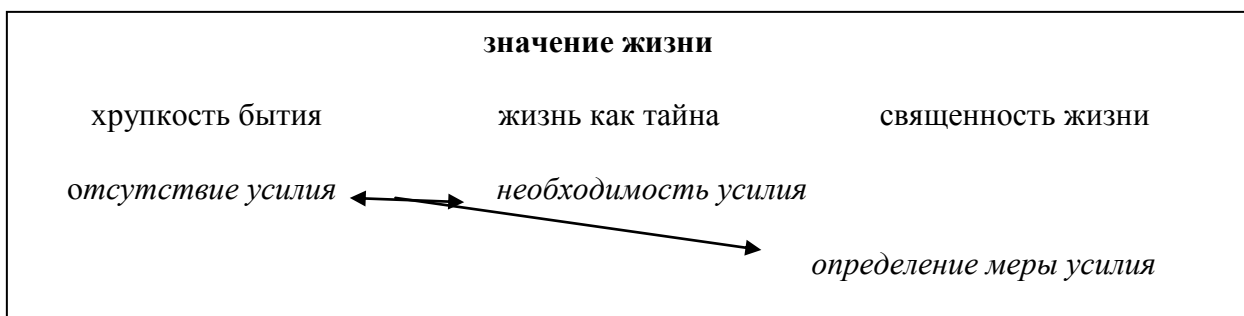
Притчевая композиция также акцентирует сложность абстрактного морального вывода, комплексность и труднодостижимость самого понятия жизни. Таким образом, опредмечивается более широкий смысл «жизни как тайны». Влияние смысла-модализации обеспечивает неpassивный статус этого смысла. В последующей рефлексивной деятельности может высветиться грань, указывающая на то, что важно не просто осознание таинственности жизни, но те усилия, которые человек готов приложить, чтобы эту тайну разгадать, перевести на понятный язык «значения жизни».

Помимо того, во взаимодействие смыслов включается еще более широкий смысл «священности жизни». В тексте он опредмечивается с помощью расширенной метафоры жизни как священного леса, представленной как фабульной, так в итоговой части данного рассказа-притчи. Актуализация наиболее значимой грани этого смысла происходит под влиянием взаимодействия выделяемых граней двух других подчиненных смыслов кластера, а именно установлением меры усилий, прилагаемых для постижения значения жизни при учете её священности. Установление меры происходит с помощью антитезного противопоставления, с одной стороны, выбора прилагать или нет усилия (ср. *«входить в жизнь/священный лес «веселым гулякой» или «с благоговейным трепетом»*, готовым стараться понять тайну жизни). С другой сто-

роны, также антитезного нарушения ожиданий: «ждем – победит бесцветный, холодный сок, а начинает хлестать красная, горячая кровь». Усилия также нужно прилагать с умом, осторожно, бережно обращаясь с тайной жизни.

Устанавливаемый вид отношений между частными смыслами под влиянием смысла-модализации, а также в ходе выделения активных граней в каждом из них, можно описать как *расширение* (см. схему 4). Притчевая композиционная форма предполагает переход от конкретного к абстрактному. Средства тектопостроения, опредмечивающие каждый из подчиненных смыслов блока, повторяют такой переход (от лексической антитезы, через композицию к объединению этих параметров в рамках развернутой метафоры). Соответственно расширяется и каждый последующий смысл, включаемый в данный кластер модальной партитуры распредмечивания смыслов текста.

Схема 4.

5. «Писатель»

В сильных позициях этого текста (о сильных позициях см.: [Москальчук 2003: 38–39]) повторяется ключевая атрибутивная группа «настоящий писатель», причем если в начале текста она включается в вопросительное предложение («Ну как вы думаете, выйдет из меня настоящий писатель?»), то в конце она дается с усилением и совершенностью («... рано это немножко, но вы стали – самым, самым «настоящим» писателем!»). Использование кавычек указывает на анафорическую связь второго упоминания данной дескрипции с первым, т.е. использование чужой речи, что еще больше актуализирует формируемое таким образом смысловое единство. Смысл, опредмечивает

ваемый в таком ярком композиционном приеме повтора, и является смыслом-модализацией единственного кластера модальной партитуры текста. Этот смысл может быть репрезентирован как «стремление к успеху». Это стремление является главной движущей силой, главным мотивом героя, который как многие молодые люди, делающие первые шаги в профессии, жаждет добиться славы и признания. Этот смысл направляет распределение остальных подчиненных ему смыслов: «жажда познания», «приоритет профессии», «неопределенность».

Опредмечивание первого смысла наиболее тесно связано с самим смыслом-модализацией. Соответствующим средством является вопросно-ответная композиционная организация рассказа. Все сюжетные действия презентуются читателю только через разговоры двух персонажей – самого молодого писателя и секретарши Анны Михайловны. Основными содержательно-смысловыми центрами этих разговоров являются вопросы обоих персонажей и просьбы юного автора. При этом если просьба в первый раз выполняется, то во второй раз следует отказ. Меняется и оценочная позиция: вместо одобрения, действия главного героя вызывают порицание, которое не выражается прямо. Указание на изменение оценки связывается с рассмотренным выше повтором как средством опредмечивания узлового смысла кластера, и выражение *настоящий писатель*, вводимое первый раз как возможная похвала, звучит в конце почти как ругательство. Нарушаются ожидания не только персонажей, но и читателя, которому вначале сообщается, что «вся редакция журнала любовно носилась» с подающим надежды молодым автором.

Особое место занимает сюжетный ход рассказа о проведенном эксперименте. Он является кульминацией всего содержания, поскольку неопределенность и интрига из первой части (когда действия героя были всеми одобряемы) разрешаются. Одновременно меняется и знак оценки. При этом само изложение фактов в тексте безоценочно. Помещение пересказа эксперимента в центр содержательного блока сюжета опредмечивает смысл «приоритет

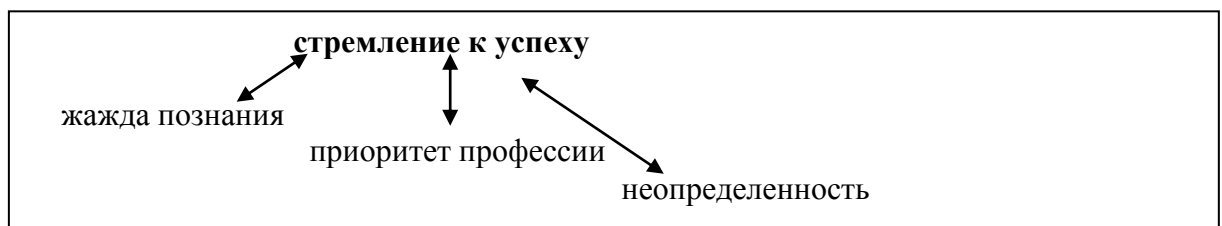
профессии». На это косвенно указывает и формируемая в этой части аспектуально-временная перспектива: маркирующее переходы от статики к динамике чередование форм прошедшего времени совершенного вида и безрезультативного варианта настоящего исторического формирует фазы развития этого включенного действия: подготовка – завязка – кульминация – развязка. Сам пересказ эксперимента выпадает из общего дейктического плана рассказа. Соединительную функцию выполняет увеличение доли настоящего исторического к концу всего сюжетного хода кульминации (*«Она слушает и молчит. ... Сидит и молчит, и глаза сухие, только очень большие. Видно, не верит...»*).

Смысл «неопределенность» является самым слабо связанным с исходным смыслом-модализацией, поскольку используемое для его опредмечивания средство также лишь косвенно можно представить восходящим к описанному выше блоку средств. Ср. использование указаний неопределенности: *«что-то совсем детское и ужасно милое», «выражение ребенка которого высекли, – он не знает за что...»*). Неопределенность присутствует в тексте с самого начала в первом вопросе героя, который «не верил своему счастью», и искал подтверждения тому, что он сможет стать «настоящим писателем». Вопросно-ответная модель оформления взаимодействия основных героев также поддерживает указанную неопределенность. Помимо того, сама интрига, «секрет», маркирующий переход к пересказу-кульминации, также способствуют нарастанию неопределенности. Интересно, что нисходящая категоризация смысла-модализации в модальные значения дает обратную квалификацию: внутреннее волеизъявление как категоризация смысла-модализации («стремление к успеху») и наиболее тесно связанного с ним модализированного первого смысла блока («жажда познания») благодаря изменению оценочной квалификации определяет сильную степень долженствования, поскольку профессия получает статус жизненного ориентира. Именно поэтому успеха нужно добиваться и для этого подойдут даже такие рискованные экс-

перименты как тот, который представлен как содержательная кульминация данного рассказа.

Итак, принимая во внимание мотивирующую силу объединяющего смысла-модализации, отношения между ним и подчиненными смыслами можно определить как *каузацию*, которая предполагает взаимную мотивированность и композиционное сходство (использование различных видов повторов, чередования) опредмечивающих смыслы средств текстопостроения. Таким образом, смысл-модализация дополнительно перевыражается в подчиненных смыслах кластера. Все три смысла оказываются изначально модализированными в большей или меньшей степени ядерным смыслом-модализацией. Последний при этом можно определить не только как обуславливающий введение дополнительных подчиненных ему смысловых единиц, но и как ответно обуславливаемый ими. Вместо выделения активных граней в самих подчиненных смыслах при понимании текста реципиент может без труда восстановить эту взаимную зависимость ядерного и подчиненных смыслов. Поэтому отношения между смыслами блока можно определить точнее как *взаимную каузацию* (см. схему 5).

Схема 5.

Выше были рассмотрены основные возможные типы устанавливаемых в ходе рефлексивного действования с текстом отношений между смыслом-модализацией и подчиненными ему остальными смыслами кластера в рамках модальной партитуры. Такими типами являются *выделение, стягивание, взаимное пересечение, расширение и взаимная каузация*. Предполагается, что в ходе дальнейшего исследования этот список может быть расширен. Важным результатом проведенного анализа выбранного текстового материала можно считать аспект выделения тех или иных граней в подчиненных смыслах, а

также возможность взаимного влияния смысла-модализации и частных смыслов блока друг на друга. Выстраивание подобных «мостиков» при понимании текста способствует реализации объединительной функции модальности на микроуровне – уровне частных смыслов, объединяемых в кластеры модальной партитуры.

Перейдем к рассмотрению реализации указанной функции на макроуровне – уровне взаимодействия целых кластеров модальной партитуры. Данное взаимодействие обеспечивает переход на более высокий уровень организации смысловой структуры текста – уровень метасмыслов и идей как смысловых интервалов.

4.3. Межкластерные связи в модальной партитуре текста. Переход на второй уровень организации смыслового стратума текста

О принципиальном различии процесса понимания при ориентации на восприятие лишь содержания, сюжетной линии и на освоение смыслов как «конфигураций множества связей и отношений в ситуации коммуницирования и мыследействования» [Богин 1999: 11] достаточно говорилось в предыдущих главах работы. Восстановление заложенных в тексте смысловых связей играет важную роль и в приобщении к культурному богатству метасмыслов, присутствующих в жизнедеятельности каждой нации. Иными словами, смыслы, осваиваемые при чтении текста, не могут являться продуктом мыслительно-языковой работы сознания конкретного реципиента, поскольку их существование культурно обусловлено (подробнее см.: [Богин 2001]). В рамках определенной культуры наиболее частотно опредмечиваемые в текстах смыслы, наиболее значимые для представителей определенного культурного сообщества, окрашиваются индивидуальностью описываемых ситуаций.

В настоящем параграфе рассматривается преобразование кластерной структуры первого уровня модальной партитуры текста в более высокий второй уровень, являющийся результатом консолидации первого уровня в ходе

наращивания, растягивания и конфигурирования смыслов. Второй уровень организации смыслового стратума текста представляет собой единство метасмыслов как результатов восходящего движения категоризации и/или идей как смысловых интервалов, образуемых противопоставлением нескольких смысловых линий равноправного статуса. Вместе метасмыслы и смысловые интервалы обеспечивают презентацию общей художественной идеи произведения. Помимо того, метасмыслы и смысловые интервалы связаны с общим ментальным банком наиболее значимых смыслов некоторого культурно-языкового сообщества. Последнее заслуживает самостоятельного герменевтического исследования и будет рассмотрено лишь поверхностно.

В качестве материала анализа берется текст повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича». Выбор обусловлен высоким художественным потенциалом произведения, а также возможностью его рассмотрения как средства выражения смыслов, к которым наиболее часто обращается не только Толстой, но и другие великие русские писатели – носители и выразители духа русской нации. При этом в указанном тексте культурно значимые смысловые конфигурации представлены в наиболее ясной организации, так как их выявление возможно на основе анализа наиболее простых средств текстопостроения.

Данный текст, несмотря на отсутствие, по словам современников (например, И.Н. Крамского), различных «украшений», будучи, по словам самого Л.Н. Толстого «описанием простой жизни простого человека» (из письма к Л.Д. Урусову) является примером взаимодействия наиболее важных для автора, русской культуры и всего человечества метасмыслов. Эти смыслы, действительно, опредмечены в определенном наборе средств, которые могут быть, в целом, охарактеризованы как «простые», несколько однообразные. В основном, это повторы различных типов. Главное, что, как и в последнем проанализированном в предыдущем параграфе рассказе В.В. Вересаева, эти повторы, вернее, их взаимодействие, обеспечивает презентацию основных взаимодействующих смыслов в рамках модальной партитуры текста. Такие

«смысловые» повторы обеспечивают не столько тематическое (содержательное), сколько идейное (смысловое) единство текста.

Лаконичность композиции связана с тем, что автор смог сформировать, прежде всего, для себя четкое представление о жизни и смерти, и, что еще важнее, о том, как жизнь, переходя в смерть, тем самым её уничтожает. Постоянное повторение пройденного материала, как в школьном уроке, призвано указать читателю на простоту и естественность заключений, к которым приходит герой. Его истинный, единственно правильный вывод о том, что вся его жизнь была «не то», освобождает его не только от физических и нравственных мучений, но и от самой смерти.

Повторы различных тем и мотивов объединяются вокруг смысловых центров, которые находятся во взаимодействии друг с другом. Такими центрами являются кластеры модальной партитуры, в которых организуется распределение основных смыслов-модализаций и некоторого набора подчиненных им частных смыслов. Помимо того, взаимодействие кластеров, вернее, их узловых смыслов-модализаций друг с другом через наращивание, растягивание и конфигурирование этих частных смыслов и самих смыслов-модализаций обеспечивает переход на более высокий уровень смысловой организации и консолидацию всего смыслового стратума текста.

Для начала, рассмотрим соотношение различных смысловых групп повторов и изменения (наращивание, растягивание, конфигурирование), происходящие в этих смысловых блоках. Естественно, что наиболее часто будет повторяться тема смерти, заявленная уже в названии повести. Однако интересен не сам повтор этого мотива, а его взаимодействие с темой жизни. Автор, таким образом, строит модель взаимоотношения понятийных областей жизни и смерти, которые на втором уровне смысловой организации текста будут выступать как метасмыслы. Рассмотрим случаи непосредственной вербализации повторов в связи с их участием в опредмечивании определенных блоков смыслов. Изменения внутри указанных блоков обеспечивают форми-

рование указанных метасмыслов. Данная корреляция иллюстрируется следующей таблицей:

№	Тематическая организация повторов	Соответствующие группы смыслов
1.	<p>... советовался с ним об этом самом розовом с зелеными листьями кретоне;</p> <p>... вся гостиная была полна вещиц и мебели;</p> <p>... заказал себе платье у Шармера, повесил на брелоки медальку с надписью: "respice finem" (лат. предвидь конец),</p> <p>... пообедал с товарищами у Донона и с новыми модными чемоданом, бельем, платьем, бритвенными и туалетными принадлежностями и пледом, заказанными и купленными в самых лучших магазинах, уехал в провинцию...;</p> <p>Иван Ильич сам взялся за устройство, выбирал обои, подкупал мебель, особенно из старья, которому он придавал особенный комильфотный стиль, обивку, и все росло, росло и приходило к тому идеалу, который он составил себе;</p> <p>... он задумывался о том, какие карнизы на гардины, прямые или подобранные; ... похожи друг на друга: штофы, черное дерево, цветы, ковры и бронзы ... но ему все это казалось чем-то особенным.</p>	<p>Вещизм</p> <p>Следование норме</p> <p>Однообразность</p> <p>Ординарность</p> <p>Самообман/ Неверие в собственную смерть</p>
2.	<p>... первая мысль каждого из господ, собравшихся в кабинете, была о том, какое значение может иметь эта смерть на перемещения или повышения самих членов или их знакомых;</p> <p>... чувство радости о том, что умер он, а не я;</p> <p>"Каково, умер; а я вот нет", - подумал или почувствовал каждый. "Глупо распорядился Иван Ильич: то ли дело мы с вами".</p> <p>Ах! что я вынесла!;</p> <p>Мысль о страдании человека, ... вдруг ужаснула Петра Ивановича... и ему стало страшно за себя;</p>	<p>Забота о материальном</p> <p>Отделение себя от всех/ Отделение себя от смерти</p>

	<p>"Трое суток ужасных страданий и смерть. Ведь это сейчас, всякую минуту может наступить и для меня";</p> <p>на помощь пришла обычная мысль, что это случилось с Иваном Ильичом, а не с ним и что с ним этого случиться не должно и не может;</p> <p>... смерть была такое приключение, которое свойственно только Ивану Ильичу, но совсем не свойственно ему.</p> <p>... подробности эти узнавал Петр Иванович только по тому, как мучения Ивана Ильича действовали на нервы Прасковьи Федоровны;</p> <p>... но что ей хотелось узнать, нельзя ли как-нибудь вытянуть еще побольше денег;</p> <p>Она стала желать, чтоб он умер, но не могла этого желать, потому что тогда не было бы жалованья;</p> <p>... жена выработала себе известное отношение к его болезни и держалась его независимо от того, что он говорил и делал;</p> <p>... она очень обстоятельно расспросила о разных ценах земли и определила ту, которую следует взять;</p> <p>... и я и все мои друзья – мы понимали, что это совсем не так, как с Каем.</p>	
3.	<p>ненужный член разных ненужных учреждений;</p> <p>Старший делал такую же карьеру, как и отец; Сестра была за бароном Грефом, таким же петербургским чиновником, как и его тесть.</p>	<p>Однообразие посредственности/ Ненужность</p>
4.	<p>... теперь им надобно исполнить очень скучные обязанности приличия и поехать на панихиду;</p> <p>Одно он знал, что креститься в этих случаях никогда не мешает. Насчет того, что нужно ли при этом и кланяться, он не совсем был уверен и потому выбрал среднее: войдя в комнату, он стал креститься и немножко как будто кланяться;</p> <p>Петр Иванович знал, что как там надо было креститься, так здесь надо было пожать руку, вздохнуть и сказать: "Поверьте!". И он так и сделал. И, сделав это, почувство-</p>	<p>Следование норме/ Бездумность/ Фальшивость приличий/ Искажение ценностей/ Лживая ненастоящая жизнь/ Неправильность лживой жизни</p>

вал, что результат получился желаемый: что он тронут и она тронута;

Прасковья Федоровна хотела предупредить его, чтобы он сел на другой стул, но нашла это предупреждение **не соответствующим своему положению** и раздумала;

... строго исполняющим то, что он считал своим **долгом**...

долгом же он своим считал все то, что считалось таковым наивысше поставленными людьми.

... он отдавался и чувственности и тщеславию, и - под конец, в высших классах – либеральности, но все **в известных пределах**;

... **подобие** человеческих дружелюбных отношений, то есть учтивость;

... все было так, как всегда делается. И ожидание, и важность напускная, докторская, ему знакомая, та самая, которую он знал в себе в суде;

"Ему нужен **порядок**, чтоб по утрам господи пили чай"

Он был середина между ними – умный, живой, **приятный и приличный** человек. Он служил, делал карьеру и вместе с тем **приятно и прилично**;

... высокий тон **порядочности**;

... с **чистыми** руками, в **чистых** рубашках, с французскими словами и, главное, в самом высшем обществе, следовательно, с **одобрением высоко стоящих людей**;

... **таким же comme il faut**"ным, **приличным**, делал **приятное** для себя, приобретая такую жену, и вместе с тем делал то, что **наивысше поставленные люди считали правильным**;

Иван Ильич начинал уже думать, что женитьба не только не нарушит того характера жизни легкой, **приятной**, веселой и всегда **приличной и одобряемой обществом**, который Иван Ильич считал **свойственным жизни вообще**;

... освободиться от **неприятности**;

Он понял, что супружеская жизнь ... **не содействует всегда приятностям и приличию жизни**;

	<p>Отчуждение это могло бы огорчать Ивана Ильича, если бы он считал, что это ... не только нормальным, но и целью всей деятельности в семье;</p> <p>... скоро отпала легкость и приятность, и с трудом удерживалось одно приличие;</p> <p>Объяснить бы можно было, если бы сказать, что я жил не так, как надо. Но этого-то уже невозможно признать", – говорил он сам себе, вспоминая всю законность, правильность и приличие своей жизни;</p> <p>... а что, как и в самом деле вся моя жизнь, сознательная жизнь, была "не то";</p> <p>... каждое их слово подтверждало для него ужасную истину, открывшуюся ему ночью. ... он ... ясно видел, что все это было не то, все это был ужасный огромный обман, закрывающий и жизнь и смерть;</p> <p>Пролететь же ему мешает признание того, что жизнь его была хорошая. Это-то оправдание своей жизни цепляло и не пускало его вперед и больше всего мучало его.</p>	
5.	<p>...любил давать чувствовать, что вот он, могущий раздать, дружески, просто обходится с ними;</p> <p>...все у него в руках;</p> <p>...но сознание этой власти и возможность смягчать ее составляли для него главный интерес и привлекательность его новой службы;</p> <p>Сознание своей власти, возможности погубить всякого человека, которого он захочет погубить, важность, даже внешняя, при его входе в суд и встречах с подчиненными, успех свой перед высшими и подчиненными... – все это радовало его;</p> <p>Радости служебные были радости самолюбия; радости общественные были радости тщеславия;</p> <p>... то, что казалось для него по отношению к нему величайшей, жесточайшей несправедливостью, другим пред-</p>	<p>Гордыня</p> <p>Властолюбие</p> <p>Отделение себя от других</p>

	<p>ставлялось совсем обыкновенным делом; ...не умели оценить его.</p>	
б.	<p>Не было вопроса о жизни Ивана Ильича, а был спор между блуждающей почкой и слепой кишкой; Не в слепой кишке, не в почке дело, а в жизни и... смерти;</p> <p>То перед глазами была одна почка или кишка, которая на время отклонилась от исполнения своих обязанностей, то была одна непонятная ужасная смерть, от которой ничем нельзя избавиться;</p> <p>То свет был, а теперь мрак. То я здесь был, а теперь туда! Куда?" Думаю о том, чтобы починить кишку, а это смерть;</p> <p>Да, жизнь была и вот уходит, уходит, и я не могу удержать ее. Да. Зачем обманывать себя? Разве не очевидно всем, кроме меня, что я умираю;</p> <p>В глубине души Иван Ильич знал, что он умирает, но он не только не привык к этому, но просто не понимал, никак не мог понять этого;</p> <p>Кай – человек, люди смертны, потому Кай смертен, казался ему во всю его жизнь правильным только по отношению к Каю, но никак не к нему; Не может быть. Не может быть, а есть. Как же это? Как понять это?"</p> <p>Ложь, ложь эта, совершаемая над ним накануне его смерти, ложь, долженствующая низвести этот страшный торжественный акт его смерти до уровня всех их визитов, гардин, осетрины к обеду... была ужасно мучительна для Ивана Ильича;</p> <p>Доктор знает, что это выражение здесь не годится, но он уже раз навсегда надел его и не может снять, как человек, с утра надевший фрак и едущий с визитами;</p> <p>Она входит, целует мужа и тотчас же начинает доказывать, что она давно уж встала и только по недоразумению ее не было тут, когда приехал доктор;</p> <p>Все то, чем ты жил и живешь, – есть ложь, обман, скрывающий от тебя жизнь и смерть".</p>	<p>Самообман/ Отделение себя от других/ Общая ложь/ Лживая жизнь Неотвратимость смерти</p>

7.	<p>Раз знакомая дама рассказывала про исцеление иконами. Иван Ильич застал себя на том, что он внимательно прислушивался и проверял действительность факта. Этот случай испугал его. "Неужели я так умственно ослабел? - сказал он себе.</p> <p>- Пустяки! Все вздор, не надо поддаваться мнительности." Что? Причаститься? Зачем? Не надо! А впрочем...</p>	<p>Нигилизм</p> <p>Отделение себя от смерти</p>
8.	<p>...что-то страшное, новое и такое значительное, чего значительнее никогда в жизни не было с Иваном Ильичом, совершалось в нем;</p> <p>...что-то ужасное и страшное, неслыханное, что завелось в нем и не переставая сосет его и неудержимо влечет куда-то;</p> <p>отрава эта не ослабевает, а все больше и больше проникает все существо его;</p> <p>Неужели смерть? Нет, не хочу";</p> <p>Смерть. Да, смерть. И они никто не знают, и не хотят знать, и не жалеют. Они играют. (Он слышал дальние, из-за двери, раскат голоса и ритурнели.) Им все равно, а они также умрут. Дурачье. Мне раньше, а им после; и им то же будет. А они радуются. Скоты!" ;</p> <p>Не может же быть, чтоб все всегда были обречены на этот ужасный страх;</p> <p>Она мелькнула, он еще надеется, что она скроется, но невольно он прислушался к боку, – там сидит все то же, все так же ноет, и он уже не может забыть, и она явственно глядит на него из-за цветов. К чему все?;</p> <p>Все то же. То капля надежды блеснет, то взбушует море отчаяния, и все боль, все боль, все тоска и все одно и то же;</p> <p>...та же комната, те же картины, гардины, обои, склянки и то же свое болящее, страдающее тело;</p> <p>...все те же неразрешающиеся страдания и одиноко думал все ту же неразрешающуюся думу. Что это? Неужели</p>	<p>Неопределенность смерти/ Отделение себя от смерти →Соединение себя с другими/ Осознание своей смертности/Страх смерти/Неотвратимость смерти</p>

	<p>правда, что смерть? И внутренний голос отвечал: да, правда. Зачем эти муки? ;</p> <p>Он бился, как бьется в руках палача приговоренный к смерти.</p>	
9.	<p>Божья воля. Все там же будем, – сказал Герасим.</p> <p>Герасим был чистый, свежий, раздобревший на городских харчах молодой мужик. Всегда веселый, ясный. Сначала вид этого, всегда чисто, по-русски одетого человека, делавшего это противное дело, смущал Ивана Ильича;</p> <p>...приятный запах дегтя;</p> <p>...в чистом фартуке и чистой ситцевой рубаше очевидно, сдерживая, чтобы не оскорбить больного, радость жизни, сияющую на его лице, – подошел к судну;</p> <p>...как он легко ступал, обнял, ловко, мягко поднял и держал;</p> <p>Герасим, без усилия и как будто не нажимая, свел его, почти неся, к дивану и посадил;</p> <p>- Спасибо. Как ты ловко, хорошо... все делаешь;</p> <p>...ему казалось, что ему лучше, пока Герасим держал его ноги;</p> <p>Герасим делал это легко, охотно, просто и с добротой, которая умиляла Ивана Ильича; Здоровье, сила, бодрость жизни во всех других людях оскорбляла Ивана Ильича; только сила и бодрость жизни Герасима не огорчала, а успокаивала Ивана Ильича;</p> <p>За ним вполз незаметно и гимназистик в новеньком мундирчике, бедняжка, в перчатках и с ужасной синева под глазами;</p> <p>Сын всегда жалок был ему. И страшен был его испуганный и соболезнующий взгляд;</p> <p>Кроме Герасима, Ивану Ильичу казалось, что один Вася понимал и жалел;</p> <p>...возникал целый ряд воспоминаний того времени: няня, брат, игрушки;</p> <p>...другой был, и другая ссора;</p>	<p>Настоящая жизнь/ Отличность настоящей жизни от жизни лживой/ Неприятие этой настоящей жизни/ Правильность настоящей жизни/ Сострадание/ Соединение себя с другими/ Осознание и принятие настоящей жизни/ Победа жизни над смертью</p>

	<p>Гимназистик схватил ее, прижал к губам и заплакал. Ему стало жалко его;</p> <p>Ну что ж, пускай боль". "А смерть? Где она? Он искал своего прежнего привычного страха смерти и не находил его.</p> <p>Вместо смерти был свет.</p> <p>"Кончена смерть, – сказал он себе. – Ее нет больше".</p>	
--	---	--

Представляемые блоки, в целом, соответствуют хронологии развития сюжета повести. Однако основным принципом конфигурирования блоков является тематическое единство в выделяемых группах повторов. В примерах из текста выделения жирным шрифтом указывают на актуализацию тематически связанных повторов. В правом столбце даны соответствующие им смыслы: самостоятельные и с записью через косую черту. В последнем случае представляется актуализация нескольких граней одного смысла.

Уже в первой группе выделяются основные смыслы-модализации, которые подвергаются растягиванию и наращиванию через конфигурацию с различными подчиненными смыслами в последовательно и непоследовательно (с чередованиями) сменяющих друг друга кластерах модальной партитуры текста. Первый из них опредмечивается как тематический повтор мотива «следование норме». Помимо опредмечивания с помощью повторов данный смысл получает множественную репрезентацию в тексте. Например, на протяжении всего текста наблюдается обильное использование именованных лиц с помощью указания имени и отчества (без фамилии):

«Предполагаемый переворот, кроме своего значения для России, имел особое значение для Ивана Ильича тем, что он. Выдвигая новое лицо, Петра Петровича и, очевидно, его друга Захара Ивановича, был в высшей степени благоприятен для Ивана Ильича».

Упоминание имени и отчества главного героя имеется, что даже более существенно, в самом названии повести. Использование подобного способа именованья конвенционально для русскоязычного культурного контекста.

Помимо начальной ориентации (в названии) частотность использования этого способа именованя лица подчеркивает «приличность» круга общения Ивана Ильича. Правильность являлась одной из необходимых и желанных составляющих жизни, к которой он стремится – жизни *«легкой, приятной, веселой и всегда приличной и одобряемой обществом»*. Действительно, оценивая и воспринимая текст только по содержанию, читатель отмечает отсутствие, чего бы то ни было предосудительного, неприличного, неправильного в способе бытия героя. Однако автор с помощью средств текстопостроения подсказывает, что такое понимание будет ложным. Тексты Толстого, Достоевского, Шмелева и других великих русских всегда ориентированы не на содержание, а на надстраивание смысла над содержанием. Такая смысловая надстройка происходит над значением имен собственных в анализируемом тексте. В детстве *Ивана Ильича* звали *Ваней*. И была его жизнь тогда другой, в ней ещё было то, что действительно нужно и что потом исчезло, потерялось, растворилось в стремлении быть таким как нужно, получить одобрение начальства и членов общества, быть таким как все.

Использование заимствований *комильфотность, комильфотный* также способствует авторскому опровержению содержательного вывода о правильности жизни персонажа. Описание способа организации жизненного пространства Ивана Ильича, Захара Ивановича, Петра Петровича и подобных им людей, их стремление к тому, чтобы все было «как надо» (*comme il faut*), актуализирует растворение собственного Я человека, одинаковость, безликость, а следовательно, неправильность такого существования с точки зрения писателя. Очевидно, что в данном случае содержание и смысл оказываются противопоставленными друг другу. Ведь по содержанию герой старается жить, как следует, и считает, что все в его жизни устроено рационально. Однако восстанавливая смысловые связи, читатель понимает, что красивая форма лишь маскирует пустоту заимствованного у кого-то другого стиля поведения и стратегии думанья.

В первом блоке смысл «следование норме» представляется конфигурированным со смыслами однообразие и ординарность. Второй смысл-модализация может быть представлен как «самообман: неверие в собственную смерть». Обман и ложь являются наиболее существенными признаками устанавливаемых в обществе норм жизни. Связывание двух закладываемых линий модализации происходит при участии опредмечивания смысла «вещизм», который представляет собой перевыражение обманчивости внешне навязываемых правил, давление материального внешнего по отношению к личности мира. Показательно, что самообман следования внешним заимствованным идеалам уже на данном этапе соединяется с темой смерти.

Далее происходит растягивание и наращивание двух заданных линий модализации в каждом из конфигурируемых блоков, которые являются кластерами модальной партитуры распределенности смыслов анализируемого текста. Указанные смыслы-модализации благодаря встречаемости с подчиненными им смыслами либо приобретают новые нозмы – изменяются, наращиваются, либо выступают в неизменном виде, но благодаря интенсификации повтора растягиваются, выступают как все более и более значимые. Так, во втором кластере «вещизм» предстает в несколько генерализированном виде «заботы о материальном», поскольку на первое место выходит «я» каждого персонажа. Заблуждаясь, люди мнят каждый свое существование чем-то особенным, непохожим на жизни других людей. При этом смысл-модализация «следования норме», который в образовании данного кластера не участвует, оказывается ему противопоставленным: соблюдение общих законов должно вести к единообразию, а не к установлению приоритета индивидуальности. Данное противопоставление дополнительно актуализируется в наращивании исходного смысла «самообман», который конкретизируется, превращаясь в смысл «отделение себя от других» с активной гранью в контексте данной содержательной ситуацией – «отделение себя от смерти». Исходная связанность с темой смерти, как видно, сохраняется. Именно в данной модификации второй смысл-модализация растягивается многократным по-

вторением в рассматриваемых блоках модальной партитуры. В частности, в 5 блоке ему подчинены смыслы «гордыня» и «властолюбие». В 6 и 7 блоках связь с понятийным блоком смерти возрастает, что обусловлено движением сюжета. В блоке 8 этот смысл трансформируется в своего антипода – смысл «соединение себя с другими». Предпосылкой такого радикального изменения можно считать формируемую в тексте метафору суда, в которой врач превращается в представителя грозной инстанции, которая одна вольна решать участь героя. В своем общении с докторами Иван Ильич вынужден ощутить все то, что обычно испытывали попадавшие в его власть люди. Теперь он занимал место не судьи, а подсудимого:

«Доктор строго взглянул на него взглядом, как будто говоря: подсудимый, если вы не будете оставаться в пределах ставимых вам вопросов, я буду принужден сделать распоряжение об удалении вас из зала заседания».

Метафорическое сравнение врачебного кабинета с залом суда указывает на то, что Иван Ильич заслужил такое обращение, ведь он так же поступал с людьми, судьба которых зависела от одного его решения, следовательно, он ничуть не лучше всех этих людей, он один из них.

Таким образом, конфликт двух линий модализации сглаживается, смыслы-модализации сближаются, равно как и управляемые ими кластеры модальной партитуры. Такое сближение происходит, однако, на фоне разнонаправленного движения развития указанных линий. Если смысл «следование норме» переходит при конфигурировании в большинстве рассматриваемых кластеров в смысл «фальшивая, неправильная жизнь», в частности, так происходит в блоках 4 и 6, то смысл «отделение себя от других» трансформируется в смысл «соединение себя с другими» с активной гранью «неотвратимости смерти» (ср. блоки 6 и 8, 9). Таким образом, объединяясь в ходе наращивания-растягивания-конфигурирования, линии модализации формируют вывод на уровне метасмысловой организации текста о том, что неправильная фальшивая жизнь влечет за собой смерть, смерть духа, а не только тела.

Только в блоке 9 представляется альтернатива такому финалу. Здесь устанавливается иная норма, иной жизни (ср. повтор слова «другой»). Наиболее четко это прослеживается в акцентуации повтора дескрипций, использовавшихся для описания неправильной нормы «фальшивой жизни» в более ранних смысловых блоках. Ср.: «Он был ... *приятный и приличный* человек; с *чистыми* руками, в *чистых* рубашках; *легкость и приятность*; жизнь его была *хорошая*» (блок 4) и «*приятный* запах дегтя; Герасим был *чистый*, свежий; в *чистом* фартуке и *чистой* ситцевой рубахе; он *легко* ступал; Герасим делал это *легко*, охотно, просто».

Таким образом, приятность, легкость и чистота как повторы в рамках одного кластера противопоставляются соответствующим «обновленным» в ином контексте характеристикам, благодаря чему акцентируется противопоставление фальшивой, ненастоящей жизни и жизни правильной, настоящей («неискаженной» ложью). Переход смысла «отделение себя от других» в смысл «соединение себя с другими» в 9 блоке подкрепляется конфигурированием его с подчиненным смыслом «сострадание». Последний имеет в качестве актуализированной грани аспект необходимости работы над собой, своей душой. Способность чувствовать боль ближнего возникает не сама по себе, а как следствие усилия над собой. Указанная идея выражается Толстым через слова Герасима, слуги, ухаживающего за Иваном Ильичем:

«Все умирать будем. Отчего же не потрудиться? – сказал он, выражая этим то, что он не тяготится своим трудом именно потому, что несет его для умирающего человека и надеется, что и для него кто-нибудь в его время понесет тот же труд» [подчеркивания наши – Е.И.].

В блоке 9 настоящая жизнь обеспечивает победу над смертью и утверждается одна только жизнь, что в целом соответствует типу конструируемой в тексте модальной смысловой партитуры: используется противоположная стратегия организации смысловой структуры текста, согласно которой выводы, формируемые на основе анализа содержательных связей, противоположны устанавливаемым смысловым отношениям. Большую часть текста состав-

ляет описание физических страданий Ивана Ильича, который медленно умирает от болезни, которую врачи даже не в состоянии четко определить. Ощущение тревоги, нависшей угрозы, неизвестности пронизывают все повествование и актуализируются с помощью текстовых средств. Присутствие слова *смерть* в названии ориентирует читателя. При этом ожидание смерти соединяется с испытываемой мучительной болью, которая персонифицируется и осознается как самостоятельный субъект, дополнительный персонаж:

«...но она продолжала свое, и она приходила и становилась прямо перед ним и смотрела на него, и он столбенел...»

Таким образом, само название, присутствие в нем слова *смерть*, указывает на трагедийность событий, которые писатель собирается описывать. Подтверждает это и дальнейшее изложение всех ужасов терзающей и ведущей к смерти главного героя болезни. Но концовка повести переворачивает ожидания читателей. Это не смерть как освобождение от страданий материального мира (как в восточной философии), а смерть и страдания для того, чтобы понять истинную суть жизни, как утверждение небесцельности бытия. Этот смысл также относится к обширному полю русской православной культуры и опредмечивается в работах многих русских писателей.

Взаимодействие кластеров модальной партитуры текста можно охарактеризовать с нескольких позиций. Во-первых, происходит растягивание и наращивание в конфигурируемых блоках двух основных смыслов-модализаций: «следовании норме» и «самообман: неверие в собственную смерть». Эти смыслы оказываются то сближаемыми, интегрируемыми, то противопоставляемыми, дезинтегрируемыми. В результате противоположной (антиподной) трансформации второго из этих смыслов тенденция объединения побеждает. Однако противопоставление на этом не заканчивается. Создается еще один финальный кластер, в котором указанные смысловые конфигурации выступают в новом свете. Более тщательный анализ, может выявить и восстановление динамики модального устройства при категоризации взаимодействующих смыслов-модализаций. Смысл-модализация «следова-

ние норме» предполагает переход в значение внешнего волеизъявления, поскольку последовательно описываются опасности бездумного следования внешним неправильным, фальшивым правилам. Постепенное наслаивание на растягиваемый и наращиваемый смысл-модализацию оценочных квалификаций в результате категоризации воплощается в аксиологической оценке, которая перемещается от положительного полюса к отрицательному и обратно. Ср.: жизнь его была *хорошая*» (блок 4) – Как ты *ловко, хорошо...* все делаешь» (блок 9).

Смысл-модализация «самообман: неверие в собственную смерть» в своей модификации «отделение себя от других» за счет противопоставления и, затем, объединения дейктических планов «я» - «другие» категоризируется в виде установления знака отношений внутри блока веры/знания и, соответственно, в блоке необходимости/возможности, что формирует квалификацию событий относительно реальности/ирреальности. Последнее соотношение является определяющим не столько для уровня содержания, сколько для уровня смысла, поскольку метасмысл жизни в ходе растягивания и наращивания на первом уровне структурной организации претерпевает двоичное перевыражение: жизнь разделяется на фальшивую, ненастоящую, ведущую к смерти, и настоящую, которая способна смерть победить.

Итак, на втором итоговом уровне организации смысловой структуры текста устанавливается метасмысловый интервал, где противопоставляемыми комплексами будут, с одной стороны, фальшивая жизнь, рождающая неизбежность смерти, не только физической, но и духовной, и настоящая жизнь, предопределяющая победу над смертью. Оба смысловых комплекса опредмечиваются почти одновременно: хотя метасмысловый комплекс «настоящей жизни» в основном объеме повести представлен лишь в потенции, навязчивое повторение атрибутивов «правильный», «приличный», «приятный», «легкий» формируют необходимость отвержения описываемой нормы жизни и установления иного порядка. Несмотря на ясность устанавливаемого автором отношения внутри данного метасмыслового интервала благодаря изме-

нению ориентиров представляемой аксиологической оценки, в тексте нет непосредственных указаний на необходимый приоритет одного из комплексов. В конце говорится об исчезновении смерти: *"Кончена смерть, – сказал он себе. – Ее нет больше"*. Но Иван Ильич все равно «умер». Читателю предоставляется право подумать над тем, что бы было, если бы смерть действительно исчезла и в реальном физическом мире. Если бы духовно люди всецело осознали свое бессмертие. Таким образом, формируемая на основе конструирования данного метасмыслового интервала художественная идея, остается непосредственно не выраженной.

На примере рассмотренного текста было также показано насколько тесно содержательность текста, т.е. содержание и стоящий над ним смысл связаны с культурным контекстом, как в его временном аспекте (описание системы взаимоотношений внутри определенной эпохи), так и в плане опредмечивания метасмыслов, наиболее частотных в текстах русской художественной литературы.

В целом, наиболее существенным является вывод о том, что конструированием модальной партитуры в её кластерной организации не завершается процесс консолидации смыслового стратума текста. Благодаря выстраиванию «мостиков» внутри и между кластерами при учете координирующей силы узловых смыслов-модализаций обеспечивается переход на более высокий уровень организации смысла – уровень метасмыслов и идей как смысловых интервалов, которые, в свою очередь, формируют в каждой конкретной герменевтической ситуации у реципиента представление о художественной идее произведения и, следовательно, о его смысловой целостности.

Выводы по Главе 4

Модальный механизм консолидации всего смыслового стратума текста обуславливает выделение особых параметров «текстовости». При разработке системы указанных параметров учитывалось то, что в развиваемой нами концепции модальности приоритет в обеспечении единства формы и содер-

жания текста закрепляется за смыслом, а именно за модальной смысловой партитурой, обеспечивающей интенсивное и продуктивное освоение читателем свернутых в тексте единичных смыслов. В целом, текст рассматривался как модально регламентируемое пространство бытия смысла.

В качестве параметров текстовости, в модальном аспекте интерпретации этого понятия, были выделены следующие факторы:

1. рефлексивный потенциал текста;
2. стратегии взаимодействия уровней содержания и смысла;
3. обращение к содержанию рефлексивной реальности адресата;
4. соотношение семантической инструкции и субъективной направляющей;
5. адекватность распределения смыслов текста;
6. взаимодействие смыслов внутри кластера: внутрикластерные связи в модальной партитуре распределения смыслов;
7. переход на второй уровень организации смыслового стратума текста: межкластерные связи в модальной партитуре распределения смыслов.

Среди указанных характеристик текстовости наибольшее значение в аспекте выяснения закономерностей функционирования модального механизма консолидации смыслового стратума художественного текста имеет взаимодействие смыслов внутри кластера и возникающие типы внутрикластерных связей. Было описано пять основных типов такого взаимодействия: выделение, стягивание, взаимное пересечение, расширение и взаимная каузация.

При переходе на более высокий уровень консолидации на первый план выходят межкластерные связи в модальной партитуре распределения смыслов текста. На втором уровне структурной организации смыслового стратума текста возникает единство метасмыслов как результатов восходящего движения категоризации. Также возможно образование смысловых интервалов – противопоставлений нескольких смысловых линий равноправного статуса. Вместе метасмыслы и смысловые интервалы обеспечивают презентацию общей художественной идеи произведения. Указанное единство со-

здается в результате растягивания, наращивания и конфигурирования в смысловых блоках модальной партитуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы о модальности как механизме консолидации смыслового стратума художественного текста.

1. Модальность представляет собой поле языкового сознания, координирующее реализацию стратегий формирования модальных партитур речевых сообщений (текстов). Актуализация указанного поля происходит в ходе взаимодействия смыслов-модализаций – узловых направляющих смыслов модальной партитуры распределенности смыслов текста – и системы модальных значений при восстановлении динамики модального устройства языкового сознания как результате нисходящей категоризации узловых модальных смыслов и обязательном этапе деятельности рефлексии, направленной на текст. Указанное устройство выступает в роли механизма, который отвечает за сохранение рассматриваемой области языкового сознания как части идеальных оснований языковой системы.

Система модальных значений, образующих модальное устройство языкового сознания, включает в себя четыре оппозитивных пары (блока): значения *возможности/необходимости* – в алетическом, деонтическом, а также эпистемическом аспектах; значения *волеизъявления/долженствования* – как понятийные компоненты деонтической модальности; значения *веры/знания* как объективная и субъективная стороны эпистемической интерпретации модальности; а также пара значений *способности/умения*, составляющих динамическую модальность.

Модальные значения рассматривались как категоризированные модальные смыслы, т.е. ядерные составляющие наиболее частотных модальных смыслов, бытующих в любой культуре. Модальные смыслы наиболее легко опознаваемы, в связи с выполняемой ими вспомогательной функцией координирования процесса опредмечивания/распределенности смысла в тексте.

Каждый из блоков значений имеет определенный статус в целостной системе модального устройства языкового сознания. Блок значений веры/знания, находящийся на периферии модального устройства, может выполнять запускающую функцию, инициируя восстановление динамики связей между остальными блоками. Данный блок непосредственно связан со значениями способности/умения, онтологически соотносимыми с блоком волеизъявления/долженствования, и выполняющими посреднические функции в связывании периферии и центра устройства.

Пара значений волеизъявления/долженствования имеет управляющий статус как детерминирующая переустройство мира в реальности и тексте.

Значения необходимости/возможности помещаются в центр устройства и имеют продуцирующе-стягивающий статус, так как большинство значений других блоков оказываются непосредственно или косвенно с ними связанными.

Разделение блока веры/знания и блока необходимости/возможности, обеспечивает центробежность направления взаимодействия значений, поскольку центр и периферия объединяются, представляя собой перевыражение одного и того же понятийного блока. Указанное разделение также способствует реализации процесса языковой фиксации понятийного противопоставления реальности/ирреальности: знак соотношения между компонентами блока веры/знания ($>$ или $<$), устанавливаемый эпистемической оценкой как ориентиром вероятности, предопределяет соответствующие отношения между компонентами блока необходимости/возможности, что в совокупности дает квалификацию событий как реальных/ирреальных.

Вхождение оператора оценки в систему модального устройства языкового сознания обусловлено тем, что он может присоединяться к узловым смыслам-модализациям, а также к отдельным подчиненным смыслам каждого кластера, и влиять на категоризацию модальных значений при восстановлении динамики модального устройства сознания, вследствие чего интенсифицируется

фицируется деятельность рефлексии и увеличивается степень консолидации всего смыслового стратума текста.

2. Взаимоотношения между уровнями содержания и смысла поддерживаются направлением рефлексии на узловые смыслы-модализации и последующей их трансформацией в языковые модальные значения. Иными словами, содержательно-смысловое единство текста создается в результате рефлексивного действия в соответствии с заложенной в текст модальной партитурой распределения его смыслов. Последняя устанавливает тот или иной тип отношений между планом содержания и планом смыслов на I уровне смысловой организации художественного текста. Указанная организация подразумевает объединение смыслов в кластеры, в каждом из которых в качестве узлового смысла, направляющего и координирующего процесс распределения остальных смыслов, выделяется модальный смысл как смысл-способ преломления и преобразования реальности в тексте. В качестве возможных стратегий, устанавливающих тип взаимодействия между уровнями содержания и смысла были рассмотрены *противоположная, противоречивая, пресуппозитивная и коррелятивная* стратегии.

Противоположная организация отношений между содержанием и смыслом в тексте подразумевает прямое отрицание выводов, сделанных на основе анализа содержательных связей, заключениями, выводимыми из процесса распределения смыслов в тексте.

При построении модальной партитуры на основе *противоречивого* устройства содержательно-смысловых связей в тексте, взаимное отрицание планов содержания и смысла осознается, но линии развития содержания и репродукции/продукции смыслов развиваются параллельно без замещения одного другим. При этом наиболее значимые содержательные ориентиры включаются в процесс восстановления смысла.

Пресуппозитивная конструкция модальной партитуры может быть определена как предполагающая детерминированность блока выводимых смыслов связями внутри всего плана содержания.

Корреляция плана содержания и плана смыслов предполагает их взаимное влияние: комплекс содержательных связей определяет направление смыслового взаимодействия и наоборот.

Тип модальной партитуры с зафиксированным способом сопоставления содержательных и смысловых связей определяет последующую нисходящую категоризацию смыслов-модализаций каждого кластера в направлении определенных типов модальных языковых значений и, соответственно, разный способ восстановления связей внутри модального устройства сознания. Так, противоположная и противоречивая стратегии организации отношений между уровнями содержания и смысла в качестве основного блока устройства выделяют блок необходимости/возможности, тем самым подтверждая его продуцирующе-стягивающий статус. Пресуппозитивная стратегия конструирования модальной партитуры позволяет наиболее полно восстановить динамику модального устройства, задействуя сразу два полюса, находящихся на противоположных сторонах устройства, – волеизъявления/долженствования и веры/знания. Коррелятивная стратегия в противоположность всем другим способам организации отношений между блоками содержания и смысла фокусирует рефлексивное усилие на одном из значений системы. При этом статика подавляет динамику, указывая на возможность существования модального устройства сознания не только в виде динамически организованного объединения модальных значений, но и в виде стабильного слежка рефлексивной деятельности субъекта.

Рассмотренные стратегии могут комбинироваться (например, в тексте может реализовываться гибридная пресуппозитивно-коррелятивная стратегия).

3. Оценка входит в систему понятийных оснований языковой и текстовой модальности. Оценка рассматривается как оператор, обеспечивающий интенсификацию динамики модального устройства и переход одних модальных значений в другие в ходе нисходящей категоризации и трансформации узловых смыслов-модализаций в модальные значения.

Формирование системы оценочных ориентиров в художественном тексте способствует увеличению степени консолидации его смыслового стратума, поскольку наличие таких компонентов помогает устанавливать дополнительные связи как внутри, так и между кластерами модальной партитуры. Помимо того, компоненты аффективной сферы находят непосредственный доступ к процессам смыслопроизводства в тексте через оценочные компоненты модальной смысловой структуры текста.

Взаимодействие оценок разных типов обеспечивает связность текста как на содержательном, так и на смысловом уровне. Были рассмотрены следующие виды оценки: этическая и эстетическая оценки, аксиологическая и прагматическая (и телеологическая) оценки (при учете возможности их дополнительной модификации с помощью оценки интенсивности), эпистемическая оценка, эмоциональная оценка как преобразование оценок всех других типов. Нам была установлена квалификация каждого вида оценки по шкале, описывающей соотношение объективности и субъективности через переходные элементы: объективности/субъективности, где два полюса оказываются тесно связанными, но все еще дискретными; и интерсубъективности, где полюсы, взаимодействуя, сливаются, образуя качественно новое единство. Полученная модель связанности типа оценки с тем или иным параметром шкалы отображает общую стратегию взаимодействия объективного и субъективного в тексте.

Усиление смысловой консолидации посредством введения комплекса оценочных ориентиров в текст связывается с присоединением оценочного компонента к смыслам (смыслам-модализациям и подчиненным смыслам) как составляющим модальной партитуры распрямления смыслов текста. К одному и тому же смыслу (обычно смыслу-модализации) могут прикрепляться оценки разных типов. При этом тип оценки определяется окончательно на уровне категоризации модальных значений, когда связывание оператора оценочности с определенным компонентом модального устройства интенсифицирует восстановления динамики модального устройства языкового со-

знания, а также указывает типовую квалификацию оценки, присоединяемой к тому или иному смыслу. Было установлено, что эпистемическая оценка определяет знак отношения внутри пары значений веры/знания и обеспечивает связывание этих значений с центральным элементом системы модальных значений – блоком необходимости/возможности. При этом определяется квалификация всей ситуации, на основе которой происходит смыслообразование в тексте, как реальной или ирреальной. Прагматическая и аксиологическая оценки связываются со значением волеизъявления, при возможности актуализации типологических разновидностей данного значения (внешней и внутренней) и восстановления его связи с блоком способности/умения. Этическая (и эстетическая) оценка, в первую очередь, соотносится со значением долженствования, что следует из нормативного статуса такой оценки. Помимо того, данный тип оценки связывается с восстановлением связи между блоками веры/знания и способности/умения.

4. Дополнительное накладывание эмоциональной составляющей на различные типы оценок еще более активизирует осознание рефлексивной трудности и, соответственно, повышает качество понимания. Благодаря объединению средств текстопостроения, выражающих эмоциональное состояние персонажей (автора), и средств презентации оценки в смысловую партитуру текста закладывается механизм обязательной индикации рефлексивной трудности, указываемой не только типом устанавливаемых отношений между содержанием и смыслом, но и факультативным связыванием опыта значащих переживаний с эмоциональной составляющей. Актуализация эмоционально-волевого оценочного комплекса как компонента значащего переживания, связанного с осознанием рефлексивной трудности в банке опыта реципиента, при освоении нового текста, содержащего комплекс средств экспликации эмоций и оценки, интенсифицирует деятельность рефлексии, а также обуславливает достижение еще большей консолидации смыслового стратума текста. Формируемая в этом случае модальная партитура распределения смыслов текста является аффективно окрашенной. При создании партитуры

такого типа связи внутри конструируемого смыслового пространства еще более упрочиваются, возникающие кластерные структуры «цементируются» посредством обеспечения семантического сродства всех их частных составляющих. Таким образом, соединение оценочных ориентиров и средств презентации эмоций позволяет дополнительно градуировать степень консолидации смыслового стратума текста.

5. Разделение первого уровня смыслового стратума текста на блоки содержания и смысла также обуславливает возможность объяснения связи понятий модальности и пропозиции, а также модальности и предикативности с герменевтических исследовательских позиций. Это становится возможным, если под содержанием понимать набор пропозиций в их типовом предикативном выражении в виде цепи предложений и их содержательных блоков, а под смыслом – развертывание связей и взаимоотношений в ситуации деятельности и коммуникации, которую реципиент восстанавливает на основе действующего в рамках модальной партитуры распределения смыслов текста. При этом необходимо учитывать соотносительные связи между содержанием и смыслом. Содержание в его пропозиционно-предикативной организации закономерно представляет собой основу для опредмечивания смыслов в тексте. В целом, такая трактовка отношений предикативности и модальности не противоречит данным, полученным в рамках синтаксической семантики, функциональной грамматики, теории актуализации, а также общелингвистическим представлениям о соотношении данных понятий. Модальность рассматривается как средство конкретизации предикативности, но указанная конкретизация связывается с текстом и модальной организацией его смыслового стратума.

Особую роль в установлении связи между предикативностью и модальностью в художественном тексте играет метафора, которая наряду с оценкой и временем, обеспечивает переход от языковой модальности с её предикативно-пропозитивными характеристиками к модальности текстовой.

В тексте метафоризация способствует активизации модального механизма: идет начальное пробуждение рефлексии с помощью метафоры. Далее ход распредмечивания смыслов регламентируется модальным механизмом. Схема взаимодействия для предложения выглядит следующим образом: предикация → модализация (как конкретизация предикативного статуса) → метафоризация. В тексте же все наоборот: предикация (совокупность предикаций как «содержание текста») → метафоризация → модализация. Предикация присутствует в обоих случаях как субстанциональная основа. Метафоризация в тексте играет роль пускового механизма для смыслового синтеза. Модальность оказывается последующим координирующим механизмом.

б. Построение системы временных координат как компонента дейктической организации текста выступает как средство упорядочивания отношений внутри плана содержания с необходимым перевыражением установленных корреляций на уровне смысла. Следовательно, временные и дейктические компоненты имеют статус субстанциональных оснований процесса опредмечивания/распредмечивания смысла при учете координирующего статуса модальной партитуры текста. Таким образом, формирование системы временных координат и всей дейктической организации текста выполняет функцию *субстанциональной рамки*, основания для построения модальной партитуры распредмечивания смыслов текста и консолидации всего смыслового стратума текста.

Модальность рассматривалась нами как источник изменения понятийных оснований языкового времени, что находит подтверждение в виде многочисленных фактов взаимодействия временных, аспектуальных и модальных значений.

Основными параметрами репрезентации физического времени в языковом сознании являются его дискретность и единство. Указанные параметры в равной степени представлены в языке и тексте. Язык как универсальный механизм упорядочивания и преобразования ментальных репрезентаций обуславливает накладывание значений модального устройства языкового созна-

ния на понятийную систему времени. Указанный процесс происходит под влиянием одновременного соединения аспектуальных значений с дискретно определяемыми временными значениями, в результате чего, временные пласты настоящего, прошедшего и будущего связываются друг с другом. В тексте осознание дискретности времени реализуется в представлении времени в виде трех планов – настоящего, прошедшего и будущего. Экспликация одновременного противопоставления и связанности этих планов реализуется через взаимодействие аспектуально-временных и модальных значений. Единство времени в тексте также достигается посредством событийно-таксисной организации плана содержания. Под воздействием модальной партитуры оба указанных режима объединяются, поскольку оказываются связанными с опредмечиванием узловых смыслов-модализаций такой партитуры.

В этой связи, взаимодействие аспектуально-временных и модальных значений, а также событийно-таксисная организация плана содержания выступают как средства текстопостроения, имеющие особый статус. При этом необходимо подчеркнуть координирующую роль оценки при накладывании модальных значений на аспектуально-временные значения и при создании целостной событийно-таксисной организации временных координат в тексте. Оценочная детерминация соотношения аспектуально-временных и модальных значений в тексте перевыражается на уровне языка, помимо опосредования взаимодействия временных и модальных значений, в возможности взаимной трансформации самих аспектуальных значений (ср. взаимодействие перфектных и имперфектных форм).

Взаимодействие аспектуально-временных и модальных значений и событийно-таксисная организация текста образуют цепь неизменных ориентиров на уровне содержания, что является гарантией сходства смысловых интерпретаций при понимании текста.

Дейктическая организация текста, в которую в качестве ведущего элемента входит сформированная система временных координат, предполагает определенным образом упорядоченное взаимодействие дейктических коор-

динатных центров. Последнее оказывает влияние на модальную структуру смыслового стратума текста, так как модальная партитура распределения смыслов текста может строиться на основе преобладания дейктической игры нескольких координатных центров повествования. Мена дейктических планов в тексте может использоваться для актуализации взаимодействия узловых смыслов-модализаций в рамках развертывания модальной партитуры текста. Дейктические компоненты модальной партитуры также служат формированию такого смыслового каркаса, который обеспечил бы сходство интерпретаций при распределении смысла.

7. Представление о модальности как о механизме консолидации смыслового стратума художественного текста определяет необходимость рассмотрения характеристик текста не только с точки зрения его коммуникативно-прагматического статуса, но как пространства, где разворачиваются стратегии смыслоопределения и смыслораспределения.

Среди рассмотренных в работе характеристик «текстовости» наибольшее значение в аспекте выяснения параметров функционирования модального механизма консолидации смыслового стратума текста имеют возникающие типы внутрикластерных связей, а также взаимодействие целых кластеров при переходе на второй уровень организации смысловой стратума.

Нами было выделено пять основных типов внутрикластерного взаимодействия: *выделение*, *стягивание*, *взаимное пересечение*, *расширение* и *взаимная каузация*. При *выделении* в подчиненных смыслах под влиянием смысла-модализации происходит выделение активных граней. При *стягивании* высвечиваемые грани благодаря своей схожести объединяют, стягивают подчиненные смыслы кластера модальной партитуры. В результате *взаимного пересечения* у смыслов выделяются сходные грани, но они не перестают быть противопоставленными. *Расширение* предполагает, что актуализация наиболее значимой грани каждого последующего подчиненного смысла кластера происходит под влиянием взаимодействия выделяемых граней других частных смыслов. Соответственно происходит расширение – увеличение степени

абстрагированности, всеобщности, значимости и т.п. – в каждом последующем смысле, включаемом в данный кластер модальной партитуры распредмечивания смыслов текста. При *взаимной каузации* имеет место общая мотивированность и композиционное сходство средств текстопостроения, опредмечивающих смысл-модализацию и подчиненные смыслы кластера. В данном случае высвечивается взаимная зависимость ядерного и подчиненных смыслов.

При переходе на второй уровень консолидации смыслового стратума текста на первый план выходят межкластерные связи в модальной партитуре распредмечивания смыслов текста. На втором уровне структурной организации смыслового стратума текста возникает единство метасмыслов как результатов восходящего движения категоризации и/или идей как смысловых интервалов, образуемых противопоставлением нескольких смысловых линий равноправного статуса. Вместе метасмыслы и смысловые интервалы обеспечивают презентацию общей художественной идеи произведения. Указанное единство создается в результате растягивания, наращивания и конфигурирования в смысловых блоках модальной партитуры.

Что касается дальнейших перспектив исследования модальности в языке и тексте, то, представляется, что проблема выявления закономерностей функционирования и способов организации понятийной основы модальности в языке и тексте чрезвычайно сложна, и требует рассмотрения весьма широкого круга вопросов. В число таких вопросов необходимо включить изучение модальности в аспекте её связи с экспликативностью/импликативностью как текстообразующими деятельностью (см.: [Оборина 1993]); влияние прагматики речевого взаимодействия на реализацию стратегий взаимодействия содержания и смысла в рамках модальной партитуры; возможности использования смешанных стратегий организации отношений между уровнями содержания и смысла; меру воспроизведения модальных ориентиров и подчиненных им смысловых элементов в переводном тексте; соотношение типа

текста в герменевтической интерпретации (ориентированность на тип понимания) и особенностей конструируемой модальной партитуры.

Приоритетными можно считать дальнейшую разработку следующих проблемных блоков:

- Описание возможных трансформаций смыслового стратума текста в его модальной организации при переводе.
- Модификация модального механизма консолидации смыслового стратума текста в различных типах текстов, литературных жанрах, дискурсах;
- Выявление и описание связи модального смыслового механизма с другими языковыми механизмами оптимизации и интенсификации понимания и рефлексии.
- Разработка практически ориентированных методик обучения пониманию посредством анализа смысловой структуры текста (в рамках преподавания литературы и языка в школе и вузе).

Представляется, что использование герменевтической научной парадигмы для решения указанных задач способно предоставить необходимый инвентарь методов и исследовательских средств. Помимо того, основание необходимости применения данного научного инвентаря заключено в существенных характеристиках самой модальности, для которой простое типологическое описание набора используемых для её презентации средств не может считаться достаточным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамец П. К вопросу о модификациях (модальных трансформациях со значением необходимости и возможности / Пржемысл Адамец // *Ceskoslovenska rusistica*. – 1968. – Т.13. – № 2. – С. 88–94.
2. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Юрий Апресян // *Семиотика и информатика* : сб. науч. ст. – М. : ПИК ВИНТИ, 1986. – Вып. 28. – С. 5–33.

3. Апресян В.Ю. «Природные процессы» в сфере человека / Юрий Апресян // Логический анализ языка : Избранное, 1988–1995. – 2003. – С. 414–419.
4. Апресян В.Ю., Апресян В.Д., Бабаева Е.Э., Богуславская О.Ю., Иомдин Б.Л., Крылова Т.В., Левонтина И.Б., Санников А.В., Урысон Е.В. Языковая картина мира и системная лексикография / под ред. Ю.Д. Апресяна. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 912 с.
5. Аристотель Об истолковании // Сочинения : в 4 т. – Т. 2. – М. : Мысль, 1978. – 678 с. – Режим доступа: [URL: http://abuss.narod.ru/Biblio/aristotel.htm](http://abuss.narod.ru/Biblio/aristotel.htm). – Дата обращения: 14.06.2009. – Загл. с экрана.
6. Аристотель Метафизика // Сочинения : в 4 т. – Т. 1. – М. : Мысль, 1975. – 550 с. – Режим доступа: [URL: http://krotov.info/libr_min/01_a/ri/stotel_21.htm](http://krotov.info/libr_min/01_a/ri/stotel_21.htm). – Дата обращения: 14.06.2009. – Загл. с экрана.
7. Арутюнова Н.Д. Синтаксические функции метафоры / Н.Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М. : Наука, 1978. – Т. 37. – № 3. – С. 251–262.
8. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры / Н.Д. Арутюнова // ИАН СЛЯ. – 1978. – Т. 37. – № 4. – С. 333–343.
9. Арутюнова Н.Д. Языковая метафоры (синтаксис и лексика) / Н.Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика. – М. : 1979. – С. 147–173.
10. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции / Н.Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Радуга, 1982. – Вып. 13. Логика и лингвистика (проблемы референции). – С. 5–40.
11. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
12. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева – М. : Сов. Энциклопедия, 1990 а. – С. 136–137.
13. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990 б. – С. 5–32.

14. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – изд. 2-е, испр. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 851 с.
15. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы) / Н.Д. Арутюнова. – изд. 2-е, стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 384 с. (Лингвистическое наследие XX века).
16. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа / Л.Г. Бабенко. – М. : Академический проспект; Екатеринбург : Деловая книга, 2004. – 464 с.
17. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Шарль Балли : пер. с фр. – М. : Издательство иностранной литературы, 1955. – 416 с.
18. Барлас Л.Г. Источники текстовой выразительности / Л.Г. Барлас // Проблемы экспрессивной стилистики. – Ростов н/Д, 1987. – С. 30–35.
19. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 421 с.
20. Белоусов К.И. Эмоциональное пространство текста / К.И. Белоусов // Вестник высшей школы. – 2005. – № 7. – М. : РУДН. – С. 23–26.
21. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе) / В.П. Белянин. – М. : Тривола, 2000. – 248 с.
22. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Эмиль Бенвенист. – изд. 2-е, стереотипное. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
23. Богатырев А.А. Текстовая эзотеричность как средство оптимизации художественного воздействия [Текст] : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А.А. Богатырев; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1996. – 217 с.
24. Богатырев А.А. Элементы неявного смыслообразования в художественном тексте : учеб. пособие / А.А. Богатырев ; Твер. гос. ун-т. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1998. – 100 с.
25. Богатырев А.А. Схемы и форматы индивидуации интенционального начала беллетристического текста : монография / А.А. Богатырев. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. – 197 с.

26. Богданов В.В. Текст и текстовое общение / В.В. Богданов. – СПб : Санкт-Петербург. гос. ун-т, 1993. – 63 с.
27. Богин Г.И. Источники неявной динамики текста / Г.И. Богин // Англистика. – Тверь : Тверск. гос. ун-т, 1999. – С. 9–23.
28. Богин Г.И. Школа рефлексии и рефлексивности / Г.И. Богин // Методология современной лингвистики : проблемы, поиски, перспективы. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 41–51.
29. Богин Г.И. Обретение способности понимать : введение в филологическую герменевтику / Г.И. Богин. – Тверь, 2001. – Режим доступа: http://pall.hoha.ru/learn/bogin_bible/0.htm – Дата обращения: 14.06.2009. – Загл. с экрана.
30. Богин Г.И. Типология понимания текста // Г.И. Богин Обретение способности понимать : Работы разных лет / Г.И. Богин. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2009 (1982). – С. 77–151.
31. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сб. науч. тр. / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2001. – С.25–36.
32. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
33. Большой толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова. – М. : Альта-Принт, 2007. – 1248 с. – Режим доступа: <http://ushdict.parod.ru/053/w16127.htm>. – Дата обращения: 2.02.2012. – Загл. с экрана.
34. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая рос. энцикл., Норинт, 1997. – 1434, [18] с.
35. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст / А.В. Бондарко. – Л. : Наука, 1971. – 114 с.
36. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл / А.В. Бондарко. – Л. : Наука, 1978. – 174 с.
37. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – Л. : Наука, 1983. – 206 с.

38. Бондарко А.В. К истолкованию семантики модальности / А.В. Бондарко // Язык, литература, эпос : (К 100-летию со дня рождения акад. В.М. Жирмунского). – СПб. : Наука, 2001. – С. 34–40.

39. Борботько В.Г. Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения) [Текст] : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / В.Г. Борботько. – Краснодар : Кубанск. гос. ун-т, 1998. – 48 с.

40. Бочкова О.С. Модальность как фактор формирования текста / О.С. Бочкова // Научный сетевой журнал «Теория и практика общественного развития». – 2007. – Режим доступа: <http://www.teoria-practica.ru/?stat=1189966767> (дата обращения: 13.06.2009). – Загл. с экрана.

41. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии / Т.В. Булыгина., А.Д. Шмелев // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М. : Наука, 1989. – С. 31–54.

42. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира : (На материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина., А.Д. Шмелев. – М. : Яз. рус. культуры, 1997. – 574 с.

43. Бушев А.Б., Зиньковский А.К., Агкачева М.Г. Психотерапевтическая риторика / Бушев А.Б., Зиньковский А.К., Агкачева М.Г. – Тверь : Триада, 2013. – 256 с.

44. Брудный А.А. К проблеме семантических состояний / А. А. Брудный. // Сознание и действительность : сб. статей. – Фрунзе : Издательство АН Кирг. ССР, 1964. – С. 3–10.

45. Бюлер К. Теория языка : пер. с нем. – М. : Прогресс, 2000. – 501 с. – Режим доступа: http://www.classes.ru/grammar/111.Karl_Buller_Teoriya_yazika/ – Дата обращения: 23.06.2009. – Загл. с экрана.

46. Валимова Г.В. Функциональные типы сложного предложения в современном русском языке [Текст] : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Г.В. Валимова. – Ростов н/Д, 1967. – 13 с.

47. Вандриес Ж. Язык : лингвистическое введение в историю / Жозеф Вандриес: пер. с фр.; примеч. П. С. Кузнецова; под ред. и с предисл. Р. О. Шор. – 2-е изд., стер. – М. : УРСС, 2001. – 407 с.
48. Валгина Н.С. Теория текста / Н.С. Валгина: учеб. пособ. – М. : Логос, 2003. – 280 с.
49. Ваулина С.С. Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диахронический аспект) / Ваулина С.С. – Калининград : Изд-во Калинингр. ун-та, 1993. – 70 с.
50. Ваулина С.С. О некоторых типах неопозиционных различий в семантике языковой категории модальности / Ваулина С.С. // Языкознание : Взгляд в будущее : сб. науч. ст. / отв. ред. Г.И. Берестнев. – Калининград : Янтарный сказ, 2002. – С. 212–217.
51. Ваулина С.С., Девина О.В. Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы) / Ваулина С.С., О.В. Девина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2010. – № 8. – Калининград. – С. 8–13.
52. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слов / В.В. Виноградов // ВЯ. – 1953 – №5. – С. 140–161.
53. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике / В.В. Виноградов. – М. : Наука, 1975. – С. 53–87.
54. Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы / В.В. Виноградов. – М. : Наука, 1980. – 362 с.
55. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Людвиг Витгенштейн ; сост. : И. С. Добронравов, Д. Г. Лахути и В. Н. Садовский. – 2-е испр. и доп. изд. – М. : Канон+, Реабилитация, 2008. – 287 с.
56. Вихрян О.Е. Языковые средства выражения авторской модальности в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. Е. Вихрян ; Ун-т дружбы народов им. П. Лумумбы. – М., 1990. – 13 с.

57. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – изд-е 3-е, стереотипное. – М. : Комкнига, 2006. – 280 с.
58. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. Мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка. / Выготский Л.С.; под ред. А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурия. – М. : Издательство АПН РСФСР, 1956. – 520 с.
59. Выготский Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский. – 3-е изд. – М. : Искусство, 1986. – 573 с.
60. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский // Избр. психолог. исследования. – М. : Изд. АПН РСФСР, 1956. – 519 с.
61. Гадамер Х.-Г. Истина и метод : Основы философской герменевтики : пер. с нем. / Х.-Г. Гадамер ; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М. : Прогресс, 1988. – 699 с.
62. Гак В.Г. О категориях модуса предложения / В.Г. Гак // Предложение и текст в семантическом аспекте / под ред. И.П. Сусова. – Калинин : КГУ, 1978. – С. 19–26.
63. Галеева Н.Л. Параметры художественного текста и перевод : монография / Н.Л. Галеева. – Тверь : Изд-во ТвГУ, 1999. – 155 с.
64. Гальперин И.Р. Информативность единиц языка / И.Р. Гальперин. – М. : Высшая школа, 1974. – 115 с.
65. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – изд. 2-е. (Лингвистическое наследие XX века.) / И.Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 144 с.
66. Гальперин И.Р. Относительно употребления терминов «значение», «смысл», «содержание» в лингвистических работах // И.Р. Гальперин Избранные труды / И.Р. Гальперин. – М. : Высшая школа, 2005. – С. 195–212.
67. Гаспаров М.Л. Брюсов – стиховед и Брюсов – стихотворец (1910-1920-е годы) // Гаспаров М.Л. Избранные статьи. – М. : Новое литературное обозрение, 1995. – С. 102–122.

68. Гачев Г. Д. Содержательность художественных форм : эпос, лирика, театр / Г. Д. Гачев. – М. : Просвещение, 1968. – 301 с.
69. Герман И.А., Пищальникова В.А. Введение в лингвосинергетику : монография / И.А. Герман, В.А. Пищальникова. – Барнаул : Издательство Алтайск. гос. ун-та, 1999. – 130 с.
70. Гоготишвили Л. А. Непрямое говорение / Л. А. Гоготишвили ; Ин-т философии Рос. акад. наук. – М. : Яз. славян. культур, 2006. – 716 с.
71. Головин С.Ю. Словарь практического психолога. – Минск : Харвест, 1998. – 800 с. Режим доступа : <http://lib.rus.ec/b/89439/read>. – Дата обращения: 02.03.2012. – Загл. с экрана.
72. Горшков А.И. История русского литературного языка : учеб. пособ. для студентов фил. фак-ов / Горшков А.И. – М. : Высш. шк., 1969. – 365 с.
73. Греймас А.Ж., Фонтаний Ж. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души : пер. с фр. и предисл. К. Зильберга / А.Ж. Греймас, Ж. Фонтаний. – М. : Издательство ЛКИ, 2007. – 336 с.
74. Гузь Н.А. Пространственно-временная организация в романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история» / Н.А. Гузь // Текст : варианты интерпретации : Материалы VIII межвуз. научно-практич. конф.– Бийск : БПГУ им. В.М. Шукшина, 2003. – Вып.8. – С.46–51.
75. Гуковский Г.А. Изучение литературного произведения в школе : (Методологические очерки о методике) / Г.А. Гуковский. – М. ; Л. : Просвещение, 1966. – 265с.
76. Гуревич П.С. Философский словарь / П.С. Гуревич. – М. : Олимп ; Издательство АСТ, 1997. – 320 с.
77. Гурычева М.С. Народная латынь : учеб. пособ. для ин-тов и фак. иностр. Яз / М.С. Гурычева. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. – 189 с.
78. Гуссерль Э. Феноменология (Статья в Британской энциклопедии 1939 г.) : пер., предисл. и примеч. В.И. Молчанова / Э. Гуссерль // Логос. – 1991. – №1. – С.12–21.

79. Гуссерль Э. Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль // Язык и интеллект. – М. : Издательство иностранной литературы, 1996. – С.42–89.
80. Грот Н.Я. Значение чувства в познании и деятельности человека : Речь, произнес. в годичном собр. Моск. психолог. общества 24 янв. 1889 г. / Н.Я. Грот. – Доп. изд. – М. : Тип. Гатцук, 1889. – 42 с.
81. Демьянков В.З. Логические аспекты семантического исследования предложения / В.З. Демьянков // Проблемы лингвистической семантики. – М. : ИНИОН АН СССР, 1981. – С. 115–132.
82. Дешериева Т.И. О соотношении модальности и предикативности / Дешериева Т.И. // ВЯ. – 1987. – № 1. – С. 34–45.
83. Додонов Б.И. Эмоция как ценность / Б.И. Додонов. – М. : Политиздат, 1978. – 272 с.
84. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX вв.) / М.Я. Дымарский. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 328 с.
85. Ермолаева Л.С. Система средств выражения модальности в современных германских языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1964. – 12 с.
86. Ермолаева Л.С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков / Л.С. Ермолаева. – М. : Высш. шк., 1987. – 128 с.
87. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения : учеб. пособие / А.Б. Есин. – 3-е изд. – М. : Флинта, Наука, 2000. – 248 с.
88. Есперсен О. Философия грамматики : пер. с англ. В.В. Пассека и С.П. Сафроновой / Отто Есперсен. – М. : Изд-во иностр. Лит-ры, 1958. – 317 с.
89. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. – М. : Политиздат, 1982. – 250 с.
90. Жирмунский В.М. Поэзия Александра Блока / В.М. Жирмунский. – М. : Автограф, 1998. – 62 с.

91. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : Избранные труды / А.А. Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.
92. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория / В.А. Звегинцев. – М. : Изд. МГУ, 1973. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 248 с. – Режим доступа: http://www.aelib.org.ua/texts/zvegintsev_language_and_linguistic_theory_ru.htm. – Дата обращения : 12.03.2009. – Загл. с экрана.
93. Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию / В.А. Звегинцев // Электронная библиотека филологии. – М. : Наука, 1962. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/zveg/05.php – Дата обращения : 12.03.2009. – Загл. с экрана.
94. Зеленщиков А.В. Пропозиция и модальность : монография / А.В. Зеленщиков. – СПб : Изд-во С.-Петербург.ун-та, 1997. – 244 с.
95. Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности / И.А. Зимняя. – М. : Моск. психолого-социальный ун-т; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2001. – 432 с.
96. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 350 с.
97. Золотова Г.А. Грамматика акциональности в поэтическом тексте // *Revue des études slaves* / Г.А. Золотова. – LXII (1–2) – Paris, 1990. – С. 497–504.
98. Зорина Е.С. Авторская модальность как организующая категория художественного повествования (на материале сборника рассказов В. Набокова "Весна в Фиальте") : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.С. Зорина. – СПб. : 2005. – 195 с.
99. Иванов В.И. Собрание сочинений в 4 т. / В.И. Иванов ; под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. – Брюссель : Foyer Oriental Chretien, 1971–1987. –Т.4. – 1987. – 800 с.
100. Иванова В.И. Предложение, высказывание: системно-функциональный аспект: дисс. ... д-ра филолог. наук : 10.02.19 / В.И. Иванова. – Тверь, 2001. – 315 с.

101. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика английского языка : учеб. пособие / И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов. – М. : Высшая школа, 1981. – 287 с.
102. Иванова И.П., Чахоян Л.П. История английского языка : учебник / И.П. Иванова, Л.П. Чахоян. – М. : Высшая школа, 1976. – 319 с.
103. Ильина Е.В. Объективность и субъективность модальности через призму герменевтики: модальное значение и модальный смысл / Е.В. Ильина // Отечественная и зарубежная литература в контексте изучения проблем языкознания : часть в коллективной монографии. – Краснодар: Центр социально-политический исследований «Премьер», 2012. – Книга 4. – С. 21–37.
104. Ильиш Б.А. История английского языка : учебник / Б.А. Ильиш. – М. : Высшая школа, 1968. – 419 с.
105. Ицкович В.А. Категория модальности и модальные слова // Сборник научных трудов Львовского гос. ун-та. – 1958. – Вып. 8. – Ч. 1. – С. 158–164.
106. Кальной И. И., Сандулов Ю. А. Философия для аспирантов : учебник / под ред. И. И. Кальной. – 3-е изд., стер. – СПб. : Лань, 2003. – 510 с.
107. Канке В. А. Философия. Исторический и систематический курс : учебник / В. А. Канке. – изд. 5-е, перераб. и доп. – М. : Логос, 2005. – 375 с.
108. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла / В.И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2010. – 422 с.
109. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение, обозначение / С.Д. Кацнельсон. – М., Л. : 1965. – 109 с.
110. Келемен Я. Текст и значение / Я. Келемен // Семиотика и художественное творчество : сб. науч. тр. под ред. Ю.Я. Барабаша. – М. : Наука, 1977. – С. 104–124.
111. Кёпеци Б. Знак, смысл, литература / Б. Кёпеци // Семиотика и художественное творчество: сб. науч. тр. / отв. ред. Ю. Я. Барабаш. – М. : Наука, 1977. – С. 42–59.
112. Колмогорова А. В. Языковое значение и речевой смысл : функционально-семиологическое исследование прилагательных обозначений светлого и

тёмного в современных русском и французском языках : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. / А. В. Колмогорова. – Иркутск, 2007. – 412 с.

113. Колшанский Г.В. Логика и структура языка / Г.В. Колшанский. – М. : Высшая школа, 1965. – 240 с.

114. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В. Колшанский. – М. : Наука, 1975. – 231 с.

115. Корнилова Л.А. Лексико-семантический анализ в сонетах У. Шекспира / Л.А. Корнилова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2008. – № 1 (1): в 2-х ч. – Ч.І. – С. 104–108.

116. Кострова О.А. Языковое осознание модальности темпоральных высказываний / О.А. Кострова // Прагматика высказывания и текста : межвузовск. (международ.) сб. науч. тр. – Самара : Самарский гос. пед. ун-т, 1999. – С. 3–19.

117. Костюшкина Г.М. О соотношении категориальных аспектов языка и мышления / Г.М. Костюшкина // Материалы четвертого Регионального семинара по проблемам систематики языка и речевой деятельности : сб. науч. тр. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2001. – С. 80–84.

118. Костюшкина Г.М. Современные направления во французской лингвистике / Г.М. Костюшкина. – 3-е изд., испр. – М. : Изд-во УРСС. Домкнига, 2009. – 304 с.

119. Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка / А.В. Кравченко. – Иркутск : Издание ОГУП «Иркутская областная типография №1», 2001. – 261 с.

120. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) : монография / В.В. Красных. – М. : Диалог–МГУ, 1998. – 352 с.

121. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.

122. Краткий психологический словарь / сост. Л.А.Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М. : Политиздат, 1985. – 431 с.

123. Крылов С.А. К типологии дейксиса / С.А. Крылов // Лингвистические исследования. – М., 1984. – Ч. 1. – С. 86–97. – Режим доступа : <http://www.orel3.rsl>. – Дата обращения : 24.05.2008. – Загл. с экрана.

124. Крюкова Н.Ф. Метафоризация и метафоричность как параметры рефлексивного действия при продукции и рецепции текста : дисс. ... д-ра филолог. наук : 10.02.19 / Н.Ф. Крюкова. – М., 2001. – 275 с.

125. Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание / В.Г. Кузнецов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1991. – 191 с.

126. Курбакова С.Н. Дейксис в свете системно-деятельностного изучения речевой коммуникации / С.Н. Курбакова // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. – М. : Изд-во МГОУ, 2009. – Серия «Лингвистика», № 2. – С. 35–40.

127. Курдюмов В.А. Экзистенциальные аспекты предикационных преобразований // Курдюмов В.А. Предикация и природа коммуникации : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / В.А. Курдюмов. – Москва, 1999. Режим доступа : <http://philosophy.ru/library/kurdumov/glava4.html>. – Дата обращения: 6.06.2013. – Загл. с экрана.

128. Курилович Е. Очерки по лингвистике : пер. с пол., фр., англ., нем. В.А. Звегинцева. – Биробиджан : Тривиум, 2000. – 490 с.

129. Кухаренко В.А. Интерпретация текста / В.А. Кухаренко. – М. : Промсвещение, 1988. – 192 с.

130. Кюнг Г. Онтология и логический анализ языка : пер. с нем. и англ. яз. А.Л. Никофорова / Гвидо Кюнг. – М. : Дом интеллектуал. кн., 1999. – 237 с.

131. Лагута О.Н. Логика и лингвистика / О.Н. Лагута. – Новосибирск, 2000. – Режим доступа : <http://www.philology.ru/linguistics1/laguta-00.htm>. – Дата обращения: 25.06.2009. – Загл. с экрана.

132. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : УРСС, 2004. – 252 с.

133. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации : Сопоставление английской и русской лингвокультурных традиций / Т.В. Ларина. – М.

: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 512 с. – (Язык. Семиотика. Культура).

134. Лекант П.А. Предложение и высказывание / П.А. Лекант // Структура предложения и содержания высказывания. – М. : МОПИ им.Н.К. Крупской, 1986. – С. 3–8.

135. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики / Леонтьев А. Н. – 3-е изд. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 573 с.

136. Леонтьев А. Н. Философия психологии: Из научного наследия : под ред. А. А. Леонтьева, Д. А. Леонтьева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 228 с.

137. Литвинов В.П. Как работать в герменевтике с категорией «сознание»? / В.П. Литвинов // Понимание и рефлексия в образовании, культуре и коммуникации : сб. науч. тр. – Тверь : Тверск. гос. ун-т, 2006. – С. 120–131.

138. Ломтев Т.П. Структура и парадигматика предложений на основе свойств грамматической категории модальности / Т.П. Ломтев // Учен. записки Моск. пед. ин-та им. В.И. Ленина, ВФ. – 1969. – № 341. – С. 205–232.

139. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб. : «Искусство – СПб», 1998. – С. 14–285.

140. Луканин Р.К. «Органон» Аристотеля / Р.К. Луканин. – М. : Наука, 1984. – 303 с.

141. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.

142. Мартине А. Основы общей лингвистики / Андре Мартине // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1963. – С. 345–566.

143. Маркелова Т.В. Взаимодействие оценочных и модальных значений в русском языке / Т.В. Маркелова // Филологические науки. – 1996. – № 1. – С. 80–90.

144. Маркова Н.А. Прагматические особенности художественного текста / Н.А. Маркова // Принципы изучения художественного текста : сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратовск. ун-та, 1992. – С. 48–56.

145. Мартынов В.В. Категории языка / В.В. Мартынов. – М. : Наука, 1982. – 192 с.
146. Маслов Ю.С. Введение в языкознание : учебник / Ю.С. Маслов. – М. : Высшая школа, 1987. – 272 с.
147. Мельников Г.П. О типах дуализма языкового знака / Г.П. Мельников // Науч. докл. высш. школы.; Филол. Науки. – М. : Наука, 1971. – № 5. – С. 54–67.
148. Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики / Г.П. Мельников. – М. : Советское радио, 1978. – 368 с. – Режим доступа : http://www.philol.msu.ru~lex/melnikov/meln_r/glava_3_3-3.htm – Дата обращения: 22.03.2012. – Загл. с экрана.
149. Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели / Г.П. Мельников / отв. ред. Л. Г. Зубкова. – М. : Наука, 2003. – 395 с. : ил.
150. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. : пер. с фр. Д. Кудрявского / Антуан Мейе. – М., Л. : Гос. социально-экономическ. изд-во, 1938. – 510 с.
151. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия : пер. с фр.; под ред. И.С. Вдовиной и Л.С. Фокина / М. Мерло-Понти. – СПб. : Ювента : Наука, 1999. – 605 с.
152. Мерло-Понти М. Знаки / пер. с фран., коммент. и послесловие И.С. Вдовина / М. Мерло-Понти. – М. : Искусство, 2001. – 429 с. – (История эстетики в памятниках и документах).
153. Метерлинк М. Трагедия каждого дня // М. Метерлинк Полное собрание сочинений : пер. Н.М. Минского и Л.Н. Вилькиной / под ред. Н.М. Минского. – Петроград: Издание т-ва А.Ф. Маркса, 1915. – Т.2. – С. 68–74.
154. Миловидов В.А. Текст, контекст, интертекст. Введение в проблематику сравнительного литературоведения : пособие по спецкурсу / В.А. Миловидов. – Тверь : ТвГУ, 1998. – 83 с.

155. Миронова Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики / Н.Н. Миронова. – М. : НВИ – ТЕЗАУРУС, 1997. – 158 с.
156. Могутова Н.В. Основные проблемы использования эмотивных языковых единиц для придания высказыванию естественности и эмоциональности (на примере английских междометий) // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж, 2002. – Вып. 2. Режим доступа : <http://tpl1999.narod.ru/WEBLSE2002/MOGUTOVALSE2002.HTM>. – Дата обращения: 25.03.2012. – Загл. с экрана.
157. Моисеева С.А. Глаголы восприятия и дейксис // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – СПб : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – Т. 3. – Вып. 5. – С. 106–115.
158. Москальская О.И. Грамматика текста : учеб. пособие / О.И. Москальская. – М. : Высшая школа, 1981. – 183 с.
159. Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 296 с.
160. Мухометзянова Ю.В. Функционально-семантический аспект высказываний со значением возможности : автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ю.В. Мухометзянова. – Тверь, 2007. – 13 с.
161. Мягкова Е.Ю. К проблеме исследования эмоциональности единиц индивидуального лексикона / Е.Ю. Мягкова. – 1999. – Режим доступа : http://fccl.ksu.ru/winter.99/cog_model/myagkova.pdf. – Дата обращения: 26.01.2012. – Загл. с экрана.
162. Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова / Е.Ю. Мягкова. – Курск : Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2000. – 110 с.
163. Наумова Л.А. Пресуппозиция в логике и лингвистике // Философия : в поисках онтологии / Л.А. Наумова : сб. науч. тр. / Самарская гуманитарная академия. – Самара : Изд-во СаГА, 1998. – Вып. 5 (1998). – С. 236–255.
164. Немец Г.П. Актуальные проблемы модальности в современном русском языке / Г.П. Немец. – Ростов н/Д : Изд-во Ростов. гос. ун-та, 1989. – 144 с.

165. Никольская О.С. Аффективная сфера как система смыслов, организующих сознание и поведение / О.С. Никольская. – М : МГППУ, 2008. – 464 с.
166. Новиков А.И. Смысл как особый способ членения мира в сознании // Языковое сознание и образ мира / А.И. Новиков. – М. : Институт языкознания РАН, 2000. – С. 33–38.
167. Оборина М.В. Понятие «импликационная и экспликационная тенденции текстопостроения» как средство интерпретации текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Тверск. гос. ун-т / М.В. Оборина. – Тверь, 1993. – 215 с.
168. Одинцов В.В. Стилистика текста / В.В. Одинцов. – Изд-е 4-е, стер. – М. : Издательство ЛКИ, 2007. – 264 с.
169. Опарина А.В. Специфика проявления авторской модальности в списках «Повести временных лет» (лексико-грамматический аспект) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.В. Опарина. – Тамбов, 2004. – 162 с.
170. Откупщикова М.И. Синтаксис связного текста / М.И. Откупщикова. – Л. : ЛГУ, 1982. – 103 с.
171. Ойзерман Т.И. Проблема долженствования в философии Гегеля Вопросы философии / Т.И. Ойзерман. – 1995. – №5. – С. 98–107. – Режим доступа : <http://www.philosophy.ru/library/vopros/52.html>. – Дата обращения: 1.09.2011. – Загл. с экрана.
172. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса (Материалы к трансформационной грамматике русского языка) / Е.В. Падучева. – М. : Наука, 1974. – 292 с.
173. Падучева Е. В. Модальность сквозь призму дейксиса / Е.В. Падучева // Традиционное и новое в русской грамматике : сб. ст. памяти В.А. Белошапковой / сост. Т. В. Белошапкова, Т.В. Шмелева. – М. : Индрик, 2001. – С. 184–197.
174. Падучева Е.В., Крылов, С.А. Дейксис: Общетеоретические и прагматические аспекты / Е.В. Падучева, С.А. Крылов // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики : сборник обзоров ; АН СССР. – М., ИНИОН, 1984. – С. 25–96.

175. Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления / В.З.Панфилов. – М. : Наука, 1971. – 232 с.
176. Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания / В.З. Панфилов. – М. : Наука, 1982. – 357 с.
177. Папина А.Ф. Текст : его единицы и глобальные категории / А.Ф. Папина. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 368 с.
178. Петров Н.Е. О содержании и объеме языковой модальности. – Новосибирск : Наука, 1982. – 160 с.
179. Попова Е.А. Авторская модальность как средство выражения антропоцентричности текста : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01/ Е.А. Попова. – Липецк, 1996. – 206 с.
180. Рикёр П. Что меня занимает последние 30 лет / Поль Рикер // Историко-философский ежегодник 90. – М. : Наука, 1991. – С. 296–316.
181. Рикёр П. Память, история, забвение : пер. с фр. / Поль Рикёр. – М. : Изд-во гуманитар. лит., 2004. – 725 с. – (Французская философия XX века).
182. Романова Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность : монография / Т.В. Романова. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. – 309 с.
183. Пихновский П.В. Лингвофилософские основания риторики и герменевтики : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Твер. гос. ун-т / П.В. Пихновский. – Тверь, 2004. – 138 с.
184. Полянский С.М. Таксис – относительное время – эвиденциальность (к проблеме критериев разграничения) // Сибирский лингвистический семинар. – Новосибирск, 2001. – № 2. – Режим доступа : www.philology.ru/linguistics3/polansky-01.htm. – Дата обращения: 23.06.2012.
185. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику : грамматические значения и грамматические системы языков мира : учеб. пособие / В.А. Плунгян. – М. : РГГУ, 2011. – 672 с.

186. Пучкова (Ильина) Е.В. Аргументативно-лингвистический анализ дискурса опровержения : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е.В. Ильина. – Тверь, 2006. – 203 с.

187. Пучкова (Ильина) Е.В. Языковая модальность в герменевтической научной парадигме : монография / Е.В. Ильина. – Калуга : Наша Полиграфия, 2009. – 88 с.

188. Рафикова Н.В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста : монография / Н.В. Рафикова. – Тверь : Тверск. гос. ун-т, 1999. – 144 с.

189. Риффатер М. Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1980. – Вып. 9. Лингвостилистика. – С.69–95.

190. Романова Т.В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Т.В. Романова. – СПб, 2004. – 47 с.

191. Романова Т.В. Модальные факторы и модальные средства текстообразования // Третьи Лазаревские чтения «Традиционная культура сегодня: теория и практика»: материалы Всерос. науч. конф. с международным участием. – Челябинск, 21–23 февраля 2006 г. : в 3 ч. – С. 315–323.

192. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2001. – 705 с.

193. Руднев В.П. Теоретико-лингвистический анализ художественного дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / В.П. Руднев. – М., 1996. – 47 с.

194. Русская грамматика. Том 2. Синтаксис / под ред. Н. Ю. Шведовой – М. : Наука, 1980. – С. 216.

195. Рябцева Н.К. Аксиологические модели времени / Н.К. Рябцева // Логический анализ языка. Язык и время. – М. : Индрик, 1997. – С. 78–195.

196. Сартр Ж.-П. Объяснение «Постороннего» : пер. с фр. Л. Андреева и Г. Косикова / Жан-Поль Сартр. – 1999. – Режим доступа : <http://noblit.ru/content/view/226/33/> – Дата обращения : 23.02.2011. – Загл. с экрана.

197. Семенова Н.Г. Пресуппозиция как способ связи между высказываниями (на материале английской художественной литературы 20 века) / Н.Г. Семенова : дис. ... канд. филол. наук. – М. : 1984. – 184 с.
198. Серль Дж. Референция как речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Радуга, 1982. – Выпуск 13. Логика и лингвистика (проблемы референции). – С. 179–202.
199. Складаревская Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Складаревская : отв. ред. Д.Н. Шмелев. – СПб : Наука, 1993. – 151 с.
200. Слюсарева Н.А. Смысл как экстралингвистическое явление / Н.А. Слюсарева // Как подготовить интересный урок иностранного языка. – М. : ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1963. – С. 185–199.
201. Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка / Н.А. Слюсарева. – М. : Наука, 1986. – 215 с.
202. Слышкин Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) / Г.Г. Слышкин // Языковая личность : институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика и Г.Г. Слышкина. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 38–45.
203. Смирницкий А.И. Морфология современного английского языка / А.И. Смирницкий. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. – 440 с.
204. Смирнов В.А. Современные семантические исследования модальных и интенциональных логик / В.А. Смирнов // Семантика модальных и интенциональных логик : сб. науч. тр. – М. : Прогресс, 1981. – С. 5–26.
205. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика / Г. Я. Солганик. – М. : Высшая школа, 1981. – 182 с.
206. Солганик Г.Я. Стилистика текста : учеб. пособие / Г. Я. Солганик. – 2-е изд. – М. : Флинта: Наука, 2000. – 252 с.
207. Солганик Г.Я. Очерки модального синтаксиса : монография / Г. Я. Солганик. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 132 с.
208. Солнцев В.М. К вопросу о семантике и языковом значении / В.М. Солнцев // Проблемы семантики. – М. : Наука, 1974. – С. 6–11.

209. Соловьева И.В. Концептуальные основания герменевтики дискурса: монография / И.В. Соловьева. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2010. – 160 с.
210. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Ю.А. Сорокин. – М., 1988. – 52 с.
211. Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике : пер. с фр. – М. : Прогресс, 2004. – 280 с. // Соссюр Ф. Курс общей лингвистики, изданный Ш. Балли и А. Сешеэ при участии А. Ридлингер / Фердинанд Соссюр : пер. А.М. Сухотина. – М. : Соцэкгиз, 1933. – 272 с.
212. Спиноза Б. Избранные произведения / Б. Спиноза. – Ростов н/Д : Феникс, 1998. – 604 с.
213. Сребрянская Н.А. Нарративный дейксис и его корреляция с категориями художественного текста / Н.А. Сребрянская // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. – Серия «Гуманитарные науки (Филология)». – Томск : Изд-во ТПУ, 2005. – Вып. 3 (47). – С. 69–74.
214. Стеблин-Каменский М.И. О предикативности // Вестник Ленинградского университета. – Серия истории, языка и литературы. – 1956. – Вып. 4. – № 123. – С. 34–47. – Режим доступа : <http://www.philology.ru/linguistics1/steblyn-74c.htm>. – Дата обращения : 23.12.2008. – Загл. с экрана.
215. Степанов Г.В. Цельность художественного образа и лингвистическое единство текста / Г.В. Степанов // Лингвистика текста : материалы науч. конф. – М. : МГПИИЯ им. М. Тореца, 1974. – Ч. II. – С. 72–81.
216. Степанов Г.В. Язык. Литература. Поэтика / Г.В. Степанов. – М. : Наука, 1988. – 382 с.
217. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения : (Семиологическая грамматика) / Ю.С. Степанов. – М. : Наука, 1981. – 360 с.
218. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академический проект, 2001. – 990 с.
219. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова / Стернин И.А. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1979. – 156 с.

220. Сусов И.П. Семантическая структура предложения / И.П. Сусов. – Тула : Изд-во Тульск. гос. пед. ин-та, 1973. – 318 с.
221. Сухих С.А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.19 / С.А. Сухих. – Краснодар, 1998. – 36 с.
222. Тарасов Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики : монография / Е.Ф. Тарасов. – М. : Наука, 1987. – 168 с.
223. Тарасов Е.Ф. Проблемы теории речевого общения : научный доклад по опубликованным трудам. докт. филолог. наук / Е.Ф. Тарасов. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1992. – 55 с.
224. Тарасов Е.Ф. О формах существования сознания / Е.Ф. Тарасов // Язык и сознание : парадоксальная рациональность : сб. науч. тр. – М. : Институт языкознания РАН, 1993. – С. 86–97.
225. Татевосов С.Г. Есть – бывает – будет : на пути грамматикализации / С.Г. Татевосов С.Г. // Исследования по теории грамматики / под ред. Ю.А. Ландера, В.А. Плунгяна, А.Ю. Урманчиевой. – М. : Гнозис, 2004. – Вып. 3 «Ирреалис и ирреальность». – С. 226–253.
226. Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм: «за» и «против» / Цветан Тодоров. – М. : Прогресс, 1979. – С. 37–113.
227. Тураева З.Я. Лингвистика текста и категория модальности / З.Я. Тураева // ВЯ. – М. : Наука, 1994. – № 3. – С. 105–114.
228. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. Статьи / Ю.Н. Тынянов. – М. : Советский писатель, 1965. – 304 с.
229. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения к мышлению и языку // Новое в лингвистике. – М., 1960. – Вып. 1. – С. 169–182. – Режим доступа : <http://www.philology.ru/linguistics1/whorf-60.htm> – Дата обращения : 02.03.2012. – Загл. с экрана.
230. Урманчиева Ю.А. Седьмое доказательство реальности ирреалиса // Исследования по теории грамматики / под ред. Ю.А. Ландера, В.А. Плунгяна,

А.Ю. Урманчиевой. – М. : Гнозис, 2004. – Вып. 3 «Ирреалис и ирреальность». – С. 28–75.

231. Успенский Б.А. Поэтика композиции / Б.А. Успенский. – СПб. : Азбука, 2000. – 352 с.

232. Федосеева А.В. ИмPLICITная модальность высказывания в коммуникативно-прагматическом аспекте: автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А.В. Федосеева. – Белгород, 2005. – 22 с.

233. Философия : Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. — М. : Гардарики, 2004. – 1072 с. – Режим доступа: http://www.fidel-kastro.ru/filosofy/ihitik_ivin_slovar.htm. – Дата обращения: 02.03.2012.

234. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – 4-е изд. – М. : Политиздат, 1980. – 444 с.

235. Философский словарь Владимира Соловьева. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1997. – 464 с.

236. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях / П.А. Флоренский. – М. : Прогресс, 1993. – 321с.

237. Фреге Г. Логика и логическая семантика : сб. тр. / Готтлоб Фреге; пер. с нем. Б.В. Бирюкова под ред. З.А. Кузичевой; введ. и послесл. Б.В. Бирюкова. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 511 с.

238. Фуко М. Археология знания : пер. с фр. и общ. ред. Бр. Левченко / Мишель Фуко. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.

239. Холшевников В.Е. Мысль, вооруженная рифмами : поэтическая антология по истории русского стиха / сост. В.Е. Холшевников. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1984. – 446 с. – Режим доступа : <http://lib.rus.ec/b/271543>. – Дата обращения : 02.03.2012. – Загл. с экрана.

240. Холшевников В.Е. Основы стиховедения. Русское стихосложение : учеб. пособие / В.Е. Холшевников – СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. – 184 с.

241. Химик В.В. Предикативность предложения и актуализационные функции высказывания / В.В. Химик // НДВШ. Филологические науки. – 1986. – № 1. – С. 80–83.
242. Хомский Н. Язык и мышление. Язык и проблемы знания : пер. с англ. / Ноам Хомский – М. : Изд-во Московского университета, 1972. – 126 с.
243. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив / Храковский В.С., Володин А.П. – Л. : Наука, 1986. – 270 с.
244. Худяков А.А. Понятийные категории как объект лингвистического исследования. // Аспекты лингвистических и методических исследований. – Архангельск : Изд-во Поморск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова. – 1999. – Режим доступа : <http://www.pomorsu.ru/ScientificLife/Library/Sbornic2/article1.htm>. – Дата обращения: 24.10.2007. – Загл. с экрана.
245. Чугунова С.А. «Движение времени» у представителей разных культур : монография / С.А. Чугунова. – Брянск : Брянск. гос. ун-т, 2009. – 240 с.
246. Шахматов А.А. Учение о частях речи / А. А. Шахматов ; вступ. ст. В. В. Винградова. – Изд. 2-е, стер. – М. : URSS : КомКнига, 2006. – 272 с.
247. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1987. – 192 с.
248. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М. : Гнозис, 2004. – 324 с.
249. Шералиева Р. Ш. Информация и отражение / Р. Ш. Шералиева // Общение в свете теории отражения : сб. статей. – Фрунзе : Издательство АН Кирг. ССР, 1980. – С. 12–19.
250. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи: (Вопросы строения предложения) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Н. Ю. Шведова. – М., 1958. – 31 с.
251. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н.Ю. Шведова. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 377 с.

252. Шведова Н.Ю. Русский язык : Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах: (Виноградовские чтения, XIV–XV) / под ред. Н. Ю. Шведова, В. В. Иванов, М. В. Ляпон. – М. : Наука, 1987. – 191 с.

253. Шингаров Г.Х. Эмоции и чувства как формы отражения действительности. – М.: Наука, 1971. – 223 с.

254. Шлейермахер Ф.Д.Э. Академические речи 1829 года : пер. с нем. / Ф.Д.Э. Шлейермахер // Метафизические исследования. – 1998. – Вып. 3, 4. – СПб. – Режим доступа : <http://anthropology.ru/ru/texts/schleier/akadem.html>. – Дата обращения: 6.11.2013. – Загл. с экрана.

255. Шмид В. Нарратология / Вольф Шмид. – М. : Яз. славян. культуры, 2003. – 311 с.

256. Шпет Г. Г. Явление и смысл : феноменология как основная наука и её проблемы / Густав Шпет. – Томск : Водолей, 1996. – 191 с.

257. Щедровицкий Г.П. Смысл и значение / Г.П. Щедровицкий // Проблемы семантики. – М. : Наука, 1974. – С. 76–111. – Режим доступа : <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/68> – Дата обращения: 24.03.2012.

258. Щедровицкий Г. П. Структура знака : смыслы, значения, знания : 14 лекций 1971 года. Кн. 1 // Знак и деятельность : 32 лекции 1971-1979 годов : [в 3 кн.] / Г. П. Щедровицкий. – М. : Вост. лит., 2005. – 463 с.

259. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Л. : Наука, 1974. – 428 с.

260. Юрченко В.С. Очерки по философии языка и философии языкознания / отв. ред. Э.П. Кадькалова / В.С. Юрченко. – Саратов : Изд-во Саратов. пед. Ин-та, 2000. – 368 с.

261. Якимец Н.В. Категория авторской модальности в функциональном аспекте (на материале «Театрального романа» М.А. Булгакова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н.В. Якимец. – Нижний Новгород, 1999. – 24 с.

262. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика / Р.О. Якобсон // Структурализм: “за” и “против” : сб. статей : пер. с англ., франц., нем., чешского, польского и

болгарского языков / под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова. – М. : Прогресс, 1975 – С. 193–231.

263. Яковлева Е.С. О связи дейксиса и модальности / Е.С. Яковлева // Логический анализ языка : Противоречивость и аномальность текста ; Ин-т языкознания РАН; отв. ред. Н.Д. Арутюнова – М. : Наука, 1990. – С. 236–247.

264. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 344 с.

265. Akmajian A., Steele S.M., Wasow T. The category of AUX in universal grammar // Linguistic Inquiry. – Cambridge : MIT Press, 1979. – № 10. – P. 1–64.

266. Anderson J. Some proposals concerning the modal verbs in English // Edinburgh Studies in English and Scots / ed. by A. Aitken, A. McIntosh & H. Palsson. – London : Longman, 1971. – P. 19–120.

267. Bhatt R. Covert Modality in Non-finite Contexts // Interface Explorations. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2006. – № 8. – 204 p.

268. Bolinger D. To Catch a Metaphor : You as norm // American Speech. – Durham : Duke University Press, 1979. – № 54. – P. 194–209.

269. Bolinger D. Extrinsic Possibility and Intrinsic Potentiality : on MAY and CAN // Journal of Pragmatics. – 1989. – Vol . 13. – P. 1–23.

270. Beaugrande R. de, Dressler W. Introduction to Text linguistics. – London, NY : Longman, 1981. – 270 p.

271. Brandt M., Rosengren I., Zimmermann I. Satzmodus, Modalität und Performativität // Sprache und Pragmatik : Arbeitsberichte. – Lund, 1989. – № 13. – S. 1–42.

272. Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. The evolution of grammar. Tense, aspect, and modality in languages of the world. – Chicago and London : The University of Chicago Press, 1994. – 398 p.

273. Bybee J., Fleischman S. (eds.) Modality in grammar and discourse. – Amsterdam : John Benjamins, 1995. – 575 p.

274. Coates J. *The Semantics of the Modal Auxiliaries*. – London, Canberra : Croom Helm, 1983. – 259 p.
275. Cruse A. *Meaning in Language. An Introduction to Semantics and Pragmatics*. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 424 p.
276. Depraetere I., Reed S. *Mood and modality in English // The Handbook of English Linguistics / ed. by Bas Aarts, April McMahon*. – Blackwell Publishing Ltd, 2006. – P. 269–288.
277. Devitt M., Sterelny K. *Language and Reality. An Introduction to the Philosophy of Language*. – 2 ed. – Cambridge, Mass. : MIT Press, 1999. – 342 p.
278. Ehrman M.E. *The Meanings of the Modals in Present-Day American English // Janua Linguarum, Series Practica XLV*. – The Hague : Mouton, 1966. – P. 165–176.
279. Fauconnier G. *Mental Spaces : Aspects of Meaning Construction in Natural Language / Gilles Fauconnier*. – Cambridge, Mass. : MIT Press, 1985, Reprinted 1994. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994. – 240 p.
280. Fauconnier G. *Mappings in thought and language / Gilles Fauconnier*. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1997. – 205 p.
281. Fillmore Ch. J. *Epistemic Stance and Grammatical Form in English Conditional Sentences. Papers from of the Twenty-Sixth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. – Chicago : University of Chicago, 1990 a. – P. 137–162.
282. Fillmore Ch. J. *The Contribution of Linguistics to Language Understanding // Proceedings of the First Symposium on Cognition, Language and Culture / ed. By Aura Bocaz*. – Santiago : University de Chile, 1990 б. – P. 109–128.
283. Fleischman S. *Temporal Distance : A Basic Linguistic Metaphor // Studies in Language*. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1989. – № 13. – P. 1–51.
284. Givón T. *Syntax : a functional-typological introduction*. – Amsterdam : Benjamins, 1984 (2001). – 2nd ed. – Vol. II. – 515 p.

285. Givón T. The pragmatics of de-transitive voice and typological aspects of inversion // *Voice and inversion* / ed. by T. Givón. – Amsterdam : Benjamins, 1994. – P. 3–44.
286. Groefsema M. Can, may, must and should : a Relevance-theoretic approach. // *Journal of Linguistics*. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1995. – № 31. – P. 53–79.
287. Guillaume G. Temps et Verbe. Théorie des aspects des modes et des temps. – Paris : Champion, 1929. – 134 p.
288. Haegeman L. Die en dat in West-Flemish relative clauses // *Linguistics in the Netherlands* / ed. by H. Bennis & W.U.S. van Lessen–Kloeke. – Dordrecht : Foris, 1983. – P. 83–91.
289. Halliday M. System and function in language : Selected papers / ed. by G.R. Kress. – London : Oxford University Press, 1976. – 143 p.
290. Hamburger K. Das epische Präteritum // *Deutsche Vierteljahresschrift*. – Stuttgart : Kohlhamer 1956. – Bd. 27. – S.17–34.
291. Hofmann T. R. Past tense replacement and the modal system // *Syntax and semantics. Notes from the linguistic underground* / ed. by McCawley. – New York : Academic Press, 1976. – P. 85–100.
292. Huddleston R. D. Some theoretical issues in the description of the English verb // *Lingua*. – Amsterdam : Elsevier Science Publishers B.V. (North-Holland), 1976. – Vol. 40. – Iss. 4. – P. 331–383.
293. Huddleston R. and Pullum G. et al. *The Cambridge grammar of the English language*. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 1842 p.
294. James D. Past tense and the hypothetical : a cross-linguistic study // *Studies in Language* 6 (3). – 1982. – P. 375–403.
295. Jespersen O. *The philosophy of grammar* / Otto Jespersen. – London : George Allen & Unwin Ltd., 1924. – 359 p.
296. Kiparsky P. and Kiparsky C. Fact // *Semantics : An Interdisciplinary Reader* / ed. by D. Steinberg and L. Jakobovits. – Cambridge : Cambridge. UP, 1971. – P. 345–369.

297. Klinge A. The English modal auxiliaries : from lexical semantics to utterance interpretation. – *Journal of Linguistics*. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1993. – Vol. 29. – P. 315–357.
298. Klinge A. On the linguistic interpretation of contractual modalities // *Journal of Pragmatics*. – Amsterdam : Elsevier Science Publishers B.V. (North-Holland), 1995. – Vol. 23. – P. 649–675.
299. Kristeva J. Semeiotiké. Recherches pour une sémanalyse. – Paris, Éd. du Seuil, 1969. – 319 p.
300. Leech G.N. Towards a semantic description of English. – Harlow : Longman, 1969. – 277 p.
301. Lyons J. Semantics. – Cambridge : Cambridge University Press. 1977. – 830 p.
302. Lyons J. Deixis and Subjectivity: Loquor, ergo sum? // *Speech, Place, and Action : Studies in Deixis and Related Topics* / ed. by Jarvella R.J., Klein W. – New York : John Wiley & Sons, 1982. – P. 101–124.
303. Lubbock P. The craft of fiction / Percy Lubbock. – New York : C. Scribner's Sons, 1921. – 277 p.
304. Palmer F.R. Modality and the English Modals. – London : Longman, 1979. – 196 p.
305. Palmer F.R. Mood and Modality. – Cambridge : Cambridge University Press, 1986. – 243 p.
306. Papafragou A. On speech-act modality // *Journal of Pragmatics*. – Amsterdam : Elsevier Science Publishers B.V. (North-Holland), 2000. – Vol. 32. – P. 519–538.
307. Perkins M.R. Modal Expressions in English. – London : Frances Pinter & Norwood, NJ : Ablex, 1983. – 192 p.
308. Plank F. The modals story retold // *Studies in Language*. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1984. – Vol. 8. – P. 305–364.
309. Rathay W. Zu einigen Problemen der linguistischen Modalität und detensprachlichen Ausdrucksmitteln in der englischen Sprache der Gegenwart // *Wissenschaftliche Zeitung der Universität Rostock*. – 1975. – H. 5. – S. 403–417.

310. Rauh G. Aspects of Deixis // Essays on Deixis / ed. by G. Rauh. – Tübingen : Gunter Narr Verlag, 1981. – P. 9–60.
311. Rescher N. Topics in philosophical logic. – Dordrecht : Reidel, 1968. – 347 p.
312. Roberts J.R. Modality in Amele and other Papuan languages // Journal of linguistics. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – Vol. 26. – P. 363–401.
313. Rubba J. Alternate Grounds in the Interpretation of Deictic Expressions // Spaces, Worlds, and Grammar / ed. by G. Fauconnier and E. Sweetser. – Chicago and London : The University of Chicago Press, 1996. – P. 227–261.
314. Ruwet N. Introduction a la grammaire generative. – Paris : Librairie Plon, 1967. – 448 p.
315. Sakahara S. Roles and Identificational Copular Sentences // Spaces, Worlds, and Grammar / ed. by G. Fauconnier and E. Sweetser. – Chicago and London : The University of Chicago Press, 1996. – P. 262–289.
316. Sapir E. Language. An Introduction to the Study of Speech. (1921, 1939). – Режим доступа : <http://www.gutenberg.org/files/12629/12629-h/12629-h.htm>. – Дата обращения: 10.03.2013.
317. Searle J. Intentionality : An Essay in the Philosophy of Mind. – Cambridge : Cambridge University Press, 1983. – 278 p.
318. Sebeok T.A., Danesi M. The forms of meaning : modeling theory and semi-otic analysis. – Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 2000. – 249 p.
319. Simpson P. Language through literature. – London, New York : Routledge, 1997. – 223 p.
320. Steele S. M. Past and irrealis : Just what does it all mean? // The International Journal of American Linguistics. – 1975. – 41 (3). – P. 200–217.
321. Steele S., Akmajian A., Demers R., Jelinek E., Kitagawa C, Oerle R. Wasow T. An encyclopedia of AUX : a study in cross-linguistic equivalence. – Cambridge, Mass. and London : MIT Press, 1981. – 245 p.

322. Sweetser E. From etymology to pragmatics : the mind-as-body metaphor in semantics structure and semantics change. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 188 p.

323. Talmy L. The Relation of Grammar to cognition // Topics in Cognitive Linguistics / ed. by Brygida Rudzka-Ostyn. – Amsterdam : John Benjamins, 1988. – P. 165–205.

324. Todorov T. Problèmes de l'énonciation // Language. – Washington: Linguistic Society of America, 1970. – № 17. – P. 3–11.

325. Todorov T. Symbolisme et interpretation. – Paris : Seuil, 1978. – 165 p.

326. Traugott E. C. On the rise of epistemic meanings in English: a case study in the regularity of semantic change. – Language. – 1989. – Vol. 65. – No. 1. – P. 31–55.

327. Traugott E. C., Dasher R. B. Regularity in semantic change. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 341 p.

328. Tregidgo P.S. “Let” and “let's” // English Language Teaching Journal. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1982. – Vol. 36, No 3. – P. 186–188.

329. Quirk R., Greenbaum S., Leech G. and Svartvik J. A comprehensive grammar of the English language. – London : Longman, 1985. – 1779 p.

330. van der Auwera J., Plungian V. A. Modality's semantic map // Linguistic Typology. – Vol. 2. – Iss.1. – Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 1998. – P. 79–124.

331. von Wright E. H. An essay in modal logic. – Amsterdam : North Holland Publishing Co., 1951. – 90 p.

332. Weinrich H. Tempus. Besprochene und erzählte Welt. – Auflage 3. – Stuttgart : Kohlhammer, 1977. – 358 s.

333. Wierzbicka A. Semantics : Primes and universals / A. Wierzbicka. – Oxford : Oxford University Press, 1996. – 500 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

1. Lee H. To kill a mockingbird / Harper Lee. – New York : Watts, 1960. – 431p.
2. Шипов Я.А. День рыбака // «Райские хутора» и другие рассказы / Ярослав Шипов. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2012. – 624 с.

3. Толстой Л.Н. Казаки : Кавказская повесть / Лев Толстой. – М.; Л. : Гослитиздат, 1949. – 151 с.
4. Толстой А.Н. Петр Первый : роман // Собрание сочинений : в 10 т. / Алексей Толстой. – Т. 7. – М. : Худож. лит., 1982-1986. – 1984. – 781 с.
5. Shaw I. Nightwork / Irwin Shaw. – New York : Delacorte Press, 1975. – 344 p.
6. Тендряков В.Ф. Хлеб для собаки // Кончина : Повести. Рассказы / Владимир Тендряков. – М. : Известия, 1990. – 633 с.
7. Куприн А. И. Поединок / Александр Куприн. – М. : Худож. лит., 1983. – 276 с.
8. Блок А.А. «В кабаках, в переулках, в извивах...» – [Электронный ресурс] – <http://stihrus.ru/stih-3-1615.html>. – (дата обращения: 13 января 2012 г.).
9. Казакова Р.Ф. «Пальма первенства» – [Электронный ресурс] – <http://rurоem.ru/kazakova/pozhalujsta-vozmite-palmu.aspx> – (дата обращения: 14 января 2012 г.).
10. Shakespeare W. Sonnet 144 «Two loves I have, of comfort and despair...». – [Электронный ресурс] – <http://www.shakespeare-online.com/sonnets/144.html> – (дата обращения: 13 января 2012 г.).
11. Галич А.А. «Еще раз о черте» – [Электронный ресурс] – <http://www.livekuban.ru/og/post/288650> – (дата обращения: 17 января 2012 г.).
12. Брюсов В.Я. «Холод, тело тайно сковывающий...» – [Электронный ресурс] – <http://rurоem.ru/bryusov/all.aspx>. – (дата обращения: 21 января 2012 г.).
13. Чехов А.П. Черный монах // Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах / Антон Чехов. – Том 8. – М. : Наука, 2007. – 740 с.
14. Бунин И.А. Веселый двор // Повести. Рассказы : художественная литература / Иван Бунин. – Л. : Лениздат, 1980. – 752 с.
15. Camus A. L'etranger : Roman / Albert Camus. – Paris : Le Livre de poche, 1965. – 179 p.

16. Пушкин А.С. Каменный гость / Александр Пушкин. – М. : Гослитиздат, 1936. – 61 с.
17. Huxley A. Brave new world / Aldous Huxley. – [Электронный ресурс] – <http://www.huxley.net/bnw/> – (дата обращения: 16 ноября 2010 г.).
18. Вересаев В.В. Невыдуманные рассказы / Викентий Вересаев. – Тула : Приок. кн. изд-во, 1979. – 365 с.
19. Толстой Л. Н. Собрание сочинений [Текст]: в 23 т. – Т. 5. – М. : В.М. Саблин, 1911-1913. – 1911. – 302 с.

**ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Определенное значение смыслов-модализаций
в средствах текстопостроения**

<i>Репрезентация смысла</i>	<i>Тип модальной пар- титуры</i>	<i>Средства текстопостроения</i>
Желание перестроить реальность (Х.Ли)	коррелятивная	Взаимодействие временных значений + изменение значения формы наклонения
Необходимость веры (Я. Шипов)	пресуппозитивная	Взаимодействие точек зрения (реалии, использование фразеологических маркеров чужой речи, каламбур, парцелляция, повтор)
Необходимость выбора (Р. Казакова)	противоположная	Через подчиненные смыслы: формирование дейктического координатного центра; переменна знака оценки; система средств, определяющих подчиненный смысл: смена клаузул + неточная рифма + повтор + метафора
Свобода воли (Р. Казакова)	противоположная	Через подчиненные смыслы: система средств подчиненного смысла: включение нерифмованной строфы, противопоставление стиливого оформления призыва и ответа
Сомнение в собственных убеждениях (У. Шекспир)	противоречивая	Через подчиненные смыслы: модальные значения необходимости/возможности, активизированные в средствах текстопостроения; оценочная антитеза как средство связи смысломодализации и подчиненного смысла
Уверенность в собственной правоте (А. Галич)	пресуппозитивная	Переосмысление используемой содержательной формы

Неизбежность греха (А. Галич)	пресуппозитивная	Взаимодействие модальных значений волеизъявления, комплекс средств выражения диалогичности, оценка
Необходимость изменения ценностей (А. Галич)	пресуппозитивная	Антитезы, сюжетный оксюморон
Желание покориться чужой воле (В. Брюсов)	коррелятивная	Ритмико-интонационное оформление фраз, расстановка слов в стиховом ряду
Жажда забвения (В. Брюсов)	коррелятивная	Наращивание смысло-модализации предыдущего кластера, метафора
Желательность-невозможность (И. Шоу)	коррелятивная	Предикативизация оценки, изменение значения формы наклонения
Долг постоять за свою честь (А. Куприн)	противоположная	Мена знаков оценки, связь с противоположным смысло-модализацией
Ценность человеческой жизни (А. Куприн)	противоположная	Мена знаков оценки, связь с противоположным смысло-модализацией
Преобладание воли над долгом (А. Куприн)	пресуппозитивная	Взаимодействие временных (настоящее и будущее) и модальных значений (волеизъявление)
Противоборство воли и долга (А. Куприн)	пресуппозитивная	Взаимодействие временных (объединение настоящего и будущего в прошедшем) и модальных значений (долженствование, волеизъявление)
Необходимость сожаления о бесцельной человеческой смерти (Л. Толстой)	пресуппозитивная	Через подчиненные смыслы, опредмеченные в антитезах; оценочные средства
Отношение к врагу как к нечеловеку (Л. Толстой)	пресуппозитивная	противопоставление оценок, связанных выражением модальных значений необходимости/возможности; метафора
Ненормальность гениальности (А. Чехов)	пресуппозитивно-коррелятивная	Ряды противопоставлений, прием нарастания, выражение оценки через средства эмоциональной экспрессии
Желание счастья (А. Пушкин)	пресуппозитивно-коррелятивная	Взаимодействие аспектуально-временных значений
Неотвратимость расплаты (А. Пушкин)	пресуппозитивно-коррелятивная	Взаимодействие модальных и временных значений
Необходимость стабильности (О. Хаксли)	пресуппозитивная	Связь и взаимодействие действительных координатных центров 1, 2, 4; лексические повторы, хиазм; мена знака оценки в связи с противопоставленностью действительных центров
Абсурдность стабильности (О.	пресуппозитивная	Установление связи действитель-

Хаксли)		ских координатных центров 1 и 3, выражение оценки через средства эмоциональной экспрессии
Искажение ценностей (В. Вересаев)	пресуппозитивная	Через подчиненные смыслы взаимодействие сюжетных линий, ирония-самоирония
Искаженность понятий (В. Вересаев)	пресуппозитивная	Через подчиненные смыслы: повтор, связь оксюморонной организации блоков содержания в обеих частях текста
Победа жизни (В. Вересаев)	пресуппозитивная	Через подчиненные смыслы: взаимодействие тональности в начале и конце текста, авторские комментарии как средство постепенного изменения отношения
Значение жизни (В. Вересаев)	пресуппозитивная	Через подчиненные смыслы: усложнение используемых для опредмечивания подчиненных смыслов средств текстопостроения - от лексической антитезы, через композицию к их объединению в рамках развернутой метафоры
Стремление к успеху (В. Вересаев)	пресуппозитивная	Через подчиненные смыслы: взаимодействие и повтор средств, опредмечивающих подчиненные смыслы и средств опредмечивания ядерного смысла-модализации (вопросно-ответная модель+неопределенность, неопределенность+кульминация сюжета, взаимодействие временных значений в сюжетной кульминации+смена знака оценки, вопросно-ответная модель+смена знака оценки)
Следование норме (Л. Толстой)	противоположная	Повтор тематического мотива; повтор способа именованя
Самообман: неверие в собственную смерть (Л. Толстой)	противоположная	Через связывание с другим смыслом-модализацией посредством общего подчиненного смысла, а также наращивания, растягивания, конфигурирования смыслов-модализаций и подчиненных им смыслов; сохраняется общий способ опредмечивания в повторах
необходимость жалости к человеку (В. Тендряков)	противоречивая	Иницилируемое метафорой взаимодействие средств текстопостроения

		строения
необходимость покориться воле времени (В. Тендряков)	противоречивая	Иницируемое метафорой взаимодействие средств текстопостроения
необходимость жестокости к врагам (В. Тендряков)	противоречивая	Иницируемое метафорой взаимодействие средств текстопостроения

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Влияние модальности на смысл речевого построения.

Рис. 1. Модальность в лингвистической прагматике

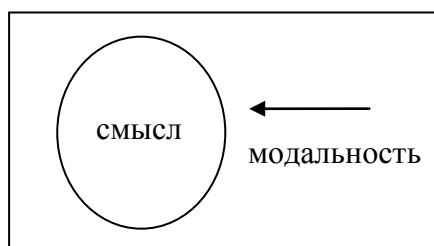

Рис. 2. Модальность в когнитивной лингвистике

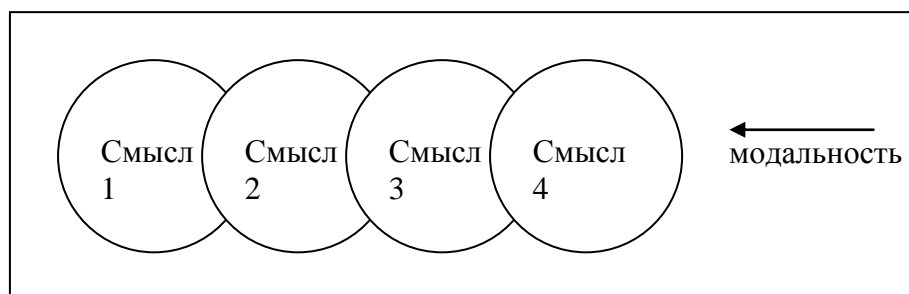
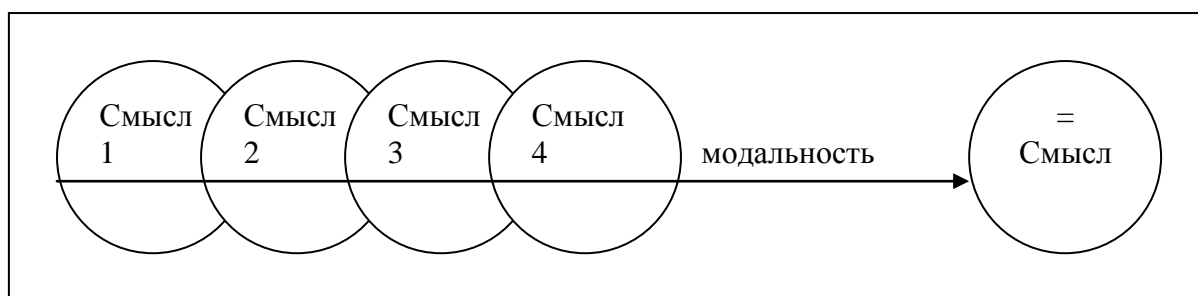

Рис. 3. Модальность в филологической герменевтике

Пояснение. В прагматике модальность рассматривается как то, что модифицирует, изменяет смысл пропозиции в соответствии с коммуникативным замыслом говорящего. При этом модальность остается вне интенционала, т.е. смысла, как внешняя рамка. В когнитивной науке модальность выполняет функцию запускающего механизма, обеспечивающего разность субъективных интерпретаций смысла – каждый понимает смысл текста по-

своему. В предлагаемой герменевтической концепции исследуются те свойства модальности, которые позволяют тексту оставаться в своих ядерных смыслах неизменным. При этом утверждается возможность того, что смысловые интерпретации будут в своей основе сходными. Модальность же выступает как механизм, обеспечивающий единство всех пониманий текста.